

Я — богиня на измене

Юраш Кристина

Пролог

— Гвиневера! Любовь всей моей жизни! — раздался мужской голос под сводами старого монастыря, поросшего плющом и спрятавшегося в тени вечно цветущих яблонь. Вечерняя молитва уже прошла, и монахини расходились по кельям.

— А Гвиневеру можно? — снова слышался взволнованный мужской голос, а под деревьями заржал конь. Лепестки яблонь падали бело-розовым снегом, усыпая зеленую траву.

— Коли не соленое и не жирное, то можно! — послышался голос старой сестры. — Помни, что богиня судьбы завещала делиться... И благословенна богиня судьбы в деяниях своих, ибо пути ее неисповедимы! Мы здесь отдали жизни богине судьбы, дабы она распорядилась ими. Наши жизни нам больше не принадлежат... Воздай молитву, чтобы услышала наша богиня и послала на путь истинный, указала на судьбу твою, привела тебя к ней.

Ланцелот презрительно глянул на старуху.

— Моя судьба быть королем Британии! — надменно произнес он, пока старушка мелкими шажочками шла к резной двери.

— А моя судьба — вечно звонить в колокол, когда кто-то лжет, — вздохнула она, открывая старинным ключом маленькую дверь, ведущую на колокольню. — И никому не говорить об этом, кроме тебя... На все воля богини!

— Гвиневера! — снова заорал мужчина, а потом прокашлялся. Яблочные лепестки сыпались на светлые локоны рыцаря и блестящую кольчугу. Снежным вихрем проносился душистый сонм лепестков, заматавая внутренний дворик. В воздухе пахло сладкими яблоками и цветочным медом, а ветер приносил прохладу с озера.

И вот лепестки поднялись от легких шагов. Красавица бежала навстречу рыцарю в черном платье вечной служительницы богини судьбы.

— Ланцелот! — кричала красавица, а ее золотые локоны струились в воздухе волнистыми реками. Они стекали по ее плечам, разметавшись от быстрого бега. Красавица не верила своим глазам. — Любимый! Какое счастье! Ты где был столько времени?

Извините, но я один, старый добрый Мерлин, помню что-то вроде «съезжу в Камелот. Подожди возле монастыря. Далеко не уходи. Я быстро, туда и обратно!» перед тем, как наш герой пропал без вести на долгие восемь лет?

— Все это время сражался! — тяжело вздохнул рыцарь. Он раскрыл объятия и принял в них влюбленную красавицу, которая покрывала лицо героя бесконечными поцелуями.

— Странно, но от тебя пахнет элем, — подозрительно заметила красавица, а глаза ее сузились. — Ты пьян? Ланцелот, отвечай!

— От меня что, мечом пахнуть должно? — удивился Ланцелот, но тут же томно прикрыл глаза. — Конем и мечом? Гвиневера! Милая! Любимая!

Колокол ударил свое гулкое «Бом!», а стены монастыря загудели. Звон растворялся в вечном тумане, а озерная гладь пошла рябью.

— Единственная... — шептал Ланцелот, покаянно склонив голову перед ней.

«Бом!» — послышалось с колокольни.

Он с грохотом упал на одно колено, протягивая ей руку в тяжелой латной перчатке.

— Гвиневера, моя королева, любимая, собирайся... Мы едем в Камелот! Артур, вчера погиб! Теперь трон Камелота опустел. Только истинная королева способна занять его... Я пришел, чтобы возвести тебя на престол, чтобы корона снова украсила твое чело! — пылко произнес Ланцелот, но тонкая рука королевы на мгновение застыла, а потом выскользнула из его перчатки.

Она стояла и смотрела куда-то вдаль, сквозь туман Авалона, который окутывал земли богини судьбы — остров вечно цветущих яблонь. А лепестки все падали и падали....

— Ты будешь королевой Камелота! — пылко и страстно закричал Ланцелот. Он махал рукой перед ее глазами, но красавица застыла изваянием, пытаясь что-то рассмотреть в дымке тумана.

— Как он погиб? — едва слышно прошептала Гвиневера дрогнувшим голосом. Лепесток застыл на ее губах, а она все смотрела куда-то вдаль и водила рукой по стволу яблони. — Как погиб мой муж? Он не мог умереть. Артур не мог умереть!

— А! Он теперь муж? Тот, кто тебя на костре сжигал два раза? Теперь это муж? Отлично! Просто замечательно! Супруги бранятся, только искры летят. «Спасибо, Ланцелот! Да не за что, дорогая Гвиневера», — закатил глаза рыцарь, горько усмехаясь и размахивая руками. — У тебя же был дорогой супруг! Все хорошо! Я просто мимо проезжал. Меня случайно с коня воздушным поцелуем снесло к твоим ногам!

Верный рыцарь круглого стола с квадратными глазами смотрел, как Гвиневера отворачивается и прячется за цветущими ветками.

— Артур мертв! — шептала она, закрыв глаза и улыбаясь сквозь слезы. — Наконец-то я свободна! Наконец-то чудовище пало! Сколько боли и слез я испытала по его вине... О, это жестокое чудовище убивало и упивалось кровью! Оно вечно искало битвы, месяцами не появлялось в замке, зато слава про его «подвиги» разносилась по всей Англии.

Стены монастыря безмолвствовали, не было слышно ни молитв, ни песнопений. Даже колокол, прикусил чугунный язык. Гвиневера стояла и смотрела на узкие окна сумрачных келий.

— Да, мертв! — произнес Ланцелот. — Или ты сожалеешь?

— Ну не тебя же насильно выдали замуж? — прошептала Гвиневера, глядя на черные многовековые стены цитадели судьбы, — Я помню, как это чудовище прислало моему отцу Лодегрансу, королю Камелиарда, письмо о том, что желает заключить с ним союз. И как вместо Артура приехал... ты. Ты, любимый! О, как я была счастлива! Я думала, что ты и есть тот самый король Артур! Помнишь, как ты сказал мне: «Для меня ты навсегда останешься моей королевой!». И поцеловал мою руку. Всю дорогу ты мне рассказывал про Артура, про его зверства и бесчинства... Про его сына Мордреда, чья мать оказалась родной сестрой Артура. Артур изнасиловал ее и убил...

— Да! Помню! А еще я помню, что нам нужно ехать в Камелот! — нетерпеливо осмотрелся Ланцелот, пока звон колокола тревожил туманы Авалона. — И побыстрее! Там Мордред ввел войско и собирается занять престол!

— Мое сердце было преисполнено ужасом, когда я впервые вошла в тронный зал, — прошептала Гвиневера, а по ее щеке скатилась слеза. — Помню, как вздрагивала, когда слышала его голос и тяжелые шаги. Все в замке говорили о том, что однажды, будучи ребенком, Артур вынул из камня меч, и за это его провозгласили королем. Этот день назвали самым светлым днем в истории Англии. А сегодня кто-то вынул меч из моего каменного сердца... Он мертв... — на губах Гвиневеры расцвела улыбка. — Я могу жить без страха, могу не вспоминать жар костра. Я больше никогда не увижу во сне, как огонь перекинулся на мое платье, как я дергала связанными руками, умоляя это чудовище пощадить меня... Я помню, как на казнь надела самое красивое платье, как валялась у него в ногах, когда меня тащили на костер. На что я тогда надеялась? Сквозь искры пламени я видела его голубые глаза, в которых навсегда остался отблеск костра... Вы бы видели его глаза, когда конь моего любимого и верного Ланцелота проскочил сквозь пламя, а я очутилась в седле...

— Что ты бормочешь? — спросил Ланцелот и стал с раздражением стряхивать с себя лепестки.

— Я не хочу возвращаться в Камелот. Я не хочу быть больше королевой! Чудовище мертво! Мы можем быть счастливы! — Гвиневера смеялась сквозь слезы. — Ланцелот... Мы уедем с тобой далеко-далеко, поселимся в маленьком домике среди яблонь... У нас будут дети...

Повисла тишина, прерываемая лишь шуршанием ветра, заблудившегося среди душистых ветвей. Стихло все, даже колокол, который начал звонить по чьей-то судьбе в те моменты, когда она вершиться. Я, старый волшебник Мерлин, никак не могу понять, по чьей судьбе он звонит сейчас.

— Почему ты так на меня смотришь, любимый? — прошептала Гвиневера. Слезы на ее глазах мгновенно высохли. — Что случилось, милый? Ланцелот! Мне не нравится твой взгляд...

Глава первая.

Подвох — это судьба

Я подняла глаза, но, как показала жизнь лучше бы я этого не делала! Огромная очередь с посылками, уведомлениями и письмами тянулась унылым клином аж до самой двери.

— Пишите здесь фамилию. — Я просунула бланк какому-то облезлому мужичку с тараканьими усами и потрепанной барсеткой.

— А побыстрее можно?, — психовала бабка, обещавшая помереть в очереди еще до шести. Она обещала помереть уже восемь лет, так что я спокойно сидела и пальцем тыкала в бумажку: — Паспорт, серия, номер!

— Вот! — Мне вернули бланк обратно, а я крикнула Люде, которая возилась на складе: — Посылка Навозова, Виктора Геннадьевича! Люда!

— Это тот, который штуку для увеличения хрена на полметра заказал? Несу-несу! — послышался уставший голос пухлой Люды, а на весы лег запечатанный пакет. — Вот, держите. Проверяйте здесь. А то потом опять будете жалобы строчить, что злые почтальонки себе анальные пробки растащили! И что там вы еще писали? А, съедобные трусы! Во-во! Прямо на хлебушек положила и съела в обед!

В окошечко не улыбается миловидная барышня, положив на стойку телефон.

— Я из Госкомстраха! Мне нужно отправить сто двадцать шесть писем с уведомлением! — Мне вывалили целый пакет.

— Ох, не доживу!, — схватилась за сердце бабка, которая стояла следующей, сжимая в руках старенькие очки с обклеенными лейкопластырем дужками. — Мне мыло хозяйственное купить надобно!

— Ой, а дайте мне двадцать конвертов! С пупырьками! — занервничали в очереди, пока я терпеливо ждала, как расчехляется программа. Все, не могу!

— Люда, — позвала я, слыша, как на складе что-то грохочет. — Замени меня.

Я бросилась в туалет, понимая, что держаться нет больше сил. Вдоль стекла за мной ревниво помчалась часть очереди, требуя конверты, календарь с собачкой и два лотерейных билета «Лохото», в котором на моей памяти не выиграл еще никто. Я закрыла старенькую дверь, посмотрела на себя в зеркало и увидела фирменный взгляд — «В очередь, сволочи!».

Я умылась, тяжело выдохнула и подняла глаза. На меня тяжелым взглядом смотрела мокрая темноволосая женщина. С ее длинных волос стекала вода, а руки тянулись ко мне.

— В очередь! — заорала я, понимая, что меня и здесь нашли.

— Ты-то мне и нужна! Короче, иди сюда — женщина схватила меня мокрыми руками. — Я буду вместо тебя! Кем угодно, как угодно! Не переживай, я быстро во всем разберусь!

За дверью слышались такие крики, что, мне казалось, ее выломают.

— Я что, должна все бросить? У вас языка нет, чтобы марку приклеить? Как орать на весь зал, так есть, а как марку лизать, так сразу нету! — ревела одинокой медведицей Люда, давая самых шустрых и живучих непрерываемым авторитетом почтового работника со стажем. — Молодой человек, встаньте в очередь! К жене без очереди, а ко мне в порядке очереди!

Люда — это женщина-легенда. За время работы на почте она побила рекорд известного путешественника Тура Хейердала, научилась ногтем и пальцем открывать двери подъезда, грозным рыком успокаивать даже голодного бультерьера в последней стадии бешенства и взглядом вызывать импотенцию у любого маньяка.

— Не переживай, я разберусь! — шептала утопленница, затаскивая меня в зеркало.

Я упиралась, но она была сильнее. Раковина упала на пол, а меня выбросило в какой-то туман. В прямоугольнике открывался вид на ту самую даму, которая куталась в полотенце, а меня засасывало в какой-то мутный полумрак, с которым я отчаянно боролась.

Очнулась на полу в роскошной ванной комнате. Огромная купальня была наполнена водой, на полу растеклась лужа, а на золотом держателе не хватало полотенца. Я ничего не помнила... Память словно кто-то стер. Я пыталась вспомнить, что было десять минут назад, но вместо этого был какой-то туманный провал.

Я еще раз осмотрелась по сторонам, попробовала рукой теплую воду, которая соблазнительно плескалась, скинула одежду и шагнула в объятия мягкой и дивно пахнущей пены. Мое тело размякло, сползая в гущу пены. Если Афродита родилась из пены морской, то я ползу туда умирать! Странно, я помню, кто такая Афродита, но решительно ничего не помню о себе...

И тут из воды появилась какая-то металлическая штука аккурат у меня между ног. Я присмотрелась и увидела, как по острию стекают капли. Это меч! Из воды появилась женская рука. Я молча смотрела на то, как хрупкая бледная рука сжимает огромный мокрый меч. Внезапно рука замахнулась, а я едва успела дернуться к другому бортику. Меч рассек пену и уже собирался повторить этот подвиг со мной! Меч рубил направо и налево, вокруг летели ошметки пены, а я пыталась отобрать его у скользкой и мокрой руки. Я пыталась разжать холодные пальцы, понимая, что салат из «горепродуктов», который, вероятнее всего, назовут моим именем, прочно вошел в планы этой подлой и сильной конечности! Скользящий меч с драгоценным камнем вылетел из руки и со звоном упал на пол. Рука, напоминающая перископ вражеской субмарины, застыла над водой.

Только я попыталась вылезти, как рука схватила меня за горло и начала топить. Сопrotивлялась я отчаянно, разбрызгивая воду, а потом, поймав удобный момент, перевалилась через бортик, шлепнулась на холодный пол и отдышалась. Мои руки все еще ощущали шею, а в ванной плавало ручное подобие Лохнесского чудовища.

— Попалась! — послышался мужской голос, а меня схватили и пристроились сзади. Вражеский «перископ» выставил большой палец вверх, а потом опустил его в сторону воды.

— Не вздумай! — заорала я, вспоминая, чем заканчивался этот жест для гладиаторов.

Я сопротивлялась, ноги разъезжались, одежда промокла, а кто-то держал меня под руки, приподнимая над землей. Взгляд упал на зеркало, в котором отражалась моя бледная и перепуганная физиономия со светлыми, налипшими на лицо волосами и седой мужик предпенсионного возраста в серой хламиде с какими-то ожерельями на шее.

— Тьфу! — сплюнул мужик и отпустил меня, пока я опасливо кралась к мечу. — Вивьен, это не она! Ты что, слепая? Это не богиня судьбы! Куда твои глаза смотрели?

Рука в пене пошевелила пальчиками, словно маленький человечек куда-то побежал, а потом однозначно указала в сторону приоткрытой двери.

— Да понял я, что она сбежала! — раздосадованно произнес мужик. На его одежде висели какие-то камушки с дырками, разноцветные перья, маленькие косточки, похожие

на куриные, и прочее содержимое помойки. — Вставай! Теперь ты — богиня судьбы! Вивьен пойдет с нами.

— А вы, простите, кто? — спросила я. Мужик тем временем стукнул посохом, и в моих руках появился тазик с водой, из которого высунулась рука. Холодная рука ощупала мое лицо, а потом погрозила кулаком.

— Эскалибур заberi, нечего ему тут валяться, — тяжело вздохнул чародей, смывая меч в туалет. — Нет больше героя, чья рука была бы его достойна. Мерлин, Мерлин, как же ты допустил такое? И ведь помню как сейчас, когда малец лет двенадцати вытащил меч из каменной чаши на глазах у всего народа! И ведь сколько веков его тянули-тянули! Помню, семьями целыми тянули: сначала рыцарь, потом его прекрасная дама сзади пристроилась, потом слуги. Дело даже до собак и кошек доходило. Однажды в конце очереди я своими глазами мышь видел!

Я с тазиком в руках шла за таинственным гостем, который нагло открыл дверь.

— И ведь помню, какой ажиотаж вокруг меча поначалу был! Каждое утро очередь занимали: «Кто к мечу последний?», «А вы что, не местные? У нас тут очередь на полгода вперед расписана!» И ходят такие гордые. Одна рука большая, накачанная, а вторая немощной соплей телепается. С детства парней тренировали. «Будешь каши мало кушать, меч из камня не вытащишь!» Всего-то лет десять прошло, и о мече забыли. Турниры пошли.

— По шашкам? — робко спросила я, понимая, что нужно поддержать человека, который говорит сам с собой. Может, его это как-то утешит?

— По синхронному идиотизму! — мужик посмотрел на меня. — Вы что? Никогда не были на турнире? Я вас умоляю! Тыщ! Брямс! Лекаря! А что лекарь скажет? Были бы мозги, было бы сотрясение, а так герой готов ко второму раунду! Мерлин, Мерлин, стареешь!

Мы вошли в комнату. На стене висело огромное зеркало, к которому вели мокрые следы, на полу валялись какие-то платья, украшения, огромные толстые книги и простыня. Я поставила тазик с рукой на столик, схватила простыню, завернулась в нее, чувствуя, как капает на пол вода.

— Да, старина Мерлин, говорил ты ему! Сколько раз говорил? — сокрушался мужик и гневно сопел. — Не женись! Только не на ней! И ведь прав же был! Просил же эту дуру — присмотри за мальчиком! Мерлин — старый дуралей! Олух! Вы согласны?

На меня посмотрели, а я не нашла ничего лучше, как кивнуть.

— Да! Дурак старый, козел вонючий, гад ползучий, — перечисляла я, чтобы поддержать беседу. — Да ему голову оторвать нужно! Разорвать конями на площади, на кол посадить, обменять на старую шубу на ярмарке, а все, что останется, пустить на навоз!

В комнате повисла тишина, а я разошлась не на шутку и возмущенно выкрикнула:

— Да пусть ему кресло защежит старые чресла!

Мужик нервно сглотнул.

— Вообще-то, Мерлин — это я! — произнес он странным голосом и, кажется, смертельно на меня Обиделся. — Так, а что это? Она что, записку оставила?

На столике лежала записка, которую написали явно впопыхах, оставляя размытые буквы и внушительные кляксы.

— Погодите! «Я не справилась, поэтому прощайте», — читал, как выяснилось, Мерлин. — «Я помогала новой богине любви и ее возлюбленному, а когда вернулась, узнала, что уже поздно... Артур мертв... Зеркало покажет вам путь к его могиле. Все можно изменить, но я не в силах! Богиня судьбы, владычица Авалона. Пы. Сы. Скажите жрицам, что семеновку можно не поливать. Пусть лучше антоновку лишний раз польют».

— Значит так! — скомандовал Мерлин и посмотрел на огромное зеркало.

Зеркало пошло рябью, словно озеро, а потом появилась яркая и четкая картинка. Какой-то облепленный тиной мужик стоял по пояс в воде и шарил руками. Рядом сидела лягушка и пронзительно квакала. Он хлюпал по отмели тиной, а потом шарил руками в иле.

— Ничего, сейчас найдем Эскалибур! — всхлипывал он. — Он точно где-то здесь! Или там! Там мы еще не смотрели!

— Чав-чав-чав, — послышалось из трясины, а чудовище в водорослях согнало с блестящего щита несколько лягушек.

— Вивьен, дорогая, — обратился Мерлин к тазику. Рука в тазике исчезла, а через мгновение появилась на озере.

— Владычица Озера! Я пришел за легендарным Эскалибуром! — заорал комок грязи и ила и с брызгами упал на колени.

Рука всплыла и скрутила кукиш, а потом медленно пошла на погружение.

— Обожаю эту женщину, — крикнул Мерлин, а рука снова вернулась в тазик. — Целую каждый твой пальчик!

Зеркало засветилось, стояло чародею положить на него руку. Сияние резало глаза, и я отвернулась.

— Посмотрим. Все можно изменить, — прищурился Мерлин, а внутри зеркала разрослись какие-то золотистые веточки, на которых появлялись яблочки. Волшебное дерево ползло вверх, радуя огромным урожаем.

— Так! Нашел! Ну-ну! — загадочно произнес Мерлин, потирая подбородок. — Вот Артур! А вот... Ну, тут яблоко от яблони недалеко падает! Вот оно — наше, червивое! Кто ж знал, что Гвиневера погубит его.

Позади раздался всплеск. Рука из тазика показала «козу».

— Согласен, коза драная! — вздохнул Мерлин и простонал: — Изменила с Ланцелотом! Где там наш Ланцелот Озерный?

Рука помахала нам из тазика, а я смотрела на хитросплетение золотистых ветвей, на сотни тысяч яблок, которые висели, обрывались и падали куда-то вниз. На каких-то ветках расцветали золотые цветы, какие-то из них увядали, а какие-то облетали, становясь маленькими яблочками. Это было так красиво и завораживающе! Но я ничего не понимала.

— Хм... А если не Гвиневера? Кто тут у нас поблизости есть? Леди Изольда? Изольду нельзя, тогда лампочку не изобретут. Темные века еще на пять тысяч лет протянутся, — сопел Мерлин, то сдвигая, то раздвигая картинку. — Леди Лорис? Так, что у нас... Нет, Нет, и еще раз нет! Потерю солнечных очков цивилизация не переживет. Да, дорогая Вивьен? Для нас это будет страшной потерей! Нельзя ее трогать! Леди Маргот? Может ее? Сейчас глянем... Та-а-ак! Караул! Коллекция модных противогазов «Ядерная весна»! Такое мы не переживем! Как насчет Леди Брианны? Как вы думаете, люди смогут прожить без Интернета в далеком-далеком будущем? Просто его так и не изобретут...

Мерлин что-то бубнил себе под нос, а я стояла рядом и нервно переминалась.

— Одно дело — повернуть время вспять, а другое — суметь им воспользоваться правильно, — произнес Мерлин, снова перебирая варианты, — и при этом не изменить ход истории. Нужна девушка, которая смогла бы заменить Гвиневеру... И я пока не вижу такой. Ту Гвиневеру мы выдадим замуж за кого-нибудь попроще. О, отличный вариант! И будет у них трое детей, будут они жить долго и счастливо. Вивьен, что ты хочешь сказать?

Рука уже несколько минут плескалась в воде, а мы с Мерлином обернулись. Рука показала пальцем в мою сторону, а потом выставила средний палец вверх. Это меня куда тут посылают? Нет, я предположительно поняла, на что именно, но...

— Погоди! — Мерлин, посмотрел на меня со всех сторон. — А почему бы и нет? У Лодегранса, короля Камелиарда, была единственная дочь. Артуру нужен был союз с Камелиардом, так что... Богиня Судьбы выбрала тебя не просто так. Видимо, твоя жизнь в будущем не имела существенного влияния на историю... Так, мелкая пылинка, которую сдует со скрижалей вечности первым порывом ветра... Мы пошлем ее на...

А вот теперь я, кажется, догадалась, на чей!!

— На несколько лет назад, когда Артур решил жениться! — потер руки Мерлин.

— Нет! — возмутилась я, глядя на них как на умалишенных. Рука из тазика показала несколько движений, и я рефлекторно схватилась рукой за шею. — Я не собираюсь быть ничьей женой! Вы с ума сошли?! Вы же сами сказали, что я — богиня судьбы!

Зеркальная гладь пошла кругами, как лужа после дождя, а перед нами появились странные руины. Седой туман окутывал их, а вокруг них цвели яблони, осыпая лепестками каменный стол. Я прикоснулась рукой к зеркалу и почувствовала, как мои пальцы погружаются в него как в воду.

Мерлин втащил меня внутрь зеркала, а туман окутал мои босые ноги. Запах цветов и меда непроизвольно заставил вдохнуть полной грудью, а луч света, пронзающий туман, упал на каменный саркофаг с торчащим из него мечом. Я подошла ближе и провела рукой по золотой вязи букв, ощущая заворачивающий холод камня. В луче света, который падал вниз и заставлял буквы ослепительно сверкать, спрятались маленькие звездочки, искрящие и гаснущие.

Стальная рукоять меча блестела на свету, искрилась драгоценностями, а тонкая полоска света скользила по лезвию, уходящему в камень. Это был маленький остров, окруженный спокойной водной гладью озера.

«Здесь покоится величайший из мужей, легендарный король Артур. Преданный и преданный», — прочитала я на саркофаге и тяжело вздохнула.

Лепестки падали белым снегом, застилая буквы и целые слова, а с неба слышались печальные песнопения, от которых щемило сердце и душу. Почти вся каменная крышка была исписана, но большинство слов замело яблочным снегом.

— Нет, это все очень печальненько... — согласилась я, прогоняя из души уныние и мрак и отошла подальше.

— Ты его просто никогда не знала, — прошептал чародей, глядя на сверкающий меч.

Над мертвой водой без единого всплеска висел непроглядный туман. Мерлин гладил мрамор с какой-то грустной улыбкой, стирая лепестки.

— Я вам даже соболезнаю. От всего сердца, уважаемый Мерлин, но... Не хочу исправлять чужие ошибки. Простите, но я не собираюсь выходить замуж за того, кого ни разу не видела, и не хочу изображать Гвиневеру!

Мерлин поднял на меня глаза, а потом прищурился.

— Так мы тебя назовем Гиневрой. Или Женеброй! Если угодно, то Гвиневрой! — заметил он, подходя к озеру. — Послушай, как звучит: Гвиневра, дочь Лодегранса, будущая королева Камелиарда и Камелота!

— Нет, спасибо, — заметила я, стараясь улыбаться как можно вежливей. — В темные века считалось, что если девушка плохо убегает, значит, она согласна. Я еще помню, как замуж выдавали: либо выходишь добровольно, либо тебя выносят!

— Вопрос с отцом мы решим, — произнес Мерлин, а из воды появилась рука с невзрачным мечом. Она бросила меч Мерлину, а я поймала лишь брызги. — Это будет величайшая история любви! Но если ты не согласна, то... Прости!

И тут он замахнулся, а я бросилась к саркофагу. Меч звякнул о камень, а я уже была уверена, что о доброте Мерлина история приврала! Ноги несли меня к озеру, но там уже ждал «перископ», который разминался перед тем, как схватить меня. Плохи дела.

— Так нечестно! Я безоружная! Мерлин, а вы лечиться не пробовали? — задыхалась я и пыталась отпрянуть назад, уклоняясь от удара.

Меч Мерлина просвистел рядом, а я снова бросилась к саркофагу. Луч света упал на рукоять красивого меча, а я осмотрелась по сторонам и дернула его. Красивое оружие с легкостью подалось вверх. Свет стал ослепительным и ярким. Тысячи голосов что-то шептали мне, пока лезвие покидало каменную чашу.

— Молодец! А я думал, что не догадается! — усмехнулся Мерлин и опустил меч.

Поднялся страшный ветер, срывающий лепестки с деревьев и сметающий белый покров с каменной плиты. Яркий луч света пронзил меч и мою руку, а я успела прочитать еще одну фразу, выгравированную на саркофаге:

«Я повернула время вспять для той, кто меч смогла достать! И дева та, что вынет меч, клянется короля сберечь!»

Глава вторая.

Гвиневра — редкостная стерва

Очнулась я за огромным столом, а у меня с головы чуть не слетела корона. Напротив стоял золотой кубок, на серебряном подносе дохрюкался жареный поросенок, а чуть дальше собирался в последний путь гусь, обложенный кашей. Я сидела за отдельным столом, а вдоль стен стояли еще два, за которым восседали огромные, страшные, заросшие мужики в дорогих, но грязных костюмах.

Прямо передо мной шла битва двух консервных банок, которые нещадно мутузили щиты друг друга мечами. Лязг стоял такой, что закладывало уши.

— Давай, сэр Мортон! Он уже выдохся! — кричали справа. — Поднажми! Сверху руби! Он едва на ногах стоит!

— Давай, сэр Ланфорд! Не сдавайся! — вопили слева, свистя и улюлюкая. — За честь прекрасной Гвиневы! Слева бей его! Слева!

Я смотрела на поединк.

— За что сражаются? — негромко спросила я, а неприятный мужик рядом вздохнул. Он смотрел на меня как на альтернативно одаренную.

— За честь вашу! — гадко заметил он. — Кто победит, тому ваша честь и достанется! И корона Камелиарда заодно!

Оба рыцаря выдохлись, разошлись по двум лагерям, где их похлопывали по доспехам. Один снял шлем и отдал вертлявому парнишке, который терся рядом. Я увидела его лицо. Тут же захотелось оставаться девственницей до конца дней!

Второй бросил щит и меч на руки какому-то слуге в цветном костюме, а сам грузно упал на скамью. Шлем полетел на пол, и я задалась вопросом, где здесь парикмахерская «Монастырь», в которой я срочно могу постричься.

— Леди Гвиневра! К вам прибыл король Артур! — пронзительно заорал мужик. — Готовы ли вы принять его?

Ага, со всеми достоинствами и недостатками! Пусть заходит! Мне уже самой интересно! Сначала в зал медленно вполз такой запах, что я невольно поискала глазами бомжа. Видимо, красота рыцаря измеряется количеством кругов мухи над его головой. Сердце поползло куда-то вверх, а я отчетливо видела, как в мою сторону движется набор сияющих сверху и заляпанных грязью снизу доспехов. Запах усиливался. Я поняла, что

скажу «да» исключительно для того, чтобы добраться до этого Мерлина и задушить его.

Я невольно посмотрела, как муха делает один круг на рыцарем и в бреющем полете отправляется куда-то в сторону, постепенно идя на вынужденную посадку.

Шлем слетел, обнажая копну золотых волос, от которых у меня перехватило дух. Рыцарь поднял на меня красивые васильковые глаза. Ничего себе! Тебя отмыть, почистить, привести в порядок...

— Я скакал три дня и три ночи, чтобы увидеть красоту, о которой слагают легенды! — произнес изумительно красивый молодой воин. — И теперь я понимаю, что она затмит все вокруг! Я — правая рука короля Артура. Меня зовут Ланцелот Озерный. И я прибыл жениться на вас по договоренности от имени моего короля. Объявляйте о свадьбе. Мы переночуем, а утром я отвезу вас со всеми почестями в Камелот.

— Так, — не выдержала я и встала.

В зале воцарилась тишина.

— Она умеет разговаривать!, — шепнул один из рыцарей.

— Да, некоторые бабы умеют! Сам слышал! — Ответил ему знаток средневековой женской психологии.

— Что значит жениться по договоренности? Я, конечно, понимаю, что вы — правая рука короля, и все такое! Где приказ, подписанный королем? Где извещение с уведомлением? Где документ с печатью и подписью? Где удостоверение личности? Вы мне еще доверенность на представление королевских интересов во время первой брачной ночи предоставьте! С указанием размеров, соответствия и утвержденной последовательности действий с вашей стороны!

— Э-э-э... — протянул красавец. — Я скакал три дня и три ночи! Без усталости и продоху!

— Три дня и три ночи не снимал штанов, ибо повода не было. Послушай меня, Пинцет! Извини, Ланцет! — нежно продолжила я, краем глаза отметив, какими странными взглядами смотрели на меня местные консервы.

— Меня зовут Ланцелот Озерный! — В глазах рыцаря сверкнула гордость, а потом проблеск надежды, который показался мне подозрительным. Ланцет полез в дорожную сумку, достал какую-то бумагу и торжественно развернул.

— Именем Короля Артура, в знак будущего объединения земель, Камелиард обязан предоставить, — громко зачитывал Ланцелот, — стол дубовый, за которым все сидящие равны должны быть — одна штука, мечи кованые — сто пятьдесят штук, щиты кованые — сто штук, Леди Гвиневра, дочь короля Лодегранса — одна штука.

— И не просто штука. А редкостная штука! — с улыбкой заметила я. Интересно, если откажу Артуру, то история изменится? А если история изменится, то смогу ли я снова стать богиней? — Простите, а я какое имущество? Движимое или недвижимое? Для меня, как для имущества, вопрос принципиально важен!

Мне на секунду показалось, что мой вопрос превратился в кровожадное чудовище, загнавшее Ланцелота в тупик.

— Истинная дочь своего отца! Характер у нее отцовский! Вся в покойного короля! — гордо заорал кто-то из рыцарей. — Слава Лодегрансу! Слава!

Я чувствовала себя триумфатором. Ланцет нервно сглатывал. Еще одна муха решила сделать над ним круг почета, но, не рассчитав сил, и упала в кубок одному из рыцарей.

— Жаль будет на костре ее жечь! — сокрушался кто-то. — Леди все-таки!

А?... Простите, я, видимо, чего-то не учла? Видимо, слово «ведьма» — это один из тех комплиментов, от которых тает любое предусмотрительное средневековое женское сердце?

— Я — дочь... — начала я, разминая речевой аппарат, — Ло-де-гранса! Величайшего из королей! Где цветы? Где слова любви? Мое сердце жаждет их! Вы оскорбляете память о моем отце! Поведение Артура — это неуважение ко всему Камелиарду! К каждому присутствующему здесь достойному мужу!

Ну, и где волшебное «да»? Для пущей убедительности я подняла руку и тут же поняла, что тоже внесла посильную лепту в общий запах.

— Я передам ваши слова Артуру, но позвольте, о прекрасная Гвиневра, сделать вас своей дамой сердца! Я сражен вашей красотой! — Ланцелот упал на одно колено.

— О, Ланцет... Ланцелот Озерный! Я крайне польщена и тоже сражена вашей... — я долго пыталась подобрать вежливый синоним к слову «тупость», — непосредственностью и оптимизмом... А также неумной жаждой знаний и приключений... Но... Господа, поднимите руки, кто уже провозгласил меня дамой сердца?

Лес рук! Рыцари подняли щиты и мечи. «За честь прекрасной дамы!» — нестройным хором заорали они. Приятно, когда идиотизм прикрывается романтизмом.

— Сердца на вас не хватает! Однако могу предложить другие органы в ассортименте! Как насчет Дама Поджелудочной Железы? — предложила я, глядя на жаркое. — Дама Желчевыводящих Путей? Дама Мочеиспускательного Канала? Дама Правой Почки! Дамалевой Почки! Дама Селезенки! Дама Аппендицита! И Дама Толстой и Тонкой Кишки!

— Вы хотите сказать, что у меня кишка тонка? — догадался Ланцелот. Нет, грустно, что Дамой Мозга меня никто не провозгласил! Даже обидно как-то!

— Нет, что вы! Как вы могли такое подумать? Я просто предложила вам достойную замену сердцу, — нежно улыбнулась я, вспоминая про костер.

— Ну что ж, я отвезу ваш ответ Артуру, — кивнул Ланцелот, взмахнул грязным плащом и удалился.

— Смотри, милый, не расплещи и не потеряй по дороге, — кротко заметила я, провожая взглядом мужика, который явно хотел отдохнуть в моих скромных владениях. Ух ты! На мне было красивое белое платье, расшитое по вороту и рукавам. Ничего так! Для королевы в самый раз!

— Не хотите ли послушать балладу о славном короле Артуре? — спросил тощий мужик с лютней. Все смотрели на меня странными взглядами, пока первые мелодичные переливы не заставили умолкнуть подозрительный шепот.

— О по-о-одвигах ра-а-атных слага-а-ают легенды-ы-ы, о лучше-е-ем из все-е-ех королей!

Их слышали все: и богатый, и бедный, о том, как Артур раздавал...

Я заинтриговано подняла брови, но конец был слегка неожиданным.

— ...всей Британии мир!

Ехал однажды Артур из Логреса, погожим денечком одним.

И солнце на небе его провожало, и птицы летали над ним.

Но возле реки, что известна как Дуглас, спросили его «Кто такой.

Я как раз несла в рот ножку жареного кролика. Менестрель на секунду затих, а потом ударил по струнам и как заорал:

— А дальше кишки разукрасили берег, и кровь захлестала рекой!

Доспехи его обагрились кровью, стоял над горой мертвых тел.

Он вымыл Эскалибур в водах студеной, и выжить никто не посмел!

Я тихо кашляла, глядя на менестреля, который разошелся не на шутку и едва не порвал

струны.

— А можно другую балладу? — попросила я, глядя на кубок с подозрением. Память подсказывала аппетитное слово «яд». — Но тоже про Артура!

Просто баллада неудачная. Все нормально. Струны снова зазвенели, а голос запел:

— Величие, слава о подвигах ратных, пускай разнесется в веках!

Король наш Артур, воин доблестный, славный, с мечом заблудился в горах!

Блуждая в горах, он красой любовался, услышал он громкий вдруг крик.

Артур прямо с места вдогонку сорвался, а луч осветил горный пик.

Обидным тот крик ему показался, спокойной дневною порой...

И снова воцарилась подозрительная пауза, во время которой моя попа с аппетитом доедала мягкую подушечку. «Приятного аппетита!», — пожелала я ей, предвкушая продолжение.

— А дальше кишки разукрасили горы, и кровь захлестала рекой!

И кровью врагов обагрились скалы, и в пропасть упало десятка два тел!

Он вытер свой меч прям о горные травы, и выжить никто не посмел!

Как вы думаете, Ланцет Позорный, ой, Ланцелот Озерный далеко уехал? Если я сейчас попробую его догнать, у меня есть шансы, что не появится новая баллада про то, как «И леди Гвиневра тогда отказалась стать преданной, верной женой... А дальше кишки разукрасили замок, и кровь захлестала рекой»?

— Да хватит про этого Артура! Я готов сразиться с любым из вас, — послышался пьяный голос одного из рыцарей. — За награду из рук прекрасной Леди Гвиневры!

Меч звякнул о стол, перевернул кубки, а огромное тело в доспехах поднималось с места, чтобы неверной походкой выйти в центр зала. Менестрель умолк, заползая в угол.

— Вызываю вас, сэр Джеффри, на поединок! — икнул рыцарь, решив не ходить за неприятностями далеко и найти их поблизости.

— Так еще награды за прошлые турниры не розданы, — усмехнулся толстяк, звеня доспехами, напоминающими начищенный самовар. — А я, между прочим, победил. У нас еще посвящение в рыцари сердца. Эх, славный пир!

Пир, конечно, славный, а попа уже квадратная!

Награды... Награды... Я посмотрела на стол, прикидывая, что бы им вручить? Взгляд упал на кубок, и я торжественно встала.

— Доблестный Рыцарь! — зычно произнесла я, изображая такое польщенное лицо, на какое только была способна. — Подойдите сюда! Страна должна знать своих героев в лицо!

Родил Камелиард героев, так пусть любитесь!

— За особые заслуги перед отечеством... — Меня понесло: одной рукой я трясла его жирную руку, а другой тянулась за кубком. — ...За проявленный героизм и мужество в бою, за победу, которая, несомненно, была блистательной и героической, я вручаю вам этот почетный кубок!

— А как же обещанный поцелуй? — Мне зазывно улыбнулись зубами, которые напоминали зубцы крепости. — За поцелуй прекрасной дамы я готов на любой подвиг! За взгляд ее нежный я горы готов свернуть! За красоту ее я готов сражаться до последней капли крови!

— А нам? — заорали еще с десяток рыцарей, глядя с завистью на то, как победитель

смотрит на кубок, понимая, что поцелуй ему не обломился.

— Погодите немного! — улыбнулась я, понимая, что поощрять идиотизм — это моя основная работа как дочери короля. — Эм... Принесите что-нибудь кругленькое и блестящее. И ленточки!

Слуги положили мне на стол россыпь медяков и несколько лент.

— Проковыряйте в них дырочки, — приказала я.

Слуга сел ковырять, а рыцари поглядывали друг на друга. Менестрель тренькнул струнами и запел еще одну душещипательную балладу:

— Страну от войны, от беды и ненастья прикрыл его доблестный меч!

В стенах Камелота себе он дал клятву Эскалибур вечно беречь!

Однажды порою ночью ненастной, скакал он, не ведая страх.

И тут он услышал, как кто-то негромко шептал его имя кустах...

Я прослушала, чем, собственно, провинились те, кому не сиделось в кустах молча, но финал был немного предсказуем и вызвал у меня легкую панику и тревожные взгляды в сторону окна.

— Да что ж опять про Артура! Или в Камелиарде рыцари перевелись? Слыхали, как сэра Брайан разгромил все, когда подлый хозяин потребовал деньги за выпивку? Вот это я понимаю, подвиг в честь Леди Гвиневры! Десятерых победил! — сыто рыгнул кто-то, пока я продевала ленты в монеты. — За Леди Гвиневру! Прекраснейшую из женщин всего Камелиарда!

Спасибо, мне очень приятно...

— Это еще что! Сэр Кендрик недавно с двадцатью селянами сражался! И одержал блистательную победу! — прокашлялся еще один герой.

— Так их было всего пять! — заметил еще один рыцарь, вгрызаясь в сочный окорок.

— Но сражались они как двадцать! — авторитетно заметил рассказчик, осушая кубок. К нему уже скакал парнишка с кувшином.

— Кто там еще за наградами? — поинтересовалась я, держа в руках связку монет. Рыцари вскочили с мест. — За почетное второе место в турнире награждается вот этот доблестный герой!

— А как же поцелуй прекрасной дамы? Как же ночь любви? — с надеждой произнес длинный рыцарь с огромными усищами.

— Вот вам «недали»! Из рук прекрасной дамы! Сами распределите! — улыбнулась я, вручая им звенящую связку. — С этого момента, о, мои доблестные герои, за первое место полагается кубок из рук прекрасной дамы, а за второе и последующие места — «недали».

Рыцари погрузнели, а менестрель снова выполз из темного угла:

— Однажды надумал один из вассалов перечить ему на пиру...

Я уже боюсь этого мужика! Еще парочка таких баллад «с кишками и кровью», и я смогу окончательно убедиться в том, что Артура нельзя посылать! Ни в прямом, ни в переносном смысле! Представьте, мужик пошел в туалет и вернулся окровавленный, дорисовав на карте еще один кусочек Британии!

Через мгновение меня ослепило сияние.

— Ба! — слышалось со всех сторон. — Это же Мерлин!

Мне показалось или доблестные рыцари внезапно взяли отпуск грехов за свой счет? Я

почувствовала запах доблести, подозрительно и поразительно напомнивший мне запах общественного туалета. Воспоминания подкинули пару трогательных и горлодушительных моментов и руку, торчащую из таза, взаимоотношения Мерлина с которой меня слегка смущали уже тем фактом, что остального предположительно имеющегося тела я не наблюдала. Вопрос стоял остро, но не критично, поскольку этот Мерлин меня, вероятно, не помнил. Я прищурилась, представляя все тяготы любви с обладательницей красноречивой конечности.

— Я вас приветствую, Леди Гвиневра! — торжественно произнес Мерлин, а рядом возник Ланцелот. — Сэр Ланцелот Озерный, правая рука Его Величества, короля Артура...

В этот момент моя квадратная, внезапно похолодевшая попа решила взяться за старую подушку и закусить платьем.

— ...Был у вас с предложением о женитьбе и присоединении земель Камелиарда к землям короля Артура! Простите за то, что сэр Ланцелот не смог передать вам всей глубины любви короля! Артур пленен вашей красотой!

— А он меня вообще видел? — ненавязчиво поинтересовалась я. «Пусти меня!» — взмолилась подо мной бархатная подушка.

— Ему о вас многое рассказывали! Слухи о вашей красоте достигли самого сердца Камелота, — пафосно продолжал чародей, пока рыцари решили, что немного устали от подвигов, а лучший способ отдохнуть — спрятаться под столом. — Король Артур решил, что с его стороны было опрометчиво присылать столь юного и робкого юношу.

Ланцелот молча поднял забрало, а под глазом у него виднелся легкий фиолетовый выговор за провал столь ответственной миссии. Я на всякий случай проверила ногой место под столом, но поняла, что не помещусь. Там сидели слуги.

— В знак его безграничной любви Артур решил сделать вам подарок. Лучшие рыцари во главе с ним думали о том, как завоевать сердце прекраснейшей из женщин. Сэр Кей предложил отправить вам драгоценности. Но сэр Гавейн сказал, что вы благородная леди, и драгоценности вас не поразят. Сэр Бедивер предложил отправить вам меха. Но сэр Гавейн...

Да, хорошего человека Гавейном не назовут.

— Сэр Ланцелот предложил отправить вам цветы. Артур предложил ему заткнуться, при всем уважении к его заслугам. Сэр Гавейн поддержал сэра Ланцелота. Сэр Перидур предложил подождать, когда вы сами согласитесь, — продолжал Мерлин, пока Ланцелот рядом кивал.

Так, у нас есть еще один «перидурок». Продолжайте, не щадите меня!

— Сэр Ламорак сказал, что подарок должен быть запоминающимся и напоминающим о безграничной любви короля Артура к прекрасной Леди. Сэр Гарет сказал, что это должно быть что-то теплое и нежное.

Мерлин! Я уже боюсь.

— И мы нашли подарок, достойный короля Артура! То, что будет постоянно вам напоминать о его безграничной любви! нечто теплое и нежное, но при этом удивительное! — изрек Мерлин, пока мой глаз тихо дергался в такт его словам. Кажется, мне подарят меч, шкуру, щит... Заочное знакомство с Артуром намекало на труп врага, но я пока врагами не обзавелась, поэтому...

— Ланцелот! — произнес Мерлин, а под его ногами возник странный круг. — Покажи подарок для прекрасной Леди Гвиневры! Я понимаю, что вы изъявили желание видеть короля Артура лично, но, увы, он сейчас...

Не надо продолжать! Я, кажется, догадываюсь...

— Сейчас он занят государственными делами. И чтобы вы не скучали, пока он занимается завоеваниями, Артур решил подарить ...

Мне уже плохо... Я набрала воздуха в грудь, наблюдая за тем, как Ланцелот прячется за Мерлина, и этот момент поняла, что скучать точно не придется, поскольку послышался рев, и передо мной появился огромный коричневый медведь, стоящий на задних лапах.

— Не переживайте, он добрый и ручной, — утешил меня Мерлин, пока я смотрела на огромную медвежью морду.

— А он в курсе, что он добрый и ручной? — опасливо спросила я, глядя на медвежью пасть. — Вы его в известность поставили? Он точно знает об этом?

Мерлин явно не слышал меня, поэтому продолжал с тем же задором и пафосом:

— Вы можете его погладить!

Хорошо говорить тому, у кого есть запасная рука!

— Его зовут Арти! Прошу любить и жаловать!

Глава третья.

Превед, медвед!

Я стояла и смотрела на подарок, понимая, что «до свадьбы заживет» — это про меня. Медведь осмотрелся. Взгляд у него был тяжелый, но умный.

— Он будет спать с вами, он так приучен! — инструктировал меня Мерлин. — Он привык жить в замке. Он не опасен, можете не волноваться!

Почему не хомячок? Почему не кошечка? Я согласна даже на собачку! Это не он будет спать со мной, а я с ним... Надо узнать, какое время года, а то вдруг зима, близко, а спячка с медведем в мои планы не входит. Медведь посмотрел на меня так, словно собрался сосать меня вместо лапы.

— Примите скромный дар короля Артура и позвольте откланяться! — произнес Мерлин, а Ланцелот закивал.

Позвольте откинуться! Я этого не переживу! Неужели у каждой приличной девушки должен быть медведь? Где-то в отголосках памяти проскользнуло, что самым популярным подарком девушке является мишка, а я с грустью поняла, что кто-то не хотел быть банальным.

— Еще раз, как его зовут? — уточнила я, глядя как медведь задумчиво оценивает новую жилплощадь. Мне на мгновение показалось, что в его взгляде читается, что мы недостаточно богаты, для того, чтобы позволить себе медведя.

— Его обычно не зовут. Он сам приходит. Имя его Арти, это сокращенно от Артур! У короля Артура всех зовут Артур, — пояснил Мерлин с улыбкой. То, что мужик с фантазией я уже поняла... «Согласна ли ты?», — нависает надо мной чудовище, которое даже до туалета без приключений не доходит. «Согласна!», — всхлипываю я, понимая, что меня теперь тоже зовут Артур. Главное, что запомнить легко. Где-то тихо поскуливает собака, мяукает кошка и ржет кобыла, радостно принимая меня в дружные одноименные ряды.

— Будьте с ним добры и ласковы, — поучительно произнес Мерлин на прощание. Они с Ланцелотом исчезли. Яркий свет ударил мне в глаза, а когда я их открыла на меня смотрела в упор медвежья морда. Напрашивались сразу все ласковые слова, которые только могла вспомнить, а медвежьи глаза прищурились. Только не говорите, что он плохо видит, и однажды, случайненько не признает...

Рыцари молчали, а я тихонько, вместе с креслом отползала, отталкиваясь ногами в

сторону от подарка противоположную. Понимаю, что дареному медведю зубы не смотрят, но мишка очень хотел, чтобы я оценила. Почти полуметровый язык высунулся из зубастой пасти и чуть не слизнул мое лицо.

— Бэ!!! — обрадовался мой «хомячок», решив повторить подвиг. Рыцари вылезали из-под столов, полыхая праведным героическим гневом.

— Я спасу вас, моя леди! — закричал один из них, а медведь медленно обернулся, глядя на героя с мечом. Я затаила дыхание, в надежде, что проблема с медвежьим рационом решится быстро и как-то без моего непосредственного участия.

«Мой хомячок» встал во весь медвежий рост, заревел и оскалил пасть. Не знаю, от чего может спасти меня паническое бегство героя, но, видимо, от чего-то серьезного, раз с криком «Я вас спасу!», спаситель бросился в сторону выхода. Так трогательно смотреть, как доблестные рыцари, побросав мечи, решили дружно беречь дикую и опасную природу!

Медведь полез под мой стол, приподнял его спиной, а оттуда врассыпную бросились визжащие слуги. Я увидела огромную пушистую морду, лежащую у меня на дрожащих коленях.

— Бэ! — хрипло произнес «подарок», снова приподнимая стол. Блюда поехали вниз, гусь отправился в свой последний полет на пол, кролик подпрыгнул, а жареный петух со всеми перьями упал и клюнул меня в грудь.

— Извольте откланяться, — нервно сообщила я, отодвигаясь вместе со стулом. — Приличные Леди не должны засиживаться на пиру.

— Легендой овеян, Артур из Логреса, и слава его не померкнет в веках! Из каменной чаши меч вынул чудесный, и сжал его крепко в руках, — пел менестрель, а доблестные рыцари тут же вспомнили, что есть много мест для подвига в мою честь, поэтому поспешили на поиски более безопасных приключений. — Однажды он ехал по дивному полю, и бабочек рой там порхал. И вдруг показалось, ему, на раздолье, что кто-то в траве зачихал!

Морда медведя обернулась к певцу, а потом посмотрела на меня.

— Ты, слушай, слушай! — предупредила я медведя, считая свои долгом внести посильную лепту в спасение дикой природы. — Там дальше веселее! Этот мужик не ищет неприятности, просто, стоит ему сделать шаг, как они бегут к нему с криками: «Родной, куда же ты? А как же мы?».

— Артур посмотрел налево-направо, послышался вражеский вой! А после кишки разукрасили травы, и кровь захлестала рекой! — заканчивал балладу менестрель, а медведь вразвалочку направлялся в его сторону. Тонкая душевная организация косолапого срочно требовала продолжения.

— Кто здесь? — спросил менестрель, шаря руками впереди себя. Он нащупал огромную медвежью голову. — Сэр Доннаван? Это вы? Простите великодушно, сэр Доннаван, но я не буду петь балладу про ваши подвиги! Ее запретили указом короля...

— Ырррр!!! — зарычал медведь, а слепой менестрель даже не дрогнул. — Ой, простите! Не признал вас, ваше величество! Слыхал я, что померли вы...

Я стратегически отступала к двери, искренне надеясь, что вопрос с питанием мишки решится как-то сам собой. Лично от себя я готова отдать приказ на изготовление одноразовых деревянных лотков, с последующим опознанием и вынесением их вперед ногами.

В длинном, сумрачном и узком коридоре, я столкнулась с испуганной служанкой.

— Где мои покои? — спросила я, опасливо проверяя, нет ли у меня пушистого хвоста. Менестрель, видимо, решил умирать с музыкой, поэтому грянул еще одну балладу: «Великий, могучий, герой на века... И меч его крепко сжимала рука...».

— Там, ваше высочество, — служанка указала дрожащей рукой в сторону еще одного

коридора, посмотрев на меня так, словно завтра по замку будет гулять не только медведь, но и слухи о том, что некая леди, с именем на «Г» вчера на пиру напилась так, что забыла, где адрес проживания.

Я подобрала расшитую юбку и прибавила скорости, мельком поглядывая в сторону зала. Миновав крутую лестницу со скоростью лифта, я увидела дубовые двери, ведущие в скромную обитель принцессы. Где-то в глубине души я искренне надеялась на королевскую роскошь, но в потемках меня гостеприимно встретил массивный стул, в качестве приветствия ударив под коленку, нежно поздоровался в спину угол стола, а ножка кровати решила со мной не церемониться и тут же поздравила мой мизинец на левой ноге с удачным заселением.

Я закрыла двери, приставив к ним стул, заползла на кровать, на ходу сдирая тряпичные туфли. С моей шеи что-то сорвалось и упало на пол. В потемках я пошарила рукой, нащупав холодную металлическую цепь. На моей ладони лежал светящийся медальон, который раскрылся, заставив зажмуриться с не привычки.

«Артуру осталось жить 2 года 6 месяцев, 8 дней, 12 часов, 23 минуты». Я закрыла медальон, усмехнулась, удивляясь столь долгой продолжительности жизни тем, кто привык дарить девушкам пушистые подарки. Я накрылась одеялом, захлопнула медальон и сжала его в руке. Вот лежу я и честно пытаюсь понять, как меня угораздило подписаться на спасение человека, которого я не знаю, но который даже заочно вызывает у меня феерический оргазм эмоций? Пахнущая сыростью подушка холодила мою щеку, а уставшие глаза потихоньку закрывались, окуная меня в мир грез. В голове навязчивой мелодией играла баллада: «На свадьбе прекрасная леди Гвиневра, страдала больной головой! И ночью кишки разукрасили ложе, и кровь захлестала рекой!». Кровать прогнулась и заскрипела, как бы аккомпанируя балладе о первой брачной ночи, а я дернулась, чувствуя, что лежу на самом краю, а мне в ухо кто-то сопит. Судя по свежести дыхания, понимания мы не найдем. На плечо потекли слюни, спины коснулось что-то пушистое, а я отодвинулась на самый краешек, вспоминая, что будить медведей — не самая лучшая зимняя примета. Внезапно медведь заворочался, а я застыла, слыша утробное урчание за спиной.

— Нет, ты спи, спи, — сдавленно прошептала я, обнимая себя двумя руками и чувствуя прилив невиданной щедрости к домашнему зверьку. Я понимаю, что хорошие девочки спят в обнимку с медведем, но я как-то воздержусь. «Эрррр!», — храпел медведь, а его храп сотрясал не только стены, но и мою нервную систему.

На меня упала тяжелая лапа, подгребая меня к себе. Видимо эти века были настолько суровы, что хорошие медведи привыкли спать в обнимку с девочками.

— Это кого кому подарили? — всхлипнула я, ощущая на себе огромную, тяжелую, когтистую лапу. «Если б я уснул с медведем — это был бы номер! Если б мишка спал со мной, я б наверно помер!», — пронеслось в голове, когда меня подгребли еще поближе. Я еще долго лежала и смотрела в темноту под раскатистый храп и пыталась вычислить признаки медвежьей зимней спячки. Главное — расслабиться и попытаться уснуть. Глаза закрылись, а меня погрузило в зыбкую пучину дремоты. «Моя ты лапа!», — услышала я мутном тумане дремы хрипловатый и довольный мужской голос. Мои глаза мигом распахнулись! В какой-то момент смелость, отвага и слабоумие собрались вместе, а я решительно не желая быть «иссосанной лапой», осторожно взяла мишку за мохнатую конечность, пытаюсь ненавязчиво сдвинуть ее. Но медведь был фаталистом, поэтому решил положиться на судьбу, а точнее на богиню судьбы, всем телом.

Мои губы задрожали, а мне в силу потребностей везде мерещились журчащие ручейки, зазорные и игривые фонтанчики и славные водопадики. По гортани мерно катилась слюна, а огромная медвежья лапа медленно убивала часть моих нервных клеток, чтобы остальным нервным клеткам было непадно.

— Пусти меня, — взмолилась я, тихо проскулив.

— Эрррр! — послышалось сонное над ухом, а лапа пригребла меня поближе и прижала поплотнее.

— Мишка, я очень рада, но мне очень надо! — зывала я к медвежьей совести, но она впала в зимнюю спячку раньше хозяина. — Мишенька, заюшка, радость моя

шерстяная... Царь природы хочет в туалет! Я прекрасно понимаю, что свято веришь в то, что люди живут на деревьях, у них всегда мокрые штаны и квадратные глаза...

— Урррр, — слышалось рядом, а я меня накрыло одеялом таких словечек, что медведь проснулся, глядя на меня изумленным взглядом.

— Слышь ты, косолапый! — я схватила подушку и съездила ему по сонным и изумленным мордасам. — А ну быстро отпустил меня! Лапу убрал!

Я вошла в раж, пинками и остервенелыми криками стогая медведя с кровати. С кровати слетело одно из одеял, а я тащила его за шкурку в сторону «места»!

— Место! — сопела я, понимая, что полный мочевого пузыря дает плюс сто очков к изобретательности, плюс пятьсот к наглости и плюс двести к смелости. — Спать будешь здесь! Сидеть! Я кому сказала? Си-деть!

Медведь смотрел на меня таким взглядом, словно я ему пытаюсь доказать теорему Пифагора.

Я увидела какой-то горшок, осмотрелась по сторонам и приподняла юбку с горячим желанием его расписать.

— Эррр! — заинтересовался медведь, внезапно увидевший меня с другой стороны. Я молча взяла горшок и отошла за гобелен. «Артуру осталось жить пять минут!»

— Уррр! — обрадовался мишка, подлезая поближе, с явным интересом. Я схватила кочергу. «Артуру осталось жить три минуты!», — светился медальон.

Этого еще не хватало!

— Так! Я припудрить носик! — возмутилась я, глядя на настырного зрителя. Пока я воинственно отгоняла любопытного медведя кочергой, обещая припудрить ему нос так, что мало не покажется, в дверь кто-то поскребся.

— Простите, — слышался голос слепого менестреля. — О, Леди Гвиневра, я хочу пожаловаться! Мне ваш медведь на ухо наступил!

Отлично! Просто замечательно! И, главное вовремя! Суровый средневековый туалет продолжал радовать меня своими прелестями. Наконец-то мне удалось, отбиться, и поправить юбку.

— Место! — прокашлялась я, глядя на медведя, который, видимо, все еще пытался отойти от впечатления от увиденного и почувствованного. Кровать подо мной скрипнула, я улеглась, слыша, как удаляются шаги менестреля. Завернувшись в одеяло и поглядывая на медведя, который снова порывался слиться в едином потном порыве, я попыталась уснуть. В руке был сжат медальон: «Артуру осталось жить десять лет, шесть месяцев, один день и три минуты».

Стоило мне уснуть, как я оказалась в той самой странной комнате, в которой стоял пустой тазик, висело зеркало. На столе стояла чаша с яблоками, которые выглядели так соблазнительно, что я не удержалась и схватила самое румяное, с хрустом вгрызаясь в его сладкую мякоть.

Пока я пыталась понять, как так получилось, что я только что была в замке, а теперь снова здесь, по зеркалу пробежали золотые искры, а чей-то жалобный голос произнес: «Богиня! Спаси меня!». Я удивленно смотрела, как в зеркале появляется заплаканное лицо белокурой красавицы, которая в мольбе простирала руки. Она стояла на коленях на полу, а мне на секунду показалось, что это не драгоценности пришили к платью, а платье к драгоценностям.

— Молю тебя, судьба! Смиловись надо мной! Если папа узнает, он меня убьет! Он хочет выдать меня замуж, но я уже не девственница! — всхлипывала красавица. — И если мой будущий муж прознает об этом, он имеет право или вернуть меня обратно к отцу с позором, либо зарубить меня на месте! Помоги мне, богиня! Клянусь, что такое больше не повторится... Клянусь всем, что у меня есть... Я так любила, что не смогла отказать!

— Я попробую, — неуверенно начала я, глядя на то, как у девицы глаза заблестели слезами счастья. Третье яблоко хрустело и растекалось кисло-сладким соком, заставляя меня постанывать от удовольствия.

По стеклу ползло знакомое дерево, а я видела, как одна ветка увеличивается, наливаясь золотым яблоком по имени Лавена. Я прикоснулась пальцем к нему, вспоминая, как это делал Мерлин, но дерево тут же погасло, оставляя золотую россыпь искр.

— Богиня, — послышался грустный женский голос из зеркала. — Я просто показываю судьбы, не более... Вот, предыдущая богиня просила вам передать. У меня в руке оказалось красивое письмо.

«Скажи Мерлину, чтобы ничего не трогал! Никаких судеб не менял! А то я его знаю!» — прочитала я первую строчку. Спасибо, очень своевременно.

«Зеркало показывает судьбы людей и тех, кто просит о помощи. Перед тем, как кому-то помогать, спроси у зеркала, стоит ли это делать или нет. Иногда боль делает человека сильнее, страх — храбрее, а страдания лишь укрепляют дух. Слушай зеркало. Оно предупредит тебя о тех, чью судьбу менять нельзя! Цена ошибки очень высока! Ты всегда можешь дать любой из жриц предназначение. Эти женщины отказались от своих судеб, для того, чтобы помогать вершить судьбы других. Ты можешь приказать им явиться в нужное место в нужное время, сказать нужные слова, сделать нужное действие. Ты можешь сама менять судьбы, если дашь человеку яблоко, выращенное на Авалоне. На тебя тоже действует сила яблок. Красные яблоки даруют силу и умение на несколько часов. Они хорошо помогают тем, кому нужно спасти свою жизнь. Они очень редкие, поэтому береги их...»

Я прокашлялась, глядя на два огрызка от красных яблочек.

«Зеленые яблоки способны исцелить болезни и раны. Они тоже редкие, поэтому береги их для особого случая!».

Есть хорошая новость, я теперь здорова. Есть и плохая. Я смотрела на три огрызка кисленьких и терпких яблочек.l2k4cVgf

«Желтые яблоки — это яблоки, которые восстанавливают девственность и позволяют спасти судьбу опороченных дев. Дай это яблоко деве, и она снова станет непорочной!»

— Приехали, — нервно сглотнула я, кашляя яблочным соком на зеркало и разглядывая надкушенное желтое яблоко в руке.

«Я верю в тебя, богиня судьбы. Верши судьбы мудро!»

Я попыталась вытереть яблочный сок со стекла, а мне снова показали ту самую «уже не девушку», которая все еще стояла на коленях. Я почувствовала, как зеркальная гладь, словно вода расходиться от прикосновения, посмотрела на последнее надкушенное яблоко, и засунула его в зеркало.

Оно упало девице прямо на колени, покатилося по полу, сохраняя отпечатки моих зубов.

— Благодарю, богиня! — всхлипывала красавица, жадно кусая его и всхлипывая. — Я клянусь тебе, что больше ничего у тебя не попрошу! Я обещаю, что больше никогда и близко не подойду к мужчине до брака! Благодарю!

Я почувствовала, как меня что-то дернуло, а потом открыла глаза в своей комнате. Рядом сладко дрых медведь, а я поняла, что могу спокойно не выезжать на природу, ибо природа уже выезжает на мне. Я подошла к окну, вглядываясь в мутную ночь, а потом накрыла медведя одеялом.

За дверью послышался какой-то подозрительный шум, заставивший меня замереть на месте, превратившись в одно заинтересованное ухо... Дверь в комнату скрипнула, а я спряталась за гобелен.

— Завтра я уже буду королем! Завтра у Камелиарда появится законный правитель! Лорд Грин! — послышался негромкий шепот. — Подержи!

Это меня нужно подержать? Почему вдвоем? Или один со мной не справится?

В дверь скользнул силуэт, нежно почесывая причиндалы, предвкушающие королевские почести и прелести. Гора медведя мирно дрыхла, заботливо прикрытая одеялом, развалившись на половину кровати и нежно похрапывая. Пока секс-инструктор стоял возле двери, секс-практикант стал наглаживать холмик одеяла.

— Миледи, — слышался страстный шепот. — Я влюблен в вас до беспамятства! Не в силах удержаться от любви к вам, я вспыхнул запретной страстью...

Медведь перестал храпеть, и явно заинтересовался, судя по сопению, страстным любителем природы, который наглаживал, если память мне не изменяет пушистую медвежью задницу, прикрытую одеялом.

— Воспылав неземной запретной страстью, я потерял голову, — продолжал отважный любовник. Природа в лице медведя даже застыла от неожиданности, понимая, что его еще так не любили.

— Какая же ты сочная, — страстно прошептал голос, наминая медвежий филей. Рука спустилась ниже, что-то наглаживая. — Какая у тебя маленькая, нежная и трепетная грудь...

Если это и была прелюдия, то только к похоронному маршу, судя по тихому, слегка обалдевшему «уррр!», которое слышалось из-под одеяла. Обрадовавшись тому, что эрогенная зона нащупана, и расценив «уррр», как знак благосклонности, отважный любовник продолжал.

— Я жду не дождусь момента, когда вопьюсь в твои нежные и сладкие губы, — задумчиво продолжал любвеобильный воздыхатель и потенциальный подыхатель. Медведь зашевелился, а я мысленно назвала того, кто тихо притаился у двери Грин Пис, а того, кто сейчас соблазнял медведя, Грин Как.

Я видела, как рука разматывает завязки на штанах, дабы вкусить запретный плод, а с моей стороны из одеяла появлялась офигевшая от таких нежностей медвежья морда с круглыми глазами.

— Что-то она лохматая, — заметил потенциальный «ухажер» на тот свет, сверяясь с тактильными ощущениями.

— Милорд! — опасливо прошептал свидетель, подпирая собой дверь. — Вам разве не все равно?

— Я уже нашел дырку, — усмехнулся любовник со спущенными штанами, пытаясь залезть под одеяло. Морда медведя медленно исчезла под одеялом.

— Иди ко мне, любимая! — слышался приглушенный голос, но мишка решил, что сверху все-таки он, поэтому через мгновение слышался такой крик, а потом появилась довольная медвежья морда.

Герой со спущенными штанами слетел с кровати, но медведь, видимо, уже настроился на романтику и любовь, поэтому отпускать его просто так не собирался. «А как же любовь и ласка!», — как бы говорил медведь, разевая пасть. «Ты обманул меня! Ты обещал любить меня вечно!», — рычал медведь, но злые люди не понимали, что он тянется к любви, ласки и теплу. Он у меня очень любвеобильный зверек...

— Милорд!!! — задыхался, тот, кто стоял на стреме, сползая по двери. — Милорд!!!

Согласна, ситуация неоднозначная. Пообещал тут бедному животному, что обогреешь его, полюбишь и так далее, а теперь включил заднюю. Так несправедливо! Обманутый мишка сильно огорчился при мысли, что любить его не собираются. Тонкая, ранимая душа требовала ласки и заботы. Я никогда не думала, что стреноженный мужик может развивать такую скорость! А от героев уже след простыл. Главное теперь не вляпаться в простывший след!

Я прилегла рядом с медведем, а на меня упала огромная лапа, подгребая меня к себе.

— Спокойной ночи, — ласково заметила я, слыша фирменное: «Урррр!», а меня попытались лизнуть.

— Как ты мог! — сквозь смех сокрушалась я, морщась от огромного языка. — Тебе тут такую любовь предлагали. Все! Прекрати! Хочешь любви и ласки — можешь еще догнать, если поторопишься...

Я задремала, чувствуя, как по мне текут медвежьи слюнки, а на лице налипла шерсть.

— Леди Гвиневра! — кричали за дверью, пока я ошарашено осматривалась по сторонам, подпрыгивая с места и скидывая одеяло. — Ко двору Камелиарда прибыл рыцарь! У него на щите — ваш портрет!

Глава четвертая.

За часть прекрасной дамы

— Рыцарь подождет, — буркнула я, открывая дверь. На пороге стояла страшненькая служанка, у которой я срочно потребовала бадью с горячей водой.

— Ой, нельзя мыться вам, Леди Гвиневра! — запричитала она. — Негоже девице мыться. Детей не будет!

— Быстро! — потребовала я, чувствуя от себя такой запах, который медведя на охоте убьет без ружья. Кстати, а где медведь? — Так! Вы моего медведя не видели?

Ну да, мало ли, вдруг он незаметно в режиме невидимки на цыпочках мимо прошел, затаив дыхание.

— Видали! Как же! Ходил по замку! Спугнул ключницу, пошел к поварам... — произнесла служанка, а я обрадовалась самодостаточности своего домашнего нелюбимца.

— Несите бадью и платье! Чистое! — приказала я, а служанка исчезла. Я осмотрела комнату при дневном свете. На столе лежал недошитое полотнище с воткнутой иглой. Какой-то косоглазый мужик в короне. Видимо, где-то рядом с натурщиком рядом были пчелы, иначе как объяснить значительную припухлость левой щеки. А может, он просто ел конфетку? По шкале «обезьяна-красавец с обложки», герой средневекового эпоса, в котором из цензурных слов были одни запятые, занимал почетное первое место на начальных ступенях эволюции, палкой требуя стадо гамадрилов потесниться. Палку решили увековечить тоже, дабы удержать позиции. Лысенькая и реденькая борода, напоминающая интимную стрижку, грозно топорщилась.

«Король Артур», — был вышито внизу. В комнату втащили парящую бадью и белое платье с пережатыми воланами рукавов. Платье чем-то напоминало ночную рубашку, но вариантов не было. Битва между деревянным гребнем и мокрыми волосами закончилась окончательным разгромом противника и выниманием зубцов из колтунов.

— Леди Гвиневра, — напомнили мне за дверью, а я закатила глаза.

— Передайте ему, чтобы встал в очередь! — рявкнула я, пытаясь осторожно сдвинуть бадью с прохода. Вместо того, чтобы подвинуться на пару сантиметров, бадья с легкостью перевернулась, обеспечив служанок работой. Я посмотрела на свою руку, а потом гаденько улыбнулась себе в зеркало. Значит, яблочки работают! Ну-ну, доблестный рыцарь!

Я вышла в зал, где опять раскинулась общественная столовая «За особые заслуги». Прямо в центре зала стояло то, что заставило меня робко поднять голову вверх. Еще бы парочка сантиметров, и мне пришлось бы прислонять руку козырьком. Огромный мужик, почти два с половиной метра ростом в серебристых доспехах стоял в центре зала. Алый

плащ стекал мягкими складками с плеч, на нагруднике была написана буква «Г», а на голове красовался блестящий, как новенькая кастрюля шлем с забралом.

— О, Леди Гвиневера, — упал на колено рыцарь, вызывая господина Рихтера со шкалой землетрясений. — Я готов служить вашей чести своим достоинством!

Да, так красиво мне интим еще не предлагали. В углу зала стоял менестрель, с повязкой из грязной тряпки на голове.

— Я готов сражаться за вас, — рыцарь покорно склонил голову и поднял щит, где был изображен мой портрет. Я вам хочу сказать, что меня тут даже слегка приукрасили! — За вашу честь!

— Простите, я не расслышала! За какую часть меня вы готовы сражаться? — насмешливо спросила я, глядя, как рыцарь поднимает голову. Сквозь решетку забрала, я увидела, как блеснули медовые глаза.

— Моя честь, мое мужество и мое достоинство в вашем распоряжении... — продолжил рыцарь, а я отряхнула подушку и уселась на нее.

— Оставляйте честь, мужество и достоинство. Я посмотрю! О результатах сообщу в ближайшее время! — мило улыбнулась я, жалея, что рядом нет медведя. — Сами можете идти, а вышеперечисленное, будьте так любезны, на стол для детального рассмотрения.

— Леди Гвиневера, воистину ваше остроумие способно состязаться с вашей красотой, — усмехнулся рыцарь, а его медовые глаза снова сверкнули. — Я настаиваю на том, чтобы вы посвятили меня в свои рыцари, чтобы каждый мой подвиг был посвящен вам!

— Спасибо, не надо... На моей чести уже столько материального ущерба и хулиганства разной степени тяжести, а так же пару изнасилований, убийств, что ваши подвиги там просто не поместятся! — снова вежливо улыбнулась я, обводя взглядом верных рыцарей. — Ступайте, дорогой герой, у меня на вас совести, чести и здоровья не хватит...

Внезапно из-за стола встал один солидный рыцарь, самодовольно вытирая усища и громко изрек:

— Кстати, о посвящении! Сегодня моему младший сын стал не ребенком, но мужем! И я прошу Леди Гвиневеру посвятить его в рыцари!

— Ну же, сынок! — подбадривал хмельной папаша в доспехах, пихая щуплого отпрыска, напоминавшего железного дровосека, в сторону будущей, видимо, посмертной славы. Юнец неуклюже переступал через скамью. — Где наше достоинство? Доставай своего Виллема! Не стесняйся! Покажи его прекрасной даме!

Мне обязательно это видеть? Могу ли я просто поверить на слово?

Ко мне ковылял нескладный отпрыск, пока его отец самодовольно накручивал ус.

— И моего сына тоже! — встал из-за другого стола хмурый мужик, таща огромную детину к моему трону. — Чего робеешь? Показывай наше семейное достоинство! Показывай Белус!

Оно у вас семейное? Замечательно! Очень рада, только вот мне знакомится с ним необязательно.

— Помнится, я им стол дубовый разбил! В щепки! — похвалялся усатый папаша, опрокидывая в себя кубок и смачно утираясь, пока все притихли. Я кисло смотрела на двух юнцов, стоящих передо мной. Один из них протянул мне меч, а я осмотрелась по сторонам и приняла его.

— А у кого доспехи делал? Кто ковал? — усмехнулся хмурый. — Добротные.

— Так тебе и скажи! — отозвался усатый, с гордостью взирая на сына. — Я для сыновей ничего не жалею! Они же будущая надежда Камелиарда!

Юнец склонил голову, а я пыталась вспомнить, что нужно делать в такие моменты.

Память подбросила парочку смутных воспоминаний. Где-то я уже видела что-то похожее.

— Меня зовут Брет! — заплетающимся языком выдал юнец. Так! Брету больше не пит!

«Блямс!», — меч лег на правое плечо юного героя, «Бряц!», — звякнул меч об левое плечо. А потом опустился сверху на кастрюльку. Что-то я силы не рассчитала. На шлеме осталась вмятинка, а рыцарь распростерся у моих ног.

— Эм... Дорогой Брет! Посвящаю вас в рыцари, добро пожаловать... Вы на него сильно надежды не возлагайте..., — робко заметила я, осторожно возвращая меч отцу. Вот зря я ела эти яблочки! — Все-таки младший... Хорошо, что у вас есть запасные дети...

— Галвин у меня единственный! — предупредил хмурый папаша второго новобранца, глядя как усатый оттаскивает сына к столу. Здесь все прошло быстрее и проще. Я старалась не прикасаться мечом к герою, а потом с улыбкой сообщила, что операция прошла успешно.

Странствующий рыцарь подошел и грохнулся на одно колено, протягивая на вытянутых руках меч толщиной с полено.

— Я хочу, чтобы вы, своей рукой тоже посвятили меня в свои рыцари, — послышался голос, а на меня смотрели терпкие медовые глаза. Я протянула руку, взяла меч, вызывая странный шепот. «У него меч ненастоящий! Глядите! Она его одной рукой подымает!».

— Как ваше имя? — уточнила я, в надежде, что он от меня отвяжется.

— Я поклялся не называть свое имя никому до тех пор, пока самая лучших женщин не согласится стать моей, — прошептал с усмешкой рыцарь, а я мысленно прикидывала, куда бы его послать постранствовать. — Но вы можете назвать меня так, как хотите...

Я прокашлялась, глядя на его склоненную голову:

— Дорогой Анонимус! Или Анон! Я искренне верю, что вы навсегда войдете в анналы истории! Посвящаю вас в свои рыцари!

— А почему Анон? — странным голосом уточнил рыцарь, а я вернула ему меч.

— Вы же сами попросили вас как-то назвать. Сэр Анонимус! Не спорьте! Теперь вы — достойный рыцарь Камелиарда! — радостно сообщила я, глядя, как он встал.

— Моя леди, я — странствующий рыцарь. И хочу доказать, что единственный, кто достоин вашего внимания. Я поклялся, что не сниму шлем и не скажу свое имя до тех пор, пока Леди Гвиневра не согласится стать моей! — насмешливо произнес рыцарь, обводя взглядом всех присутствующих и положив руку на пояс. — Я готов в любой момент по первому зову обнажить его и вонзить в вашу честь...

— Не сомневаюсь... Но в честь мне ничего вонзать не надо, — мило улыбнулась я, глазами вежливо показывая, что выход есть и конкретно там. — Дорогой мой странствующий рыцарь, сэр Анонимус! Я так понимаю, что вас часто посылали, раз вы все еще странствуете, так что мой любовный послыл не будет для вас неожиданностью. Удачных подвигов, врагов-доходяг и всех благ...

— Не прогоняйте меня, — негромко произнес рыцарь, делая шаг ко мне. Он упал на колено передо мной. — Я хочу быть вашим рыцарем, я хочу доказать вам, что действительно смогу защитить вас...

Мое сердце как-то странно поджалось, когда я смотрела в сладкие медовые глаза. Пока воображение пыталось дорисовать ужасающие картины оставшейся части лица, но почему-то получалось слабенько. Как ни крути, глаза у него красивые...

— Я готов беречь вас... — слышался голос, а я отгоняла странное, терпкое наваждение... Мне почему-то казалось, что я вижу цветущие яблони и вдыхаю упоительный запах меда. — Я готов сделать вас своим единственным сокровищем...

Латная перчатка осторожно прикоснулась к моей руке и приподняла ее, положив поверх

своей. Моя ручка казалась детской по сравнению с его лапищей, а сердце снова поджалось.

«Ты его впервые видишь!» — напоминал здравый смысл, а я вырывала у него свою руку.

— Ну, есть кто-то, кто считает себя достойным противником? Кто готов сразиться со мной? За каждую победу прошу лишь поцелуй прекрасной Леди Гвиневры! — громко произнес странствующий рыцарь, вставая с колена поглядывая по сторонам в поисках любителей звиздюлей.

— Она промолчала! Молчание девы — знак согласия! — заорали рыцари, переглядываясь. Некоторые подскакивали с мест, негодуя и требуя призвать к ответу наглеца. Судя по возмущенным крикам, любителей здесь не было. Одни профессионалы!

— Сейчас ты за свою дерзость отведаешь мощь моего Беллинуса! — воскликнул, воинственно размахивая мечом, сэр, чье имя я не знала. Взгляд странствующего рыцаря намекал, что учить его на будущее вовсе необязательно.

— Забрало закрой! — слышались решительные голоса и грохот доспехов. Рыцари вставали со скамеек, высокомерно, снизу вверх глядя на героя. Достоинства с лязгом скрестились, а я заинтересовано следила за процессом. «Артуру осталось жить восемь минут и сорок секунд!»,- высветилось на медальоне.

— Да это дерзость! За Камелиард! За честь прекрасной дамы! — орали рыцари, сообразив, что пусть трон им не светит, но мысль о нем все-таки греет. Огромный меч героя вошел в пол по рукоять, вызывая вздох изумления.

В какой-то момент я поняла, что у меня образовалась задолженность по поцелуям, причем, судя по успехам сэра Анонимуса, я стану его душевой кабинкой еще лет на пять.

Поверженные противники уползали с поля боя, уверяя, что возьмут реванш, как только позволит здоровье, а передо мной громыхнули доспехи и послышался голос, сладкий, пьянящий, как мед.

— Моя леди, — в голосе чувствовалась улыбка. Я на мгновение посмотрела в глаза, которые улыбнулись мне. — Пришло время выполнять ваше молчаливое обещание... И пусть сладкое «да», так и не слетело с ваших уст, скованных скромностью, но мое сердце верит в то, что вы не откажете мне в одном поцелуе...

За его спиной слышалось постанывание и горестные всхлипы: «Где мой оруженосец! Пусть поможет встать! Сукин сын! Пусть бежит сюда!». «Сэр Доннаван! Вы в порядке? Ваш меч сломан!», — слышался топот ног. «Осторожней, сэр...», — звенели доспехи.

— Я вам ничего не обещала. Я даже слова не сказала. Или вы считаете, молчание девушки знаком согласия? Вы глубоко разочаровали меня, сэр Анонимус. Мужчина, который не спрашивает согласия женщины в любви, мне не нужен, — усмехнулась я, глядя прямо ему в глаза.

— А что спрашивать женщину? Что она умное может ответить? — возмутились бывшие соперники, в знак мужской солидарности.

— Единственное умное, что я могу ответить, это то, что вы здесь, дорогие рыцари, вместо того, чтобы заниматься чем-то полезным, наращиваете животы, — заметила я, глядя в медовые глаза. — Подвиги, о которых вы хвалитесь, может совершить любой.

— Но не любой может позволить себе меч! И доспехи! — возразили мне, переглядываясь. — Ваш покойный отец высоко чтит нас! Мы — защитники Камелиарда, мы прославились в боях! Помните бой на реке? Они на нас двинулись с левого берега, а мы их ... оп! Почти сразу ...

Рыцари загалдели, вспоминая какую-то эпичную битву на местном водоеме, а я смотрела безотрывно в чужие глаза, пытаясь прочитать в них хоть что-то похожее на ответ.

— Уходите, — негромко произнесла я, отводя взгляд. — Трон Камелиарда не достанется вам...

— Мне не нужен трон, — услышала я негромкий голос. — Мне нужны вы...

— Присядьте к тем, кому «не нужен трон, а нужна я». Там еще полным-полно места, — ответила я, не понимая, почему смотрю на него и не могу оторвать взгляд.

Внезапно пол засветился, а мой глаз дернулся. Мерлин! Ну кто же еще? Передо мной стоял старик, отвечивая небрежный и нарочито учтивый поклон.

— Меня послал к вам король Артур! — пафосно произнес чародей, поглядывая на присутствующих. Сэр Анонимус отошел в сторону, а у меня возникло такое чувство, что в эту славную эпоху популярным ругательством является «Иди-ка ты на Гвиневру!»... Медальон в руке засветился, показывая, что жить Артуру остался месяц и пару дней.

— Дорогой мой Мерлин, — сладко сообщила я, дернув служанку и шепотом отдав приказ. — Я высоко ценю предложение Артура, но, увы, не так глубоко, как он надеется.

— То есть, о прекраснейшая Леди Гвиневра, вы отказываете королю Артуру? — прищурился Мерлин, пока служанка бросилась за дверь. — Артуру это не понравится.

Согласна, мне бы тоже не понравилось то, что принесет моя служанка! Я слышала, как она мчится по коридору. Дверь открылась, а мне учтиво подали вышитое батальное полотнище. Обычно на батальных картинах принято изображать войну, но вышитый Артур здесь намного страшнее. Я еще раз посмотрела на ужас, а потом развернула его перед лицом чародея.

— Дорогой Мерлин, — снова сладко сообщила я, украдкой видя, как продлевается жизнь Артура в связи с моим отказом. — Передайте ему этот скромный подарок! Я долго вышивала его портрет, чтобы каждый враг трепетал и бежал при виде этого знамени! Чтобы этот скромный презент наводил страх на всех, кто взглянет на него хоть одним глазком!

— Это что еще такое? — вырвалось у Мерлина, а старик с ужасом сглотнул.

— Я — вышивальщица, и я так вижу! — торжественно продолжала я, вручая ему полотнище. — Передайте Артуру, что я его просто не достойна... Так и передайте! Всего хорошего!

— Леди Гвиневра! — Мерлин свернул мой коврик и тот исчез. Его голос внезапно стал серьезным. Все вокруг, словно застыло, даже невеста откуда взявшаяся собака с костью. — Не пугайтесь. Я просто хочу поговорить с вами с глазу на глаз. Артур не отступит от своего решения! Я хочу вам помочь. Трон Камелиарда вы не удержите, вы слишком слабы, хотя, отдать должное, далеко не так глупы, как о вас говорили. Камелиарду нужен король. И поверьте, никто вас даже не спросит... Добровольно или принудительно, но вы станете чьей-то женой. Лучше бы добровольно... Его меч готов встать за вашу честь!

— Многоуважаемый Мерлин, — я смотрела на старика и застывший зал. Рассказывать ему о том, что он сам поручил мне операцию по спасению одного любителя подвигов от подвигов, я не стану. — Как бы я не хотела, но вынуждена отказать. Я рада, что у него на меня Эскалибур стоит, но это ничего не меняет...

— Дитя мое, — внезапно ласково усмехнулся чародей. — В уютных стенах Камелиарда ты чувствуешь себя уверенно, прекрасно зная о том, что пока ты — единственный путь к трону, тебя никто не тронет... Все будут восхвалять тебя и прислушиваться к тебе... Но что если ты будешь не единственным путем? Что если появиться другой путь? Станут ли твои рыцари слушать тебя? Так что подумай хорошенько, кому ты отказываешь...

Ситуация была щекотливой, но я держалась.

— Открою маленький секрет, — усмехнулся Мерлин, удивляясь, как я еще не побежала, размахивая трусами, сдаваться на милость победителя. — Камелиард он может легко завоевать. А если я дам еще один путь, то вероятней всего, кто-то из присутствующих станет королям. Народ, который уже видел однажды чудо, согласится с выбором судьбы. А вот ваша судьба, Леди Гвиневра, будет зависеть от милости победителя... Но я бы на нее сильно не рассчитывал...

Мерлин ударил посохом, и зал снова зашумел, кто-то громко заржал, а с другого конца стола звучал сбивчивый тост за сына!

— Доблестные рыцари! — зычно произнес чародей, а все опасливо посмотрели в его сторону. — Некогда в Лондиниуме, в темные времена смуты, междоусобиц и битвы за трон, возник из-ниоткуда волшебный камень, в котором был сверкающий меч. «Тот, кто вытащит меч из каменной чаши, тот и станет королем!». Слово мое нерушимо! Лишь тот, кто сможет меч извлечь, один из миллиарда, тот станет новым королем Камелиарда!

Глава пятая.

Да не тяни ты меч из камня!

Прямо в центре зала появился камень, из которого торчала рукоять меча, поблескивая золотом. На камне было высечены слова, которые только что прозвучали. Мерлин стоял и с улыбкой смотрел на то, как все повскакивали с мест.

— Ба!!! — заорали рыцари, с грохотом бросаясь к мечу. — Сэр Доннавэн! В порядке очереди!

— Да как вы разговариваете с будущим королем Камелиарда! Давай сынок! Поднажми! Да кто ж так тянет! Чай не бабу на сеновал! Расшатывай его! Раскачивай!

— Что неумехи? Дорогу истинному королю! — слышалось рычание, а кто-то жалобно и натужно кричал. — Сынок, тяни меня! Сейчас-сейчас! Папа все сделает! Ыыыых! Зовите оруженосцев! Пусть помогают!

Рыцари даже разбились на партии, пытались помочь друг другу вынуть меч.

— Сэр Брендон! Поднажмите!!! — басил кто-то, в гуще событий. Со всего замка сбежались слуги, показывая пальцами на камень.

— Наконец-то у нас будет король! Истинный король! — перешептывались они.

— О новом короле Камелиарда, слагают легенды ... преданья, — ударил по струнам менестрель, которому медведь отдал ухо. — Проще балладу про Артура переделать! И в Лондиниуме камень волшебный возник... Нет, в Камелиарде!

Мерлин стоял и улыбался мне нехорошей улыбкой.

— А давайте вы будете тянуть по очереди? — предложила я, видя, как кубарем вылетает очередной воздыхатель.

— Молчать, баба! Не твоего умишка дело! Тяните, сэр Параваль! Оооох! Тянете, как баба! — слышалось из клуба любителей интеллектуальных игр. В воздухе неприятно пахло усилиями и потугами, а запах напоминал общественный туалет. «На раз, на два, на три! Тяни!!!», — командовал кто-то охрипшим голосом.

— Я же говорил, вы теперь никто, Леди Гвиневра. Дочь Лодегранса теперь не единственный путь к престолу. А я ведь предупреждал! — Мерлин развел руками, а потом подарил мне насмешливый взгляд. — А вы мне не поверили...

Рядом со мной, обнажив меч, стоял сэр Анонимус.

— А вы чего не участвуете в национальной забаве для интеллектуальных меньшинств? — съязвила я, глядя на его высокую фигуру.

— Может, потому считаю это забавой? Я говорил вам, что трон меня не интересует. Но если моя Леди прикажет, я попробую вытащить этот меч, — слышался голос, а я вспомнила про яблочки.

Хорошо, сейчас посмотрим, кто кого. Если честно, то господина Мерлина, я почему-то еще с первой нашей встречи недолюбиваю! Я посмотрела на него, потом перевела взгляд на сэр Анонимуса. Странно! Если Мерлин здесь, значит, Артур в Камелоте... У были подозрения, но сейчас я понимаю, что они рассеиваются. Да и этот не похож на мужика, который находит неприятности на каждом шагу. Через шаг — вполне, но это как бы норма средневекового рыцаря.

— Я вполне могу защитить себя сама! — ответила я, гордо приподняв юбку и двигаясь в сторону новой игрушки для эрудитов. — Расступитесь! Я попробую!

— Пошла вон! Еще чего! — заорал кто-то мне на ухо, пытаясь оттолкнуть. — Руки прочь от моего трона!

— Да ладно вам, сэр Гидеон! Пускай! — насмешливо заметил кто-то справа, а рыцари расступались, осыпая меня колкостями и насмешками. «Вон, смотри, как баба тянет! Ты так же тянешь! А надо сильно, как мужик!», — поучал усач своего тяжело дышащего сына, чьи руки еще немного и будут болтаться ниже колен.

Я положила руку на меч, сделала выдох, а потом дернула его, слыша, как меня осыпают издевательствами. Я — богиня судьбы. И моя судьба в моих руках... Я стала тянуть меч, а он начал поддаваться... Изю всех сил, я сжимала рукоять, а потом бросила взгляд на Мерлина, который смотрел на меня с такой непередаваемой цензурными словами насмешкой, что я поднажала. Еще чуть-чуть... Вспотевшие руки скользила по рукояти, волосы облепили лицо, а зубы пошли мелкой крошкой.

— Ах! Это невозможно! — пронеслось по залу в тот момент, когда я, запыхавшаяся и покрасневшая, держала меч. Мерлин побледнел и открыл рот. Правильно ребята, челюсти у вас большие, а мусора на полу много, так что чем не повод для генеральной уборки.

— Кто убьет ее, тот станет королем! — послышался голос, а я увидела, чей-то шлем и глаза, исполненные ярости и замаха чужого меча. В одно мгновение я размахнулась и зажмурилась. Только через пару минут я осознала, что рука, закованная в латы и держащая меч, лежит на полу отдельно от кричащего обладателя.

— Милости прошу, о Леди Гвиневера, — орал он, а я вздохнула и снесла голову, которая со звоном покатила по грязному полу.

— Можете называть меня Ваше Величество, — покачнулась я, глядя, как рыцари смотрят на лужу крови. — Замахнуться мечом на женщину или ребенка — преступление.

Мерлин, видимо, не ожидавший такого развития событий, нервно делал какие-то пассы руками. Я швырнула ему меч, который звякнул об светящийся под ногами чародея пол.

— И камень захвати, — усмехнулась я, пиная камень в круг. «Ай!» — заорал Мерлин, получивший камнем по ноге.

— Артур возьмет тебя силой. Попомни мои слова! — произнес чародей, а его седые волосы поднялись дыбом. Сияние поглотило его, а в зале стояла тишина.

Я молча вернулась на свое место, глядя на молчащих рыцарей.

— Леди Гвиневера, — тут же учтиво начали они. — Вы не можете быть королем, вы — женщина! А королевой можете быть только при короле! Тем более, если Артур приведет сюда войско, то Камелиард не выстоит!

— А как же доблесть? Честь? Отвага? — спросила я, глядя на уставленный яствами стол. Теперь понимаю, почему диета — залог долгой жизни.

— Войско будет слушать только короля! — наперебой заорали рыцари, решив воспользоваться подвернувшейся возможностью покомандовать издалека. — Ни один воин не будет сражаться по приказу ба... женщины, насколько бы красивой она ни была! Если Артур пойдет на нас войной, то нам срочно нужен король!

Я молча встала, глядя на остывшие кушанья и направилась в свою комнату, чувствуя внезапную слабость. На кровати спал медведь, а я попыталась сдвинуть его.

— Слушай, Артур, — я пихнула ногой пушистую задницу. Ой, как же я зла! — Тут такое дело. Знаешь, есть такое выражение «не всех дебилов война убила», так вот у нее еще есть шанс... Твой хозяин на нас войной собрался...

Медведь встрепенулся, посмотрел на меня, а я развела руками, не забывая спихивать его ногами с кровати. Повернувшись на подушке, я задремала, вслушиваясь в урчание голодного желудка.

— Богинечка, милая! — услышала я, как только очутилась в покоех богини. За окном клубился туман, а в зеркале застыло знакомое лицо. На столе стояла чаша, в которой лежало гинекологическое яблочко. — Милая, спаси меня... Прошу тебя, богинечка! Молю-молю-молю! Не губи мою судьбу!

В зеркале отразилось бледное лицо Лавены, по щеке которой текла слеза.

— Что опять? — спросила я, глядя в жалобные глаза, озарившиеся надеждой.

— Ой! Вы услышали меня! — обрадовалась красавица в роскошном платье. — Дайте, пожалуйста, еще одно яблочко...

— Еще одно? — удивилась я, глядя на хрустальные слезинки и дрожащие губки Лавены. На секунду представился рыцарь со стенобитным оружием и очень грустными глазами, утирающий пот со лба.

— Простите, — Лавена упала на пол, закрывая лицо руками. — Я поклялась, что больше ни один мужчина не коснется меня... Я клянусь, что это было в последний раз! Больше никогда-никогда! Папа меня убьет, если узнает! Молю, помогите... Клянусь, что до свадьбы никогда! Я не виновата! Он сам пришел! Я просто открыла дверь... Простите...

Я смотрела на этот несчастный взгляд, на слезы, обильно стекающие по щекам, на дрожащие губы.

— Держи. Но чтобы это было в последний раз! — мрачно предупредила я, бросая ей единственное яблоко. Что-то день у нас сегодня не урожайный.

Моя рука легла на зеркало, а прикосновение ожило россыпью золотых искр.

— Покажи мне судьбу Артура... — потребовала я, глядя, как по черной глади расходятся золотые волны.

— Не могу. Ни вашу, ни Мерлина, ни Артура, ни Ланцелота, — глухо произнесло зеркало, а на моих глазах стало золотыми линиями проступать волшебное древо. На одной из веток клубился туман.

— На меня наложили чары, — глухо ответило зеркало. — Я не имею права даже говорить вам о ваших судьбах... К сожалению, в вас верит слишком мало людей, чтобы вы могли снять чары Мерлина.

Так! А вот это мне уже не нравится. Мерлин закрыл мне возможность видеть наши судьбы, при этом он просил спасти Артура?

— А во что же они верят? — спросила я, мысленно делая депиляцию одному чародею.

— Они верят в то, что можно обмануть судьбу. Чудеса Мерлина учат людей тому, что судьбу всегда можно обмануть, — усмехнулось зеркало. — Король Утер Пендрагон, кому служил Мерлин, возжелал прекрасную леди Ингрейну. Она уже была замужем за герцогом Горлуа, растила трех дочерей. Ее судьба — родить сына, который станет могущественным правителем, прожить достойную жизнь и состариться вместе с любимым мужем в окружении детей и внуков.

Зеркало показало красавицу в окружении трех дочерей и сурового мужа, который смотрел на нее влюбленным взглядом. Я видела, как огромный, неприятного вида мужик в короне уговаривал перепуганную златокудрую красавицу стать его возлюбленной. Она кричала, что не нарушит клятву брака, умоляла отпустить ее, но Утер попытался взять ее силой. Внезапно появился ее муж, а она прижалась к супругу, дрожа всем телом. А потом я увидела Мерлина, который склонился к уху опечаленного Утера. Тот поднял

взгляд и улыбнулся. В ночной тишине послышался крик боли.

— Герцог мертв. Я дам вам его облик, — с улыбкой произнес Мерлин, ударяя посохом по каменному полу. Глаза Утера меняли цвет, его волосы становились черными, а на лице появился шрам. И вот он насмешливо смотрит в зеркало и снимает корону. «Ты будешь моей! Ты ведь не откажешь законному мужу?»... Конь скакал во весь отпор, Утер шагнул в зал, а ему на шею бросилась Ингрейна.

— Это не наш отец, — испуганно произнесла маленькая черноволосая девочка, прячась за матушку.

— Не говори глупостей, Моргана! — плакала от счастья Ингрейна, а ее обнимала рука в латной перчатке. — Это же папа...

Картинка померкла, и последнее, что я видела, лицо леди Ингрейны, когда с утра ей сказали, что ее муж был убит накануне вечером. Она прижимает к груди расшитое покрывало, а по ее лицу текут слезы.

— Чудеса Мерлина дали людям веру в то, что вас всегда можно обмануть, — снова повторило зеркало. — И люди просто перестают в вас верить...

На зеркальной глади снова появилось дерево, а потом померкло. Из темноты проступал убогий силуэт какой-то деревеньки.

— Судьба, будь к нам благосклонна, — кричали крестьяне, падая ниц. — Они стояли на грязной площади возле колодца и молились, подняв глаза вверх. — Услышьте наши мольбы!

Где-то орал ребенок, хрюкала свинья и кошка рожала ежика.

— Милостивая судьба, — кричала молодая крестьянка, заливаясь слезами. — Услышь нас!

— Слышу-слышу! — мрачно заметила я, глядя себе под ноги в поисках упавшего настроения.

— Богиня судьбы! — встал трясущийся старик в дранной серой хламиде. — Внемлите нашим мольбам! Великий король Артур жаловал сэру Гавейну земли и несколько деревень. Он собирается строить замок вон на том холме близ нашей деревни!

— Так вам хоть дороги сделают, будете процветающим городом, — заметила я, не понимая причину паники.

— Если раньше нас набегами грабили, то потом постоянно грабить будут! Понравилась свинья — к столу господина! А ты, пошел прочь! Никаких денег не получишь, — причитала немолодая растрепанная женщина в старом платье. — И девок наших всех в замок заберут! Рыцарям тоже потеха нужна! Помогите! У меня две дочери! Не отдам кровиночек!

— Я подумаю, как вам помочь, — вздохнула я, глядя на то, как крестьяне снова упали на колени. — Но вы на всякий случай попробуйте переехать всей деревней!

— Его послы сегодня придут сюда! Будут место смотреть! — взмолились крестьяне. — Эх, придется просить Мерлина!

Что? Мерлина? Да они сумасше... Пойдите! Сумасшедшие? Я посмотрела на крестьян, а потом вспомнила Мерлина и улыбнулась. Сейчас я обеспечу сэру Гавейну буйных соседей!

— Вы можете явиться к ним, — заметило зеркало, видя мое замешательство по поводу помешательства. — Вот только облик в тайне сохраните...

В моих руках очутилась белая маска с прорезями для глаз.

— Придайте лик себе любой, что быть неузнанной толпой! — нараспев прочитало зеркало, пока я меряла ее, глядя на себя в зеркало. На секунду я увидела в отражении

старушечку в старом рубище.

— Сейчас к вам придет старуха и скажет, как правильно поступить! — ответила я, глядя на свое сморщенное лицо и на дрожащие узловатые пальцы, пока крестьяне переглядывались и пожимали плечами. «Едут!!!», — послышался чей-то истеричный голос. «Посланники сэра Гавейна!», — в деревню влетел запыхавшийся паренек, указывая пальцем в сторону пыльной дороги.

— Только видел... Миновали озеро... — попытлся перевести дух разведчик, а все забежали. Передо мной появился зеркальный коридор, а я опасливо шагнула в него. Через пару мгновений в лицо подул ветер, неся запах свежего навоза, а я осмотрелась по сторонам, глядя на застывших от изумления крестьян.

— Меня послала богиня судьбы! — произнесла я, опираясь на клюку. — Чтоб уберечь вас от беды! Делайте то, что я вам скажу! Вам нужно притвориться безумцами!

— Что??? — на меня уставились крестьяне, а потом посмотрели друг на друга. — А как это? Вы нам скажите, что нужно делать, мы сделаем! Мы не понимаем, о, посланница судьбы, что вы говорите!

Я тяжело выдохнула, глядя на дебелого детину.

— Ты у нас кто? — я посмотрела на заросшее лицо, старую льняную рубаху и могучие руки.

— Дровосек! — буркнул детина, у которого за поясом заткнут топор. Я выхватила горшок с остатками какой-то каши из рук ничего не понимающей крестьянки и надела ему на голову, отобрала топор и бросила его на землю. В руках какого-то мужика была скользкая рыбина не первой свежести, а я сунула ее в руки ничего не понимающего детине.

— Руби дерево! Представь, что это топор! — закатила глаза я, поглядывая на то, как рыбина пару раз ударила об дерево.

— Но ведь не рубится! — удивился детина, а по его волосам стекала каша.

— Руби молча! — суежилась я, глядя на ошарашенных крестьян, которые не понимали, что происходит. Чей-то голосок наивно поинтересовался: «А это поможет?». Я схватила старое белье, развешенное по забору, сунула в руки полной женщине и показала на пыль.

— Ты у нас стираешь в пыли! — бегала я, глядя, как женщина послушно стала валять белье в грязи и делать вид, что стирает. — Дед! Куда пошел! Ты у нас кукарекать будешь. Посидел, посидел, а потом: «Кукареку!!!».

Через минут десять послышался топот всадников, а я смотрела на маленький филиал дурдома, который вошел в раж. В деревню въехала группа всадников в синих плащах, поднимая дорожную пыль, от которой я закашлялась.

— Добро пожаловать, — противным голосом заметила я, выходя к ним. — Мы так рады вас видеть!

Я схватила булыжник, положила его на тряпку, чинно вынося его застывшим рыцарям. Посланники сэра Гавейна осматривались по сторонам, а дед с кряхтением взобрался на заборчик из веток и сипло заорал: «Кукареку!».

— Милости просим в деревню Верхние Губы! — выдала я, поклонившись, чтобы побороть приступ хохота.

— Что здесь происходит? — один из конников нервно сглотнул, а я уже распрямилась, делая серьезное лицо. — Что с ними такое? Надо будет доложить сэру Гавейну!

— Слыхали, что вы у нас строиться собрались? Наши новые соседки? Мы будем называть вас Нижние Губы! Будем дружить Губами! — задорненько выдала я, наслаждаясь произведенным эффектом. — А деревня у нас хорошая, работающая! Никто без дела не сидит!

— А что он делает? — прищурились всадники, глядя на моего усердного дровосека.

— Так это ж дровосек! Наскребли мать с отцом мозги по сусекам и родили дровосека! А парень он умелый, рукастый! — нахваливала я, глядя на старания детины. — Недавно к нам пришел! Тоже поначалу ничего не понимал, говорил, что топором дерева рубят! А потом взялся за ум, и правильно рубить начал! Вон прачка! Пришла к нам и говорит, кто, дескать, в грязи белье стирает? А как его стирать-то иначе? Ничего, постояла с нами, а потом поняла, как правильно! Не, ну поначалу все тут странные приходят, вопросы задают, а потом нормально!

— Кукареку! — орал дед, поглядывая на нас.

— Вон, петух... На смену моему деду пришел... — вздохнула я, глядя на рыцарей в собственном соку. — Моего-то зарубили...

— Кто? — спросили всадники, переглядываясь и ужасаясь.

— Да кто ж его знает... Говорят, что я с топором за ним бегала... Хотела яйца снести. Приходил к нам чародей один... Говорит, что, дескать, все, кто тутоньки селятся, все того... Что говорил? Непоня-я-тно. Говорил, что уезжать отседова надобно, — воодушевленно развлекалась я, глядя на то, как рыцари повернули коней и дали деру. — Соседушки, куда это вы? У нас природа красивая! Пойдите! Гостинец забыли!

Вслед рыцарям полетел увесистый камень, а я отряхнула руки, глядя, как дед слезает с забора. Топот копыт стих, а я смотрела на селян, которые благодарили меня, пытаюсь всучить нехитрый скарб.

Я улыбнулась, схватилась за медальон и исчезла. Только я сняла маску, как меня что-то дернуло. Очнувшись я в своем замке на кровати, сплевывая медвежью шерсть. Сразу видно, не я на природе, а природа на мне отдохнула.

— Ыыыы! — простонала я, слыша, как ломятся в дверь: «Леди Гвиневра! Беда!».

Дверь явно собирались вынести, а я вскочила на ноги, прислушиваясь. Где-то паниковали, но без меня.

— Беда! — орали слуги, проносясь по коридорам. — Беда!

Я выбежала из комнаты, бросилась в зал, откуда доносились крики с мыслью, что пора бы выяснить, что происходит, а потом присоединиться к ней по мере возможности. Медведь мчался вслед за мной, но на него обращали внимания меньше, чем на ручного хомячка.

— Гонец донес, что Артур собрал войско и движется к Камелиарду! — пристал ко мне молодой слуга, а я нервно отмахнулась, направляясь в зал. — Рыцари уже собрали...

— Военный совет? — нервно спросила я, выбегая в пустой зал, где предположительно он должен был проходить. Трон был пуст, а скамейки запасных королей порядком опустели.

— Вещи, — всхлипнул слуга, глядя на меня с надеждой, мол, пойдешь их всех и раскидай, миледи.

— Мы клянемся в верности дочери покойного Лодегранса! — торжественно обещали рыцари, пробираясь к выходу. Послужить верой и правдой Камелиарду они решили в месте как можно более отдаленном.

Слепой менестрель с отдавленным медведем ухом, жался в уголке, тревожно перебирая струны.

Пока слуги бегали и суеились, лучше всех политическую обстановку оценил медведь, осознавший, что он как бы дикий зверь, а не домашний, в связи с чем срочно решил вернуться в дикую природу.

— Король лично ведет войска! Гонец видел Артура! — паниковали слуги во внезапно опустевшем замке. — Он и его пятнадцать рыцарей ведут пять тысяч воинов! С ними Мерлин! — орали в основном мужики, воинственно пытаясь дезертировать.

— Собрать войска! Готовиться к обороне! — приказала я, глядя, как особо доблестные герои возглавляют панику.

— Войско подчиняется только его величеству королю! У каждого из рыцарей есть свои люди, но их недостаточно, потому что Мерлин! — пояснял мне сэр Доннаван, героически подгоняя своего оруженосца пинками.

— Артур обещал взять замок силой! — почти хором воскликнули оставшиеся рыцари, словно под словом «замок» подразумевались все обитатели обоих полов.

— Здоровья не хватит, — мрачно отозвалась я. «А дальше кишки разукрасили замок, и кровь захлестала рекой!», — нагнетал менестрель, которого я мечтала пристрелить.

Запыхавшийся гонец влетел в зал, радуя нас свежими новостями: «Они уже в двух часах пути отсюда!». Едва услышав новость, оставшиеся рыцари вдруг вспомнили про неотложные дела, и решили отложить их в другом месте.

— А давайте сделаем в обход? — предложил какой-то герой от тактики и стратегии, честно имитируя оборону замка.

— Ага, а потом в задний обход сделают нам! — возмутилась я, глядя как последний герой отправляется на битву с совестью.

Я присела на трон, понимая, что ситуация безнадежная. В моей руке был сжат медальон, намекающий, что Артуру осталось жить два месяца.

— Миледи! — орала служанка, гремя чем-то железным. — Наденьте пояс верности! Иначе вас обесчестят!

В ее руке были огромные металлические трусы с изящным цветочным рисунком и милой фигурной прорезью на попе. Местами ржавые, с обилием замков, они производили достойное впечатление на любого мужчину.

— Миледи! — снова вбежал гонец, глядя на опустевший зал. — Они стоят возле замка! Артур там! Он в гневе! Он дал вам время, чтобы вы вышли к нему и за него!

Надеюсь, они еще не кричат: «Гвиневра, выходи! Выходи ... за меня!». При мысли об этом я поехала, а попа нежно закусила бархатную подушечку.

— А потом он за волосы нежно схватил и поклялся ей в вечной любви! — уныло затанул менестрель. — И к ногам бедной девы он меч опустил, обагренный в горячей крови...

Что делает приличная девушка перед знакомством с потенциальным ухажером? Правильно! Надевает красивое нижнее белье, чтобы впечатлить мужчину! Мысли лихорадочно вертелись, панически наталкивались друг на друга, смешивались и порождали приступы неконтролируемой паники.

— Я — богиня судьбы, — шепотом успокаивала я себя, чувствуя, что свидание с Артуром не входит в мои планы. Стоило мне подумать об этом, как медальон предрекал кому-то долгую жизнь.

— Кто-нибудь может вывести меня из замка? — спросила я, но мне ответили, что коней забрали доблестные рыцари, а войско Артура окружило замок со всех сторон.

Я подняла юбки, бросаясь вслед за служанкой, которая вывела меня на стену. Прямо под огромными стенами стояло войско с темно синими гербами на щитах. Темно-синие плащи волновались живым морем под натиском ветра. Я разглядела фигурку Мерлина, стоящую рядом с огромным мужиком в роскошных, сверкающих доспехах. Они задрали головы, а я мысленно готовилась сбросить им мечик. На секунду мне показалось, что я именно тот человек, который не умеет бегать зигзагами от летящей стрелы.

— Да пошли они в ... крестовый поход! — выругалась я, глядя как королевская особа сжимает в руке древко на котором гордо реет знакомое полотнище, вышитое то ли гладью, то ли крестиком. При виде Артура с моим рукоблудием, я чуть не отложила кирпичи на новую стену. Я еще не была уверена, что пугает сильнее — боевой стяг или его счастливый обладатель.

— Если мужчина не умеет ухаживать за женщиной, то пусть не удивляется, если женщина начнет ухаживать от него! — шепотом вознегодовала я, глядя на фигуры Артура и Мерлина, заприметившие меня среди будущих руин. Я помахала им рукой, намекая, что конфетно-букетный период наших отношений возможен только в случае, если увижу могилку с их именами.

Через несколько минут стояла в своей комнате, чувствуя, как поверх моего белья защелкиваются замки. Юбка снова опустилась, я чувствовала, как эротическое белье средневековья зазывно гремит под белым платьем, намекая на то, что не выросло такое копье, чтобы пробить брешь в столь изысканных трусах.

Громыхая средневековым бикини, я снова поднялась на стену, видя, как Артур отдает приказ о наступлении. Оживление покатило по рядам рыцарей, а я пыталась прикинуть дальнейшее развитие наших непростых отношений.

— Миледи, — послышался мужской голос позади меня, заставив меня резко обернуться и отложить кирпичи на строительство полноценного оборонительного сооружения. — Я поклялся защищать вас до конца!

— До чьего? — мрачно заметила я, поглядывая в сторону войска и фигуры в короне. — Вон стоит конец.

— Вы ошибаетесь, моя леди, — вздохнул сэр Анонимус, возвышаясь надо мной и глядя на меня сладкими медовыми глазами. — Я же поклялся защищать вас.

— Послушай, — заметила я, отводя взгляд, а потом осматриваясь по сторонам. — Ты сможешь вывезти меня из замка? Очень нужно! И чем быстрее, тем лучше!

— В обмен на один поцелуй, — заметил рыцарь, пока я радостно громыкала железными трусами в сторону тронного зала. — Всего лишь один поцелуй, и я, если надо, вынесу вас на руках сквозь пламя. Мне ничего не страшно, если я буду знать, что умру с вашим именем на губах...

Я подняла скептический взгляд на огромную махину в доспехах. «Мофь, ярофть и фила!», — промелькнуло в голове, когда я с грустью осознала, что лишний удар мечом об голову мозгов не прибавляет. Но до чего же красивые и выразительные глаза. Иногда я смотрю на них, и почему-то мне кажется, что он издевается.

— О, мой доблестный рыцарь, — воскликнула я, включив режим средневекового пафоса. — Вы действительно так сильно любите меня, что готовы вывезти меня отсюда за поцелуй! Как это благородно с вашей стороны...

— О, конечно, моя прекрасная леди, я готов умереть у ваших ног, — так же пафосно заметил герой, а я воинственно гремя трусами, устремилась в тронный зал оставлять прощальное послание.

«Ушла замуж. Вернусь нескоро», — оставила я записку на троне, в надежде, что если Артур не умеет читать, то это станет дополнительной мотивацией к обучению.

— Не тревожьтесь. Я смогу вывезти вас из замка целой и невредимой, — негромко заметил мой пресветлый рыцарь с пафосным экстазом.

— О, доблестный рыцарь, давайте поспешим! — экзальтированно воскликнула я, дабы подбодрить героя к активной спасательной операции. Крики слуг о том, что войско пошло на штурм, меня слегка огорчали. — А не то замок поимеют во все бойницы!

— Пообещай мне, что будешь моей, — прошептал сэр Анонимус, положив руку мне на талию. — Пообещай, что станешь той, ради кого стоит умереть в бою...

— Погоди-ка! Мы на поцелуй договаривались! Один поцелуй и разбежались! — возмутилась я, скидывая его руку. — Спасибо. Я в ваших услугах, сэр, не нуждаюсь! Я ничего не собираюсь вам обещать! У вас с Артуром есть одна общая черта, за которую вы уже зашли. Вы не понимаете слова «нет». Вместо того, чтобы дать мне выбор, вы точно так же отнимаете его.

— Женщина всегда должна говорить «нет». cyYo-z_Y Так ее учат с детства. Чего бы она

ни хотела, к чему бы ни стремилась, о чем бы ни мечтала, ее правильный ответ — нет, — произнес рыцарь, который мне тут же разонравился. — В этом-то и прелесть женщины. За женщину отвечают правила. Они говорят ее устами. Поэтому к мнению женщины мужчины не привыкли прислушиваться. Артур не понимает причины отказа, поэтому привел сюда войско.

— Вы поклялись слушать мои приказы, — заметила я, беря с трона корону и вставая на цыпочки. — О, мой дорогой рыцарь! Как я могла забыть! У меня для вас есть важная и очень ответственная миссия. Вы все ответите королю Артуру, когда он придет сюда! — гаденько заметила я. — Вы даже сможете поговорить с ним на тему женской несправедливости, а я тихо поикаю в каком-нибудь лесочке.

Я толкнула его на трон, звякнув короной по его шлему. В медовых глазах было такое изумление, что сложно было передать цензурными словами.

— Нарекаю вас исполняющим обязанности Леди Гвиневры. Все, что хотели передать мне, могут смело передать вам. Если будут спрашивать, скажите, что вы мой заместитель! Господа! Новый король Камелиарда! Прошу любить и жаловаться! — громко заорала я, тыкая пальцем в нового короля. Слуги застыли от изумления. — Просили короля — получите. Удачного правления, желаю войти в историю, осесть на страницах учебников. Занять, так сказать, свой почетный абзац, который никто не будет читать. Уважаемый менестрель, можете начинать воспевать в балладах нового короля. Начните со слов: "Фила, ярофть и мофь в правлении должны помофь!". Я ухожу. Кто-нибудь, покажите мне выход из замка!

Глава шестая.

На ночь гадя

Внезапно в зал влетел гонец, сжимая послание. Что-то часто меня стали посылать.

— Леди Гвиневра! Вам пришло сообщение! Король Артур обещал пощадить всех, если вы прямо сейчас согласитесь выйти к нему и за него! — орал гонец. — А еще он сделал лицом вот так! Он обещал золото по весу тому, кто вас приведет...

Выражение лица намекало, на то, что кому-то очень грустно, тоскливо и одиноко без меня под стенами моего замка.

— Как тебя зовут? — спросила я, тяжело выдыхая, требуя колени и руки сохранять спокойствие.

— Твинтер! — гордо ответил гонец, отвесив поклон. — Что передать Артуру?

— Дорогой мой, Твинтер, — улыбнулась я, разрывая на части письмо и бросая на пол. — Передайте королю Артуру, что если он женится на мне, то жить ему осталось два понедельника и половинку вторника! Так сказала мне Богиня Судьбы! Так что я искренне желаю ему счастья, здоровья, удачи и любви! И покажи лицо, словно тебя восьмой месяц безнадежно одолевает чих и понос. Можешь еще ладошкой помахать! Вот так!

Гонец отрепетировал грустное выражение лица и ладошку, а потом бросился из зала.

Я шла по коридору, а за мной бежал молодой слуга, одергивая меня: «Миледи! Пойдите!».

— Сложные времена требуют непростых решений! — отмахнулась я, а меня остановили, перегородив мне путь.

— Я могу вывести вас из замка в безопасное место. В замке много проходов для слуг. Просто не все о них знают! Некоторые из них ведут в лес. Многие слуги уже покинули

замок через них, — осмотрелся по сторонам слуга, а я видела брошенную кухню, где под огромным котлом с похлебкой догорал огонь. Тряпки валялись на полу, а продукты были сметены и вынесены.

Приподнимая юбку, я шла вслед за ним по мрачному узкому коридору, который уводил куда-то вниз. Холод становился все осязаемей, а я зябко повела плечами. За огромной бочкой с вином открылся проход, а я нервно осмотрелась по сторонам, шагая в темноту.

— Миледи, мы все присягнули на верность вашему покойному отцу! — слышался голос позади меня, а я чувствовала, как в гулком шелесте моих шагов бьется сердце. Я не слушала чужой болтовни, чувствуя, что откуда-то повеяло свежим воздухом. Вот так закончится легенда о Гвиневре и Короле Артуре. Я больше не Гвиневра. Еще несколько шагов и это чудовище сможет спать спокойно, но без меня!

Щурясь на яркий свет, ослепивший глаза, я сделала шаг навстречу солнцу.

— Я привел ее! Где моя награда? — внезапно раздался голос позади меня, а я почувствовала, как меня схватили.

— Она? — слышались голоса, а я попыталась вырваться, но меня тут же грубо опустили на колени в траву.

— Поглядим-ка, — усмехнулся кто-то, а я не могла разглядеть их, поскольку солнце било в глаза. Синие плащи. — Действительно, красавица! Ты был прав, Ланцелот!

Есть разница между «добиваться» женщины и «добивать». И, видимо, Артур был больше по части второго. Внезапно меня схватили на руки, закинув на коня, а я почувствовала, как меня куда-то уносят под крики: «Стоять! В погоню! Держите его!».

— Тише, моя леди, — слышался знакомый голос, а я с ужасом почувствовала, как меня обнимает огромная ручища в латной перчатке. Конь несся по высокой траве во весь отпор, а я видела скачущую кромку леса на горизонте и чувствовала, как меня прижали к чему-то металлическому и жесткому. Конь перелетел через поваленное дерево, грузно приземлившись на землю и продолжая свой яростный галоп. Первые деревья встретили нас шуршащей зеленью, а запах трав сменился запахом сырости и коры. Конь мчался по лесу, а я честно решила откинуть копыта по дороге, чувствуя, как меня всю трясет. Внезапно конь остановился возле хрустального озера, а я мутными глазами посмотрела на зеркальную гладь, чувствуя, как меня бережно стягивают с коня.

— Красиво, не так ли? — спросил явно глухонемой сэр Анонимус, который, видимо, не расслышал моей маленькой просьбы оставаться на месте. Я висела у него на руках, вяло любясь красотами местной природы.

— Му-му, — согласилась я, понимая, что если природа меня и интересует, то исключительно в целях залечь где-нибудь на травку измученным бревнышком.

Меня осторожно сгрузили возле дерева, а на траву полетела металлическая перчатка. Рыцарь встал на колено, а я смотрела ему в глаза.

— Тебе плохо? — моей щеки коснулась большая грубоватая рука. А я не могу понять, откуда эта странная слабость. Может, я действительно устала, а может, потому что не ела толком уже несколько дней. — Гвиневра... Ответь мне...

— Угу, — согласилась я, переводя взгляд на серебристую гладь озера и вслушиваясь в щебет птиц. Видимо, яблоки силы дают силу на какое-то время, а потом наступает слабость... Причем, в самый неподходящий момент.

— Если тебе плохо, то говори, — в голосе слышалась холодная сталь. — Если где-то больно — говори. Если что-то не так — говори.

— Понятно, — неприятно усмехнулась я, отворачиваясь от руки и пытаюсь встать, опираясь рукой на сухую кору дерева. — А где же рыцарский пафос? Где же «о, моя леди»? Или я больше не леди? Ну да, какая же я леди без замка и короны? Я благодарю тебя за спасение, о, доблестный герой, но на этом мы распрощаемся... В мире много хороших девушек, поэтому желаю удачи, счастья, радости, любви... Однажды ты найдешь свою принцессу, и вы будете жить долго и счастливо.

Спасибо, средневековые романы я предпочитаю исключительно в переплете. Желательно в твердом книжном, а не в жестком жизненном.

— Не смотри на меня так! Сделай шаг назад и не прикасайся ко мне. Приказывать будешь жене. Послушай, отстань, отвяжись, уйди, исчезни, растворись! Дальше я справлюсь сама. — возмутилась я, видя, как меняется выражение его глаз. Вот зачем он так смотрит? Теперь я знаю, кто учит собачек побираться с хозяйского стола. — Послушай... Я не хочу быть грубой... Я благодарна тебе... От всего сердца... Ты очень сильно меня выручил... Но, понимаешь... Я не хочу быть ничьей леди... Я не хочу замуж... Я — сама по себе девушка...

— Один поцелуй. Вы обещали, — услышался голос, а я закатила глаза в страдальческом порыве.

С замиранием сердца я смотрела на то, как рыцарь снимает с головы шлем, а по его плечам рассыпаются пшеничного цвета длинные, немного спутанные и чистые волосы. Коричневые густые брови, медовые глаза и красивая небритость на волевом лице заставили меня трагически умолкнуть. Вмятина шрама на щеке притягивала взгляд, а я резко отвернулась, моральными пинками пытаюсь отогнать приятное наваждение. Я смотрела в какой-то кустик, который радостно шелестел неподалеку.

Внезапно я услышала шаги, всплеск, а через мгновение мне принесли воду из озера в шлеме.

— Зачем ты так со мной? — усмехнулся рыцарь, пока я осторожно держала в обессиленных руках тяжелый шлем и делала глоток прохладной и чуть сладковатой воды. На нас легла тень темных туч, скрывших солнце. Ветер стал холодным, а я поежилась.

— Надень шлем обратно. Простудишься, — усмехнулась я, возвращая пустой шлем и снова отворачиваясь. Надо бы посмотреть, сколько осталось жить Артуру, но я не рискнула вытаскивать медальон из декольте при свидетелях. Мне на плечи лег чужой коричневый плащ, а я завернулась в него, как в одеяло.

— Почему ты еще здесь? — ненавязчиво поинтересовалась я, отворачиваясь снова посмотреть на него. — Ты уже должен был шуршать отсюда... Или ты ждешь поцелуя? Ладно, как только поцелуй закончится, чтобы тебя здесь не было! Договорились?

— Договорились, — усмехнулись медовые глаза. — Если ты не передумаешь.

— А с чего это я должна передумать, дорогой сэр Анонимус. Между прочим, я тут решила жаловать вам титул Вантуза! — удивилась я, тяжело вздыхая и подставляя щеку и закрывая глаза. — Между прочим, мы не обговаривали конкретное место поцелуя...

— Согласен, — я почувствовала, как меня взяли за подбородок, а моей щеку пощекотала колючка бородки перед тем, как к ней прижались теплые мягкие губы. Через мгновение, я почувствовала, как мягкие губы приоткрыли мои.

—Ммммм! — возмутилась я, ощущая как поцелуй становится все глубже и слаще. Огромная рука подняла меня с травы, а я задыхалась под натиском и напором, которые сменялись какой-то трогательной нежностью, от которой сердце всхлипывало и екало, а душа тихо стонала от удовольствия. Меня держали на руках, целуя уже целую вечность. Нет, ну есть же всему предел? И наглости тоже! Нет, спасибо, такого счастья мне не нужно!

Шла примерно пятнадцатая минута поцелуя, а я начинала понимать, что скоро стану счастливой обладательницей мозолей на губах. Теплые губы скользнули мне на щеку, целуя ее, а я на секунду выдохнула с облегчением.

— Это ... все ... еще ... один ... поцелуй..., — не отрывая губ от моей щеки, заметило чудовище, которое я мечтала задушить. Я честно положила руки ему на шею, но сжать их не смогла, тихо всхлипывая от своего бессилия. Сэр Вантуз передохнул, покрывая поцелуями мою щеку, и снова вернулся к губам, заставив меня захныкать, скрывая радостные порывы сердца. Вот что оно творит? Зачем оно так со мной? Ничего! Посмотрим, у кого первого сдадут нервышки! Если бы знала, то бежала бы от него,

петляя, как заяц.

Меня прислоняли к дереву спиной, а я уже тихо постанывала и хныкала, чувствуя улыбку на чужих губах. Так! Еще немного! Поцелуй не кризис — вечно длиться не сможет!

Еще десять минут, и у меня стал слегка подергиваться глазик.

— Время поцелуя ты тоже не ограничивала, — прошептали губы, давая мне передышку и прижимаясь к моей щеке.

— Имей же совесть, — прохныкала я, понимая, что книгу рекордов Гиннеса еще не изобрели, но я уже чувствую, как мы медленно в нее входим.

— Ты всегда можешь передумать, и я остановлюсь. Я буду целовать тебя до тех пор, пока ты не передумаешь, — прошептали мне, а я снова почувствовала глубокий поцелуй, тихо и обессиленно оседая на его руках. Еще пятнадцать минут, и я поняла, что больше в жизни целоваться не буду никогда!

— Хорошо, — простонала я, сдаваясь. — Оставайся.

В этот момент меня отстранили от себя, глядя с улыбкой. Да, такой настойчивости я, видимо, в жизни не встречала. Почему-то промелькнули обрывки воспоминаний в виде: «Ты не ответила мне раз, я ухожу, я — не самый лучший человек! Видимо, я тебе не нравлюсь, раз ты не хочешь продолжать общение... Ну, извини...». «Я в душе была!!!» — присылаешь ответ, а у него уже другая и дело чуть ли не к свадьбе идет! Уже имена будущим детям придумали и списки гостей составили. И это все пока ты, ничего не подозревая, намыливала голову!

— Я понимаю, что ты страшно далека от жизни за пределами замка, что тебя всячески от нее ограждали, но я тебе скажу так. Женщина, у которой нет мужчины, чтобы ее защитить, не выживет за пределами городских стен. И это правильное решение, — сурово пояснили мне. — Мужчина создан для того, чтобы защищать. Леса опасны, города опасны. Иногда

И тут меня осенила гениальная мысль, пока я смотрела на то, как он снимает с себя доспехи, пока конь неподалеку деликатно общипывал кустик, прядя ушами. Ничего себе конь... Мне кажется, что таких огромных коней, я в жизни не видела. Коричневый с белой звездочкой на лбу он смотрел на меня, как на дуру, периодически пощипывая зелень.

— Милый рыцарь, — снова пафосно начала я, глядя на дорогую рубаху, которая пряталась под нагрудником. Массивная золотая цепь на шее незамысловатого плетения спадала на вздымающуюся грудь, а разметавшиеся длинные светлые волосы, словно выгоревшие на солнце, сосульками ложились на могучие плечи. Складывалось впечатление, что это тот мужик, который способен рояль в одиночку затащить на девятый этаж вместе с грузчиками, гордо восседающими на крышке. От таких возможностей у меня захватывало не только дух, но и воображение.

И тут я увидела, как с его груди сползает рубаха, заставляя меня отвести глаза в сторону лошадки. В тот момент, когда я отважилась снова посмотреть, я сначала увидела руку со снятыми штанами и голые расправленные плечи. Герой средневекового романа направлялся в сторону озера.

— Ты что? Купаться надумал? — занервничала я, глядя, как лошадь повернула голову.

— Да. Тебе не советую. Вода холодная, — послышался голос, пока мы с лошадкой стыдливо рассматривали букашку, ползущую по листку. — Меня так учили. Поначалу меч в воду бросали, заставляя за ним бегать. Потом приновился... Даже понравилось...

Мокрые волосы облепили его шею, а я страдальчески смотрела на то, как на мокрое тело натягивается рубашка и штаны. Мне на руку упали первые холодные капли дождя, заставляя зябко поежиться и посмотреть на тучи, которые сгущались над нами и над лесом. Несколько ледяных капель обожгло меня ознобом, а я спряталась в плащ, поглядывая, как дождь с каждой секундой усиливается.

— Я сейчас вернусь, — слышался голос, а мой настойчивый друг куда-то резко засобирался. Капли шуршали листьями, а небо расчертила яркая молния, гроыхнув так, что я едва ли не подпрыгнула на месте от неожиданности. — Не вздумай уходить.

Спасибо, ты — самый заботливый мужчина на свете! Оставить меня в поляне, одну, в грозу под самым высоким деревом в окрестностях — если это не любовь, то, что же это? Любовь поразила нас как молния, а мои обугленные останки станут неплохим пополнением рациона для местной живности.

Внезапно слышался удар грома, а сквозь стену дождя проступали очертания силуэта. Силуэт стал все четче, а передо мной стояла на коленях молодая темноволосая женщина. Ее волосы, которые должны были облепить щеки, выглядели так, словно и не попали под дождь.

— Мерлин ищет вас. Вы нужны ему. Бегите... Сейчас же! — произнесла она, поднимая на меня глаза. Я никогда не видела таких странных глаз! Они были ярко-синими, словно нарисованными. Слишком яркими, слишком красивыми и слишком нереальными. — Вы не узнаете меня, богиня? Я всегда была вам верна... До последней капли крови...

— Ах, да! Конечно, помню! — на всякий случай обрадовалась я, понимая, что вижу ее впервые. — Еще вот такусенькой! Как посмотрю, так сердце радуется! И кровью обливается местами...

— Я спрятала его. Вы приказали мне хранить тайну, даже от вас, — произнесла незнакомка, глядя на меня своими нечеловеческими глазами. — В надежном месте. Как вы и просили, моя богиня.

— Я бы тоже спрятала Мерлина в надежном месте, правда еще не нашла обладателя такого места, куда бы он пролез. Но, поверьте! Я не сдаюсь! Поиски продолжаются! — прищурилась я, осматриваясь по сторонам и понимая, что в упор не понимаю, о чем речь. — Тем более, туда он пойдет не один. Ему там скучно не будет. Их там будет много.

— Бегите! — слабым эхом доносился до меня голос, а силуэт таял в стене дождя под торжественные раскаты грома.

Я встала с места, оглянулась по сторонам и бросилась в дождь, чувствуя, как противно намокает тряпичная обувь, а ноги, к которым липнет насквозь промокшая юбка, скользят по мокрой траве.

И внезапно меня поймали на руки, прижав к себе и покрывая мое мокрое лицо поцелуями и перебирая пальцами мои намокшие пряди.

— Нужно ехать. Они совсем близко, — слышался знакомый голос, а с моего лица стирали воду. Я видела знакомые медовые глаза, мокрые волосы, разбросанные по плечам и рубаху, липнущую к телу. Меня сгребли в охапку, затаскивая на коня.

Конь скакал сквозь грозу, а я чувствовала, как по лицу стекают капли воды. Раскаты грома заставляли сжиматься, ветер пронзал насквозь, а стена дождя, застилала горизонт.

Такое чувство, что где-то в глубине души раздавались древние печальные песнопения, воспевающие что-то величественное и недостижимое под страшные раскаты грома. Молнии били в размытый горизонт, а сизые тучи клубились над головой. Деревья расплывались кляксами и тянулись мокрой бесконечной зеленой лентой.

Внезапно ослепительная вспышка заставила меня зажмуриться, а когда я отважилась открыть глаза, то в силуэте дождя вырисовывался мрачные башни огромной крепости, которая гостеприимно распахнула зубчатый зев, пропуская нас внутрь и с грохотом закрываясь. Серый, мокрый камень стен, брусчатка и рыцари в синих плащах, стоящие по обе стороны, образуя проход, заставили меня занервничать. Огромная рука стянула меня с коня, пока рыцари в кольчугах сохраняли торжественную тишину, опустив глаза.

Огромные двери замка распахнулись, а меня внесли внутрь освещенного факелами зала. Синие знамена украшали стены, а на каменном постаменте стояло два трона. Один огромный, а второй маленький... Прямо детский....

— Добро пожаловать в Камелот, любимая, — прошептал голос, а я почувствовала, как меня прижали к себе. — Ты дома...

Меня поставили на каменный пол, а я смотрела в медовые глаза и видела улыбку. Его руки бережно гладили мое лицо, убирая намокшие пряди. Молчаливый слуга молча поднес подушечку с грубоватой золотой короной, в которую были вправлены несколько крупных драгоценных камней.

— Ваше Величество, — произнес слуга, а я кусала губы, глядя на то, как на мокрое золото волос ложится золотая корона.

На его плечи упал расшитый золотом синий плащ, а я смотрела в медовые глаза, чувствуя, как начинаю ненавидеть его. Все молчали, а на меня смотрели медовые глаза. Хм... Странно. Липкий, теплый и вонючий. А не какашка ли он часом?

— Мои рыцари, с этого момента Леди Гвиневра — моя законная супруга и ваша королева. Вы обязаны защищать ее любой ценой. Если она погибнет, я снесу голову всем живым, кто был рядом с ней в момент ее смерти. Если она будет плакать, я снесу голову тем, кто будет в этот момент улыбаться. Вы меня знаете, — произнес голос, от которого даже по доспехам пробежали железные мурашки. Поверьте, даже мои железные трусы не исключение. Меня держали на руках, не смотря на мое сопротивление и попытки пнуть его величество по будущим наследникам.

Рыцари упали на колени, преклонив головы перед нами, а я мысленно убивала это чудовище, пытаюсь дотянуться до его шеи. Стоило мне положить руки ему на шею, пытаюсь задушить, как Артур украдкой с улыбкой поцеловал мои, к сожалению, слабые конечности, честно пытающиеся лишить его жизни.

— Ну что, моя королева? — насмешливо спросил Артур, глядя на меня все тем же взглядом, из-за которого у меня уже пальцы устали душить его. — Я чудовище?

На меня смотрели пятнадцать героев, а слуги втаскивали огромные полированные деревянные щиты, похожие на куски пирога.

— Это — мои верные рыцари! Сэр Гавейн, — Артур махнул рукой в сторону усатого молодца с ярко выраженной депрессией на лице. Самое интересное, что мы с ним еще не знакомы, но нагадить ему я уже успела. — Это — мой племянник. Сын старшей сестры Моргаузы. Победитель Зеленого Рыцаря! Однажды к нам въехал прямо в замок рыцарь. Мы как раз восседали за Круглым столом. За первым...

— А куда делся первый круглый стол? — поинтересовалась я, делая для себя маленькие и неутешительные выводы, что в первую очередь вакансии предоставлялись родственникам.

— Случайно после твоего первого отказа отказал, — с насмешкой заметил Артур, а рыцари посмотрели на него с некоторой опаской. Пока я ломалась ломался и стол.

— Сэр Гавейн — моя правая рука. Мы сидели за столом, а в замок въехал великан на зеленом коне в зеленых доспехах. Гавейн отрубил ему голову, но великан поднял ее и сказал, что ждет Гавейна через год, — продолжал Артур. У меня было два вопроса. Все ли видели зеленого человечка, или только Гавейн? И второй вопрос, что и сколько в этот день пили, раз прямо в зал явился зеленый мужик на зеленом коне?

— Сэр Гавейн прибыл через год в Зеленую Часовню. И сэр Гавейн лесах Вирраля остановился у хозяина — доблестного рыцаря, у которого была красавица супруга. Красавица соблазняла его прелестями, но он проявил себя с лучшей стороны! — заметил Артур, а Гавейн посмотрел на нас с чувством собственного превосходства. — Это было испытание Зеленого Рыцаря. Хозяин оказался тем самым зеленым великаном и подговорил жену, чтобы она соблазнила гостя! Битвы не было, а сэр Гавейн с честью вернулся в Камелот.

— Браво! — мрачно похлопал темноволосый красавец с бледным лицом в черных одеждах. Он поднял на меня какие-то знакомые ярко-синие глаза, а потом однобоко улыбнулся. — Воистину подвиг настоящего рыцаря! Что уж тут сказать? Слов нет!

— Вы уже знакомы с Ланцелотом! Это — моя левая рука! Ланцелот Озерный, — Артур

махнул в сторону светловолосого рыцаря с фингалом под глазом. — Показал в боях свою доблесть и мужество.

Я снова услышала смешок от черного рыцаря, но тот его спрятал, опустив голову и прикрыв лицо прядью волос.

— Это сэр Персифаль. Или Передур! — гордо заметил Артур, а в его глазах что-то сверкнуло. — Рыцарь, давший клятву, что не прикоснется ни к одной женщине, какой бы красивой она ни была. Сколько красавиц вводило его во искушение, но он проявлял твердость дух и силу воли. А еще он поклялся, что никогда не поднимет меч на женщину!

Есть у меня подозрения, что его меч на женщину вообще не поднимается, но при этом игриво подергивается в сторону мне пока неизвестную, но уже слегка смущающую. Хотя, мне —то что? Слегка смущаться должны другие рыцари...

— Ну да, — снова усмехнулся темный рыцарь. — Я, например, со своей стороны, никогда не крикну «Передур, прикрой меня с тыла!».

Артур посмотрел на темного рыцаря, который не сводил с меня глаз. В этот момент мне казалось, что его черный зрачок расширяется до каких-то невообразимых пределов. Мне совсем не нравился его взгляд, но в свете того, что сегодня ночью я попытаюсь торжественно покинуть эту скромную обитель рыцарства и подвигом, я решила не обращать на него внимания.

— Это Лоенгрин! — мне указали на светловолосого рыцаря с лебедем на щите, который смотрел на нас так, словно его не пятнает грязь этого брэнного мира. — Сын Персифаля... Рыцарь, поклявшийся, как и его отец блюсти чистоту помыслов и сердца. Рожденный от непорочной связи...

Мысль о том, что матери по факту не было, и рожать сэр Персик вынужден был самостоятельно, слегка тревожила мое воображение.

— Это сэр Кей! Мой молочный брат! — мне с гордостью указали на шезлонг для природы. Челюсть вперед, маленькие глазки и попытка изучить содержимое уха пальцем выдавали в нем человека, защитившего докторскую, правда, колбасу, от стаи голодных собак. — Во времена Лихолетья, я воспитывался вместе с ним. Когда был объявлен турнир, сэр Кей вызвался участвовать в нем на правах рыцаря, но забыл меч на постоялом дворе. Тогда я бросился за мечом, но постоялый двор был закрыт. И прямо в центре площади, я увидел поросший плющом меч, торчащий из камня. Дальше легенду вы наверняка знаете.

— Сэр Кей у нас — мозг! — согласился, пытаюсь подавить язвительную улыбку, мрачный рыцарь в черных доспехах.

— Это — Мордред, мой второй племянник. Сын леди Морганы. Подвигами не прославился, но у него еще все впереди, — усмехнулся Артур, а Мордред снова уставился на меня странным взглядом, от которого я тут же почувствовала дискомфорт. Мне представляли и других рыцарей, а я уже не запоминала их имена и подвиги.

— Мы, рыцари круглого стола, бросили вызов самой судьбе! Она пыталась поставить нас на колени, но каждый из нас сумел обмануть ее! Мы не успокоимся, пока не найдем Грааль — чашу богини судьбы, способную изменить любую судьбу, отвести смерть, даровать бессмертие и самому написать свою судьбу так, как тебе этого хочется. Судьба человека в его руках, а не в руках богини. Мир принадлежит людям, а не богам, — произнес Артур, усмехнувшись. Он прижал меня к себе, убирая прядь волос с моего лица и склоняясь для поцелуя. — Я клянусь тебе... Моя прекрасная Гвиневра... Что не успокоюсь до тех пор, пока не выдерну из груди богини судьбы окровавленный Эскалибур...

Рыцари вскинули мечи, а потом металлические перчатки звякнули о нагрудники. Я посмотрела на любителей «плевать против ветра» с тяжелым вздохом.

— Я хочу, чтобы каждый из вас присягнул на верность моей королеве! — громко произнес Артур.

Передо мной на колени упал Ланцелот, глядя на меня взглядом влюбленного идиота, а потом приложился к моей руке.

— О, моя королева, я готов выполнить любое ваше желание. Отныне моя жизнь принадлежит вам... Я избрал вас своей дамой сердца! Каждый подвиг мой будет в вашу честь... — расплылся он любвеобильным фонтанчиком, а потом поднял на меня фингал, а выдернула руку. Следующим был Гавейн, звякнув доспехами.

— Я готов ради вас пойти на край света и победить еще десятки зеленых великанов! Всегда верен королю, всегда верен королеве! — пафосно произнес Гавейн, глядя на меня благоговейно.

— Почему я один не видел того великана? Может, потому что не пил? — усмехнулся черный рыцарь, снова глядя на меня пристальным взглядом странных глаз. Он смотрел на меня так, словно недавно застал меня за чем-то не совсем приличным, а по губам скользнула тень улыбки.

— Мое достоинство принадлежит вам, моя королева! — расплылся еще Лозгрин, опуская на колени и прижимая к груди шлем, сделанный в форме лебедя.

— То есть я могу оторвать его вам в любой момент? — нервно заметила я, глядя с какой пылкостью он прикладывается к моей руке, но меня заверяли в том, что женщина — это святыня, которую нужно беречь. «А белый лебедь на пруду справляет малую нужду, на том пруду, куда тебя я приведу...», — унылой шарманкой вертелось в голове под клятвенные лобзания.

Артур смотрел на то, как очередной герой, гремя латами клянется мне в верности.

— Мой меч принадлежит вам! — уверял меня некий Ламорак, а я почему-то тревожилась. Артур уже отдавал приказы, а опустила руку, вытирая ее об платье и рассматривая носки своих тряпичных туфель.

Внезапно я подняла глаза и застыла от странного чувства. Меня словно пронзило навывлет острыми иглами. Яркие, синие глаза смотрели на меня безотрывно, а я не могла понять, что со мной не так. Внезапно глаза сузились, а на губах появилась тень улыбки. Черный каскад волнистых волос рассыпался по плечам, а странные глаза высверливали во мне дыру.

— Я не стану присягать ей на верность, — услышала я, едва слышный голос, пока Артур и его команда пытались водрузить столешницу.

— Мордред! — послышался голос Артура, а я увидела улыбку на лице.

— Да, папа? Верность — понятие относительное. К кому-то относится, к кому-то нет, — усмехнулся Мордред, а потом взял в руки прядь моих волос. — Не все то золото, что блестит.

Папа?! Я перевела взгляд на Артура, который холодно смотрел на Мордреда.

— Я просто воспитывал Мордреда после смерти сестры, — отрезал Артур, а Мордред улыбнулся нехорошей улыбкой. — Как родного сына.

— У меня для тебя есть хорошая новость, — обратился ко мне Мордред, поднимая брови и глядя с надменной улыбкой. — Ты мне уже не нравишься, поэтому я не буду опускаться до иллюзии подобострастия. Достаточно иллюзии чувств к иллюзии красоты.

— Мордред! Прекрати! — возмутился Артур, нахмутив брови. — Это — твоя королева! Прояви почтение!

Я видела, с какой улыбкой меня берут за руку. По спине пробежали мурашки, а я сделала шаг назад, пытаясь освободиться. Это был тот самый случай, когда я была бы готова поверить на слово.

— Нет, — возмутилась я, пытаясь вырвать свою руку и спрятать ее за спину, но Мордред не сводил с меня глаз, поднося мою дергающуюся руку к своим губам. В этот момент я застыла, чувствуя, как прикосновение его холодных губ. Глаза этого чудовища

закрылись черными густыми ресницами, а я почувствовала, как по моей коже игриво скользнул язык.

— А почему вы так побледнели? Я — ваш верный пес! — со смехом заметил Мордред, когда я выдернула руку, вытирая ее об подол платья. — Вас случаем еще не отравили? Ах да, я забыл. Вы здесь еще ничего не ели. Камелот — это самое гостеприимное место на свете, так что наслаждайтесь нашим гостеприимством.

Стол собирался плохо, зато советов было столько, что я поражалась спокойствию слуг.

— Этот стол — символ нашего единства и равенства! — гордо заявил Артур, пока успехи где-то спрятались и показываться в ближайшее время не собирались.

— Давайте все дружно позовем доброго Мерлина! — послышался голос с такой издевкой, что я невольно бросила взгляд на черную фигуру, стоящую в стороне от процесса сборки. — Мерлин! Мерлин! Приди! И стол нам круглый собери! Надо же за чем — то держать совет. Вдруг нам снова придется завоевывать девушку? Тут же без советов со стороны не обойдешься никак! А у нас первая брачная ночь впереди! Все нужно согласовывать... Очередность действий, предполагаемый результат... А лучше всего спросить у Мерлина! Он у нас большой знаток женщин...

Мокрые ноги подмерзли, а я не выдержала, глядя на курорт природы, выхватила у Ланцелота Позорного две деревяшки и приделала их на место.

— Так нечестно! — заявил ироничный голос, заставив меня снова посмотреть на это исчадье циничного ада. — Он так старался!

— О, моя королева, — снова упал на колени Ланцелот, заглядывая мне в глаза. — Ради вас я готов на любой подвиг! Служить королеве — это лишний повод доказать преданность королю!

— Кроме умственных, разумеется, — послышался язвительный вздох. — Не обращайтесь на меня внимание. Вы должны успеть что-то сломать до прихода Мерлина.

— Я — ваш преданный слуга, — шептал Ланцелот, пока Артур осматривал получившийся результат и проверял на прочность. Взгляд Артура был прикован к роскошной столешнице. — Только скажите, я все сделаю! Я готов победить любое чудовище, обнажить меч против кого угодно.

— Зря стараешься, — усмехнулась я, глядя на Ланцелота с улыбкой. — Артур не смотрит. Я скажу, когда он посмотрит, вот тогда и продолжишь. Договорились?

Я снова подняла глаза на Артура, который постучал по столешнице, проверяя ее на прочность. «Лучшие дубы Камелиарда!», — гордо усмехнулся Артур, осматривая получившийся результат.

— Стол из лучших дубов Камелиарда собирают лучшие дубы Камелота! — рассмеялось исчадье циничного ада, пока на него посмотрели нехорошими взглядами, но почему-то молчали. — Быстрее, быстрее сломайте что-нибудь, пока Мерлин не пришел! Вот наш добрый старичок удивится, узнав, что у нас нет потерь! Ни боевых, ни болевых! Как скучно сегодня у нас... Никто себе руку не оттяпал... Ланцелот! В это время ты обычно уже орешь! Опаздываешь!

— Проклятый трус! — не выдержал Ланцелот. — Ты не прославился ни в одном бою! Ты не совершил ни одного подвига! Как ты смеешь, подлый трус?

— Мой подвиг заключается в том, что я вас еще не отравил! Если бы ты знал, как иногда этого хочется! — жалобно поджал губы Мордред, изображая мучительное страдание.

— Сражайся со мной, трус! — заорал Ланцелот, выхватывая меч. Его глаза были наполнены гневом, а потом он бросил взгляд на меня. — Моя королева, не обращайтесь на него внимания! Он — недостойный человек! Я еще удивляюсь, как он вообще имеет дерзость садиться с нами за один стол! Я хотя бы знал своего отца! Все здесь знают своих отцов, кроме него! Он — бастард, которому оказана милость короля Артура сидеть с нами за одним столом! Гавейн, Ивейн, Гахерис, Агравейн, Гарет, Я. Все здесь принцы! А ты — бастард, не знавший своего отца!

— Кто настоящий отец знает только мать, — с ядовитой улыбкой заметил Мордред. — Тебя же как бы изначально Галахадом назвали, а потом что-то не заладилось, и тебя вместо родителей воспитывала Вивьен — владычица озера. И это вполне достойное объяснение тому, что в некоторых вопросах ты плаваешь...

— Мечом махать будете завтра! — произнес Артур, глядя на то, как Ланцелот готовится к бою за оскорбленную честь. — Завтра мы устроим турнир в честь новой королевы! А пока отведите Гвиневу в ее покои!

— Иди, любимая, я скоро приду, — меня обняли и поцеловали, а я поплелась вслед за служанкой по освещенным факелами коридорам.

Мне открыли дубовую дверь, а я увидела ложе на две отъевшиеся персоны, а служанка тут же учтиво оставила меня дожидаться супруга. Я осторожно вытащила из укромного места в районе пояса, ключ от железных трусов. Я все прекрасно понимаю, но они мне дьявольски натерли и создают такой дискомфорт, словно у меня каждый день — критический по умолчанию. Маленький ржавый ключ, с легкостью вошел в замок трусов, я с облегчением повернула его и услышала хруст. Через минуту на моей ладони лежала верхняя часть ключа вместе с цепочкой, а вторая намертво застряла в замке. Караул!!!

Глава седьмая.

Рыцари круглого стола с квадратными глазами

— Без паники! — шептала я, пытаюсь выковырять старый ключ из замочной скважины. — Только без паники!

Ключ засел глубоко, а я прыгала на кровати делая, отчаянные движения бедрами, знакомые всем мужчинам, пытаюсь встряхнуть его. Я схватила со столика золотой гребень, высунула язык от усердия, пытаюсь расковырять и вытащить ключ, но добрый мастер позаботился о надежности замков, а надежности ключей, видимо, нет!

— Ыыыы! — всхлипывала я, понимая, что у меня не получается снять их даже, выдохнув и потянув вниз. Ситуация была не только «безвыходная», но и безвыходная.

Внезапно дверь открылась, а я на пороге стоял король Артур собственной персоной. Я застыла в попытке снять железные оковы и стала натягивать из обратно.

Артур сел на кровать рядом и сгреб меня в охапку, как котенка. За моей ногой тащилось одеяло, а я чувствовала, как натерли мне злосчастные трусы.

— Помоги мне снять их! — всхлинула я, понимая, что без мужской помощи тут никак не обойтись. Срочно нужен мужчина, имеющий опыт снятия железных бикини!

Меня обняли, прижав к себе и поцеловав, пока я смотрела на грубоватое лицо со шрамом.

— Не зачем, любимая, — со вздохом заметил Артур, глядя на меня медовыми глазами. — Мы будем просто спать рядом. Как бы я не любил тебя, как бы не хотел, но я могу лишь мечтать о тебе... И представлять в самых сладких грезах...

Погодите! Я что зря тут белье надевала? Видимо, я что-то пропустила в этой жизни! «Артур возьмет тебя силой!» — звучала в голове угроза Мерлина, а я смотрела на «беруна» и уже даже с сочувствием.

— Мне нельзя иметь детей, — вдохнул Артур, целуя меня в губы, который только приоткрылись, чтобы задать назревший вопрос. Глубокий поцелуй и нежные объятия, как не давали мне ответа на насущный вопрос.

— Понимаешь, — Артур отпустил меня, тряхнув светлыми волосами. — Было пророчество Мерлина... Пророчество о том, что мой собственный сын убьет меня своими руками... А я убью его... Мы умрем с ним в один день, оставив Британию обезглавленной...

Да тебя, по идее, не сын, а любая законная супруга должна задушить голыми руками, узнав о том, что простые женские радости, ей не светят!

— Мой ребенок... Моя кровь... Вот поэтому я и собрал круглый стол рыцарей. Один из них станет моим преемником, когда я умру. Тот, кто будет самым достойным, кто проявит себя в подвигах и овеет славой, — тяжело вздохнул Артур, а потом поднял на меня глаза, в которые светились любовью. — Но мне достаточно того, что ты рядом. Мы можем просто любить друг друга. Я поведал тебе свою тайну, и прошу тебя не говорить о ней никому.

Вот не думала, что однажды попрошу мужчину!

— Сними с меня эти трусы!!! — заорала я, глядя на Артура, который прищурился и положил руку поверх моих лат для попы.

— А где ключ? — наивно поинтересовался он, а я показала пальцем в замочную скважину, чувствуя, как у меня дрожит глазик.

— Сейчас приду! — произнес Артур, глядя на хитрый замок. Я терпеливо лежала и ждала, когда Его Величество появится с напильником или лобзиком, но время шло, а Артура все не было. Мочевой пузырь заявил, что долго мы не протянем...

Я одернула платье, нацепила мокрые туфли и двинулась на поиски спасителя моей совести. И тут в конце коридора послышались голоса. Я прислонилась к стене, прислушиваясь.

— Мордред! — послышался голос Артура, а я выглянула, глядя, как при свете коптящих факелов заседают круглый стол.

— Я просто ноги положил на стол! — заметил знакомый голос. — В правилах круглого стола указано, что на него можно класть оружие. Мое главное оружие труса — это ноги. Именно на них я сбегал с поля боя! Так что я не нарушил ни одного правила!

Повисла тишина, а я услышала голос Гавейна, осторожно выглядывая из своего убежища.

— Я предлагаю оставить все как есть! Женщина должна всю жизнь быть верной мужу, так же как рыцари — королю! — глубокомысленно заметил Гавейн, глядя на всех присутствующих. Стол был худо-бедно собран, а перед каждым рыцарем лежал меч, острием в центр, где был резной пустой постамент. — Это — мудрое решение, Артур! Поверь мне!

Я уже понимала, почему сэра Гавейна мне не нравится, но глубину своего отвращения осознала только сейчас. Совет гинекологов продолжался, а я мысленно хотела придушить каждого.

— Bravo! — похлопал Мордред, сидя без доспехов и сложив ноги в черных сапогах прямо на стол. — Насколько мне известно, женщины в таких поясах действительно хранят верность мужу до смерти, правда, смерть не сильно задерживается в пути. Разве что понюхать цветочки!

— Пояс нужно снять! — закричал Ланцелот и тут же встал, гордо тряхнув золотыми кудряшками. — И чем быстрее, тем лучше!

Я почти прониклась симпатией к этому прелестному идиоту.

— Разрубить мечом! Как настоящий рыцарь! — радостно закончил Ланцелот, гордясь своей идеей. Симпатия торжественно написала завещание, пока я представляла, как за мной по всему замку бегают рыцари с мечом, пытаюсь снять с меня трусы и не убить меня ненароком.

Артур нахмурился, а потом изрек: «Еще варианты! Мы обсуждаем с вами проблемы государственной важности! Мы поклялись делиться своими проблемами!».

— Пока мы тут решаем проблему ... простите, государственной важности, девушка уже изнывает... Я прямо представляю, как она лежит с раздвинутыми ногами и терпеливо ждет, когда лучшие умы Камелота придумают дерзкое и смелое решение! А что, простите, за пикантный вопрос, выходное отверстие так и не стало входным? — снова послышался голос, от которого список потенциальных покойников вырос еще на одного человека.

— Мордред! Если бы ты ни был мне, как сын, я бы давно прогнал тебя! Как ты смеешь так говорить о своей королеве! — возмутился Артур. — Твои слова недостойны рыцаря!

— Милорд! — встал Лоегрин, прижимая к груди шлем в виде лебедя. — Мы хотели доложить вам о бесчинствах!

— Отлично! — потер руки негодай. — Начинай! Я замер в предвкушении!

— Мы нашли тайный храм богини судьбы, — лебедь горделиво повел красивой головой, а россыпь золотых волос скользнула по белоснежным доспехам, — а когда прискакали туда, но крестьяне сказали, что туда тремя часами раньше проскакал черный рыцарь со свитой. Когда мы пришли, в храме не было никого! Они видели, как рыцари вывозят жрицу и все из храма! Я полагаю, что это был Мордред! И я предлагаю придумать ему за это наказание!

— Никаких подвигов течение месяца? О, нет! Только не это! — трагично заметил Мордред, глядя на докладчика и доносчика. — Я не переживу...

— Значит, это все-таки был ты!!! — заорали рыцари, а Артур нахмурился. — Они могли знать путь на Авалон! И помочь нам выследить богиню судьбы!

— Я, — усмехнулся Мордред. — Отчитываюсь. Всех изнасиловал, всех убил! Ну и ограбил предварительно! И даже старушку жрицу тоже... Уж больно она мне понравилась...

— Я требую, чтобы он понес наказание! — закричал Лоегрин, а рыцари повскакивали с мест.

— Скажи, в какую сторону, а я уж как-нибудь понесу, — заметил Мордред, пристально глядя на Лоегрину. — Да, действительно это был я... Но мы отвлеклись от темы.

— Я придумал тебе наказание! Я взял тебя на воспитание, оказал милость, заменив тебе отца, а ты ведешь себя ужасно! — сурово произнес Артур, глядя на несносного рыцаря. — Завтра ты участвуешь в турнире! Будешь сражаться со всеми рыцарями! Мой племянник не должен быть трусом! Это будет искуплением, достойным настоящего рыцаря!

— Давайте позовем кузнеца! Они умеют открывать замки! — предложил кто-то из рыцарей, а поскольку угол обзора и позора был ограничен, я не рассмотрела этого гиганта мысли.

— Я считаю, что эта проблема не должна выходить за рамки круглого стола! — произнес Артур. — Я боюсь покалечить любимую!

— А давайтеждемся Мерлина! — произнес Персик, почесывая свой персик. — Пусть он снимет пояс верности!

— Я не знаю, когда Мерлин вернется! — огрызнулся Артур, снова бросив суровый воспитательный взгляд на Мордреда. — Он иногда уходил на несколько месяцев!

— Мерлин — не старый. Он опытный... Особенно в таком щекотливом деле! — согласился Мордред, с усмешкой выдержав взгляд Артура. — Пойди, объясни своей Гвиневре о том, что придет добрый дедушка Мерлин и снимет с нее доспехи. Дай бедняжке надежду!

— Не смей говорить так о Великом Мерлине! — почти хором воскликнули рыцари, а некоторые даже обнажили мечи. — Без него мы не найдем Грааль.

— Давайте по порядку! Грааль нужен Мерлину, а не вам! Я просто напоминаю, — произнес Мордред, закатывая глаза в тот момент, когда Ланцелот приставил меч к его горлу. — Объясните мне, зачем вам Грааль? Вы на него смотреть собрались? Сторожить? Я так понимаю, что дырочка в столе для него?

— Благодаря ему я смогу обмануть судьбу, — вздохнул Артур, глядя на пустой пьедестал. — И быть рядом с любимой, не только как король, но и как мужчина... Я смогу иметь наследников, не боясь, что мой собственный сын убьет меня! Подлая богиня судьбы, которая наградила меня этим проклятием, должна умереть!

— Воистину глупость твоя, Мордред, может соперничать с трусостью! Чаша, дающая бессмертие, счастье и вечную любовь должна принадлежать нам! — воскликнул Ланцелот, а его красивое лицо исказилось гневом.

— А кто сказал вам, что вы его получите, когда найдете? — заметил Мордред, тряхнув черными волосами и ... посмотревшись в чужой меч, как в зеркальце. — Извините, показалось. Думал, что у меня на лице написано «дурак, который пляшет под дудку Мерлина», но нет... Не написано.

— Если бы твой меч и ум были бы так же остры, как и язык, то в бою тебе не было бы равных! — рявкнул Артур, в гневе ударив кулаком по дубовой столешнице да так, что мечи, лежащие на ней подпрыгнули. — Встань из-за стола!

— Я еще не доел, — гадко усмехнулся Мордред, стаскивая ноги со столешницы, вставая и забирая свой черный плащ. — Ту похлебку из сказок, которой вас потчует Мерлин. Так и быть... Останусь голодным.

— Я предлагаю, чтобы менестрели написали про него уничижительную балладу, прославляющую его, как негодяя! — предложил Лоегрин, присоединяясь к гневу общественности. — И пусть разнесут ее по всей Британии... И тогда он просто будет вынужден совершать подвиги, дабы слава о подвигах затмила славу о позоре!

Я видела, как Мордред с усмешкой удаляется, по коридору, пока сердце отходило от «он сейчас пойдет сюда!». Нет, значит, меч из камня он вытащил, а обломок ключа из замочной скважины — нет!

Плюнув на все и с сожалением отметив, что с уходом Мордреда заседание стало уже не таким, я направилась в комнату. Последнее, что я слышала — предложение не кормить меня какое-то время, дескать, одной знакомой девице удалось похудеть настолько, что пояс сам слетел с нее.

Стоило лечь в кровать и закрыть глаза, словно наваждение появлялась белоснежная, ослепительная улыбка в обрамлении темных локонов и взгляд синих глаз.

— Нет! — категорично заявила я сама себе, отгоняя мысли и накрывая голову подушкой. А перед глазами все равно маячил красивый профиль, и хмурились черные брови.

Внезапно дверь открылась, а на пороге стоял Артур с клещами, огромной ржавой пилой и такими приспособлениями, едва завидев которые во время первой брачной ночи, хотелось спрятаться под кровать.

— Иди сюда, любимая, — нежно позвал Артур, а ржавая пила в его руках намекала, что пилить в нашей семье — удел супруга. Клещи попытались выгнуть металл, но он засветился волшебным светом, а клещи в могучих руках сломались.

— Ай! — возмутилась я, чувствуя, как в ход пошли еще одни клещи, а меня вместе с трусами, которые смело поставить в угол, ведет в сторону.

— Потерпи! — произнес Артур, пытаясь выломать трусы по кускам, но на них не было ни царапинки, а сломанные клещи номер два со звоном упали на пол.

— Ну как? — в дверном проеме появилась золотая голова Ланцелота, а меня уже пилили, пока я боязливо вжимала живот, чувствуя, как скребут не только кошки на душе, но и

ржавые зубцы пилы.

Пила сломалась и была отброшена, как и идея выволить меня из железного плена. «Сидит девица в темнице, а любовь на улице», — произнесло что-то внутри меня с такой грустью, что стало понятно, что дело — дрянь.

— Дайте я попробую! — радостно заметил Ланцелот, летя ко мне с мечом в руках. — С вашего позволения, моя леди. Если нет, то вы, милорд, попробуйте Эскалибуром. Это какие-то чары! Темная магия!

Консилиум борцов со злом, посмотрел на мои страдания и решил, что секс и нормальный туалет мне противопоказан, если не до прихода Мерлина, то до конца моих дней. «Прилетит вдруг волшебник, в голубом вертолете!», — пропело что-то внутри меня, а это был тот самый случай, когда я безмерно радовалась приходу Мерлина. И тут меня накрыло, причем, далеко не одеялом.

— Дорогой мой супруг, — выдала я, вставая с кровати и глядя на Артура. — Хотелось бы уточнить, на каком основании ты выносишь на обсуждения наши личные проблемы? Это что за собрание в нашей спальне? Что они здесь делают?

— Любовь моя, проблемы короля — проблемы государственной важности. Измена королю в постели — измена государству! — спокойно произнес Артур. — Мы решаем проблему государственной важности.

— Идите, организуйте свое застолье! — возмутилась я, выталкивая из комнаты всех любопытных. Дверь с грохотом закрылась, а «проблема государственной важности» похолодела нежный филей вместе с перспективами того, что у моего «супруга» есть привычка делиться с друзьями наболевшим.

Я упала на кровать, понимая, что перспективы — мрачные и надо было бежать быстрее. От усталости глаза закрылись, а я очутилась в своем храме.

— Богинечка, милая! — слышался жалобный и уже надоевший голосок, преисполненный страданиями. — Это было в последний раз! Я клянусь вам! Богинечка, спасите меня! Прошу вас! Умоляю! Не губите меня! Я в следующий раз закрою окно и никого не пущу! Прошу!

В чаше лежало одно, единственное маленькое яблочко, восстанавливающее девичью честь, подвергнутую испытанием мужским достоинством, а я вздохнула, глядя на зареванное лицо красавицы.

Но тут же зеркало поменяло картинку. На коленях в разорванном платье стояла еще одна темноволосая девица.

— Богиня судьбы, смилуйся надо мной... — на меня подняли мертвые глаза. — Честь моя погублена... Я сражалась, как могла, но он оказался сильнее... Прошу вас... Не губите жизнь Ровены.

На ее плече был огромный синяк — след грубой мужской ласки, а на белом, разорванном платье были следы крови.

— У меня завтра свадьба... А это чудовище... — рыдала девушка, а на ее губе был кровоподтек. — Это мерзкое чудовище решило воспользоваться, чтобы отомстить моему отцу. Если завтра все узнают, что я — не девственница, то я и мой род будет погублен...

Я стояла с яблоком раздора, а зеркало показало сразу двух девушек, разделив светящейся линией изображение на две части. Обе они застыли в мольбой в глазах. Лавена в роскошном платье на полу красивой комнаты с гобеленами и несчастная Ровена.

— Держи, — прошептала я, а на колени Ровене упало яблоко, которое она стала целовать.

— Воистину счастье. Я больше никогда ничего не попрошу... Я смогу быть счастлива с любимым. Мой отец не будет опозорен! — задышалась от счастья Ровена. — Я верю, что судьба милосердна...

— Ну? — слышался тем временем требовательный голос Лавены, а ее губки задрожали. — Богинечка, помоги...

— Нет, — ответила я, а лицо красавицы застыло от изумления. По щеке скатилась слеза, а губы приоткрылись от изумления. — Я давала тебе шанс. Но ты не воспользовалась им. Больше не проси меня ни о чем. Ты не умеешь ценить подарки судьбы.

— Проклятая богиня! — закричала Лавена, сжимая кулаки. — Зря я тебе молилась! Будь ты проклята! Я знала, что судьба такая жестокая и несправедливая!

— Есть те, кому они нужнее, — отрезала я, глядя на гневное лицо Лавены, а зеркало погасло. Так! С этого момента никакого разбазаривания яблок! Что-то у нас тут не урожай последнее время.

Пока я прикидывала, как нужно вести бухгалтерский учет яблок, позади меня слышался женский голос, на который я обернулась.

— Богиня, — произнесла женщина в капюшоне, а я смотрела на темные волосы, выбившиеся прядями и спадающие на грудь и на бледный чуть заостренный подбородок. — Я верой и правдой служила тебе при жизни, даже когда Мерлин ослепил меня... Я была твоими глазами в мире иллюзий и чар... Я видела то, что не видят другие. Времени мало. Мерлин знает, что богиня судьбы всегда спасала Артура, поэтому нарочно рискует его жизнью.

— То есть, я правильно поняла, что все приключения Артура организованы добрым волшебником? — спросила я, глядя на горькую улыбку.

— Это Баргест... Злой дух, засевший в лесу. Гончий Дикой Охоты, призванный Мерлином. Это он отправил гонца к Артуру, о том, что в лесу творятся чудовищные вещи и пропадают люди. Мерлин уверен, что вы не останетесь в стороне, — произнес призрак, а в зеркале появился темная непролазная чаща, в глубине которой было что-то настолько жуткое, что сама чуть не съела железные трусы. Я не могла разглядеть сгусток тьмы, но отчетливо видела куски окровавленной одежды, валяющиеся рядом. Даже сквозь зеркало я чувствовала, что встречаться с этим в темной переулке нужно только после нотариально заверенного завещания.

— Вы не одни... Он просил предупредить тебя о том, что Мерлин подготовил засаду. Он просил передать, чтобы вы не являлись сами, а послали кого-то из жриц, предупредить Артура.

— Как я могу пожертвовать чьей-то жизнью? — я с ужасом смотрела на призрак, а потом на притаившееся чудовище, которое урча желудком предвкушает консервы на поздний ужин.

— Жрицы сами отказываются от своих судеб, чтобы служить вам. Он знает, на что идут и готовы умереть за вас. Каждая из них получает новое предназначение, удобное богине. И ни одна из них, даже под пытками, не выдаст путь на Авалон, — спокойно ответил призрак, растворяясь в воздухе.

Я подняла медальон, видя, что Артуру осталось жить меньше часа...

— Зеркало, — нервно прошептала я, глядя на черную поверхность, которая всколыхнулась под моими пальцами золотыми брызгами. — Покажи мне храм... Я хочу поговорить со жрицами.

И тут я увидела цветущие яблони, засыпающие лепестками траву. Вокруг яблонь клубился непроглядный туман, застилающий водную гладь. Древние стены поражали своим величием, а я слышала голоса жриц. Зеркало показало суровый, совсем не красивый зал, в котором не было ни единого украшения, кроме статуи. Жрицы были одеты в черные глухие платья.

— Мы слушаем вас, богиня. Пусть выбор падет на достойнейшую. Да свершится ее судьба во имя богини! — произнесли жрицы, смиренно опустив глаза.

— Мне нужна та, которая способна предупредить Артура об опасности. Мне нужна та, что не вызовет подозрений. Это очень опасно, — мой голос дрогнул, а я смотрела, как

вперед вышла девушка.

— У меня больше нет ни имени, ни предназначения. Я готова принять любое имя и любой жребий, — произнесла она, склонив голову. — Я клянусь, что не выдам путь на Авалон даже под пытками. Я готова, моя богиня, принять любую судьбу.

Я посмотрела на нее, чувствуя, как сжимается сердце. Может, все-таки попробовать самой? А если там Мерлин и меня схватят? Кто тогда будет защищать Артура?

— Хорошо, — прошептала я, глядя на такое смирение. — Нужно сделать это как можно быстрее...

— Да будет ваша воля, моя богиня, — послышался голос. Остальные смотрели на нее с уважением.

— А мы будем молиться за то, чтобы все свершилось так, как угодно вам. Мы будем молиться, чтобы она не подвела, — послышались голоса, а я смотрела, как белоснежный яблоневоый цвет замечает ее следы.

Зеркало всколыхнулось, а я видела, как по лесу едет кавалькада рыцарей во главе с королем Артуром. Их лица были суровы, а каждый держал руку на мече.

— Пришло послание о том, что в лесах засели враги. Целый отряд! — произнес Артур, а я видела, как сверкает в ножнах рукоять Эскалибура. Лес становился все мрачнее и мрачнее. Сердце замерло в груди, когда я смотрела, как чаща раскрывает свою чудовищную пасть. Мои руки дрожали, а я верила в то, что все обойдется. Тьма сгущалась, зловещая чаща становилась все непроходимей, а путь приходилось прорубать мечами. Только бы обошлось! Мне никогда не было так страшно, как сейчас, поэтому я изо всех сил сжимала медальон.

— Папа! Я пить хочу! Давай остановимся! — послышался жалобный голос из самого конца отряда.

— Молчи, трус! — рявкнул Артур, прорубая мечом путь навстречу собственной смерти.

— Папа, не хотел тебе говорить, но я писать хочу! — снова развлекался голос. Артур обернулся, сурово собрав брови на переносице. — И седло попу натерло... Папа, у меня там мозоль... Давай остановимся!

— Мордред! Прекрати! — заорал Артур, а я смотрела, как позади всех едет знакомая физиономия со страданием на лице. — Не позорь меня, племянник!

— Ой, смотрите, какие красивые кусты! — заметил Мордред, а на него с гневом смотрел Ланцелот. — Папа, а Ланцелот злобно дышит на меня! Скажи, чтобы он перестал дышать!

Внезапно Артур остановился. Они стояли на краю огромного озера.

— Ура! — послышалось в самом конце отряда. — Наконец-то! Папа Ланцелот у нас странный! Ему пора на девушек смотреть, а он на меня смотрит! Папа, с ним что-то не то.

— Молчи, трус! Ты и так едешь последним! — послышался визгливый голос Ланцелота. Почему-то мне всегда казалось, что впереди отряда и позади едут самые сильные, готовые принять первый удар на себя. Но, видимо, стратегию, как и кляп, еще не изобрели. Не могу понять, почему жрица опаздывает.

— Уважаемая засада, только не убивайте Ланцелота. Чей-то идиотизм должен греть мою душу? — послышался насмешливый голос. — Давайте споем песню. Хорошую. Поднимающую боевой дух. Ну-ка все дружно! Мы —бравые рыцари, но мы не умеем сражаться, нас недавно победили, и нам стоит отлежаться. Мы смелые герои, мозгов мы не имеем, нас снова отмудохают, мы дружно заболеем!

— Аааааа!!! — заорал Ланцелот, выхватывая меч и замахиываясь на смеющегося Мордреда, который увел коня в сторону. Самое интересное, что на нем были самые легкие доспехи и черный плащ.

— Папа! А Ланцелот дерется! Видите, как песня подняла его боевой дух! — откровенно ржал Мордред, отъезжая подальше от покрасневшего от гнева Ланцелота.

— Прекратите! Мордред! Ланцелот! — заорал Артур, пока другие рыцари остановились, глядя на этот детский сад. Что он творит?! Где жрица?!

И тут я увидела, как Ланцелот прямо на коне скачет по водной глади, пока Мордред гарцует на черном коне по траве. Ох, ничего себе! Неужели озеро настолько мелкое?

— Получай, подлый трус! — орал воинственный Ланцелот, несясь на коне прямо по воде.

— Папа, а то Ланцелот не тонет, тебя не наталкивает ни на какие мысли? У нас даже лебедь плавать не умеет! — снова заметил язвительный голос, а я посмотрела на медальон. Время жизни Артура остановилось и не сокращалось. Где жрица?

— Помогите! — слышался женский голос, а драка прекратилась. — Спасите! Там засада! Чудовище! Не езжайте туда, добрые люди, иначе оно вас пожрет!

Я видела, как к ним бежала растрепанная жрица в порванном крестьянском платье.

— Спасите меня! Прошу вас! Добрые рыцари! — она бросилась к Артуру, который смотрел на нее с подозрением. Расцарапанные руки и лицо свидетельствовали о том, что бедняжка очень постаралась.

— Как вовремя! — произнес Мордред, закатывая глаза и уводя коня от воды.

— Это может быть жрица богини судьбы! — закричал Лоенгрин, хватая ее за руку. — Нужно доставить ее в замок. Мерлин сказал, что нужно ловить всех, то пытается предупредить об опасности.

— Исключительно поэтому в Камелоте еще долго воняло половиной деревни, которая убеждала нас, что дальше засели разбойники! — усмехнулся Мордред, не сводя глаз с перепуганной девушки, которая сопротивлялась из последних сил.

— Пустите меня! Я... — задыхалась бедняжка, когда Лоенгрин затаскивал ее на коня. — Пустите...

— Мы ее допросим, а потом покажем Мерлину! — сурово произнес Артур, уводя коня в чашу. — Нам нужно найти это чудовище!

Лоенгрин ускакал, а отряд на скорости устремился в чашу. Артуру осталось жить сорок минут... Полчаса... Ничего себе! Оставьте его!

— Папа! Мне стра-а-шно! — заметил Мордред, а Артур внезапно оставил коня. — Папа, а вдруг там засада, а я еще не писал!

Хух! Полчаса... У меня до сих пор колотится сердце.

— Не дрейфь! — прорычал Артур. — Ты ноешь, как девчонка! Ты — рыцарь! Ты — король! А ведешь себя, как ребенок!

Артур снова бросился в чашу, но тут же ветки и деревья внезапно отрезали его от отряда. Конь сэра Гавейна встал на дыбы и попятился, глядя на свежие заросли.

— Отряд не заметил потери отца! — слышался голос позади, пока герои искали возможность объехать живую преграду.

— Артур! — кричали рыцари, пытаясь рубить корни и ветви живой изгороди, высотой с человеческий рост. — Здесь не проехать! Нужно искать другой путь.

— Ладно, вы ищите, а я поскакал домой. В лесу холодно и сыро, страшно и опасно, мерзко и грязно! — слышался язвительный голос, а черный конь ускакал. Да-а-а... Трус, однозначно. Только и языком чесать умеет. Рыцари правы. Эгоистичный, самовлюбленный мужик. Бедная девушка, которая ему встретится на жизненном пути!

И тут сердце екнуло, а я сжала медальон сильнее.

— Покажи мне Артура! — закричала я, глядя, как рыцари отъезжают, обсуждая трусость Мордреда. — Я сказала! Покажи мне Артура!

Зеркало молчало, показывая мне живую изгородь... «Артуру осталось жить пять минут!», — сообщил медальон, а я стиснула зубы, понимая, что скоро буду вдовой!

Рыцари скрылись из виду, а я видела, как к изгороди на полном ходу приближается фигура в плаще на вороном коне. Сердце застыло, а я понимала, что такую высоту конь не возьмет... Седок вжался в коня, а конь прыгнул, перелетая через ограду в человеческий рост, а потом грузно приземлился на землю. Всадник ударил в бока, конь встал на дыбы, а потом бросился в чашу, сметая ветки.

Сердце сжималось, а я видела, как на бешеной скорости конь несется сквозь кусты и деревья, а потом вылетает на поляну. Конь Артура хрипел, лежа на окровавленной траве, а Артур стоял, обнажив Эскалибур и оглядываясь по сторонам. Внезапно из зарослей на него бросилась неуловимая глазу черная тень, повалив на землю. Мое сердце вздрогнуло, а я видела, как Эскалибур наносит несколько ударов, светясь в темноте едва заметной вязью рун, а потом вылетает из руки Артура к ногам черной фигуры в плаще. Артура бросило в дерево, а он поник, опустив голову.

Черная перчатка подняла меч, а молниеносная тварь переключилась на другого противника, пока Артур лежал без сознания. Да как вообще можно ее отследить в темноте! Черная фигура в плаще стояла посреди поляны, крепко сжимая чужой меч. Тварь бросилась на нее, но фигура присела, пропуская тварь над головой.

Она несколько раз осмотрелась по сторонам, а черная тень бросилась прямо на нее, но фигура ловко полоснула светящимся клинком черный рычащий туман. Я не знаю, кто это, но его скорость не уступала скорости твари. Было что-то нечеловеческое в движениях, за которыми я едва ли могла уследить, а через мгновение тварь разогналась для прыжка. Меч полетел в нее, прибывая сгусток тьмы к дереву. И вот я вижу нечто похожее на крокодила на собачьих лапах, которому добрые люди купировали хвост по частям, дабы было не так больно.

Через мгновение, фигура в капюшоне повертела головой по сторонам, подошла и выдрала меч из дерева, схватила тварь и поволокла в сторону Артура. Я глянула на медальон, видя, что срок жизни Артура увеличился на несколько лет, и успокоилась.

Что он делает? Я внимательно смотрела, как тварь размещают рядом с Артуром, а ему самому суют в руку окровавленный Эскалибур. Отойдя на несколько шагов, фигура склонила голову, а потом подошла к твари, обмазала перчатку в крови и провела несколько раз по руке и лицу Артура, оставляя кровавые полосы.

Фигура снова отошла в сторону, глядя на картинку, а потом отрицательно замотала головой, подтащив тварь поближе. Полюбовавшись картинкой, фигура взлетела на коня, ударила его в бока. Конь встал на дыбы, а потом взял разбег и повторил подвиг в тот момент, когда Артур замотал головой, пытаясь открыть глаза. Он видел меч в своей руке и дохлую тварь, которая оскалила на прощание пасть.

— Я здесь! — заорал Артур, а к нему уже спешили рыцари. Сэр Гавейн присел рядом с чудовищем, разглядывая его, а Ланцелот подвел своего коня.

— Где Мордред? — спросил Артур, глядя на рыцарей, которые поднимали тварь и укладывали на коня, поздравляя своего короля с блистательной победой.

— Трусливо сбежал! — насмешливо заметил Ланцелот, глядя, как Артур стирает кровь с лица. — Я считаю, что ему не место среди рыцарей круглого стола! Он позорит честь рыцаря!

Артур поджал губы и снова нахмурился, глядя на огромную пасть неведомой зверюшки.

— Ну я ему устрою! — вздохнул Артур, а Ланцелота подобрал, кажется, Кей. Процессия двигалась к замку, а я пыталась понять, что произошло.

— Ваше Величество! Вы в одиночку сумели убить гончую! Воистину об этом стоит сложить балладу! — восхвалял короля Ланцелот, глядя на размазанную по щекам Артура кровь. — Как вам удалось?

— Я не помню, — честно произнес Артур, сглатывая и глядя на то, как мертвое чудовище цепляется за ветки. — Эх, если бы Мордред, сын моей любимой сестры был таким, как ты Ланцелот...

Глава восьмая.

Турнир по шишкам

Судя по разговорам, мне везли подарок. И я, как ни странно, была не в восторге, видя, как телепается окровавленная туша.

— Думаете, ей понравится? — спросил Артур, а рыцари тут же стали утверждать, что не родилась такая прекрасная дама, которая не оценила бы подвига в ее честь. Чем ближе к замку они приближались, тем тревожней мне была судьба жрицы. Но если я сейчас проснусь, то мало что смогу сделать.

Кавалькада въехала в главные ворота, а чудовище волокли в зал и водружали на стол.

— Где Гвиневра? — спросил Артур, а слуги доложили, что я сплю. — Разбудите ее! У меня есть для нее подарок!

Я дернулась, слыша удары в дверь и вскакивая в своей комнате от криков, что мой супруг вернулся из похода и принес мне подарок. Пустой желудок предвкушал зрелище, а нервная система крепилась, как могла. Пока мне несли дорогое платье и корону, я предвкушала встречу с подарком.

Платье было действительно роскошным, а корона едва держалась на голове, когда слуги открыли мне дверь. Коридор был освещен факелами, изрядно закоптившими старые стены, а я уже по запаху чувствовала, что подарок где-то близко.

— Любовь моя! — послышался голос, а меня сгребли в охапку, демонстрируя огромную тварь, которая если и способна покорить сердце красавицы, то исключительно ранним инфарктом. Язык чудища вывалился, а глаза застыли, подернувшись мутной поволокой смерти.

— Это тебе! — обрадовал Артур, пока я прикидывала, что из нее можно приготовить. А что еще с ней делать? Как ни крути получалось блюдо «Свари и выбрось», но я не теряла надежды.

— Где Мордред? — заорал Артур, а слуги тут же забегали. — Где этот позор?

На губах Ланцелота скользнула улыбка, а он смотрел на Артура странным, задумчивым взглядом.

— Я здесь! — раздался насмешливый голос. — А что это вы так долго?

— Молчать! — рявкнул Артур, сурово глядя на Мордреда, который насмешливо смотрел на него, сложив руки на груди. — Здесь говорю я! Ты — позор Круглого Стола! Сбежать с поля боя — это верх трусости! И не будь ты сыном моей покойной сестры, я бы вышвырнул тебя из замка!

— Ну да, — усмехнулся Мордред, поднимая брови. — И остался бы без моего войска, которое превышает войско большинства из присутствующих. Воистину мудрое решение, папа!

— Не смей называть меня «папой»! — Артур ударил по столу, а чудовище посмертно подпрыгнуло. — Если бы у меня был такой сын как ты, я бы прикончил его своими руками!

— А я думал, положил бы на него то, чем породил, — заметил Мордред, глядя в глаза

Артуру. — Дырявый кораблик в бушующем море, в нем сорок детишек, рожденных на горе. Шагнули детишки на борт без опаски, ведь добрый волшебник поведал им сказку... Слова чародея вдруг стали причиной того, что кораблик поглотит пучина...

Артур побледнел, а рыцари стояли молча.

— Гвиневра, не слушай его! — произнес Артур, целуя меня в макушку. — Полюбуйся, какую тварь я тебе убил! Мне снова удалось обмануть судьбу.

Я посмотрела на Артура, который гордо показывал мне острые зубы чудовища.

— И что мне с ним делать? — ядовитенько спросила я, глядя на счастливых рыцарей и понимая, что стоит мне только обрадоваться, как мне будут стаскивать всю дохлятинку. Рыцари пожимали плечами, мол, делай что хочешь. Наше дело маленькое — не сходить по маленькому при виде чудовища.

— Я придумала, — прикинулась я образцовой хозяйшкой и, вспоминая, что меня сегодня не кормили. — Мы ее приготовим и подадим на стол! С морковкой! Представляете, как вкусно будет! Я тот час же прикажу сварить ее! Половинку мы сварим, а другую пожарим на вертеле...

Ланцелот стоял бледным надутым хомячком, Артур нервно сглотнул, а остальные рыцари по степени бледности сравнялись с Мордредом, на чьих губах скользнула улыбка, адресованная почему-то мне. Если он еще раз мне так улыбнется, я уйду жить в лес!

— Мы ее меленькое порежем, — продолжала я, глядя на оскаленную тушку, а Ланцелот с усилием сглотнул. — А из требушков сварим похлебочку. Как раз к завтрашнему турниру!

Почему все тут же погрустнели? Если путь к сердцу женщины лежит через подаренное дохлое чудовище, то путь к сердцу мужчин должен лежать через кулинарные изыски из подарка? Должна же быть какая-то взаимность?

— В следующий раз тащите дракона! Его надолго хватит! — стараясь сохранить серьезность заметила я, глядя на рыцарей. — Мы его полгода есть будем! Вы еще плевать будете, а я буду напоминать, что у нас дракон недоеденный остался. Компот из дракона, отбивные из дракона, суп из дракона, пирожки с драконятиной.

Мы поклялись защищать женщин, детей, стариков! — воскликнул Артур поднимая меч. А я смотрела, как по сверкающему лезвию пробежала искра, и вспомнила, как его держала рука в черной перчатке.

В зале появился Лоегрин, подметая белоснежным плащом пол и таща мою несчастную жрицу, которая шла, как на казнь.

— Что делаем с крестьянкой? — фанатично спросил лебедь, пока моя жрица стоически молчала, готовясь к худшему. У меня сердце кровью обливалось, глядя на то, как девушка стоит перед пятнадцатью бугаями, опустив глаза и мужественно готовясь принять неизбежное. Умереть от рук какого-нибудь доблестного рыцаря, поклявшегося защищать женщин, детей, умственно-отсталых и обездоленных, являясь почетным представителем вышеперечисленных льготных категорий? Средневековье, оно такое!

— Имя? Откуда родом? — строго спросил Артур, подходя к бедняжке. — Отвечай своему королю!

— Ивена, из деревушки возле леса. Собирала ягоды и заблудилась... А потом увидела чудовище... Я бежала, а оно гналось за мной... — произнесла жрица, глядя на Артура и на меч в его руках. — А потом было темно и страшно... Я услышала голоса... Это были вы... Пустите... У меня дома ребенок... Он голодный... Муж умер, а я осталась с дитем одна... Пустите...

— Ты веришь в богиню судьбы? — подозрительно спросил Лоегрин, глядя на белокурые локоны. В его глазах горел факел будущей инквизиции. — Это она тебя послала предупредить нас об опасности?

— Некогда мне верить, — вздохнула жрица, сглотнув. — С утра до ночи думаешь, чем накормить дитя.

— А что случилось? — прикинулась я наивной дурочкой, а жрица посмотрела на меня во все глаза. Голос! Она его узнала!

— Отпусти ее, не видишь, у нее ребенок, — я внезапно стала самой ласковой женой на свете. — Бедный малыш плачет без мамы... Она и так столько натерпелась...

Артур посмотрел на меня, а потом на рыцарей, которые хранили молчание.

— За что вы ее сюда привели? Она чем-то провинилась? — снова продолжала я, в надежде, что мне удастся уговорить его. — Неужели она напала на вас?

— Вина ее в том, что она предупредила доблестных рыцарей об опасности, — нагло заметил Мордред. — И за это ее посчитали вестницей богини судьбы. А теперь выбирай, что делать. Добро или выводы?

— Пусть останется здесь до прихода Мерлина! — строго произнес Гавейн, глядя на Ланцелота, который кивнул, а потом нехорошим взглядом посмотрел на жрицу.

— А я считаю, что ее нужно отпустить! Она ни в чем не провинилась. И даже наградить за то, что спасла моего любимого мужа, — скрепя сердце произнесла я, видя, как жрица стиснула зубы и опустила глаза.

— Как бы я не любил тебя, — слышался дрогнувший голос Артура, а он обнял меня огромной рукой. — Всем я обязан Мерлину. Он говорит о том, что подлая богиня судьбы расставила ловушку, пытаюсь притвориться добренькой, и каждый шаг ведет меня к гибели. Те, кто предупреждают об опасности — это ее вестницы, знающие путь на Авалон.

— А что? — спросила я, глядя на суровое лицо Артура. — У нас король — Мерлин? Почему он все решает? Неужели этот старикан...

В этот момент к моему горлу были приставлены мечи, а я даже побоялась шелохнуться, глядя на острия и переводя взгляд на фанатичный отблеск в глазах рыцарей.

— Как вы можете обижать несчастных, безоружных, беззащитных и без меня? — слышался голос за спинами рыцарей. — Папа! Я наконец-то понял, что такое быть рыцарем! Дай меч! Я не хочу отрываться от коллектива! У кого-нибудь есть с собой запасной меч?

— Я хочу, чтобы ты уважала и почитала Мерлина так же, как и меня. Ибо в мудрости ему нет равных, — изрек Артур, а блеск в глазах исчез. — Он — мой учитель. Увести жрицу и держать в тюрьме до прихода Мерлина.

Жрицу увели из зала, а чудовище стащило со стола и поволокли в направлении мне неизвестном, видимо, опасаясь моих кулинарных экспериментов.

— Я уйду! — отрезала я, глядя на Артура и рыцарей, которым накрывали круглый стол в честь победы. Судя по количеству блюд, намечается знатное пиршество.

— Неужели ты, любовь моя, не останешься разделить с нами победу? — спросил Артур, пытаясь меня поцеловать. Он говорил так, словно ничего не произошло.

— Я слишком устала, — заметила я, глядя, как рыцари с удивлением переглядываются. — Тем более, что ваш драгоценный Мерлин у меня в печенках сидит!

Внезапно рыцари выставили мечи, как по команде, а острие меча Лоегринна едва ли не коснулось моего горла, заставив нервно сглотнуть.

— Я не позволю тронуть мою королеву! — закричал Ланцелот, обнажив меч против всех. — Она просто не знает Мерлина!

— Дорогой мой Ланцелот, когда белье женщины с грохотом падает вниз — это не очень хорошая примета, — рассмеялся Мордред. — Дорогой папа, пока ты положил на

королеву королевское достоинство, кто положил на нее глаз!

— Да как ты смеешь! — заорал Ланцелот, замахиваясь на него мечом. — Я, по крайней мере, защитил ее честь!

— А я, по крайней мере, знаю, с какой целью, — улыбнулся Мордред, а Ланцелот размахнулся мечом, пытаясь пронзить противника насквозь.

— Я сказал, что силами будете меряться на турнире! — закричал Артур, а потом посмотрел на меня с любовью. — В честь моей любимой королевы. Я думаю, что она будет счастлива, узнать, какие доблестные рыцари восседают за круглым столом!

Где-то в зале зазвучала музыка, а потом послышался крепкий тенор: «Король-победитель, король на века! Эскалибур крепко сжимала рука! Послышался чудища горестный вой! И битва закончилась в чаще лесной! Пускай знает небо и знает земля, о подвигах истинного короля! Силен и ужасен, как сам Пендрагон, повержен клинком в мрачной чаще дракон!»

— Вот так какая-то собачка превратилась в дракона! Если Ланцелот убьет крысу, прошу тоже записать ее, как дракона. Не обижайте животное, — рассмеялся развратным смехом Мордред, а Ланцелот сопел. — Я про Ланцелота. Крыса как-то переживет. Кстати о крысах, где наша старая крыса Мерлин?

В этот момент мечи устремились к лицу смеющегося Мордреда. Через мгновение они опустились.

— Почему наш драгоценный Мерлин, которого уже давно ищут голодные черви, — продолжал Мордред, как ни в чем не бывало, в тот момент, когда мечи снова устремились к его горлу. — Не пришел разделить триумф?

Мечи опустились, а потом снова уставились в горло Мордреду своими хищными острями.

— Обычно руки у вас устают на сотый раз, — усмехнулся он, отводя клинок Артура. — Так что работаем до победного!

Я смотрела на то, как рыцари, словно по команде поднимают мечи, а сама тихонько отходила в сторону коридора. Закрыв дверь в свою комнату, я упала на кровать и еще долго вертелась на подушке, пытаясь уснуть. Как тут уснешь, когда на тебе железные трусы, в желудке пусто, а последнее, что видела — фанатичный и какой-то нездоровый блеск в глазах рыцарей, как только речь заходила о Мерлине.

— Богиня! — послышался тихий голос той самой таинственной незнакомки, которая стояла призрачным силуэтом. — Он просил передать вам, чтобы вы сделали вид, что любите Артура. И вашу любовь должны видеть все.

— Так! — не выдержала я, глядя на полупрозрачный силуэт. — Кто он?

— Я не имею права говорить. Я подчиняюсь только его приказам, — произнесла жрица, а у меня глаза на лоб полезли. Ничего себе! У нас тут целый пантеон под ободком унитаза! — Вам просили передать, чтобы вы не вздумали плохо отзываться о Мерлине или пытаться рассказать правду. Это закончится вашей смертью. Они не задумываясь убьют вас. Это чары, которые волшебник навел на них...

— Как-то можно промыть им мозги? Клизмой реализма? — спросила я, понимая, что пантеон под ободком унитаза меня начинает огорчать. Я вспомнила, как скакал по воде Ланцелот, и что-то мне подсказывает, что тут у нас не круглый стол, а сборище интереснейших личностей.

— Богиня, вы слишком слабы, чтобы противостоять Мерлину. Когда вы были великой Андрасте, вы могли сражаться с ним, вы были непобедимы, — произнесла незнакомка. — Но после того, как вы утратили часть силы, от вас осталась лишь светлая половина, которую люди называли богиней судьбы.

Я отвернулась и попыталась уснуть, а через мгновение очутилась в своем храме. Отлично! Когда-то я была великой и ужасной, а теперь я — маленькая и жалкая! На

самооценку это не влияет, но напрашивается вопрос. Может ли богиня судьбы обидится на судьбу? Яблок не было, зеркало молчало, а потом вспыхнуло, заставив на секунду ослепнуть. Я видела, как светит луна, а по озеру стелиться туман. А к нему подъезжает черный конь. Всадник в плаще прижимает к себе мою несчастную жрицу, а через мгновение он скачет прямо по воде...

— Зеркало! Перенеси меня туда! — закричала я, глядя, как всадник несется сквозь туманы Авалона прямо по глади озера, а потом помогает жрице слезть с коня. — Быстрее! Я хочу поговорить с ним! Хотя бы поблагодарить за помощь! Прошу тебя!

Внезапно образовался проход, а я бросилась в него, глядя, как в ночной тишине шелестят яблони, роняя белоснежный снег лепестков. Монастырь безмолвствовал, черными башнями пронзая звездное небо, а я бежала сквозь деревья, чувствуя пьянящий запах цветочного меда.

Я вижу его силуэт на фоне цветущих деревьев. Черный конь хрипел, а я задышалась, поднимая подол белоснежного платья и сплевывая лепестки.

На секунду всадник замер, увидев меня. Черный плащ и глубокий капюшон скрывал лицо, а я видела, как рука, еще вчера поразившая чудовище, сжала поводья.

— Поймай! — закричала я, глядя, как он разворачивается и скачет. — Спасибо! И...

И вот я умолкла, понимая, что бежать за рыцарем с криками: «Сними с меня железные трусы» не самое лучшее времяпровождение для девушки, особенно, если она замужем и богиня к тому же.

— Ладно, — вздохнула я, глядя на силуэт, который растворился в темноте. — Хотя бы просто спасибо. А было бы большое, если бы ты решил мою главную проблему!

Проснувшись я от чувства незабываемой легкости, а потом поерзала по одеялу. Настораживало то, что мне нет никаких трусов, радовало, что металлические тоже отсутствуют! Настроение поползло вверх, а я уже принимала ванну и лопала все подряд, чувствуя сытость и какой-то экстаз облегчения.

— Турнир в вашу честь скоро начнется, моя королева, — произнес служанка, заплетая мои волосы в какой-то бублик и устанавливая на него корону. Я сидела и потела в суровом синем платье, щедро увешанном драгоценностями.

Через полчаса за мной пришла целая свита, чтобы сопроводить мою честь на турнир, который никак не начнется без главного мотиватора. Пока я пыталась понять, куда именно меня ведут, мысли возвращались к всаднику и словам призрака. И тут я увидела целую разодетую толпу, которая махала руками и кричала. Чумазый малец жевал корку хлеба, пока его старшие братья сражались на палках и спорили, кто из них Ланцелот.

— Проклятый Мордред! Получай! — заорал один из юных бойцов, а второй бросился к матери с криками, что «Мама, он обзывается!».

Стража требовала, чтобы толпа расступилась, а герольды трубили в трубы, заглушая нетерпеливые крики зевак, приветствующих своих героев.

— Леди Гвиневра! — кричали мне, а я молча следовала за синим плащом сопровождающих. — Да здравствует королева! Да здравствует мать будущего короля! Да здравствует Артур!

Меня подвели к деревянной ложе с навесом из синей ткани. Прямо на деревянных подмостках стояли два трона — один большой, а другой маленький. На большом троне горделиво восседал Артур в нарядной синей рубашке с золотым шитьем, в накиннутом поверх могучих плеч плаще и в золотой короне.

Я присела на соседний трон, чувствуя, как Артур берет меня за руку и целует ее, щекоча бородой.

— Сегодня мы проводим турнир среди лучших из лучших рыцарей в честь моей королевы! — зычно произнес он, а толпа притихла от восторга, а какая-то непосредственность пола неопределенного ткнула в мою сторону пальцем. — Главным

призом на турнире будет ее поцелуй!

Толпа зашлась от восторга, а я сжала губы, а потом посмотрела на Артура, который как ни в чем ни бывало уселся рядом.

— Любимый, — процедила я сквозь сито нехороших слов. — А что? У нас казна пустая? У нас нет денег на награды?

— Нет высшей награды, чем твой поцелуй! — усмехнулся Артур, поглаживая мои пальцы, пока я смотрела, как выезжают на круг почета и помета конные рыцари. Конь сэра Гавейна решил оправдать имя хозяина и брендово пометил территорию, усыпанную опилками.

— Каждый из них — достойный воин, — произнес Артур, глядя на шествие, пока герольд объявлял имя каждого. — И один из них станет королем после моей смерти.

В этот момент он сжал мои пальцы, а я смотрела на то, как радостно народ приветствует Ланцелота! Девицы всех возрастов и конфигураций визжали, махали ему руками, а он горделиво вскинул голову, тряхнув золотистыми кудрями.

— Ланцелот!!! — орали девицы, протягивая к нему руки, а помимо шлема в руке, рыцарь держал розу. Подарив девицам, тянущим руки к нему нежный взгляд, а потом повернувшись ко мне и снова поцеловал розу.

— Целую розу, я целую королеву, ибо нет разницы между нежными лепестками и ее роскошными губами, — томно произнес Ланцелот, улыбаясь мне, пока толпа бушевала, а какая-то девица истошно орала, что вся его. Его конь был темным, а сам он был одет в сияющие на солнце доспехи.

Последним появился черный конь, на котором восседал зевающий Мордред, а народ заорал, забушевал, топая ногами. Какой-то ребенок заплакал на руках рано поседевшей матери в льняном платье, которая тут же принялась его успокаивать.

— Что у нас в качестве главного приза? — поинтересовался Мордред, глядя на Ланцелота, который уже облизал свою розу. — Опять поцелуй? Могу ли я обменять сто поцелуев на одну полноценную ночь? Если бы у меня была любимая жена, то, поверь, ее поцелуи я бы не раздаривал!

— Любовь к короле лишь усиливает верность королю! — холодно произнес Артур, давая знак начать турнир. — Учти, Мордред, ты сражаешься с каждым. Это послужит тебе уроком доблести и мужества. Это твой первый турнир...

— И последний! — злорадно выкрикнул кто-то из зрителей, а остальные поддержали. Снова затрубили со всех сторон, а толпа застыла в ожидании поединка.

— Первым идет сэр Кей и сэр Мордред, — зычно произнес герольд, пока на голову сэра Кея надевали шлем, похожий на ведро. В шлеме он симпатичней будет, однако. Оруженосец торжественно вручил ему длинное копье с какой «бобоськой» на конце.

— Тык-дык, тык-дык, — рассмеялся Мордред, надевая шлем, а я почему-то начала переживать. Кони пошли на сближение, а сэр Кей с адским криком, от которого я чуть не намочила кресло, рванул вдоль барьера. Ему навстречу медленно скакал Мордред, пока толпа скандировала имя Кея.

Внезапно Мордред остановился, выставив вперед копье и поглядывая вниз.

— У меня лошадь вляпалась в чей-то гавейн, — прокомментировал Мордред, рассматривая копыта скакуна. — Сэр Гавейн, не ваш гавейн случайно?

В тот момент, когда разъяренный сэр Кей почти доскакал до противника, Мордред просто наклонился, а копье сэра Кея прошло в воздухе, зато копье Мордреда, которое он сжимал в руке, выбило Кея из седла под крики зрителей. С грохотом падающего шкафа, сэр Кей приземлился на спину и обмяк.

— Так, что я пропустил? — заметил Мордред, глядя на поверженного противника, который лежал без движения на спине, пока конь без седока был пойман оруженосцем.

— Это я что ли? Что-то он как-то не шевелится. Можно я его палочкой потыкаю? Правилами это не запрещено?

Толпа негодовала, а я смотрела, как сэра Кея утаскивают за ногу в сторону. «Жив!», — послышался крик, а Артур удовлетворенно кивнул, поглаживая мою руку. Я терпеливо улыбалась ему, вспоминая слова доброжелателя.

— Можно я с другой стороны! Тут грязно! — потребовал Мордред, а навстречу ему скакал сэр Гавейн. Мордред снял шлем, бросив его на землю, пока Гавейн летел на него с таким криком, словно не понаслышке знает, что такое «рожать». Мордред зевнул, тряхнув роскошными черными кудрями и тут мимо него пролетела бабочка, которой он заинтересовался куда больше, чем приближающимся противником. Гавейн орал, а Мордред следил за бабочкой, а потом наклонился, придерживая копье и пуская Гавейна в свободный полет.

— Кто это сделал? Кто это сделал? — вздохнул Мордред, ослепительно улыбаясь лежащему лицом вниз Гавейну со слетевшим шлемом. Судя по тому, как заволновалась толпа и как отплевывался Гавейн, где-то орал котенок, которого тыкали мордочкой в свежую кучу. — Плохой, плохой, Гавейн...

Я не знаю, как, но когда с земли поднимался Лоегрин, глядя с ненавистью на Мордреда.

— Лебедь — это перелетная птица. Но иногда недолетная, — ослепительно смеялся он, бросив взгляд на нас, пока Лоегрин стоял, пошатываясь и опираясь на своего белого коня.

— Он трус! — закричал кто-то, явно разочарованный турниром. — Он неправильно сражается! Нужно скакать навстречу противнику и орать!

— Спасибо! А я не знал! — вздохнул Мордред, а Артур нервничал, перебирая мои пальцы. Мне очень хотелось высвободить свою руку, но Артур сжал ее, а потом поцеловал.

— Ланцелот! Ланцелот! — яро скандировала толпа, пока сэр Ланцелот, гордо дефилировал вдоль барьера, даря улыбки и пожиная плоды собственной неотразимости. Сэр Ланцелот поцеловал розу, вызывая вздохи вожделения среди зрительниц.

— Знаешь, почему я не целую цветы? Потому что в детстве мама говорила, что мимо них могла пробегать собачка, — коварным голосом заметил Мордред.

— Этот цветок предназначается красивейшей из женщин! — заметил Ланцелот, крепя розу к застежке плаща и даря мне затуманенный любовью взгляд.

— Женись на мне!!! — заорал женский голос, а я отчетливо видела, как в глазах Ланцелота сверкнул нехороший блеск, когда он поравнялся с Мордредом. Я видела, как они смотрели друг на друга. В этот момент я поняла, что поединок будет серьезным. Почему-то внутри что-то сжалось, а я напряженно следила за тем, как противники разъезжаются в разные концы.

— После моей смерти один из них станет королем. Увы, если это будет не Ланцелот... Горе Британии... Армия Ланцелота — это треть нашей армии. Еще треть — армия Мордреда. Было бы разумным оставить престол тому, за кем стоит реальная сила, способная удержать его. Хотя среди рыцарей круглого стола есть много достойных короны людей. Так сказал Мерлин... Я восхищен его мудростью.

Слышите? Это мои зубы открыли производство зубной крошки. Мои глаза были прикованы к двум фигурам, а внутри что-то тревожно переворачивалось. Рыцарь, который скачет по воде... Рыцарь, которого не интересует слава... Рыцарь, который спас мою жрицу и привез ее на Авалон... Герой, который знает туда дорогу и молчит...

Я видела скорость, с которой несутся кони, понимая, что поединок уже не шуточный. Зрители притихли, глядя, как где-то посередине барьера встречаются два рыцаря. Я видела, как по ветру струились черные волосы, как сверкнула дьявольская улыбка на бледном лице. Я даже привстала, чувствуя, как в момент столкновения обрывается мое сердце, глядя, как зачарованная на столкновение. Звуки стихли, а я приоткрыла рот,

откуда чуть не вырвалось имя...

На секунду я очнулась, зажимая себе рот свободной рукой и глядя на суровый профиль Артура. Мир снова оглушил меня, а я видела, как оба рыцаря не просто слетают с коня мешками картошки, а странным образом стоят на ногах под рев толпы. Кони мчались дальше, а Ланцелот выхватил меч, сжав покрепче его двумя руками, а потом нанес молниеносный удар, от которого Мордред невесть как уклонился. Его рука лежала на рукояти его меча, но он почему-то его не обнажал.

— Трус! — кричали люди, пока Ланцелот яростно пытался наносить удар за ударом, а Мордред с ослепительной и хищной улыбкой пропускать меч противника мимо себя.

— Сражайся! — процедил Ланцелот, а я увидела, как Артур смотрит на этот бой. Мордред достал меч и одним ударом сбил розу с груди Ланцелота. Плащ упал в опилки, а я видела, как Мордред с улыбкой наступает сапогом на розу и давит цветок.

— Как ты посмел! Это подарок королеве! — заорал Ланцелот, но тут же с него свалился нагрудник.

— Девушки, не благодарите, — улыбнулся Мордред, пока Ланцелот продолжал бой. — Герой поднимает меч, а на его искаженном от гнева лице видно все страдание после вчерашних посиделок. Он наносит удар... Мимо!

Мордред ловко отклонился, глядя как разъяренный Ланцелот обрушивает на него удар. Мечи скрестились с такой силой, что я вздрогнула от удара стали о сталь.

— Нравится? — спросил Артур, а я перевела на него грустный взгляд и выдавила жизнерадостную улыбку заядлого болельщика, пока сердце обрывалось от каждого удара. Я не поняла, как это произошло, но Мордред смеялся, пока толпа бушевала и редела, а с Ланцелота слетели поножи.

Народ был явно недоволен исходом поединка, а я смотрела, как Мордред приближается к нам.

— В битве все средства хороши! — заметил Мордред, пока толпа проклинала его. — Или будем сражаться до тех пор, пока не победит Ланцелот?

— Победителем турнира назначен ... сэр Мордред, — со вздохом произнес Артур, а мое сердце почему-то вздрогнуло, когда я вспомнила о том, что обещали в качестве награды. — Можешь, если хочешь! Гвинева, любовь моя, победитель турнира ждет награды.

Я стояла и смотрела снизу вверх на победителя, который снисходительно мне улыбался. Ростом он был с Артура, и даже чем-то походил по комплекции, правда, был стройней. В этот момент я почувствовала, как краснею, а щеки наливаются жаром. Где-то в глубине души какая-то маленькая гадость сладко шептала мне, что вовсе не прочь, но совесть пыталась отловить ее и казнить на месте. Сердце колотилось так сильно, что я вынуждена была незаметно выдохнуть. Знала бы, что придется целовать, наелась бы чеснока и селедки.

— Целуй, — разрешил Артур, глядя на то, как Мордред смотрит на меня и поднимает брови. — Ты заслужил. Сегодня ты проявил себя, как искусный воин.

А я не слышала ничего, кроме биения сердца, которое с каждой секундой билось все громче и быстрее. Я почувствовала, как рука осторожно ложится мне на подбородок, а сердце, словно сошло с ума, разрываясь на части. Если он меня сейчас поцелует, я ... Я не знаю... Я... Как это... Что-то мне как-то не по себе...

— Целуй свою королеву, — слышался голос Артура, а я как-то слегка удивлена местной традицией.

Я видела, как Мордред с ослепительной улыбкой наклоняется, а у меня внутри что-то обрывается. На мгновение я бросила взгляд на его черный плащ с капюшоном, видя, как между складками застрял маленький розовый лепесток. Пальцы гладили мой подбородок, а народ застыл в ожидании зрелища.

Улыбка стала еще ослепительней, а меня внезапно отстранили. В этот момент я не сразу

поняла, что произошло, потому что внутри меня появилась странная досада, от которой мне стало слегка не по себе. Ветер поднял знамена, которые затрепетали, а откуда — то нам надуло целый сонм белоснежно-розовых лепестков.

— Я хочу, чтобы она сама сказала, хочет ли королева этого или нет? — на меня смотрели странные, холодные глаза, а черная точка зрачка расширялась.

Глава девятая.

Магическая сучность

Водная гладь озера была похожа на зеркало, а я сидел на камне, глядя на то, как из воды поднимается рука Вивьен. Лес застыл зеленой кромкой, отражаясь в огромном озере вперемешку с синим небом. Как я зол! Как же я зол!

— Да, Вивьен, — нрвно усмехнулся я. — Старый Мерлин пришел к тебе! К кому ему еще пойти, как не к тебе, бесценная моя... Есть и хорошая новость. Мне удалось женить Артура на Гвинебре...

Я смотрел на жесты, а потом улыбнулся, глядя, как по водной глади пошла рябь. Вивьен злится... Это так на нее похоже.

— Что значит «зря»? Вовсе не зря! — ответил я, чувствуя, как меня обдало брызгами. — Подумай сама, милая. Пророчество, которое я рассказал Артуру, не позволило ему притронуться к жене в первую ночь, не смотря на то, что она красавица. Тут бы любой не устоял, но не Артур!

Я вспоминал лицо Гвинебры и чувствовал, как начинаю улыбаться. Недурна... Еще и с характером...

— Наступит день и оборвет род, осиротеет весь народ. Над землями несется стон, пал смертью Артур Пендрагон. От рук дитя, что породил, которого мечом убил, — улыбнулся я, глядя на притихший лес и его отражение в озере. — Нда-а-а, жаль Артур не сразу понял ... Молодо-зелено, хочется любви и ласки... Пришлось показать ему всю серьезность пророчества! Я сказал ему, что на него наложили чары, и теперь у него есть ребенок. Подействовало! Как только он увидел дырявый корабль, куда я собрал детей, рожденных в мае, то сразу понял, что старый Мерлин шутить не любит. Жаль, конечно, детишек, но что поделаешь? Цель оправдывает средства... Зато теперь молодая жена больше поцелуя ничего не получит... А наследники нам не нужны.

Я усмехнулся, представляя эту картину, пока озеро закипало.

— Да не кричи на меня! — я посмотрел на руку, торчащую из воды и на пару жестов, которые она показала. — Сама такая! Подумай! Когда Артур сдохнет, кто будет королем? Правильно! Тот, кого выберет Эскалибур! Но тут беда в том, что вероятность один к четырнадцати! Да дослушаешь ты меня, наконец? Хватит орать на меня! Я кому сказал! Вот когда успокоишься, тогда объясню...

Да, трудно иметь дело с этой женщиной, но без нее никак...

— А теперь представь, что Артур при смерти, к нему является Андраста с Граалем, чтобы спасти. Он пронзает ее Эскалибуром, а потом умирает сам. И вот Грааль у меня... Богиня повержена, а мы станем новыми богами этого мира... Но нам нужен еще и престол. Ты же сама знаешь, что мы не можем управлять волей Эскалибура, так что он может выбрать кого угодно! А нам кого угодно не надо! Поэтому я и ввел королеву. В момент смерти Артура, героической, разумеется, Эскалибур исчезнет... Пропадет, растворится... Но останется королева. Тот, кто захватит власть, навсегда будет узурпатором, а вот тот, кто женится на королеве по большой-большой любви — героем. Я понимаю, что она тебе не нравится!

Огромные волны расходились по озеру, а я пристально смотрел на руку.

— Мне она тоже не нравится. Ты думаешь, я питаю любовь к этой парочке? Да если бы этот бастард Пендрагонов по имени Артур не был бы любимцем Андастре, я бы прошел мимо. Она же подарила ему медальон, когда он был маленьким, чтобы он мог обращаться медведем. Это его она притащила на Авалон, когда он был ранен. Ее жрица Морриган, она же Моргана, сестра Артура, помогла переправить его и выходить. Надо было убить эту девочку сразу, но я что-то не подумал, — я тяжело вздохнул, досадуя о старой ошибке. — Девочка видела то, чего не видят другие... Она была глазами Андастры, она направляла гнев ее... Она видела сквозь чары, сквозь иллюзии, сквозь маски... Жаль, что слова ребенка: «Это не наш папа!», я не воспринял всерьез. Надо было призадуматься...

Я посмотрел на небо, которое скользило отражением по водной глади и вспомнил лицо Ингрейны... Кто ж знал, что в ее роду проявляются дети, способные видеть больше, чем другие... Сама Ингрейна не обладала даром, так же, как и остальные дочери, кроме маленькой Морганы. Моргана-Моргана... Надо было выколоть тебе моргала... Из-за тебя, я едва ли не погиб... Еще бы немного и от старого Мерлина осталась пыль... Моргауза и Элейн — старшие дочери Ингрейны не были ее кровными дочерьми, их усыновили, так что им повезло больше.

— Зато как красиво Ингрейна горела на костре после моих слов, что это она убила своего новорожденного ребенка, обезумев от обмана и бесчестия. Слово старого Мерлина еще что-то значило для Утера! Зато где-то в замке сэра Эктора рыдал маленький подкидыш — любимец Андастре. Не перебивай! Вивьен! С тобой невозможно разговаривать! — оборвал ее я, глядя на то, что она пытается мне что-то сказать.

— Не поднимай на меня руку! Все будет хорошо. Победа у нас в кармане. Андрасте почему-то сильно ослабла. Я прямо не узнаю ее! Словно потеряла часть силы, когда лечила Артура на Авалоне. Этот кретин был без сознания, и не смог запомнить туда дорогу! Олух! — я с досадой ударил по камню, а тот раскололся на две части. — Дуралей! Сколько не учи, сколько не готовь идиота, все равно болван! Ну и что, что рана смертельная! Мог бы как-нибудь и открыть глаза! А теперь что?

Я взял мелкий камушек и бросил его по озерной глади, глядя, как он подпрыгивает, а потом тонет в пучине. Не нравится мне Гвиневра... Ой, не нравится... Что-то с ней не так... Я понимаю, что ревнивая Андастре готова была на все, чтобы ее любимец не женился на другой женщине. И все это можно легко объяснить ее незримым присутствием в момент сватовства. Но не мешало бы проверить... Тем более, что королева — ключевая позиция в моей игре. Как бы было бы здорово, если бы в один прекрасный момент выяснилось, что Гвиневра и есть Андастре. Тогда это сильно облегчило бы мне задачу. Я представлял в своих руках сверкающий Грааль, представлял, как делаю первый глоток, ведущий меня в бессмертие... И тут меня обдало волной.

— Вивьен! — закричал я, чувствуя, что ненавижу ее. Но потом вспомнил, что без нее дорога на Авалон для меня закрыта. Лишь она может помочь мне пробраться на этот тайный остров, когда мы его найдем. Мой голос смягчился. — Да, любимая... Извини, просто перенервничал... Я пришел к тебе за советом, любовь моя... Я ищю... Мне нужно что-то новенькое, опасное, свежее... Короче, любимая, думай, куда мы завтра пошлем Артура. Это и в твоих интересах тоже... Целую твою ручку...

* * *

Народ бушевал, а Мордред смотрел на меня с улыбкой. Раздосадованный Ланцелот, скривился так, словно уже не просто попробовал похлебку из трофея, но и вынужден был попросить добавки.

— Я заслуживаю поцелуя! Он нечестно победил! — заорал Ланцелот, обращаясь к толпе, которая поддержала его криками. «Я тебя поцелую!!!», — визжали девушки, кровожадно пытаясь дотянуться до героя.

— Дорогой сэр Мордред, — я сделала самое грустное лицо на свете, а зрители притихли. — Я бы с радостью выполнила волю супруга, но как можно спокойно целоваться, когда есть те, кому этот поцелуй нужнее! Посмотрите на этого несчастного рыцаря! Если вы так горите желанием поцеловать кого-то, то поцелуйте этого несчастного героя. Я думаю, что ваш поцелуй утешит его и заставит забыть обо всех горестях.

На меня смотрели трое, а я чувствовала себя благотворителем. На лице Мордреда была такая улыбка, что я бы на месте Ланцелота бежала бы дальше, чем видела, петляя, как заяц между деревьями. Лицо Ланцелота вытянулось от перспектив, а я умилительно улыбнулась.

— А я другому отдана и буду век ему верна, — произнесла я, вот только голос дрогнул. Турнир окончился, а мы с Артуром вернулись в замок. Толпа провожала нас, желая счастья, любви и детишек побольше. Стоило нам въехать в зал, как я увидела знакомую фигуру, стоящую возле трона.

— Артур! Друг мой! — послышался голос, а я видела, как Артур бросается к нему. — Слышал о твоём подвиге! Говорил я тебе, что нет лучшего короля, чем ты! И нет достойнейшего правителя, чем мой любимый Артур!

— Мерлин! — Артур смотрел на него с благоговением, а старик подошел ко мне и поклонился. — Ты так быстро вернулся!

— Мое почтение, о дражайшая королева Гвинебра! — улыбнулся старик, а я смотрела на него с такой улыбкой, от которой мужчины обычно заползали под плинтус и прикидывались пылью. — Воистину вы лучшая из всех женщин! Ваша красота достойна тысячи баллад! Я принес вам подарок, о моя королева. Примите же скромный дар из рук скромного волшебника. Понимаю, что вы были против брака, но сейчас вы, надеюсь, счастливы?

Он протянул мне странный медальон в виде глаза на золотой цепочке.

— О, дитя мое! Это оберег от козней богини судьбы! — Мерлин поднял палец вверх, как бы подчеркивая торжественность момента. — Забудем прошлое, дитя мое. Сам старый дурак, уж устал смотреть, как Артур от любви к вам сохнет, вот и подсобить решил! Так что примите в знак примирения!

— Ой, что вы, мой дорогой Мерлин! — слащавым голоском выдала я, понимая, что от таких подарков впору отложить кирпичи на реконструкцию Камелота. — Да разве я могу держать на вас зло? Сама свое счастье не разглядела! А потом как присмотрелась!

У меня в этот момент глазик дернулся, как бы подчеркивая, что присматривалась я внимательно. Примерно так же внимательно, как и Ланцелот с фингалом.

— Ну и славно, дитя мое! Я рад за вас! — улыбнулся старик, пока мне протягивали подарок. — Пусть все у вас складывается!

— Чтобы в Камелоте все сложилось, нужно, чтобы у кого-то что-то отнялось, кто-то с кем-то поделился, а что-то приумножилось! — мрачно ответила я, имея в виду Мерлина, мозги и совесть. Когда добрый дедушка с седой бородой дарит подарки, то не факт, что потом не придется лезть на табуреточку и читать завещание.

— Кого я вижу! — послышался голос Мордреда, а Мерлин посмотрел на него с добродушной улыбкой. — Два старых морщинистых полушария пришли, чтобы сказать нам что-то очень важное! Итак, дай-ка угадаю! Где-то за городом кто-то кого-то сожрал и не подавился? Или погодите! Объявился одинокий дракон! Причем, недалеко от замка. До этого он по кустам прятался, а тут обнаглел!

— Зря вы так, сэр Мордред, — произнес Мерлин, глядя на него с укором. — Слышал я, что вы недавно продемонстрировали всему народу свое мужество и достоинство.

— Ах, что вы! Я всего лишь кончик достоинства показал, — язвительно ответил Мордред.

— Так держать! — благодушно заметил Мерлин, глядя на него и улыбаясь. — Вот покажи вы его зимой, когда мы сражались, то тогда было совсем другое дело!

— Да как вы можете такое говорить, — на губах Мордредра появлялась сладкая улыбка. — Зима — это не время для подвигов. Достоинство и мужество мерзнет.

— Рыцарь не должен стесняться показывать мужество и достоинство! И неважно, сколько людей вокруг! Он должен быть всегда готов совершить подвиг! — гордо выдал Ланцелот, вскидывая голову.

— Дорогой Ланцелот, береги свою почку... зрения. Меня приучили с детства не показывать мужество и достоинство незнакомым людям, — насмешливо заметил Мордред, пока я представляла рыцаря, который бежит, кутаясь в плащ, а потом резко распахивает его перед лицом голодного дракона, который прищуривается и говорит, что видел мужество и побольше!

— Мерлин, старина, ты где пропал? — произнес Артур, не сводя глаз с Мерлина, пока я опасно держала через ткань роскошного рукава подарок. — Уж думал, что не придешь! Или опять к зиме явишься!

— Артур, доблестные рыцари, — произнес Мерлин, тяжело опираясь на свой посох. — Беда! В неизвестном озере в северных землях... Вот оно на карте! Появилось чудовище... Никто не знает, что оно такое...

— А почему именно нам выпала честь познакомиться с ним поближе? — слышался язвительный голос Мордредра под тихий стон сэра Кей. — Мы тут пока дружно бодем. У нас тут эпидемия идиотизма...

— Сэр Мордред! Вы все шуточки шутите, а люди страдают! — изрек Мерлин, глядя на Артура. — Без Эскалибура его не победить! Только этот меч, способный уничтожить любую магию, убить любое чудовище, меч, раны от которого не заживают, способен положить конец страданиям простых людей.

— Хорошая мысль положить конец на страдания простых людей, — заметил Мордред, глядя на огрызок старой карты, в которую явно раньше заворачивали рыбу, а потом сплевывали семечки.

— Путь будет долгим и сложным! — продолжал Мерлин, а рыцари внимали ему. — Он займет несколько дней! Мы пройдем через леса и туманы!

— Эээ! — простонал сэр Кей, который только очухался, а его оруженосец пытался разогнуть латы, чтобы стащить их со стонущего героя.

— Я срочно требую назвать озеро Лох Нес, потому как лохов снова понесло! — заметил Мордред, а я поняла, что мне чего-то раньше не договаривали.

— Завтра нас ждет долгий путь! — постановил Мерлин, бросая на меня украдкой прищур. Что-то мне подсказывало, что разлуку я могу и не пережить!

— Не может быть! — жалобно взмолилась я, пуская сухую слезу. — Только не это! Артур! Не покидай меня! Это опасно! Умоляю! Останься! Пошли туда войско...

— Гвинебра! Я понимаю, но я должен! — гордо произнес Артур, а я почувствовала себя женой супермена. То плащ погладь, то стринги заштопай, а потом «дорогая, я тут мир спасал!». А ты смотришь на стринги ярлыком наружу и понимаешь, что местное зло завтра тебе пришлет открытку с благодарностью.

— Я оставляю в Камелоте ..., — Артур прищурился и посмотрел на рыцарей. Мерлин положил руку на плечо Ланцелота. — Сэра Ланцелота! Он будет защищать и заботиться о моей возлюбленной супруге! Остальные отправятся со мной!

Ланцелот поклонился, а потом пополз ко мне, с явным желанием доказать, что преданней его может быть только он под прикрытием алкоголя.

Мне деликатно намекнули, что мне пора спать, а я деликатно удалилась в комнату, бросая на кровать подарок Мерлина. Глаз? Ну-ну... Что-то мне подсказывает, что лучше его спрятать и во что-нибудь завернуть. Я засунула всевидящее око Мерлина под матрас, а передо мной появился призрак, показывая пальцем на глазик. Значит, я не ошиблась. Я хотела выбросить его, но потом подумала, что раз здесь оставили Ланцелота, то

прямая трансляция мне обеспечена, так что можно будет развлечь героев в дороге.

А ведь я действительно верила в то, что Артура нужно спасти. Мерлин сам послал меня сюда «спасать Артура», сделал Гвиневрой, после того, как предыдущая богиня сбежала. Теперь все становится на свои места. Артур погиб, Грааля Мерлин не увидел, поэтому и решил переиграть партию. Они с Вивьен смогли проникнуть на Авалон, видимо, пока не было богини. Я мысленно прокручивала тот разговор и понимала, что они очень спешат. Их что-то сильно пугало. Такие решения не принимаются в спешке... Если Мерлин не знает, что я — богиня судьбы, значит, это был просто подарок самому себе из будущего.

И все-таки что-то мне подсказывало, что выглядело это примерно так:

— Здравствуй, тварь!

— Здравствуй, быстро бегающий Мерлин!

Не могу понять, что могло напугать Мерлина, раз он все это делал в такой спешке?

За окном темно, а я не могла уснуть, чувствуя тревогу. Перед глазами было лицо Артура. Я не хочу, чтобы он погиб. Честно, не хочу... И сделаю все, чтобы его спасти. Он — не герой моего романа, но почему-то мне его искренне жаль.

Я долго вертелась на подушке, обдумывая ситуацию и так, и эдак, а потом зевнула и уснула. Оказавшись в знакомых божественных покоях, я пополза в ванную, искренне считая, что там лучше думается. Ситуация неприятна, но не критичная. Сбросив платье возле зеркала, сняв туфли я присела на бортик, опасливо проверяя ногой наличие чьей-то руки. Нет, никого не было, поэтому я со стоном блаженства опустила в горячую воду.

И тут я услышала голос. Высунувшись из ванной и чувствуя, как по мне стекает вода на пол, я увидела, как зеркало вспыхнуло, а передо мной появилось изображение какого-то темноволосого рыцаря при полном параде. Я даже слегка смутилась своей наготы, а потом выдохнула с облегчением, поскольку он меня не видит.

— О, судьба, молю тебя! Пошли мне знак! Тристан просит тебя о милости! У меня есть две Изольды...

Какой предусмотрительный мужик! Шансы, что в порыве чувств он ошибется именем только что упали до нуля. А если у него еще кошку зовут Изольдой и кобылу, тот тут вообще несгораемая контора.

— Есть Изольда Златокудрая... Я выдал ее замуж за своего дядю. Как бы она мне предлагала сбежать с ней, но я как то... Нет, она как женщина — прекрасна... У нее такие роскошные золотые волосы, которых нет ни у кого! Но есть еще одна Изольда. Изольда Белоручка! Я на ней собираюсь жениться. Она красавица! Кожа белоснежная, как мрамор... И вот я сижу и думаю, как мне поступить. Я как бы и Златокудрую люблю, и Белоручку. Когда я со Златокудрой, я скучаю по Белоручке и наоборот.

— Выбирай сердцем, но которая не замужем, — мрачно заметила я, глядя как лицо Тристана прояснилось вместе с ситуацией. Даже смотреть не буду его судьбу.

Я вернулась в ванну, окунулась в нее, чувствуя, что две дамы явно не догадываются о существовании друг друга. Может, оно и к лучшему.

Стоило мне только закрыть глаза, как снова зеркало заорало:

— Богиня! Я так не могу! В постели они обе хороши! Но вот как представлю, что женюсь на одной или украду другую, то... — у Тристана был явный словесный дристан. Он в красках описывал постель, сравнивая каждую. — Знаете, то, что умеет Белоручка, Златокудрая не умеет. Я ей говорил, что в этом такого? А она ни в какую! Но зато Златокудрая умеет ...

— Послушай, Тристан! — не выдержала я, чувствуя, как плиты холодят мокрые ноги. — Выбирай Златокудрую!

— Это почему? — удивился Тристан, глядя на меня круглыми глазами.

— Богиня! Я так не могу! В постели они обе хороши! Но вот как представлю, что женюсь на одной или украду другую, то... — у Тристана был явный словесный дристан. Он в красках описывал постель, сравнивая каждую. — Знаете, то, что умеет Белоручка, Златокудрая не умеет. Я ей говорил, что в этом такого? А она ни в какую! Но зато Златокудрая в какую спокойно!

— Послушай, Тристан! — не выдержала я, чувствуя, как плиты холодят мокрые ноги. — Выбирай Златокудрую!

— Это почему? — удивился Тристан, глядя на меня круглыми глазами.

— Ты про нее чаще рассказываешь! И вообще подумай, что тебе важно в женщине? Какие качества ты ценишь превыше всего? — я терпеливо объясняла, что выбор основывается на потребностях, а Тристан кивал, соглашаясь со мной по каждому пункту.

Зеркало почернело, а я поплелась в ванну, опускаясь в теплую воду и задумчиво оттирая с пятки налипшую грязь бытия. Стоило мне только пригреться, как меня снова позвал голос Тристана. Я стиснула зубы, выбираясь на сушу и шлепая ногами в комнату.

— Простите богиня, я совсем запутался! — на меня смотрели страдальческие глаза Тристана. — Так кого мне выбрать? Просто я решил обратиться к вам, чтобы вы мне точно сказали, кого выбирать... Я как бы обеих люблю...

Я закатила глаза, мысленно сообщая двум Изольдам, чтобы они бросили Тристана. Он зачем-то рассказывал мне о том, как слоняясь в поисках подвигов встретил Изольду Златокудрую, которую тут же сосватал дяде Марку, который был королем. Король женился на ней, а Тристан предавался подвигам и утехам с молодой женой своего дяди, пока дядя не застучал. После долгих разбирательств Тристан отбыл за море, где встретил еще одну Изольду, но там номер не прокатил. Дядя был уже женат и гарем не планировал. Да и родители у Изольды Белоручки оказались настойчивыми, а ему вообще не хочется жениться, не смотря на то, что повод уже был. И теперь он мечется между двумя красавицами, организовав прямой рейс туда-обратно. У дяди отлегло, а родителям невесты он честно говорит, что к родственникам.

— Кого мне выбрать? — жалобно спросил Тристан, наматывая своей непосредственностью мои нервы на кулак, который я бы посоветовала ему в качестве лучшего решения проблемы на месте двух Изольд.

— Никого! — выдала я, теряя терпение и остатки совести. Тристан обещал обдумать ответ, а я успокоилась, снова забираясь в ванну и чувствуя, что сейчас схожу к нему и придушу своими руками.

— Богиня! — слышался жалобный голос рыцаря прямой извилины, а я молчаливо взывала, чувствуя, что прямо сейчас так и сделаю. Я распахнула дверь, готовясь к удушью, как вдруг оторопела, увидев фигуру в черном плаще, стоящую возле зеркала. Дверь в ванну захлопнулась по движению его руки.

— Простите, богиня, но я все еще сомневаюсь, — слышался грустный голос Тристана. — Ну и что, что я пообещал каждой? Думаю, что можно съехать с женитьбы... Тем более, что какая разница, какого цвета подстилка? Все бабы одинаковые! Ну и что, что я обесчестил обеих? Я ведь никому ничего не должен?

Фигура повернула капюшон, пока я утешала себя мыслью о том, что он ранее видел голую девушку, хотя бы на картинке и ему уже исполнилось восемнадцать.

— Не можешь определиться? — недружелюбным голосом произнесла фигура. — Сейчас помогу.

Рука в перчатке легла на зеркало, а я видела, как Тристан отползает подальше, от фигуры, которая решительно шагнула в его покои. Она стащила его за волосы и бросила на пол, а потом вытерла об него сапоги, возвращаясь обратно в комнату, пока я пыталась одеться.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — слышала я холодный голос, от которого мне стало не по себе.

— А что это мы тут забыли? — произнесла я, понимая, что мне без разницы, кого душить.
— У меня тут что? Проходной двор? Так, многоуважаемая магическая сущность, либо вы сейчас же сознаетесь, кто вы, либо мне придется вам угрожать!

— Неплохие угрозы. Особенно левая, — холодно заметил очень недружелюбный голос, что-то высматривая в хитросплетении золотых ветвей, переплетающихся в зеркале, пока я экстренно одевалась и вооружалась стулом. Хватит с меня экскурсий в прошлое! Не хватало, чтобы в новой реальности я проснулась Ланцелотом или каким-нибудь Гавейном!

— Убери руки от зеркала! — решительно заметила я, видя, что меня решительно игнорируют. Ничего, я сейчас слегка пококетничаю, а стул мне в этом поможет.

Я замахнулась стулом, видя, что моим предупреждениям не вняли, а через мгновение стул разбили вдребезги мечом.

— Я достаточно тонко намекаю? — заметила я, беря в руки палку. — Я сказала — не трогай зеркало! Это — мое зеркало!

Мою палку отбили, осторожно ловя меня на подлете к полу. Я почувствовала рывок и руку, лежащую на моей шее, словно раздумывая, придушить меня или оставить в живых. Если в этот момент где-то и скакал рыцарь освободитель на белом коне, то явно не про мою душу, потому как капюшон приближался, а через мгновение мои губы раздвинул жаркий, настойчивый и глубокий поцелуй, от которого я слегка опешила. Такие поцелуи детям не показывают исключительно потому, что малыши не должны знать, что предшествовало их появлению на свет. Земля уходила из-под ног в неизвестном направлении, Я пыталась стянуть капюшон, но меня прижали к стене, перехватив мои руки. Складывалось впечатление, что мужик вернулся из долгого похода, где из женщин были только воспоминания у костра.

Мою благодарность за поцелуй трудно было измерить словами, поэтому я всячески попыталась выразить ее в грубой пинательной форме.

Мою благодарность за поцелуй трудно было измерить словами, поэтому я всячески попыталась выразить ее в грубой пинательной форме.

— У меня на этот храм больше прав, чем у тебя, — шепотом заметил голос. Так! Мне срочно нужен средневековый специалист по дележу недвижимости с бесплатными консультациями. Но что-то мне подсказывает, что в средневековье юристом считается тот, у кого есть меч!

Под натиском я почувствовала, как слабею, оседая на пол, но честно пытаюсь уползти. Происходит что-то странное, но я не могу понять что. Такое ощущение, словно из груди вырывается и высвобождается какая-то сила, встречаясь с точно такой же и сплетаясь воедино. Как будто до этого ты была всего лишь половинкой чего-то целого, величественного и смертоносного. Комната наполнялась странным светом, а из груди рвался поток силы, окутывая меня и приподнимая с пола, а потом я опустилась вниз, видя угасающим от слабости взглядом всполохи и вспышки в комнате.

Меня подняли на руки, а потом опустили в кресло, накрывая одеялом, погладив по щеке перчаткой, словно стирая невидимые слезы. Меня гладили, а я чувствовала, как засыпаю, проваливаясь в глубокую темноту.

— Это то, чего больше всего на свете, — слышала я шепот. — Бойтся наш старый, добрый волшебник. Отдыхай... хм... богиня...

Глава десятая.

Соблазняяй и властвуй!

Я очнулась от того, что кто-то орет на весь замок. И, судя по голосу, это был Артур. Где Артур повышает голос, волки откладывают кирпичи.

— Это страшное чудовище — угроза для Камелота! — ревел мой супруг, поднимая не только боевой дух, но и меня с кровати. Решительно свесив ноги и воинственно сопя, я встала и направилась в зал.

— Вот мне категорически интересно, чем оно угрожает Камелоту, мирно сидя в своем болотце на краю наших необъятных земель? Высунулось, поугрожало глазками и снова нырнуло, — слышался мерзкий смешок, а я уже видела ноги в дорогих черных сапогах, лихо закинутые на стол. — Папа, вы так орете, что чудовище уже все слышало на другом конце страны! Когда приблизимся, то будем орать еще громче, чтобы чудовище не догадалось о засаде. Эта тактика нас еще не подводила ни разу!

— Эта тварь — угроза всему существу! — сурово ревел Артур, а рыцари внимали каждому его слову. — Угроза Камелоту! Угроза всему!

— Да максимум, что оно сделало — посмотрело задумчиво в сторону Камелота, — со смехом согласился Мордред, глядя на Ланцелота, уже примерившего обязанности короля. Плечи Ланцелота расправились, взгляд приобрел величие.

— Трусость нам чужда! Сегодня чудовище — там, на задворках страны, завтра — у нас здесь, под боком! — рычал Артур, а его глаза воинственно сверкали. Мне было искренне жаль мирное чудовище, которое еще не догадывалось о том, что угрожает нам со страшной силой.

— «Завтра» это ты загнул, папа. Тыщу лет и стертые в кровь ласты предшествуют тому, что под окнами нашего славного Камелота послышится вежливое «Здравствуйте!»! — рассмеялся Мордред, глядя на Артура, как на идиота.

— Мы обязаны спасти Камелот! Обязаны защитить его! — воинственно расхаживал Артур, а за ним по полу стелился синий плащ. Эскалибур в могучей руке пробегал искрами. — Битва на озере будет сложной, но мы одержим победу!

— Ну хоть искупаетесь, — ядовито заметил Мордред, зевая. — Не надо на меня так смотреть, Ланцелот. Стол круглый, пола скользкая...

Мерлин скромненько стоял в уголке, опираясь на посох, и с улыбкой смотрел на то, как Артур нарекает Ланцелота защитником Камелота на время своего отсутствия. Взгляд Мерлина скользнул по рыцарям, закатился при виде сложенных на стол ног, а потом упал на меня, да так, что чуть не набил шишку на самооценке.

— Артур! — пафосно бросилась я к мужу, а Артур сгреб меня медвежьей лапой. — Я прошу тебя, не уезжай... Прошу, не бросай меня!

— Долг зовет! — отрезал Артур, воинственно глядя на карту. — Гвиневра, любовь моя, я постараюсь вернуться, как можно быстрее и привезу тебе подарок!

Ага! У меня еще после того подарка впечатлений выше желудочной ватерлинии. Если дело так пойдет, то я с удовольствием приготовлю солянку, чтобы смотреть на прощание солянки в режиме реального времени нереальных мук. «Ты меня уважаешь?», — нежно спрошу я каждого. «Ложечка за Гавейна! Ложечка за Кея! Ложечка за Лоегрину! А за Мерлина — полкастрили!», — я мысленно представляла себя образцовой женой. «Ешь быстрее, дорогой Ланцелот! А то добавки положу!».

— Не плачь, моя королева, — меня грубо погладили по голове, а сердце сжалось от жалости к величайшему из королей. — С тобой останется сэр Ланцелот. А мы отдохнем и отправимся в поход. Завтра мы уже выдвинемся! И вернемся с победой!

С вас победа — с меня обед! И попробуйте только притащить мне «подарочек»!

Ланцелот смотрел на меня с обожанием, явно что-то предвкушая, а я настороженно смотрела на черную фигуру, которая внимательно следит за нами. Бледное надменное лицо и яркие синие глаза в ореоле мягких черных локонов снова и снова невольно притягивали мой взгляд. У них с Артуром одинаковый профиль, одинаково очерчены губы. Неужели этого никто не замечает?

Меня смачно поцеловали на прощание, щекоча растительностью на лице, а я терпеливо ждала, когда поцелуй закончится. Я чувствовала теплые губы, понимая, что внутри меня шевелится огромная пустота. Нет ни радости, ни восторга влюбленности, ни счастья, ничего, кроме странного сожаления и какой-то щемящей душу жалости. Мне было стыдно, глядя на влюбленные глаза Артура, поэтому я отвела взгляд.

— Отдыхайте! Путь будет долгим! — вздохнул Артур, выпуская меня из объятий. Уставшие после турнира рыцари разбрелись по замку, а Артур с Мерлином остались за круглым столом обсуждать, выпроводив меня из зала.

Долгие и томительные минуты я лежала на кровати, прижимая к груди подушку и кусая губы. «Войска злого рыцаря Мордредра столкнулись с войсками короля Артура на реке Камлан. Отец и сын сошлись в смертельном поединке за корону Британии. Смертельно раненный Артур пронзил грудь своего предателя-сына мечом. Когда их нашли, они оба были уже мертвы...», — пронеслось в голове, а я вскочила, понимая, что задремала, а за окном уже слепящий сонные глаза день.

Я выбежала в главный зал с круглым столом, увидела слуг, которые сообщили, что рыцари выдвинулись на рассвете в поход, а потом опустилась в одно из кресел.

— О, любовь моя! — послышался сладкий голос Ланцелота, а я увидела, как он бросился ко мне и упал на колени. Доспехи на нем блестели, словно он чистил их всю ночь. — Я не в силах больше сдерживать свои чувства к вам, моя королева! Любовь ослепляет меня, не дает мне дышать, жить. Я — предатель. Я посмел полюбить вас с первого взгляда. Мир без вас кажется мне пустым, а жизнь бессмысленной! Вы можете покарать меня за чувство, которое я не в силах больше побороть... Искушение вашей красоты сильнее моей преданности моему королю!

— А что? Все уже уехали? — послышался мрачный и сонный голос, от которого сердце радостно забилося. В дверном проеме, ведущего в западный коридор стояло сонное и слегка взъерошенное чудовище. — Мне сказали, что выезжаем, как проснемся... И вот я проснулся! Готовый к подвигам и славе! Как они могли?

— Ты что здесь делаешь, трус? — произнес изумленный Ланцелот, поднимаясь с колена и явно не разделяя моей тайной радости. — Ты должен был сопровождать Артура и других рыцарей!

— А что я там не видел? — с ядовитой усмешкой заметил мятый Мордред, зевая и подтягиваясь. Белая рубаша была заправлена в черные штаны, волосы взъерошены, а взгляд синих глаз был сонно-равнодушным. — «О! Дракон!», — и мы с криками толпой скачем в сторону дракона. Это называется «засада»! «А! Дракон!», — мы толпой скачем обратно, удивляясь, как это дракон узнал о нас, ведь мы хотели напасть внезапно. Набрались мужества и по второму кругу, пока животинка не выдохнется. Эта тактика нас еще никогда не подводила. Был у нас тут паренек, который не умел скакать зигзагами...

Ланцелот злобно молчал, бросая нехороший взгляд в сторону свидетеля его любви.

— А еще знаем волшебное заклинание «Ме-е-е-ерлин!», — ослепительно смеялся Мордред, а потом сел на стол, глядя на посмурневшего Ланцелота. — Неправильно ты соблазняешь девушку, Ланцелот... Смотри и учись, пока ты жив...

Мордред встал с места, подошел ко мне, тряхнул черными локонами и посмотрел прямо в глаза. Мне показалось, или они затянулись какой-то странной, и томной, обволакивающей поволокой.

— Ты должен смотреть на девушку так, словно кроме нее в мире больше никого нет, — прошептал Мордред, а я тут же почувствовала себя очень любимой и единственной.

— Прекрати! — заорал Ланцелот, положив руку на меч.

— Я тот, кого ты будешь вспоминать спустя двадцать лет, стоя в тронном зале, — страстно и сладко шептал Мордред, не сводя с меня развратных глаз. — Ты возьмешь кубок с вином, а по твоему телу пробежит волна дрожи... Мой образ предстанет у тебя

перед глазами, заставив на мгновение забыть обо всем... В этот момент твои тонкие пальцы сожмут золотую ножку кубка, а ты тяжело вздохнешь и мысленно скажешь: «Да это просто тварь какая-то! Как вовремя я от него сбежала! Как хорошо, что у меня хватило мозгов!».

Так меня еще никто не пытался соблазнить! Ланцелот закипал от гнева, схватившись за рукоять меча.

— Ее величество, прекраснейшая из всех женщин, леди Гвиневра, никогда не посмотрит на такого труса, как ты! Ты — позор круглого стола! — гневно бросил Ланцелот, глядя на Мордреда, который лениво повернул к нему голову и поднял бровь. — Миледи, не слушайте его! Он недостойн вас! Этот мерзавец не прославился ни одним подвигом! А на моем счету больше ста подвигов!

— Я в этот момент обычно стою в сторонке и сожалею, что у нас нет запасного Ланцелота. — ядовито заметил Мордред, сощулив глаза.

— Леди Гвиневра! — с грохотом пал на колени Ланцелот, глядя на меня глазами преданной собачки, которую добрые хозяева решили кастрировать поэтапно. — Как на счет прогулки? Я расскажу вам о своих подвигах прекрасных девах, которые пытались меня обольстить, но я не поддался искушению, о чудовищах, с которыми героически сражался.

— Здравствуй, чудовище! Здравствуй, быстро бегающий Ланцелот! — я увидела на губах чудовищную улыбку.

— Многоуважаемый Ланцелот, — заметила я, чувствуя, как он пытается припасть к моей руке и облобызать ее. — А не пошли бы вы на... подвиг.

— Ага, и хлебушка по дороге купи. Вот тебе денежки, — Мордред бросил золотую монетку на стол. — Это твои копытные. Подкуешь коня на сдачу.

— Я не оставлю ее рядом с тобой, злодей! — пылко воскликнул Ланцелот, обнажая меч, пока я смотрела на знакомый профиль на монетах. — Я поклялся защищать мою королеву!

— С тонким расчетом на поступательные подвиги в чести прекрасной дамы? Ну-ну! — нежно заметил Мордред, глядя на лезвие меча, которое скользнуло по его груди. В тот момент, когда лезвие уперлось в рубашку, а на ней выступило алое пятно крови, я не выдержала.

— Прекратить! — рявкнула я, глядя на Ланцелота, который тут же упал на колени и протянул мне меч. — Я понимаю, что меня оставили на хозяйстве, но я не собираюсь выяснять на чем!

— Моя королева, я просто хотел защитить вас! — горестно вздохнул рыцарь, тряся покаянной головой.

— Мне кажется, если в слове «защитить» сделать несколько несущественных ошибок, то получится слово «затащить», — заметил Мордред, а потом грустно посмотрел на меня. — Скучные вы... А давайте во что-нибудь сыграем? Например, в прятки? Ланцелот прячется по замку, а мы считаем ... его идиотом?

— Я приказываю, чтобы ты тот час же отбыл из Камелота! — горделиво произнес Ланцелот. — Эй, слуги! Накрывайте на стол! Королева изволила трапезничать!

На меня смотрела та самая служанка, которая впервые провожала меня в покои. Он кротко опустила взгляд, смиренно склонив голову.

— Нет, ничего, милорды и миледи. Его Величество, когда отбыл в поход забрал с собой все припасы. Три телеги за ним поехало. И повара замка. Один, правда остался, но ничего нет. Ни корочки хлеба... — негромко заметила служанка.

Нормальный средневековый мужик! Все из дома вынес. Я понимаю, что это — средневековье, когда люди едят через раз, но чтобы так?

— Так закупить припасы! — крикнул Ланцелот. — Королева голодна! Да как вы смее заставлять королеву голодать, как простую крестьянку! Живо купить все необходимое!

— Мы подчиняемся только приказу королевы! — спешно ответила служанка, снова опустив глаза. — Что прикажет королева?

— Купите припасы, приготовьте еду! — пожала плечами я, глядя на то, как служанка покорно удаляется. — На чем мы остановились?

— Ланцелот остановился в умственном развитии на словах: «Я люблю вас, дорогая! И от страсти к вам сгораю!», — небрежно бросил Мордред, снова зевая. — Он уже почти достал свой фитилек...

— Менестрель! — позвал Ланцелот, а к нам вышел какой-то мужик с лютней и учтиво поклонился. — Спой королеве балладу о моих подвигах!

Струны под тонкими узловатыми пальцами прозвенели, а менестрель затянул густым, певучим голосом: «Сказание о подвигах сэра Ланцелота Озерного, мужественного рыцаря круглого стола!». Менестрель перебирал струны, а я смотрела, как Ланцелот гордо вскидывает голову.

— Наш славный рыцарь Ланцелот, — пропел менестрель, делая паузу и мелодично перебирая струны.

— Когда не надо, — мрачно вставил Мордред, явно с наслаждением слушая балладу.

— Однажды по лесу скакал, — снова продолжил менестрель.

— И без коня, — вставил Мордред с гадкой улыбкой и посмотрел на Ланцелота, который нервно сглотнул. — Зато в кольчуге, рысь сменяя на галоп.

— Героически сражался, — упорно пел менестрель, а я позавидовала его терпению.

— Только с кем нам неизвестно, потому что тех драконов видел только он один, — продолжал Мордред, пока по красивому лицу Ланцелота пробежала нервная дрожь от стиснутых зубов.

— Два дракона наступали! — пропел менестрель, а я понимала, что чертовски нравится эта баллада.

— Прямо на пятки, невидимки, их вообще никто не видел, только бедный Ланцелот! — вставил Мордред, ослепительно улыбаясь, пока служанка наливала ему в кубок вино.

— Был один дракон свирепый, — пел менестрель, а я уже предвкушала продолжение.

— Очень-очень, вот так сволочь! Пару раз споткнул героя, тот упал звеня кольчугой прямо к Артуровым ногам.

— Но защитник наш не дрогнул! — мужественно пел менестрель, а я наслаждалась чудесной балладой.

— Мы ему так благодарны, что не можем описать! — усмехнулся Мордред, подняв брови, а потом подарив мне улыбку.

— Был второй дракон ужасен! — продолжал менестрель, а я чувствовала, как у меня проступают слезы на глазах. Мне уже плохо!

— Продолжайте, я не видел. Я смотрел на Ланцелота, что размахивал мечом, — разрешил Мордред, кивнув невозмутимому менестрелю.

— Два чудовища из леса! — ударил по струнам певец.

— Были посланы богиней, — развлекался Мордред, поглаживая золотую ножку кубка. — Если вдруг у нас проблемы, конь сломал в походе ногу, муха села Гавейна, это происки ее!

— Пали смертью от героя! — спел менестрель, а Ланцелот расправил плечи.

— Я и сам тогда едва ли чуть не помер, загигаясь. Ну еще бы, эта битва эпохальной была! — усмехнулся Мордред, поглядывая в свой кубок, а потом бросая взгляд на Ланцелота.

— Ланцелот спас королевство! — добивал меня и балладу менестрель, а я уже понимала, что у меня уже живот болит. Как только Ланцелот оборачивался, я умудрялась делать губы бантиком, мысленно подыхая от представленной картины и комментариев.

— От невидимых драконов. Пролетят, и не заметим. Тут дотла сожгут все стены тем невидимым огнем! — согласился Мордред, закусив губу и предвкушая продолжением.

— Доблесть, мужество и славу!

— Мы чуть папой не назвали, Ланцелота, дорогого, потому что этой жизнью мы обязаны ему! — лениво вставил Мордред, поигрывая вином в кубке и улыбаясь. На мгновение он поднял глаза на меня, а потом с улыбкой опустил их обратно на кубок.

— Мы должны увековечить! — допевал менестрель, а Ланцелот снова повернулся, заставив меня собрать улыбку в трубочку.

— Говорил нам добрый Мерлин ничего в лесу не жрать! — потрянул локонами Мордред, а его смеющееся лицо прикрыли волнистые пряди.

Я понять не могу, что со мной такое! Почему я мысленно прошу его посмотреть на меня? Караул!

— Я предлагаю послушать балладу о подлом сэре Мордреде! — гордо произнес Ланцелот, явно уверенный в том, что я собирала губы в трубочку исключительно под впечатлением подвигов и с горячим желанием воздать герою за его заслуги перед отечеством. Менестрель отчаянно ударил по струнам, а я затаила дыхание в предвкушении.

— Сэр Мордред — коварство, сэр Мордред — зло! — яростно и презрительно запел певец.

— Мне просто с мозгами слегка повезло! — согласился Мордред, пока я понимала, насколько тревожит меня улыбка темной стороны силы.

— Прямо в бою бросил Мордред друзей! Томились герои в плену десять дней! — жалобно повествовал менестрель, а я почему-то представила, какая благодать воцарилась на эти десять недолгих дней в окрестностях.

— И принялись рыцари зло проклинять! — выводил менестрель, а у него, аж глаз дергался от негодования.

— Ну кто-то же должен их всех выкупать? — пожал плечами Мордред, пока Ланцелот тяжело вздохнул и кивнул.

— Томились герои в темнице врага! — остервенело брэнчал менестрель.

— Мы просто в цене не сходились слегка, — сладко вздохнул Мордред, а его локон выбился из общей кучи и завис над кубком.

— Они десять дней в темнице страдали! — закончил менестрель, ударив по струнам в последний раз. В абсолютной тишине раздался смех:

— Я требовал скидку за Персифаля.

Как только менестрель умолк, Ланцелот повернул ко мне голову, преданно заглядывая в глаза.

— Не слушайте его! Его речи опасны! Я хочу показать вам наш зал славы! Каждый наш подвиг увековечен в гобелене! — Ланцелот схватил меня за руку и потащил в коридор. — То вы, я и подвиги! Я сгораю от страсти, когда вижу ваше прекрасное лицо!

— Я вот думаю, четырнадцать рыцарей стоят в очереди на мое убийство. И самое странное, — я видела ту самую улыбку, от которой внутренности завороченно перешептывались. — Что пока они не определяться, кто первый, я спокойненько

восседаю за круглым столом! Неужели мы идем в святая-святых наших подвигов?

— Не приписывай себе чужую славу! — надменно произнес Ланцелот, открывая красивую дверь, на створках которых деревянные рыцари скрестили мечи. Дверь со скрипом распахнулась, а я шагнула в зал, увешанный гобеленами.

— Вот, — гордо произнес Ланцелот, показывая на целую картину с изображением одинаковых рыцарей в количестве шестнадцати штук. Некоторые были с бородой, некоторые без бороды. По воле художника взгляд у рыцарей был такой, словно внезапно прихватил живот, но безвестная вышивальщица сказала, что позировать им еще две недели!

— Это все рыцари круглого стола! — гордо произнес Ланцелот, а я смотрела, что все они на одно лицо, как под копирку! Артура я нашла сразу и то, благодаря короне! Рядом с ним стояла красивая женщина в каком-то причудливом наряде.

— Так, а это что за красавица? — спросила я, глядя на белые волосы. И грудь у нее ничего так! Я что-то не поняла!

— Это Мерлин! — ответил мне Ланцелот, а я присмотрелась и поняла, что то, что по ошибке приняла за вышитый корсет — это недоеденная молью борода!

— Я тоже думал, что это девушка, а не дедушка! Я влюбился в нее с первого взгляда, как только посмотрел на ее лицо! Ах, жизнь полна разочарований! — сладко улыбнулся Мордред, поднимая бровь. — Мое сердце разбито навсегда! Кстати, слева тот парень, который не умел бегать зигзагами!

Меня вели дальше, где рыцарь — паралитик пытался совладать с мечом под сильно обалдевший взгляд зеленого дракона, который видимо, проползал мимо и давал советы. На морде дракона было написано все разочарование: «Ну кто так бьет!».

— Это — сэр Персифаль! — пояснил Ланцелот, пока я рассматривала живопись.

— Победивший зеленого змия и едва ли не проигравший в неравной борьбе! Задушил на корню! Завязал! — хохотнул Мордред, а мне так хотелось повернуться и посмотреть на него, но мой взгляд уже упал на следующее полотнище, откуда на меня смотрел бледный глист с закрытыми глазами, выращенный в тубусе с бровками домиком и точкой вместо рта. В руках у него был меч такого размера, что герой с легкостью может спрятаться за ним, даже не выдыхая!

— Это — сам король Артур! — произнес Ланцелот, а я пыталась найти если не сходство, то хотя бы логику.

— Я ему говорил: «Папа! Не моргай!», — слышался позади меня смех, а я снова стянула губки уточкой, чувствуя, как слегка трясется моя грудь.

Я смотрела на следующее полотно, на котором был изображен грустный окровавленный предположительно Артур, сидящий в позе глубокой задумчивости, а позади него высунула огромная ручища из какого-то Вальгалища, сжимающая меч. Стеснительный рыцарь на заднем плане разводит руками, но Артуру все равно. Он сильно приуныл, погруженный в свои горькие думы.

— Я называю этот гобелен «А что я вчера ел?», — заметил Мордред, пока Ланцелот гневно сопел.

— Не правда! Это я и моя матушка Вивьен — владычица озера! А это — король Артур! Матушка дала Артуру Эскалибур! — произнес Ланцелот, глядя на меня в ожидании диких восторгов. — Меч, чьи раны не заживают сами по себе! А если и заживают при помощи магии, то всегда остаются шрамы! Меч, который может держать только истинный король!

— Тебе его все равно в руки не давали! — рассмеялся Мордред. А я почувствовала, как он подошел ко мне сзади. Я даже чувствовала ветерок его дыхания на своей шее. Такое чувство, словно прямо сейчас обнимет. — Так что заправь свою биографию обратно.

Следующим был сосредоточенный мужик с огромным мечом, пытающийся разрезать

что-то коричневое и, видимо, очень твердое.

— Король Артур вынимает меч из камня! — пояснил Ланцелот, тряхнув золотыми кудрями. Видимо, биография Ланцелота должна была меня впечатлить до глубины души.

— Да, хлебушек тогда был очень черствый! — вздохнул Мордред, а я уже не могла изображать уточку. Грудь тряслась, но я держалась из последних сил. Мне казалось, что еще немного, и он прикоснется ко мне... Что со мной? Я мысленно простонала, понимая, что так нельзя! Я посмотрела на Ланцелота, который описывал очередной подвиг, запечатленный на гобелене, где коротконогий рыцарь сражается с двумя чахлыми ящерицами. «Нельзя! Не вздумай!», — я доедала себя, чувствуя, как дыхание стало еще ближе. В этот момент по спине побежали мурашки. Они спасались бегством, предвкушая неприятности.

— Это те самые огромные и страшные невидимые драконы, про которых написана баллада, — услышала я шепот, понимая, что губы едва ли не прикоснулись к моей щеке. Глядя на несчастных ящерок, я бы назвала их Маса и Тоса и гладила бы их каждый день.

Не могу понять, что со мной происходит? Почему он? Что со мной? Так! Возьми себя в руки, дочь Лодегранса! Ты — богиня судьбы! Ладно! Рискнем!

Я покачнулась, словно собираюсь упасть в обморок. Видимо, единственный незапрещенный моралью способ получить обнимашки в средние века, это просто упасть в обморок.

И только я собралась это сделать, как вдруг он отошел в сторону, и если бы я ни была бы богиней судьбы, то явно сказала бы: «Не судьба!».

— Сэр Ланцелот! — позвала служанка, а Ланцелот с досадой обернулся. — Послание от Короля Артура!

В зал вошел запыхавшийся мужик в порванном плаще.

— Многоуважаемая королева Гвинева! — начал он, переводя дух. — Его Величество Король Артур жив и здоров! Он проклинает сэра Мордреда за его трусость!

— И папе привет! — согласился Мордред, отходя в сторону. — У меня только первая доблесть расправилась. Молочная...

— Господин Мерлин так же просил передать, что неужели его подарок пришелся не по сердцу молодой королеве, раз она его не носит? — спросил гонец, учтиво ожидая ответа.

— Передайте Мерлину, — ласково произнесла я, изображая экзальтированный восторг, — что подарок мне настолько дорог, что я так и не решилась носить его. Но я обещаю, что буду надевать его по праздникам!

— Господин Мерлин настаивает, чтобы вы надевали его почаще! — произнес гонец, стоя перед нами на коленях. — А еще он просил передать королеве Гвиневере, чтобы она вышвырнула сэра Мордреда из замка. Пусть убирается в свой Чэриот!

— Вы только посмотрите на ее слабые руки, — Мордред улынулся ослепительной улыбкой. — Она одна не справится. А стражу я прикончу на месте, если она посмеет обнажить на меня меч. И пусть потом папа не кричит, откуда в замке десять трупов. Думаю, что выжившая стража еще помнит тот день, когда мне вежливо указали на дверь.

— Сэр Ланцелот! — обратился гонец, а я смотрела на его порванный плащ. — Для вас отдельное послание. Я передам вам его без свидетелей.

Ланцелот посмотрел на меня с досадой, а потом вышел из зала, направляясь вслед за гонцом.

— Ну что? — усмехнулся Мордред, подойдя ко мне и глядя на меня с улыбкой. — Я уйду только в том случае, если вы, о моя королева, вышвырните меня собственноручно! Учтите, я буду сопротивляться... Я жду! Жду, когда вы попытаетесь выставить меня из Камелота!

Я молчала, понимая, что он дразнит меня и смотрела безотрывно в его глаза. Красивые глаза. Похожи на глаза Артура, только синие... Точно такой же разрез. У них даже улыбка чем-то похожа. «Пшел вон! От греха подальше!», — причитало что-то в душе, но оставаться наедине с Ланцелотом мне не хотелось. Проще было бы Ланцелота вышвырнуть из замка, а то у меня рядом с ним такое чувство, словно я укрощаю кактус в позе наездницы!

— Ну, моя королева, — мне протянули руки, сложенные запястьями, а я смотрела на ослепительную улыбку, от которой хотелось душить его долго, нежно и с наслаждением. — Попробуйте! Только в вашей власти вышвырнуть меня из Камелота...

Хорошо, дорогой мой, играем по твоим правилам. Я подарила ему улыбку, а потом вышла в коридор.

— Стража! — едва слышно прошептала я, оглядываясь в пустой коридор. — Вышвырните сэра Мордред из замка! Немедленно!

Я вернулась обратно и развела руками, подарив ему еще одну улыбку в ответ.

— Ах, они меня совсем не слушаются! — я подняла брови, а потом опустила глаза. — Бессовестная стража! Я тут приказываю им, а они даже не прибежали!

— Значит так, да? — я видела, как глаза превратились в две узкие черточки, напоминающие о том, что пчеловодство — очень опасное занятие, а пчелы очень злопамятные. — Хорошо. Я в долгу не останусь.

Ланцелот влетел в зал, а потом упал на колени передо мной, умоляя простить его за то, что оставил меня наедине с этим мерзким, отвратительным человеком.

— Я, пожалуй, пойду в свои покои, — меланхолично заметила я. — Я слегка утомилась. Провожать не надо! Дорогу знаю!

Я вышла из зала, прошла по коридору, вышла в зал с круглым столом и ускорила шаг. Дверь моих покоев была приоткрыта, а я юркнула в нее, закрываясь на засов.

Моя рука шарила под матрасом, откуда я брезгливо извлекла подарок Мерлина, а потом, оглядевшись по сторонам, нацепила на шею. Спустя полчаса глаз внезапно засветился, а я поняла принцип его работы!

— О, — сладострастно застонала я, глядя, как на груди светится любопытный глаз. — Ах... Это просто божественно... Да, да... Так нельзя! Нельзя, чтобы женщине было так... так хорошо...

Я с усмешкой посмотрела на закрытую дверь, и продолжила театр.

— Да... Как же я раньше жила без этого! Ммммм, — простонала я, меланхолично глядя на стены. — Как я раньше жила без такой мягкой перины! А подушечки — просто чудо! О! Лежать на кровати воистину божественно!

Глаз потух и закрылся, а я представила лицо Артура, к которому бегом летит вроде бы старенький, судя по словам больной, Мерлин, который в перетягивании каната и беге с препятствиями занял бы почетное первое место. «Она тебе изменяет!», — орет Мерлин, а Артур хмурит брови... Ну-ну.

Перед глазами один профиль менял цвет волос, лишался растительности на лице и уже улыбался мне ослепительной улыбкой. Это какое-то наваждение!

Глава одиннадцатая.

Грибной фей

Я лежала немного, пытаюсь уснуть. В комнату прокралась темнота, а я задремала, очутившись в своем храме.

— Покажи мне ... Артура!, — попросила я зеркало, понимая, что такой наглости от себя не ожидала. В последний момент мой голос дрогнул, а я увидела, как в каком-то лесу скачет целая кавалькада всадников. За ними уныло тащится обоз с провиантом, полевая кухня и небольшой отряд.

— Артур! — Мерлин подъехал на коне к Артуру, который насупился и горько сглотнул. — Как только мы найдем Грааль, ты сможешь насладиться ею, как женщиной. Да, нет такой женщины, которая бы устояла перед Ланцелотом, но Гвинебра не настолько безрассудна, чтобы броситься в объятия сильного и мужественного героя, способного познать ее, как женщину и подарить ей наслаждение! Не думаю, что она променяет своего короля на нежные ласки и страсть...

Я смотрела на лицо Артура, чувствуя, как у меня по щеке катится слеза. За что ты, старая тварь, так издеваешься над ним? Я горько сглотнула, понимая, что не могу на это смотреть.

— Не сольются два тела в страстном порыве на роскошном ложе, — продолжал Мерлин, а по щеке Артура текла слеза, исчезая в бороде. — Не раскроет она объятия, не станет дарить поцелуи его губам, задыхаясь от сладкой истомы...

Мерлин, тебе только любовные романы писать! Я сейчас задушу эту тварь!

Артур стиснул зубы, подстегивая коня, а на его лице было столько страдания, что я зажала рот рукой.

— Но ты не переживай! Я с тобой! Мы скоро победим Андастру! Злая богиня судьбы будет обманута! — внезапно добродушно воскликнул Мерлин, глядя на профиль Артура, а я видела, как вслед за одной слезой скатилась еще одна.

— Я бы отдал все, чтобы обладать ею. Она бы каждую ночь принадлежала бы мне! — едва слышно сглотнул Артур. — Мне все равно. Пусть мой ребенок вонзит в меня меч! Пусть вошьет в кубок яд! Я не могу так! Я хочу, чтобы у меня был сын. Больше всего на свете, я мечтаю держать его на руках. Мечтаю, чтобы он вырос достойным королем, чтобы в его груди билось сердце короля. Я хотел бы, чтобы он любил меня, как я люблю его. Как я был бы счастлив...

Артур опустил голову, а его лицо прикрылось длинными светлыми волосами.

— Помни, Артур, чему я тебя учил! — по-отчески заметил Мерлин, слегка подгоняя своего коня, чтобы не отставать от Артура. — Помни, что как только ты погибнешь — погибнет и Британия! Ты — последний Пендрагон! Британия — это ты! Не ставь личные интересы превыше интересов государства!

Медовые глаза Артура наводнились слезами, а он стиснул зубы, глядя в непроглядную тьму.

— Добрые духи поведали мне, — с улыбкой произнес Мерлин, а Артур резко повернулся к нему, — что однажды видели Авалон! И один маленький дух видел путь туда... Я думал поехать туда и все узнать.

— Так поезжай туда! — прошептал Артур, а волосы налипли к мокрым щекам. — Прошу тебя, Мерлин. Я справлюсь сам!

Я ударила кулаком по зеркалу, глядя на надежду в глазах Артура, когда Мерлин исчезал в темноте. Я лично хочу вырвать бороду этому старикану! О, я его так оттибидохаю, что мало не покажется!

И тут рыцарей внезапно поглотила тьма. Сначала мне показалось, что что-то случилось с зеркалом, но потом, когда тьма стала рассеиваться, рыцари лежали на земле, а Артур стоял на ногах, сжимая в руках Эскалибур и оглядываясь по сторонам. Лежали все, даже лошади. Слуга прислонился к обозу и мирно спал.

— Покажись! — раздался голос Артура, а Эскалибур в его руках засветился, рассеивая

остатки темноты. — Я приказываю тебе!

И тут кусты зашевелились, а на Артура со всех сторон брызнули какие-то небольшие твари с крыльями. Они были похожи на кошек, но при этом обладали птичьими головами.

— Грифоны! — процедил Артур, сильнее хватаясь за меч. Когда первая тварь бросилась на него, Эскалибур рассек воздух, оставляя светящуюся полосу, а мертвый грифон упал на землю, распадаясь на две части. Черный дымом развеялись останки, а твари издали пронзительный птичий крик и ломанулись в атаку. Эскалибур рубил их направо и налево, а я видела, как в кустах затаилось что-то огромное с большими круглыми глазами. Если это Мерлин, то я не хочу знать, что он делает! В соседних кустах зашевелилась еще одна огромная тварь! Я металась глазами по комнате, понимая, что Артура кирдык. Медальон показывал, что жить ему осталось несколько минут.

Мой взгляд упал на единственное красное яблоко, дарующее силу и умение владеть мечом! Проверено на себе!

— Маска! Быстро превращай меня в рыцаря! — взмолилась я, чавкая яблоком и чувствуя, как по подбородку течет сок. — И меч!

Я видела, как в зеркале отразился высокий рыцарь в плаще и доспехах. Артур рубил врагов направо и налево, пока я бросала огрызок яблока на стол и сжимала рукоять меча. А ничего так я! Красавец!

— Зеркало! — взмолилась я, понимая, что кроме меня Артура спасти никто не планирует. — Выбрось меня туда!

— Хозяин запретил вам участвовать в сражениях, — произнесло зеркало. — И запретил рисковать.

— Что?! — охренела я, глядя на то, как Артур сдает позиции и скидывает с себя могучей рукой какого-то грифончика. — Я кому сказала! Я — богиня судьбы!

— А он хозяин, — голосом, словно пожимает раму, заметило зеркало.

— Ахренеть! Одни хозяева! Даже на фиг послать некого! — возмутилась я. — Приказываю! Открой мне проход туда! Я здесь хозяйка! Иначе разобью! Быстро!

— Хорошо, — согласилось зеркало, а я бросилась в туннель. Мечик такой легкий оказался. Внезапно я очутилась на поляне, а ко мне подбиралась неприятная тварь, тут получившая мечом по клюву. Вау! Ничего себе! Я так классно умею? Обычно после яблок я еще тот сэр Дристан, но сейчас я прямо странствующий на свою голову рыцарь. Несколько мелких тварей было уложено лично мной! Я прорывалась к Артуру, чувствуя, что шлеме угол обзора оставляет желать лучшего. Еще немного! А ты куда полез? Пшел вон!

— Там еще две! — закричала я, а... голос у меня как был женский, так им остался. Если что мне прищемили мужество! А может я скакал шесть дней и шесть ночей, так что тут железное оправдание!

Из кустов показалось чудовище размером со льва. Огромный клюв, черные птичьи глаза и серые расправленные крылья впечатлили меня не меньше, чем толстые лапы льва с огромными когтями. Издав пронзительный звук, похожий на скрежет ножа по стеклу, грифон ломанулся на нас.

Артура сбило с ног, а я чувствовала, как у меня дрожат колени. Огромный клюв раскрылся, а я поняла, что толку от меня не так уж и много, особенно если я буду стоять на месте. Я бросилась к грифону, но тот отмел меня лапой. В зобу дыханье сперло, а я ударилась об дерево, чувствуя, как меч вылетает из рук. Короче, яблоки — не панацея!

Немного оклемавшись, я увидела, как Артур пытается отбиться, но позади него на кошачьих лапах крадется второй грифон, расправив крылья. Он припадал к земле, выжидая момент для прыжка, пока первый взлетал в воздух, уворачиваясь от ударов Эскалибура. Я схватила меч и бросилась в бой. Ничего себе у него скорость! Караул! Артур лежал на земле без сознания, придавленный огромными когтистыми лапами, а я

попыталась метнуть меч, но тут же едва ли не схлопотала по кастрюльке огромной лапой со стальными когтями.

Внезапно меня схватили за шкурку, поднимая над землей.

— В сторону! — прошипели мне, а я видела, как грифон научился летать нетрадиционным способом. Впервые за свое грифонье существование, он осознал, что для полета крылья вовсе не нужны. Достаточно пинка, который дает примерно тот же аэродинамический эффект. Черная перчатка схватила Эскалибур, а грифоны с птичьим негодованием бросились в сторону знакомой черной фигуры в капюшоне. Я не могу понять, как можно двигаться с такой скоростью! Я вижу своими глазами, как за одно мгновение, рыцарь умудряется сделать десятки движений. Он уклонялся в последний момент, и, видимо, сзади, на месте, которое постоянно трется об седло, у него тоже были глаза, раз он предугадывал движения с точностью, которая меня пугала. Один грифон уже был прибит к дереву одним броском меча. Рука в перчатке выхватила Эскалибур, заставляя тушку мертвым грузом упасть на траву, и тут же снесла голову второму попугайчику-переростку.

— Ты кто? — внезапно послышался голос Артура, который открыл глаза и увидел, как ему отдают Эскалибур. — Постой!

Фигура молча приближалась ко мне, никак не реагируя на крики Артура.

— Как твое имя, спаситель? — Артур встал, глядя на то, как окровавленный Эскалибур померк в его руке. — Отвечай!

Меня тащили за шкурку, как котенка. Видимо, котенку настал пушистый песец, поскольку со мной не сильно церемонились.

— Дристаны мы! Братья Дристаны! «Сранствующие» рыцари! — заорала я, висая в чужой руке несчастным котенком.

— Я хочу, чтобы вы приехали в Камелот! Нам нужны такие рыцари, как вы! — кричал Артур, а меня затаскивали на коня, не смотря на то, что я сильно упиралась.

— У нас имена неподходящие! Поэтому мы скромные рыцари! Приставки сэра мы не переживем! — ответила я, пытаюсь искусственно понизить голос. Судя по тому, как меня только что прижали к себе, имя я выбрала неслучайно.

Внезапно конь застыл на берегу туманного озера, а всадник осмотрелся по сторонам, выставил вперед руку, а прямо под водой появилась дорога, ведущая в сторону острова. Конь бросился по ней, я смотрела на брызги, которые летели из-под копыт. Туман становился все гуще, а через мгновение мы вырвались из него, очутившись среди яблонь. Меня молча сгрузили на траву, спешили сами, схватили меня за шкурку и одной рукой сделали странный знак, открывающий светящийся портал прямо в храм. Запах неприятностей усиливался, а мне даже понравилось быть рыцарем Дристаном.

— Еще раз, — произнес голос сквозь зубы, от которого мне стало как-то не очень уютно. Меня держали на вытянутой руке, а другой сдирали маску с лица. — Еще раз я такое увижу, поверь, рыцарь Дристан найдет свой подвиг.

Я попыталась вырваться, но меня развернули к себе спиной, обнимая за талию и плечи.

— Давай как-то согласовывать действия! — возмутилась я, понимая, что даже силы, данной мне яблоком, недостаточно, чтобы вырваться. Не говоря уж о средневековых юридических разборках за совместное имущество.

— Я очень зол на тебя, — послышался голос возле моей щеки, а его рука легла мне на грудь. — Очень зол.

Я стояла, чувствуя тепло этих объятий, чувствовала, как мне дышат в щеку, склонившись надо мной и прижимая к себе. Рука собрала ткань моего платья складками на груди, а потом тут же расправила ее, разглаживая. Внутри меня было чувство такой слабости, такого молчаливого блаженства, которые испытывают кошки, щурясь и мурча. Я положила руку поверх чужой руки в перчатке, не зная, что с ней делать.

— Зеркало. Я запрещаю пускать ее к Артуру, — произнес тихий голос, а у меня перехватило дыхание, когда меня с силой прижали к себе. — Это приказ.

— Да, хозяин, — покорно произнесло зеркало. Я откинула голову, положив ее на чужое плечо, мечтая о том, чтобы моя догадка была верной. Сердце пыталось поверить в сказку, которую только что сочинило и которой наслаждалось последние пять минут. Я вспомнила лицо Артура, чувствуя, как у меня по щеке течет слеза, а из приоткрытых губ вырывается жар дыхания.

Я осторожно сняла с себя руку, а в голове вызревал план, который заставил меня украдкой улыбнуться.

— Я пойду в ванную, — вздохнула я. — Умоюсь.

Спокойно пройдя в ванную, я несколько раз плеснула воду на лицо, а мои глаза пробежались по полочке. В одном хрустальном флаконе было что-то розовое, похожее на помаду. По губам поползла дьявольская улыбка самой хитрой женщины на свете, когда я осторожно мазнула ладонь и тут же сжала ее в кулак.

Скрывая улыбку, я вышла, а потом подошла к силуэту, застывшему возле зеркала.

— Спасибо тебе, — нежно вздохнула я, а потом обняла, осторожно вытирая руку о черную ткань плаща. Теперь останется проверить. По моей шее скользила рука, обнимая ее и поглаживая пальцами, а я пыталась скрыть улыбку — предвкушение. Стоило мне отвернуться, как он исчез, а я подошла к зеркалу, видя свое отражение. Осмотревшись, я закусила губу, пытаясь сдержать ни с чем несравнимую улыбку женского коварства.

И тут я дернулась, открывая глаза в своих покоях. За окном звучал мелодичный перелив струн, а я протерла глаза, стекая с кровати и подходя к узкому окну. Под окном, которое едва ли тянуло на второй этаж, стоял Ланцелот в белоснежных одеждах с лютней в руках. Он перебирал струны, поднимая на меня глаза.

— Невыносим мне этот сладкий плен. Невыносим ваш томный, сладкий взгляд. И я не смею нежность чувств просить взамен. Не смею бросить вызов, но судьбе такой не рад. Я обещаю, что на долгие года, останусь здесь плененный красотой, — пел Ланцелот. И самое обидно, он делал это вполне неплохо. Никогда не думала, что у Ланцелота такой красивый голос!

— И пусть любовь, как сердца поцелуй, — по щеке Ланцелота скатилась слеза, а он опустил глаза, перебирая струны. — Я не жалею, что погибну ради вас... Вели казнить, но взглядом очаруй. И я умру за нежность ваших глаз...

Нет, ну а что? Почему бы и не послушать? Хоть какое-то развлечение!

— Лишь ваша милость может сердце мне спасти, один лишь поцелуй вернет покой. И я клянусь любовью, как знамя пронести, с победой славной проскакать сквозь страшный бой, — продолжал Ланцелот, а я смотрела из окна, как его рука пощипывает струны, а слеза все течет по щеке. — Побудь звездой путеводной...

И тут послышался шорохов кустов. Музыка с песней умолкла, а рот Ланцелота все еще открывался. Из кустов вылетел плюгавый мужик с лютней и растянулся на травке. Струны немелодично прогудели, а бедолага простонал, потирая задницу.

— Продолжайте, мой дорогой Ланцелот, — послышался знакомый голос, пока менестрель норовил убраться подальше. — Ваша проникновенная баллада тронула глубины моего черного сердца. Вы видите, я почти плачу... Я роняю скупые слезы, чувствуя, что по сравнению с вами у меня нет никаких талантов.

Я видела черную фигуру, которая вышла на полянку, освещенную луной.

— Ну же... Я влюблен в ваш дивный голос... Продолжайте, я рядом постою... — я видела, как Ланцелот обескуражено смотрит по сторонам. — Хотя бы строчка, и я готов покинуть Камелот навсегда!

— Эм... — заметил Ланцелот, а я с интересом смотрела на любителя давать концерты по фонограмму. — Я не буду петь в вашем присутствии! Эту балладу я сочинил для моей

королевы!

— Пару веков назад! — развлекался Мордред, пока Ланцелот нервно сглатывал. — Да, старина, ты еще неплохо сохранился!

— Я посвятил ее моей любимой и единственной королеве! — возмутился Ланцелот, прижимая к груди лютню.

— Поэтому и репетировал ее раз пятьдесят под разными окнами! С леди Элейн была генеральная репетиция! — согласился Мордред, явно издеваясь. — Все должно было пройти без сучка и без задоринки!

— Он лжет! — закричал Ланцелот, а его прекрасное лицо исказилось гневом. — Я сочинил ее для вас! И никогда раньше не исполнял ее! Об этой балладе никто не знает!

— Эта та баллада, которая заканчивается: «Побудь звездой путеводной в той недоступной сизой мгле! Люби, люби, кого угодно, но будь мою на земле!»? — заметил Мордред, обходя Ланцелота по кругу. — Нет, ее никто не слышал! Эй! Служанки! Слышали про путеводную звезду?

Я насторожилась, а откуда-то послышалось женское хихиканье: «Это наша любимая баллада! Мне ее пел сэр Гарет!».

— Да, ее здесь точно никто не слышал! — Мордред похлопал Ланцелота по плечу. — Приношу свои глубочайшие извинения! Я тебе хочу сказать одну вещь! Ты слишком близко подходишь к окну девушки!

Я легла на кровать, но меня снова разбудил голос Ланцелота.

— О леди Гвиневера! Не скрывайте более ваших чувств ко мне! Пусть наша тайна навсегда останется нашей тайной! — орал Ланцелот так, что мне показалось, это слышал Артур. — Я сохраню втайне нашу страсть! И каждый поцелуй будет нашей тайной!

«Тайной... Тайной!», — послышалось насмешливое эхо.

— Мою любовь к вам не измерить словами! — расплылся Ланцелот, смиренно опустив голову. — Выплесните на меня все ваши чувства!

Я молча подошла к кровати, достала скромный горшок, чувствуя, как эта пара меня скоро в могилу сведет. «Хлюп!».

— О! Я говорил не подходить к окну близко, чтобы не утонуть в безграничной страсти, которая захлестнула вас с головой! — рассмеялся Мордред, пока я ставила горшок на место. Никак не могу привыкнуть к средневековым удобствам!

— Фу! — заорал Ланцелот, брезгливо кривясь. — Ты что? С ума сошла?

— Волна чувств накатила на доблестного рыцаря! Он был не в силах совладать с ними, — задумчивым голосом замети Мордред, глядя на меня с улыбкой. — Ах, да! Умные герои всегда идут вторыми под окна возлюбленной исключительно потому, что их пылкую страсть могут отвергнуть в очень нелицеприятной форме!

Я увидела лютню в его руках, и тут же заинтересовалась. Неужели в кустах сидит рояль?

— А с нами Мерлин, а с нами Артур, он неплохой король с мозгами, как у кур, но вместо мозга у него наш добрый Мерлин! — ударил по струнам Мордред, а потом вздохнул и с наслаждением продолжил. — А с нами верный сэр Гавейн. Все его подвиги проходят под глинтейн. Зеленый великан явился в замок после пятой кружки! А с нами верный сэр Ланцелот. Он неплохой, хотя и идиот! Но правда иногда питает страсть к престолу! А с нами тихий, угрюмый Кей. Что он вообще здесь делает, не знаю, хоть убей! Но главное, во всем с Артуром он согласен. А с нами доблестный Персифаль! Он лично обещал добыть святой Грааль. Ну что-то десять лет успех не наблюдаем!

Мне ослепительно улыбнулись, а я поняла, что голос у него, конечно, не такой шикарный, как у Менестреля, но эта серенада нравится мне куда больше!

— А с нами праведник Лоегрин. Он сюда попал, поскольку чей-то сын! У нас тут по-другому никто не попадает! А с нами верный сэр Ламорак! Он брат Персифаля и поэтому дурак! И, кажется, его об стол роняли в детстве! А с нами храбрый и верный Борс! Артуру он поклялся в вечной службе словно пес! Похвально за еду служить стране во благо! А с нами доблестный Ивейн! Мечтает стать таким же, как любимый наш Гавейн! Но подвигов таких здоровье не позволит! А с нами рыцарь Агравейн! Он тоже хочет быть таким же, как Гавейн! И шансы точно есть, поскольку они братья! Кого-то я забыл... А! Точно! Бедивер! Его пора бы ставить всем рыцарям в пример! На десять лет он взял обет мычания! А с нами Гарет, он же Бомейн! Вот догадайся кто же брат? Конечно, же Гавейн! До этого он скромно натирал полы, но мы-то знаем!

Мне коварно улынулись, поднимая брови.

— Есть еще рыцарь, сэр Гахерис! Он очень славный парень, только есть один сюрприз! Однажды он застучал свою маму с Ламораком в позу... — Мордред взял паузу, а я слегка офигела, поднимая брови. — Не вижу ничего плохого в этом, в самом деле! Однако сын прикончил развратницу в постели! Но был конфликт улажен и все быстро помирились!

Гахерис убил свою мать? Я нервно сглотнула.

— И вот пришел черед, стою пред вами я. Циничная и наглая, коварная свинья. Раз Мерлин так считает, значит, это точно правда! За стол у нас садятся за доблесть, честь и славу. Мы с улицы берем, кому сражений мало! И то, что все мы родичи совсем не показатель! — рассмеялся Мордред, немелодично ударив по струнам и швырнув лютню в Ланцелота.

— Да как ты смеешь! — возмутился Ланцелот, вооружившись лютней, как мечом. — Тебя давно пора вышвырнуть из рыцарей круглого стола!

— Меня десять лет вышвыривают из рыцарей стола! — засмеялся Мордред, глядя на то, с какой ненавистью смотрит на него Ланцелот. — Нет, такого места, куда бы меня ни посылали. И нет такого места, откуда я бы ни возвращаюсь! Так что ваша фантазия иссякла, и вам пришлось смириться.

— Да как ты смеешь! — закричал Ланцелот, замахиваясь лютней. — Однажды Артур вышвырнет тебя с позором.

— Не забывай, что за большинством рыцарей круглого стола стоят портянки и вонь, за мной стоит войско и несколько замков, — развел руками Мордред, глядя на попытки Ланцелота предать противника поэтической смерти.

Я улеглась в кровать, зябко кутаясь в одеяло, закрыла глаза, пытаюсь подумать о чем-то приятно-отвлеченном, но тут же послышался странный звук, словно кто-то карабкается по стене. Так! Где этот человек-паук?

Решительно поднявшись с кровати, я тяжело вздохнула, глядя, как в оконце появилась красная и вспотевшая рожа Ланцелота и наплечники доспехов. Он дул щеки, тяжело дышал, а губы у него дрожали, в тот момент, когда он пытался поднырнуть на руках, цепляясь за каменный подоконник.

— Дорогой мой Ланцелот! — я загородила ему проход, а на меня смотрели голубые охренившие от собственного подвига глаза. — О, мой герой! Неужели вы отважились забраться так высоко!

— Ыыых! — выдохнул ошалевший Ланцелот, а его пальцы побелели. — Я застрял!

— Он застрял в своей неземной любви! — пояснил голос снизу, пока рыцарь пытался пролезть ко мне сквозь узкое незастекленное оконце. Через пять минут страданий он был согласен вылезти обратно, но доспехи мешали, а он безвольно повис где-то на полпути к любви и обожанию.

— Что ж вы молчите, дорогой рыцарь? — прошептала я, как можно пафосней. — Вы проделали столь долгий путь, и молчите! Неужели вы разлюбили меня?

На меня поднялись глаза, преисполненные неземным страданием, а губы, жаждущие поцелуев, трагично задрожали.

— Он проведет в такой позе до конца своих дней! Это самое романтическое, что я видел в своей жизни! — заметил язвительный голос с улицы. — Его любовь столь необъятна, что не пролезла в ваше узкое оконце!

Я попыталась вытолкнуть Ланцелота обратно, слыша, как его доспехи о скребут камень. Ничего! Сейчас поднажмем! Ух! Не идет!

— Зато мы знаем точно, где Ланцелот теперь! — философски заметил Мордред, снизу. Я еще раз попыталась выпихнуть Ланцелота, но поняла, что бесполезно.

— Миледи, — послышался тихий голос служанки. — Мы приготовили ужин! Вам подавать?

— Да, — согласилась я, предвкушая пир. Желудок сделал кульбит, под аплодисменты пищеварительного тракта, когда мне внесли деревянный поднос с таким количеством еды, что я мысленно простонала.

Служанка поклонилась и удалилась, не задавая лишних и личных вопросов.

Через минуту, когда я нагребала хлебушком очень вкусные грибы с подливкой.

— Ммммм! — промычал Ланцелот, а я, будучи очень добрым и воспитанным человеком, тут же предложила ему кусочек, старательно запихивая грибы ему в рот.

— Вкусно, — заметила я, нагребая еще грибов и облизывая деревянную ложку. — Вот! Держи еще! Да жуй! Неизвестно сколько тебе тут болтаться придется!

Ланцелот уныло жевал грибы, пока я переходила к тушеному мясу с травами и постанывая от восторга. Кусок душистого хлеба собирал подливку, а я все остатки еды, которые не поместились в мой желудок, были скармлиены вежливо сопротивляющемуся Ланцелоту. Не понимаю, что ему не нравится?

— Моя королева! Ваше милосердие не имеет границ! — вздохнул Ланцелот, пытаясь выплюнуть грибы, но я была неумолима. — Как бы я хотел заключить вас в свои объятия, целовать ваши сочные губы!

— Да, да, конечно! — согласилась я, укладываясь спать и накрываясь одеялом.

— Я люблю вас всей душой! Всем сердцем! — причитал Ланцелот, а я повернулась, глядя на него: «Спасибо, я знаю, спокойной ночи!».

Мне почему-то не спалось. Странная тяжесть в животе сменилась острой резью, от которой хотелось прижать коленки к груди. Во рту была какая-то странная горечь, которую я последовательно сглатывала. Через полчаса к рези присоединился озноб, заставляющий кутаться в одеяло и морщиться. В голове все смешивалось в противный мутный ком страданий, а я попыталась разогнуться и встать.

В голове был туман, а я пыталась нащарить руками одеяло и скинуть его. Почему-то оно показалось таким тяжелым, что я едва справилась. Ноги прогибались, в животе была дикая резь, а перед глазами все двоилось и плыло.

— Моя королева! — слышался преисполненный страданием голос. — Я спасу вас! Злой Мордред отравил нас, но я раскусил его подлые планы, поэтому запасся противоядиями! Вот как чувствовал, что он нас отравит! Противоядие у меня в сумке на ремне!

Я шарила рукой по двери, пытаясь открыть засов. После тщетных попыток я оперлась свинцовой головой на стену, пытаясь понять, тошнит меня или нет. Руки были ватные, но я тянула проклятую железяку, а потом двери распахнулись, а я побрела, опираясь на стену и передыхая. Свет факелов расплывался и резал глаза, а в животе были мучительные судороги, от которых не помогало даже правильное дыхание. Такое чувство, словно в ушах что-то противно звенело, а по спине градом катился пот. Сердце колотилось так, что ослабевшие руки тряслись вместе с коленями.

Я видела яркое пятно света, ослепительное и болезненное, а когда вошла в него, почувствовала, как опадаю на пол.

— Госпожа! — сквозь неумолимый звон слышался голос служанки, а я пыталась успокоить сердце и дрожь, сводившую тело нервной судорогой. Мир звенел и расплывался. Откуда-то издали доносились голоса: «Королеве плохо!».

— Андрасте! Помоги ей! — шептала надо мной какая-то молодая девушка. — Богиня, спаси ее! Исцели ее!

Отлично! Приятно, когда ты — единственная богиня в местном пантеоне.

Звон усиливался, а я видела мутные лица, склонившиеся надо мной.

— В сторону! — услышала я голос, вселивший в мое сердце странную надежду. — Быстро! Несите воду! Кувшины, тазы!

Я судорожно вцепилась в чужую руку, пытаюсь сохранить остатки сознания.

— Это приказ! Несите воду! Королеву отравили! — слышался голос, перерастающий в тот самый противный звон. В меня вливали воду, а потом наклоняли над корытом, придерживая за волосы, пока слуги стояли и смотрели с жалостью на мои мучения. Одна девушка молилась Андрасте.

— Спаси ее, о, великая богиня, спаси нашу королеву, — шептала она, пока в меня вливали еще воду, а слуга нес следующий кувшин, когда меня выворачивало. Я почувствовала, как меня подняли на руки и положили на стол.

— Так, куда от меня пошла? Иди сюда! — я снова чувствовала мерзкий вкус воды, которая текла по груди. — Нет, нет, нет. Не вздумай отключаться! Куда же ты, королева? Не сегодня!

Я кашляла водой, чувствуя, как меня снова и снова выворачивает.

— Что ела? — допытывались у меня, а по моему подбородку стекала вода.

— Г-грибы..., — я прямо выплюнула это слово. — Их подали на ужин...

— Ладно, лежи пока, — меня оставили в покое, пока я чувствовала, какое-то облегчение.

— Всем быстро сюда! Все, кто есть в замке! — я подняла глаза, понимая, что лежу на круглом столе, а на крик сбегаются слуги, набиваясь в зал толпой.

— Откуда грибы? — слышался голос. — Я спрашиваю! Откуда грибы?

Все молчали, а потом я услышала приказ. Прощание грибной солянки затянулось.

— Несите чан с грибами, быстро! — слышала я голос, тяжело выдыхая. Двое слуг несли огромный чан, который поставили. — И ложку! Будете жрать по кругу, пока не сознаетесь!

— Эти грибы дал нам Ланцелот! — произнесла служанка, которую почти окунули головой в тряпню. — Сэр Ланцелот сказал, что это хорошие грибы. Волшебные!

— То-то я вижу, что королева гадит радугой! — в голосе слышались очень язвительные ноты. — У нас тут волшебства полное корыто! Значит, яд не смертельный.

Чан с похлебкой перевернулся, а я поняла, что подвиги Ланцелота рассчитаны на интеллектуально недалекую королеву. Если что, я впечатлилась до глубины желудка.

— Иди сюда! — слышался голос, а меня резко дернуло вверх. Меня несли по коридору, выбивая с ноги дверь в мою комнату.

— Несите ведро, — слышался насмешливый голос. А потом, после недолгой паузы Мордред добавил. — Два! Я лежала на кровати, чувствуя слабость и ноющую боль в желудке, который скрутило узелком.

— Ну что, мой дорогой друг! — Мордред сочувственно подошел к Ланцелоту. — Как ты тут? Тебе не дует? Правильно, долг любящего мужика — заслонить любимую от сквозняка. Зимы у нас суровые...

Мне нельзя смеяться... Мне желудок не рекомендует!

— Потом по твоему замерзшему флюгеру будем определять ветер, — утешал Мордред, а мой желудок его люто ненавидел. — А по сосулькам — наступление весны... На всякий случай будем использовать тебя как часы. Прямо представляю, как Артур гордо произносит: «Когда тень от попы Ланцелота доползет до третьего кирпича, вот тогда и выдвинемся в поход!».

— Противоядие... — стонал зеленый Ланцелот, глядя мученическими глазами на нас. — В сумке... На поясе... Есть...

Нога Мордреда ловко пнула ему ведро, а я отвернулась, предчувствуя, что это были последние грибы, которые я ела в жизни. И вообще, судя по моему состоянию, это был последний прием пищи.

— Яд же не смертельный? — улыбнулся Мордред, когда Ланцелот поднял страдальческий взгляд. — Не так ли?

— Я просто хотел, чтобы мы умерли, как любовники, которым не суждено быть вместе! — нервно сглотнул Ланцелот, а его лицо приобрело серовато-зеленый оттенок, который смотрелся очень странно в обрамлении золотистых локонов.

— Я тебя не узнаю! А как же корона? Как же престол? — усмехнулся Мордред, нежно глядя на нас. — А теперь влюбленные могут обменяться ведрами!

— Сволочь, — простонала я, терзая слабыми руками подушку. — Ты что творишь? Нам даже чихать опасно!

— Ланцелот! Твоя задача — заслонять свою королеву от сквозняков! — Мордред сел на кровать, а надувшийся злобным хомяком Ланцелот пытался возразить. — Давай хомячок и на бочок! Целителя! Живо сюда!

Через десять невыносимых, как горшок, минут, в дверь поскребся старый целитель. Одет он был в лохмотья, вдоль которых висели перышки, какие-то косточки и камушки.

— Не обращайтесь внимания, — ласково произнес Мордред. — Теперь при дворе мода — вешать в покоях прекрасной дамы голову верного рыцаря. Мы не стали дожидаться, когда он сдохнет, и решили не отставать от моды. Так что это просто — железный занавес.

— Мммм! — ко мне потянулась костлявая рука друида, а он зажмурился и снова замычал. — Да поможет тебе Андраста! Молись бессмертной богине, молись богине судьбы! И придет исцеление!

Мне хотелось заплакать, но как только я попыталась хныкнуть, становилось понятно, что ситуация опасна!

— Да исцелит тебя великая богиня! Да дарует милость свою! — бубнил надо мной друид. — Крепитесь, королева! Великая и милостивая Андрасте исцелит вас!

Меня исцеляю мной же! Но друид был серьезно настроен на положительный прогноз.

— Пусть молится Андрасте три раза в день! Утром, днем и на ночь! — отписал рецепт друид, прищурившись и взмахнув руками. — И так шесть дней подряд!

Главное, чтобы передозировки и побочных эффектов от молитвы самой себе. — А если чаще? — осведомился Мордред, глядя на друида. — От этого вреда не будет? Вдруг слишком много молитв!

— Слишком много молиться нельзя! — пояснил друид, опираясь на узловатый посох. — Богиня устанет от молитв и убьет вас!

— Благодарю, — улыбнулся Мордред, поглядывая на Ланцелота. — Это для тебя, мой друг. Сделал, все что мог! Потом не говори, что я не предпринял попытку облегчить твои страдания! Так, который час?

Он встал с кровати, дошел до Ланцелота, выглянул в верхнюю часть окна.

— Не дергайся, друг мой! Так, время у нас полшестого Ланцелота. Успеваем! — ядовито заметил Мордред, возвращаясь ко мне. — Не переживай, мы по тебе еще время года определять будем. И приметы народные придумаем! Покрылся сосульками Ланцелот — урожайным будет год! Припорошило снегом Ланцелота — жди дожди, грязь и болота! Ласточка летает под Ланцелотом — к дождю! Над — к хорошей погоде. Ласточка свила гнездо в доспехах — сеять рожь уже не к спеху!

Я начинаю ненавидеть этого человека. Мне хочется подползти и задушить его. «Тва-а-арь!», — урчал желудок, а служанка внесла кубок с какой-то зеленоватой жидкостью.

— Пей, скоро полегчает, — усмехнулся Мордред, а я пристально смотрела на его плащ. На том месте, где должен был быть след от средневековой помады, было чисто.

— Тебе нравится мой плащ? — спросили меня, поднимая брови, а по губам поползла дьявольская улыбка. — Ладно, я вас покидаю! Не скучайте, в ведро попадайте, друг друга развлекайте.

Глава двенадцатая.

Рыцарь Дристан и месть прекрасной дамы

Служанка каждые пять минут забежала в комнату, спрашивая о моем самочувствии и вынося ведра. Мне удалось уснуть только спустя пару часов, слушая жалобные признаний в любви Ланцелота, который, судя по измученному зеленому лицу, на успех особо не рассчитывал, но как бы надеялся.

— Сэр Мордред просил уточнить у сэра Ланцелота, — опустила глаза служанка. — Молился ли он на ночь? И напомнить, что молиться богине судьбы нужно три раза в день!

— Будь проклят сэр Мордред! — взвыл Ланцелот, поднимая страдальческие глаза. — О, Леди Гвиневра... Один ваш поцелуй способен исцелить меня...

— Неси ведро!!! — заорала я, надувая щеки. Наш скромный холерный барак продолжал работать не покладая желудков.

Наконец-то мои глаза закрылись, а я погрузилась в вязкую и обволакивающую дремоту.

Очутившись в своем храме, я тут же рухнула в кресло, попутно заглядывая в золотую вазу. В красивой золотой вазе с камнями лежали яблоко девственности и яблоко силы.

Резь в животе сменилась ноющей болью, а мне казалось, что у меня в желудке подвывает стая очень расстроенных волков. Я уже собиралась мирно вздремнуть в кресле, как вдруг зеркало вспыхнуло, а на меня посмотрела растрепанная темноволосая девушка в белоснежном платье с зареванным и покрасневшим лицом. Воланы ее рукавов, похожие на шнурованную колбасу, заставили меня вспомнить, что когда-то я сама носила такой фасон. Моя рука уже потянулась к яблоку девственности, но девица снова скривилась и зарыдала.

— Спаси меня, о богиня судьбы... Не губи меня, — девица упала на пол, а по ее щекам текли слезы. — Заступница, спаси меня! Мой отец умер прошлой ночью. А сегодня утром сэр Воган дал слово рыцаря, что мой отец перед смертью пообещал меня ему в жены! Я кричала, что это — неправда, что мой отец так не поступил бы со мной! Мой папа ненавидел сэра Вогана, и никогда бы не отдал меня за него замуж! Сэр Воган отобрал у

папы часть земель, поэтому между ними всегда была кровная вражда...

Мой желудок уже начал что-то предвкушать, а я мучительно слушала чужую историю.

— Помоги мне, богиня! Слову рыцаря верят куда больше, чем слову девы. Если найдется заступник, и он победит в схватке сэра Вогана, то слово рыцаря не будет иметь силы! Не губи меня! Пошли мне рыцаря, который отстоит мою честь! — причитала красавица, заламывая руки и испуганно глядя на запертую дверь. — Времени совсем мало! Если никто не вызовет сэра Вогана на поединок, завтра он возьмет меня замуж, а потом отравит...

— Погоди—ка, — прокашлялась я, а лицо бедняжки озарилось надеждой, как только она услышала мой голос. Маленькие ручки сжали платье, а несчастная приоткрыла рот, прислушиваясь к каждому моему слову. — Неужели у отца не было друзей, способных защитить тебя?

Девушка прерывисто вздохнула и опустила глаза, содрогаясь от рыданий.

— Были рыцари, что в верности клялись... Но они не хотят связываться, потому что сэр Воган поклялся своей жизнью и своим мечом... Они считают, что он прав, что ни один рыцарь не станет давать такую клятву просто так. Мой настоящий жених сбежал, узнав о том, что ему предстоит поединок с сэром Воганом! — горестно воскликнула красавица, а волосы облепили ее мокрое от слез лицо. — Прошу... Помогите... У меня осталось мало времени... Меня зовут Мавелла...

Ее грудь вздрогнула от рыданий, а несчастная спрятала лицо в маленьких ручках.

— Хорошо, я помогу, — со вздохом ответила я, вставая и требуя у зеркала список рыцарей, мечтающих о подвиге. Мне тут же вывалился целый рулон имен.

— Сэр Гвендал Прекрасный! — прочитала я, требуя показать мне героя. На сеновале развалилось огромное и, видимо, прекрасное брюхо, а подле толстой руки храпящего рыцаря лежал меч. Да, хорошо работает герой под прикрытием алкоголя. Не подходит! Следующий! — Сэр Донан Стремительный!

Мне показали рыцаря, который бежал от толпы озверевших крестьян с дубинами.

— Тристан! — позвала я, с надеждой глядя на зеркало. На картинке появился Тристан и, видимо, какая-то Изольда, причем не кобыла. Но Тристан был сверху. Я стыдливо опустила глаза.

— Зеркало! Найди мне всех рыцарей в окрестностях леди Мавеллы! — приказала я, нервно подергивая плечами.

В руках уже была сжата бумажка с минимальными требованиями к будущему защитнику «чести и достоинства». «Срочно требует рыцарь с опытом работы рыцарем (не менее трех лет). Количество подвигов не менее трех. Опыт владения мечом или другим оружием обязателен. Родословная приветствуется. При дворе короля Артура не замечен, в поисках Грааля не замечен!».

— Показывай мне всех, кто соответствует данному списку! — приказала я, понимая, что такого героя найти легко! И вот мне показали вполне симпатичного юношу, который скакал на коне по какому-то лесочку. Я схватила маску и обернулась старухой, тут же встав у него на пути.

— О, доблестный рыцарь! — произнесла я, скрипя голосом и глядя, как на меня смотрит герой. — Я — вестница богини судьбы! Хочешь, судьбу твою скажу? Защити прекрасную Мавеллу, и будет вам счастье!

Я еще долго описывала ему прелести Леди Мавеллы, но рыцарь почему-то занервничал.

— Если рыцарь дал слово и поклялся головой и мечом, то он прав! — произнес юрист-броненосец, гордо вскинув голову. — Не станет рыцарь попусту разбрасываться такими словами! Увы, но слово рыцаря — закон!

Я вернулась в храм и дописала: «Бесстрашен, способного идти на компромиссы!», а

зеркало уже показывало мне нового кандидата, от запаха которого на километр дохло в округе зверье. Бесстрашный герой преследовал меня с криком: «Баба!», предлагая сходить к нему на ... хм... компромисс. Мое заманчивое предложение он так и не дослушал.

«Умственно полноценный и не озабоченный! Если роняли в детстве головой об пол, то просьба не беспокоить!», — сделала я пометку для себя и зачитала результат зеркалу.

Мне показали симпатичного мужчину, который сидел возле озера и что-то ел возле костра.

— Дорогой рыцарь! — произнесла я, глядя, как бедолага от неожиданности подавился и стал корчиться на земле. Я осторожно отошла, осматриваясь по сторонам. Это — не я... Меня здесь вообще не было! Из раскрытой сумки вывалилось ожерелье и тряпичная кукла. Я чуть не пустила скупую слезу, понимая, что герой ехал домой, к жене и дочери, вез подарки.

Кашляющий рыцарь потянулся к сумке, а оттуда вывалились чей-то золотой зуб и какое-то блюдо со следами крови. Где-то в воображении появлялась старенькая мама главного героя: «Привези мне, сыночек золотой поднос, но чтоб окровавленный был!» и беззубый отец, требующий новый золотой зуб. Будем условно считать, что у нас верный семье рыцарь.

«Холостой! В отношениях не состоящий! Без вредных привычек!», — на всякий случай дописала я, опасливо поднимая глаза на зеркало.

Зеркало умолкло, а я смотрела на свое отражение. Пролетела шальная мысль освободить Ланцелота и послать его на подвиг, но потом передумала.

— Ну! — требовательно запрягала я волшебное зеркало, глядя на свое все еще бледное отражение, но зеркало всколыхнулось и тут же появилось бледное и испуганное лицо Марвеллы: «Богиня! Скоро рассвет! Если рыцарь не явится, то мне конец!».

Нет, ну может, ситуация не критична? Мало ли? И тут дверь вынесли, заставив красавицу оглянуться и поползти по полу. На пороге стоял шифоньер с таким лицом, что я нервно сглотнула. Кому-кому, а желудку он не понравился. Любая уважающая себя обезьяна сильно обиделась, если бы я сравнила ее с сэром. Шифоньер самодовольно усмехался, протягивая руку и хватая бедняжку за волосы.

— Ну что? Где твой защитник? Скоро рассвет, а никто так и не явился! — нехорошо рассмеялось чудовище, которое нужно показывать врагам в качестве акции устрашения.

— Сэр Воган просил притащить тебя! — произнес рыцарь, хватая бедняжку за волосы и таща по коридору.

Я кусала ногти, осматриваясь по сторонам. Видимо, у доблестного рыцаря сегодня выходной, поэтому юный сэр Дристан, чувствовал, что имя придется оправдывать. Я жевала яблоко, сплевывая на пол семечки, пока красавицу волокли к креслу, в котором сидел на столько красивый мужик, что юный сэр Дристан чуть не подавился яблоком.

— Благодарю вас, сэр Бран. Итак, моя дорогая! Где же твой рыцарь — защитник? — на красивых губах появилась улыбка.

Сэр Дристан! Поторопитесь с яблоком! Включайте режим хомячка! Я глотала яблоко, почти не жуя, отдуваясь и чувствуя, что яблоки — это вообще не мое!

— Я нажалуюсь на вас королю Артуру! — крикнула красавица, с надеждой глядя на по сторонам. В зале было полным-полно рыцарей, которые пили и ели, как ни в чем не бывало. — О, Андраста! Спаси меня!

— Молчать! — кубок на столе подпрыгнул, а Мавелла вздогнула. — Твой отец знал, как для тебя лучше!

Я дожевывала последний кусок яблока, а потом крикнула: «Эй! Ты не хочешь ей помочь? А?». Сэр Дристан уже предчувствовал подвиг мягким и нервно поджимающимся компасом, указывающим в сторону приключений.

В моем голосе было столько отчаяния, но ответом была тишина. Вот потом не говори мне о том, что я тут самодеятельностью занимаюсь! Маска легла на лицо, а в зеркале появился доблестный рыцарь в шлеме с мечом.

— Сэр Дристан спешит на помощь! — вздохнула я, шагая в зеркальный туннель и эпично размахивая плащом. С моим появлением все притихли, а я прокашлялась, пытаюсь придать голосу если не мужественные, то мужские нотки.

— Я сэр Дристан! Пришел на помощь прекрасной леди Мавелле по велению богини судьбы! — гордо заметила я, чувствуя, что сквозь бойницу шлема вижу кусочек картины Репина «Приплыли». — Отпусти ее, я сражусь с тобой!

Сэр Воган спокойно взял меч и вышел ко мне, глядя на меня с надменной улыбкой. Он замахнулся не только на меня, но и на победу, а я увернулась, проклиная грибы и грибника. Я и вправду сражалась так, словно всю жизнь этому училась. И вот уже сэр Воган лежит на земле, а я приставила меч к его горлу, тяжело дыша и пытаюсь вспомнить, как его тело из вертикальной перешло в горизонтальную плоскость.

— Берешь свои лживые слова обратно? — процедила я, глядя на бледное лицо.

— Почему лживые? — вздохнул сэр Воган, глядя на острие моего меча. — Я не хочу, чтобы Леди Мавелла осталась на улице или пошла кому-то в услужение. Или того хуже. Повелась на сказки влюбленного идиота, которому не нужна! Я всего лишь сделал так, что она увидела своими глазами цену его слов!

— Погодите! — послышался взволнованный женский голос, а рядом с сэром Воганом присела Мавелла. — Не убивайте его, прошу вас! Неужели, вы меня любите? А как же вы отняли земли у моего отца?

— Я просто вернул то, что отнял его отец у моего отца. На смертном одре на твоего отца нашло просветление! — мрачно произнес сэр Воган.

Я чувствовала, как с сэра Дристан превращается в сэра Идиота. Может, использовать еще и этот псевдоним для пущей убедительности?

— А ничего, что этот ваш сэр ее за волосы тащил к вам? — спросила я, глядя на то, как жалобно на меня смотрит Мавелла.

— Что? — заорал сэр Воган, вскакивая и хватая меч, пока Мавелла зажала рот рукой, глядя на то, как громила пятится. — Я сказал привести ее, а не мучить, пытаться, издеваться!

— Спасибо вам, сэр Дристан, — нежно заметила Мавелла, а ее глаза светились от счастья. — Меня любят! Это брак по любви! Он меня любит! Любит по — настоящему!

Можно, я ее прикончу? Тьфу! Чтоб я еще раз! Сэр Дристан гордо удалился, а потом долго сидел в храме, обняв колени и задумчиво глядя на средневековую романтику. Видимо, Ланцелот уверен, что Гвинебра и Мавелла кончали один институт благородных и безграмотных девиц, куда принимают красивых, но не очень умных. Я даже подошла к зеркалу и посмотрела на судьбу этой пары. А ничего так! Трое детей, она его еще переживет на пять лет...

— Да, сэр Дристан, пора вам на пенсию, — скулила я, уверяя себя, что в следующий раз я буду на детекторе лжи проверять каждого, кто обратиться ко мне с просьбой!

Внезапно послышался заунывный стон, заставивший меня дернуться. Дверь проскрипела, я открыла глаза и услышала: «Доброе утро, тифозненькие мои! Как спалось?».

Я нервно сглотнула, глядя, как Ланцелот поднимает голову и смотрит мутными глазами в видимую только ему одну точку.

— Бедненький, — заботливо заметил Мордред, а я видела тень гадкой улыбки на лице. — Ты с утра молился? Три раза? Точно? Значит, плохо молился. Должно было уже помочь! Так, что у нас тут по погоде?

Он высунулся в окно, за которым было пасмурно.

— Ноги еще шевелятся, значит, тепло! Смотри-ка, дождик собирается! Доспехи в капельках! — я слышала это голос, понимая, что если соберусь с духом, доползу и задушу его, то потом буду долго горевать над телом.

— Время — полдвенадцатого Ланцелота. Вижу, что королева идет на поправку, а Ланцелот на повышение!- рассмеялся Мордред. — Ланцелот, глянь-ка, там Артур не едет?

Судя по тому, что на улице торчит нижняя часть Ланцелота, я усомнилась в правильности ответа.

— Извини, я просто думал, что мозги и глаза находятся у человека в одном месте. Но ты, видимо, исключение! — ободрил его Мордред, а Ланцелот измученным взглядом посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на оппонента.

Мордред ушел, похлопав нашего синоптика по щеке, и подарив мне понимающую улыбку.

Пока я пыталась подняться с постели, чувствуя, как меня мутит от слабости, в комнату влетел перепуганный слуга: «Король Артур вернулся! Его Величество вернулся из похода! Он уже в замке! Просит срочно, чтобы вы пришли!».

Я попыталась встать, но слабость дала свое, и ноги подкосились. Мало того, что отравилась, так еще и яблоко съела.

— Передайте ему, что я приболела, — вздохнула я, откидываясь на подушку.

Слуга кивнул и исчез. Через мгновение я оторвала голову, прислушиваясь к шуму в коридоре. Такое чувство, что ко мне бежит целый полк, а его лязганье и шаги сотрясают стены. Странно!

Дверь распахнулась, а стражники бесцеремонно стащили меня с кровати и поволокли в сторону зала, где стоял Артур, заложив руки за спину, а вокруг него стояли измученные походы рыцари. Огромный кулак ударил по столу, а тот загудел. Лоегрин стоял посмеиваясь, а Персифаль надменно вскинул голову. Гавейн смотрел на меня с презрением, а еще какие-то «вейны» скривились так, словно вернулись от стоматолога. В тени Артура стоял Мерлин, глядя на меня с участием.

— Артур, — ласково произнес чародей, а его глаза под седыми кустистыми бровями нехорошо сверкнули. — Она еще молода, глупа... Видимо, не ждала тебя, как положено супруге.

На последних словах был сделан такой акцент, что Артур застыл на месте.

— Ты меня не ждала, — холодным голосом произнес Артур. — Я ехал сюда, думал, тут пир королева устроила в честь мужа... Где накрытый стол? Где менестрели? И даже сама не вышла меня встречать!!! Мои верные рыцари проголодались, а у нас ничего не приготовлено! И жена в постели валяется! Вот, значит, как я тебе дорог?

— Видимо, у нее были причины, — снова задушевно начал Мерлин, поглядывая на меня. — Мало ли какие причины могли быть! Ну не молодой же любовник, с которым время пролетело незаметно...

— На колени перед своим королем! — в глазах Артура была такая ярость, что он заметался. — Опустишь ее на колени! Где он? Где любовник?

— Я скажу, где он! У нее в комнате! И так все время отсутствия! — заметил Мордред, а я стояла, покачиваясь и чувствуя, такую слабость, что вот-вот тихо помру.

— Рыцари за мной! Он не должен убежать! — заорал Артур, бросаясь по коридору.

— А вот по этого вообще можете не переживать! — улыбнулся Мордред. Мерлин бросился за Артуром с такой прытью, которую сложно было ожидать, глядя на дряхлого старикана. С проворностью таракана, он пролезал мимо рыцарей, а потом отодвинул

сэра Гарета так, что я мысленно выдала ему черный пояс по единоборствам, правда, завязала бы его петелькой на шее.

— Теперь осталось выяснить с какой стороны зайдет Ланцелот! — услышала я голос, прислушиваясь к крикам. — Есть вероятность, что с улицы.

— Он был в покоях королевы! — бушевал Артур, а его шаги сотрясали стены Камелота. — Она изменила мне! Мерлин был прав!

— А как вы думаете, кто лестницу держал? Нормальные люди держат свечи, а я — лестницу! — заметил Мордред, но Артур, словно, ничего не слышал, грозно нависая надо мной.

— Не вздумай садиться! Ты королем разговариваешь! Со своим мужем! Изменщица! — кричал Артур, пока Мерлин скромно стоял в сторонке и улыбался.

В какой-то момент я покачнулась, чувствуя, как меня подхватывают руки.

— Ее отравили. Она едва выжила! Бедная королева порывалась встать, умоляла разрешить ей приготовиться к твоему приезду, но я запретил ей подниматься с постели. Она умоляла меня, упрашивала, но я сказал, что она слишком слаба и должна побереечь здоровье ради... — Мордред на мгновение трагично умолк, а я увидела, как улыбка сползает с лица Мерлина. — Ради будущего Камелота...

Все молчали, глядя на меня, а стояла только благодаря поддержке.

— Продолжай, папа. Она очень внимательно тебя слушает, — с издевкой произнес Мордред, а я смотрела, как меняется лицо Артура. На секунду в его глазах промелькнуло что-то странное. Он сморщился, словно борясь с каким-то наваждением, потряс головой, пытаясь отмахнуться от чего — то невидимого и неприятного. Король с грохотом упал на колени передо мной и обнял за ноги.

— Прости меня, моя королева, — я видела его светлые, спутанные волосы и глаза, которые он поднимал на меня. — Прости меня... Прости, любимая... Я готов отдать все на свете, лишь бы однажды почувствовать тебя, обнять крепко-крепко, целовать тебя до упоения...

Он поймал мои руки и стал целовать их, а я пыталась выдернуть их, чувствуя, как мне на ладонь текут слезы.

— Не знаю, что на меня нашло, — жалобно произнес он, целуя подол моего платья. — Я просто был зол... Я безумно люблю тебя и хочу сделать счастливейшей из женщин... Я готов мир перевернуть, чтобы добыть этот Грааль, который снимет с меня проклятие!

Он задыхался, а через мгновение застыл, глядя на меня странным взглядом.

— Что я делаю? — едва слышно спросил Артур, глядя на меня такими глазами, словно видит впервые. — Я не понимаю...

— Друг мой, — тут же подлетел к нему Мерлин, а я почувствовала, как меня оттаскивают от него подальше. "Тихо!", — прошептал на ухо Мордред, а рыцари смотрели на эту странную картину. — Ты просто утомился! Послушай совета старого мудрого чародея. Тебе нужно прилечь и отдохнуть! Дорога была тяжелая. Как хорошо, что все решилось. Артур, тебе просто нужно отдохнуть...

Его узловатая, старческая рука погладила Артура по голове, а тот снова посмотрел на нас, как ни в чем не бывало.

— Не держите зла, дорогая королева! Он просто сильно вас любит, — добродушно произнес Мерлин, хотя глаза у него были недобрые. — И так хотел вас видеть, что скакал домой без отдыха! Вы уж простите его, милое дитя.

— Я не устал! — бодро заметил Артур, а его свита уселась за стол. — Пусть жена моя побудет со мной! Я по ней очень скучал!

Слуги принесли мне кресло, а Мордред опустил меня в него и сел на свое место, ловко

закинув ноги на стол. К нам подошел зеленый Ланцелот, тяжело опускаясь на свободное место, а Мерлин притаился в уголке, скромно и смиренно опершись на посох.

— И откуда к нам такого красивого рыцаря занесло? — осведомился Мордред, пока слуги накрывали стол и наливали вина в кубки. — Мне важно знать из замка или снаружи?

— Друзья мои! — изрек Артур, вставая и поднимая кубок. — Я рассказывал вам про двух доблестных рыцарей — братьев Дристанов, которые спасли меня от грифонов!

— А можно сразу вопрос, я как бы по именам понимаю, что фантазия у родителей была одноразовой, — вставил Мордред, а Артур посмотрел на него нехорошим взглядом. — Или родители были просто ленивые. А что? Удобно! Один раз крикнул: «Дристан!», а тут двое. Но я не об этом. Зачем нам еще два Дристана? У нас пока Ланцелот неплохо справляется! Не смотрите на меня так. Помните, в любой момент любой из вас может его заменить!

— Битва была страшной! Эти доблестные странствующие рыцари спасли мою жизнь! — снова изрек Артур, опираясь на стол. — И я пригласил их в Камелот, дабы они восседали с нами за круглым столом! Я считаю, что они это заслужили! Они мужественно и доблестно сражались, отважно противостояли опасности, и я считаю, что нам нужны такие люди!

Судя по тому, как нахмурились брови Мерлина, он вполне был согласен с Мордредом. Лучше вырастить своего Дристана, родного в тесном кругу единомышленников!

— Папа! Ты весь мусор будешь собирать в Камелоте? — поинтересовался Мордред, осматривая серебристую застежку своих черных сапог и поправляя ее. — Скажи доблестным рыцарям, что у нас своего, родного мусора хватает. Кто бы вынес... вперед ногами!

Его взгляд остановился на Мерлине, а брови взлетели вверх.

— Я настаиваю на том, чтобы разыскать Дристанов и пригласить в Камелот! Давайте проголосуем! Кто за — поднимите руку! Кто против — поднимите меч! — закончил мысль Артур, а рыцари кисло переглянулись. Одни родственники! Даже послать некого!

— Не переживай, папа, мы подвинемся! Можем вдвоем сидеть на одном стуле, как голуби на веревке! А что? В замке холодно, особенно зимой, а так прижались друг к другу и греемся! — согласился Мордред. — Я поддерживаю! Всеми руками «за»! Если моих рук будет недостаточно, я сбегаю еще отрублю!

Я молчала, поглядывая на Артура. «Дорогой, нам нужно поговорить!», — мысленная средневековая красавица подходила к суровому средневековому рыцарю. Рыцарь сурово смотрит на даму, достает меч и разрубает ее на две части со словами: «Несите другую жену, эта поговорить решила!». При мысли об этом по спине пробежала изморозь.

— А тебе не интересно, кто посмел отравить твою драгоценную супругу? — заметил Мордред, поглядывая на Ланцелота взглядом «Я все про тебя знаю!». — Слуги подтвердят!

— Неправда! Я никогда бы не причинил вреда королеве! — воскликнул Ланцелот, вставая с места. — Это подлая и наглая ложь! Он подкупил всех слуг! Никто в этом замке не скажет правду! Даю слово рыцаря и клянусь своим мечом, что никогда бы не причинил вреда моей королеве!

И все тут же посмотрели на Ланцелота с таким уважением, что если бы это уважение вносили бы в комнату, то пришлось бы ломать потолки и расширять дверные проемы!

— Друзья мои! — вмешался Мерлин, глядя на всех рыцарей и опираясь на клюку. — Пока вы тут обсуждаете вещи, которые уже в прошлом, я расскажу вам о будущем! Я нашел озеро, на котором предположительно спрятан Авалон! Осталось только найти путь, снять защитные чары и чаша, способная снять любое проклятие, чаша, способная исцелить любую рану, чаша, дарующая бессмертие, будет у нас в руках!

Все молчали и смотрели, как зачарованные на старика, который улыбнулся.

— А где чудовище из озера? Где, собственно то, за чем тащились на другой конец карты? — язвительно поинтересовался Мордред, поглядывая на Артура. — Как успехи? Ну хоть бы чешуйку с задницы привезли бы!

— Его там не было, — скорбно заметил Артур, а судя по взгляду рыцарей, это была хорошая новость. — Мы пришли, а его нет! Мы ждали несколько часов, но оно так и не явилось!

— Я же говорил, что не надо было орать так громко! Оно вас, видимо, услышало! — Мордред повернул кольцо с драгоценностью, вокруг пальца. — Оно услышало вас, собрало монетки и переехало в другое озеро! Я бы на его месте так и сделал!

— Завтра, друзья мои, — загадочно произнес Мерлин, обводя взглядом всех присутствующих. — Мы отправимся с вами на зачарованное озеро!

— А давайте исключим Мордреда из списка рыцарей круглого стола! — предложил Ланцелот, с надеждой глядя на задумчивого Артура, который рассматривал украшенную драгоценностями рукоять Эскалибура.

— А врагам будете показывать двух Дристанов, в надежде, что у врагов хорошее чувство юмора! Гениально! Люди потом назовут это стратегией! — заметил Мордред, а я понимала, что саммит круглого стола затягивается.

Глава тринадцатая.

Тряхнем стариной

Я пробирался к озеру, слыша, как лес перешептывается за моей спиной. Спокойная вода огромным зеркалом отражала небо, а я сел на мой любимый, нагретый солнцем валун, а потом осмотрелся по сторонам и бросил в воду маленький камушек, который звонко хлопнул и исчез в озере.

— Вивьен! — позвал я, тяжело вздыхая и поглядывая на сморщенные и покрытые пятнами руки. — Любовь моя! О, Владычица сердца моего! Я скучал по тебе... Целую каждый твой пальчик.

Из воды показалась рука, в которую я вложил драгоценность. Взял из казны подарок. А что? Добрый волшебник иногда имеет право на маленькую благодарность от короля за верную службу.

— Вивьен! — нетерпеливо позвал я, глядя на то, как рука исчезает в озере. Обиделась! Ох, уж эти женщины! Надо поласковей. — Вивьен! Любовь моя! Все, что ни делается, все к лучшему! А наша Гвиневра — не так то проста, как кажется на первый взгляд! Она как-то связана с Андастрой. Не может быть столько совпадений! Меч из камня, застрявший Ланцелот... Либо богиня благоволит ей, либо то, что мы ищем ближе, чем кажется... Но утверждать я пока не могу. Нужно проверить! Ошибка будет стоить нам очень дорого! Дорогая моя! Ты все еще обижаешься?

Я опустил руку в прохладную воду и поводил по ней, чувствуя, как меня хватают за пальцы.

— Я обеспечу престол твоему сыну! Помни, кто владеет королевой, тот владеет Камелотом! Да, с грибами получилось не так, как я планировал изначально, но мы получили еще одно доказательство, касаемое Гвиневры.

Из озера появилась рука, а я внимательно следил за ее движениями. Из кулака появился средний палец.

— Предлагаешь снова куда-то послать Артура? — усмехнулся я, слыша, как над озером поют птицы. — Снова в поход? Оставить их наедине! Так! Помедленней! Ты замечаешь за

собой, что постоянно тараторишь? Думаешь, нужен подвиг, чтобы она увидела будущего короля с лучшей стороны? Героический... Ага... Чтобы он ее спас? погоди... Еще раз повтори, я просто моргнул... Ай, да Вивьен! Да ты хитра, почти старый добрый Мерлин! Чтобы спасти ее мог только он? Значит, гарантии тебе нужны... Будут тебе гарантии!

По воде шли круги, словно начинался дождь. Туманная дымка поползла по озеру, а из леса повеяло сыростью.

— Артур объявит, что тот, кто спасет его королеву, станет его наследником... Недурно, — задумчиво усмехнулся я, поглаживая бороду. Да, появилась у старого доброго Мерлина эта глупая привычка. — Что?!! Да ты совсем воды наглоталась! Приставить меч к горлу Артура и потребовать Грааль? Думаешь, Андраста настолько глупа? Если у нас не будет Артура, то, поверь, она нас уничтожит! Нет ничего страшнее ее гнева! Андраста прекрасно знает, что любое неверное движение убьет ее любимца. Вот тебе и гарантии. Именно поэтому, как мне кажется, она затаилась.

На озере появились круги от дождя, а я накинул свой старый капюшон на седую голову, задумавшись о чем-то своем...

— Я понимаю, что ты не можешь выйти на сушу после того, как отдала Эскалибур, но потерпи немного! Твой сын получит Эскалибур и вернет его в озеро! Новому королю он будет не нужен! Мальчик справится и без волшебного меча! И тогда ты снова станешь свободной и сможешь явиться ко мне... О, я уверен, что ты так же прекрасна! А вот меня время меня не пощадило, любимая... Я же всего лишь смертный, хоть и чародей. Годы идут, а я старею... Я так хочу заполучить этот Грааль, чтобы даже смерть не могла нас разлучить...

Я смотрел на руку Вивьен, потом закатил глаза, глядя в посеревшее небо и вспоминая то, каким был много лет назад. Жалкая задумчивая улыбка поползла по моим губам, а на щеку упали капли дождя. Я снова посмотрел на озеро, глядя на белоснежную руку.

— Прекрати плакать! Прекрати, я кому сказал! Я пообещал, что твоему сыну достанется престол? Значит, он станет следующим королем Британии! Вивьен! Прекращай это мокрое дело! — с раздражением заметил я, вспоминая красивые волосы, прекрасный взгляд и манящие прелести. Когда я увидел тебя впервые, то подумал о том, что видал красавиц на своем веку, но твою руку с мечом... хрупкую, нежную руку с огромным мечом, я не забуду никогда.

Я сидел и вспоминал ее лицо, руку, которая вытащила меч из камня и снесла голову рыцарю. Женщина, достойная куда большего, чем простой рыцарь... О, Гвиневера, ты никогда не видела меня молодым... То, что может дать тебе искусный чародей, бросивший вызов самой судьбе...

— О, моя дорогая Вивьен! Моя любовь к тебе не меркнет с годами... Я все так же люблю тебя, о, владычица моего сердца! — я склонился, целуя ее руку. В этот момент я думал о Гвиневере. Нет, этот дурак Ланцелот не заслуживает ее. Но стоит дать ему еще один шанс. Как жаль отдавать желанную женщину в объятия глупому юнцу. Ах да, Вивьен! Как я мог о ней забыть!

— Любимая, у меня есть идея. Ты вдохновляешь меня! А теперь представь, что Ланцелот возьмет ее силой, а потом даст слово рыцаря, что между ними была близость. Гнев Артура я смогу обернуть не против доблестного рыцаря, а против неверной жены! — пояснил я, глядя на тонкие пальцы владычицы озера. — Что второй? А! Этот самоуверенный мальчишка? Должен же быть в нашей доброй сказке отрицательный герой, на фоне которого сэр Ланцелот кажется еще более мужественным и сильным. Пусть болтает и болтается. Надо же кого-то делать крайним? Я же прекрасно вижу, что ему нужна не королева, а корона! Он не любит ее! Просто играет в свою игру.

* * *

Я стояла и смотрела тяжелым взглядом на Артура, который решил ехать к волшебном озеру немедленно!

— Так бы и сказали, что на рыбалку! — язвительно заметил Мордред, но Артур подошел к нему вплотную, а я застыла на месте, понимая, что они почти одного роста, только Мордред ниже на несколько сантиметров.

— Погоди-погоди! — заметил Мордред с улыбкой. — Я даже знаю, что ты скажешь! Ты, трус! Ты позор всего круглого стола! Я воспитывал тебя, когда твоя мать умерла! Да если бы у меня был такой сын как ты, я бы убил своими руками? Я ничего не забыл?

— Ты поедешь с нами! — сурово произнес Артур, смерив его взглядом. — И попробуй только сбежать, трус! Я убью тебя своими руками! Ты никогда не получишь корону!

В этот момент Мерлин, затаившийся в уголке, улыбнулся.

— Ни за что и никогда! Только через мой труп на престол Британии взойдет такой человек, как ты! — ревел Артур, а я понимала, что в гневе он страшен. Вы видели когда-нибудь ревущего медведя, стоящего на задних лапах? А стоящий на задних лапах медведь обделался бы при виде Артура!

— Когда выдвигаемся кормить комаров? — спокойно спросил Мордред, глядя на него синими глазами.

— Совсем другие слова! Совсем другое дело! — произнес Артур, глядя на обрывок карты, разложенный на столе старческой рукой Мерлина. — Неужели это то самое озеро?

— Да, мой друг! Мерлин верно служил твоему отцу Утеру! Он даже спрятал тебя, совсем ребенка, подальше от сошедшей с ума матери... Неужели ты думаешь, что Мерлин ошибается? — усмехнулся старик, а потом перевел на меня взгляд. — Помни, Артур... Путь к сердцу женщины твоей мечты лежит через Грааль... Сделав один глоток из этой чаши, ты обретишь то, что у тебя отняли... Ты познаешь сладость самой красивой королевы на свете... Никто не в силах будет убить тебя!

Артур подошел ко мне и прижал меня так, что не снилось и медведю в зимней спячке. Так! Режим соплей и слез активирован. Он наклонился и поцеловал меня.

— Любовь моя, моя королева... — грубая рука Артура перебирала мои волосы с такой нежностью, что мне снова стало его жаль. — Я сделаю все, чтобы мы могли быть вместе... Я не ложусь с тобой в одну постель, чтобы уберечь себя от соблазна созерцать твою спящую красоту... Я прошу тебя лишь поверить в меня и подождать совсем немного. Еще немного, любимая... Еще чуть-чуть... Я оставляю тебе защитника — сэра Ланцелота!

— Не уезжай!!! — заорала я, поглядывая на то, как Ланцелот расправил плечи. Смотри-ка! Ему полегчало! Видимо, Мерлин незаметно постарался... — Артур! Прошу тебя...

— Мне горько расставаться с любимой, но нам придется расстаться, чтобы вечно быть вместе, — произнес Артур, тяжело дыша и закрывая глаза. — Нет ничего слаще твоих губ, моя королева!

Он отошел и крикнул: «Готовьте коней! Мы отправляемся в путь!». Слуги забежали, а я стояла и смотрела, как Мерлин медленно идет ко мне, улыбаясь противной старческой улыбкой.

— Дитя мое, для тебя есть пророчество... Да, старый Мерлин, иногда видит будущее, — произнес чародей, опираясь на посох. — Грааль сделает тебя счастливейшей из женщин. Береги себя, милая. А я буду беречь твоего Артура. И носи почаще мой подарок! Это — оберег, который защищает тебя от чар злой богини Андрасте.

Они удалились, а я посмотрела на Ланцелота, прикидывая, успею ли я добежать до комнаты. Не успела! Он схватил меня, пытаясь усадить на стол, а я по инерции двинула его ногой по его мужеству и достоинству... Ой!!! Железка больно отомстила ноге, заставив меня скривиться от боли и простонать.

— О, моя королева! Я не в силах больше сдерживаться! Можете проклинать меня,

можете ненавидеть, но я не могу совладать с самим собой! Пусть все знаю о нашей любви...— страстно шептал Ланцелот, пытаясь меня поцеловать.

Муха села на варенье. Все, конец пищеваренью! У меня промелькнула в голове гениальная идея. Я тут же обняла его и прошептала:

— Я тоже не в силах противиться своим чувствам...

Конечно, не могу противиться. Вы мне противны и собираетесь стать очень глубоко противным.

— О, мой рыцарь, только о вас я и мечтала... — страстно шептала я, чувствуя, как меня обнимают. — Я видела вас во снах...

И бежала с криками «уберите его от меня!». Чудовище! Сожри его! Ути мой хороший...

— Я не хотела, чтобы подлый сэр Мордред, — прошептала я, а сама на мгновение замолчала, представляя, как нежно спасаю мир смыкая пальцы на чужой шее, встав на цыпочки. — Узнал о нашей взаимной страсти... Но теперь его нет с нами, поэтому нам нечего опасаться! Я... я... люблю вас... Но не хочу, чтобы Артур об этом узнал! Слуги ему обязательно скажут... Так что идите в мои покои где мы можем уединиться и объединиться... А я выжду время и пойду вслед за вами... Только не закрывайте двери... Договорились?

— О, моя Гвиневра... Ваше имя — это сладость на моих устах. Я думаю о вас целыми днями... Я пытался побороть свою любовь к вам, но увы... Ах, если бы любовь была драконом, я бы сразил его и бросил бы к вашим ногам... — слышалось за дверью. — Я прошу вас, не отвергайте меня... Ваш отказ разбивает мне сердце!

Радио «Ланцелот ФМ» продолжало вещание на одной и той же уже надоевшей частоте, а я терпеливо слушала, дебилно улыбаясь.

— Я сгораю от страсти к вам! — страстно шептал Ланцелот, удаляясь. — Я готов вам отдать ее всю до капли!

Я шла за ним, осматриваясь по сторонам на расстоянии шести метров. Ланцелот зашел в мои покои, а я бросилась к двери и закрыла ее на засов!

— Прости, Ланцелот, — сладенько улыбнулась я, отходя на несколько шагов от трясущейся от страсти двери. — Я еще не готова сдаться на вшивость победителя!

Я уверенным шагом, преодолевая дикуую усталость, двинулась в сторону первых попавшихся открытых покоев, завалилась на кровать, проваливаясь в глубокий сон.

В храме было тихо, в золотой вазе валялось яблоко девственности и куча огрызков от предыдущих яблочек.

— Покажи мне Артура! — потерла ручки я, предвкушая незабываемое путешествие «туда и обратно». Зеркало пошло рябью, а я застыла в нетерпеливом ожидании, глядя на тянущуюся унылой процессией кавалькаду всадников.

— Давайте нашу! Походно-боевую «Нас снова послали на...»! — послышался голос, вызывающий у меня блаженную улыбку предвкушения.

— Когда мы найдем Грааль, — вздохнул Лоегрин, глядя куда-то в видимую ему даль. — Я снова смогу быть свободным... Я смогу вернуться к моей Эльзе.

— Прости, это к той, которая уже не помнит, как выглядишь? Той, которую ты спас от позора, выйдя на поединок чести? Той, которой сразу сказал, что «ради счастья ради нашего, если хочешь ты его... Ни о чем меня не спрашивай, не выводывай ничего?», — поинтересовался Мордред. — Просто я в ваших дамах путаюсь!

— Она меня ждет, — мечтательно вздохнул Лоегрин, глядя тоскливым лебедем в горизонт. — Ждет мою белую ладью... Десять лет меня там не было... Мерлин предсказал, что если Эльза узнает мое настоящее имя, мы расстанемся навсегда. Я представился ей безымянным рыцарем... А она каждый день спрашивала, как меня

зовут... Я не выдержал и...

— Нет, романтики через край, но у сэра Дристана вполне мог быть еще один брат. Догадайся, как его могли бы звать? — усмехнулся Мордред, пока рыцарь-лебедь смотрел тоскливым взглядом куда-то в незримую даль. — Я к чему, ты мог вполне придумать себе имя... И никто к тебе бы с этим вопросом не приставал бы!

— А что? Так можно было? — глаза Лоегрин расширились. — Я что-то не подумал!

— Проехали, — мрачно вздохнул Мордред, а потом улыбнулся с пониманием. — Не забывай! Потом голова в шлем не пролезет!

— То есть, я мог бы просто назвать ей любое имя? — прищурился Лоегрин, подозрительно глядя на Мордреда.

— Я же сказал, не забывай! — кивнул он, потряхнув черными локонами. — Так, у кого еще проблемы в личной жизни? В очередь, пожалуйста! Сэр Гавейн! Не смотрите на меня так. Жалуйтесь на свой «гавейн»...

— Мерлин сказал мне, что я женюсь на старухе, — вздохнул Гавейн, уныло глядя на могучую спину Артура, который ехал впереди.

— Выбирай старушку с замком. Недвижимость должна превращаться в недвижимость, — сочувственно заметил Мордред.

И тут я дернулась, чувствуя, как просыпаюсь от того, что меня кто-то схватил. Я попыталась вырваться, орала, но вокруг меня был непроницаемый кокон, похожий на мыльный пузырь. Все играло радужными красками, расплывалось в чудовищной мешанине красок: стены, окно и кровать, покрывало, сброшенное на пол.

В голове и в желудке все завертелось, я отчаянно отбивалась от сильного противника. Внезапно наступила темнота, а я очнулась, лежа на роскошной кровати, а рядом сидел красивый до неприличных слов незнакомый мужчина. Длинные золотые волосы, серые глаза и насмешливая улыбка.

— Не бойся, королева... — усмехнулся он, глядя на свои руки, а потом поднимая мою руку и прикладывая ее к губам. — Не узнаешь? Это я, Мерлин...

Отлично! Мне только Мерлина не хватало! Пусть достает пенсионное удостоверение, дающее ему право на бесплатный проезд «на...».

— Не пугайтесь, Гвинебра, — насмешливо заметил он, снова поглядывая на свои руки. — Это всего лишь я. Старый, добрый, волшебник, которому вы очень сильно понравились... Никогда не думал, что на старости лет влюблюсь, как мальчишка... В тот момент, когда я увидел вас, я понял, что вы забрали сердце старого волшебника.

— Ну да, инфаркт — мое второе имя, — согласилась я, глядя на золотые волосы и понимая, что он мне кого-то сильно напоминает. Ланцелота!

— Остроумие и ум — редкие нынче качества для женщины, которые я ценю превыше всего, — согласился Мерлин, а я смотрела на него, пытаюсь понять, где здесь салон красоты, который способен из старого сморчка сделать писаного красавца.

— Но я другому отдана и буду век ему верна, — на всякий случай озвучила я грустные перспективы своей жизни.

— Ах, и забыл. Артур! Ну конечно же... Ты ведь не любишь его, Гвинебра. От моего взгляда не ускользает то, с каким презрением ты смотришь на Артура, — вздохнул Мерлин, пока я осматривала комнату и пыталась сориентироваться. — Артур всего одна из фигур в моей игре... Вы когда-нибудь играли в шахматы? Нет, не играли! Просто их еще не завезли сюда...

— Но ведь вы верой и правдой служите Артуру? — наивно поинтересовалась я, брякнув первое попавшееся на ум, чтобы пока он говорит, попытаться прикинуть расклад сил.

— Я? Артуру? Не смешите! — заметил Мерлин, а я смотрела на золотистые локоны,

которые красивыми кольцами падали на белую рубаху. — Это кто кому еще служит. Мерлин никогда не служил королям. Короли служат Мерлину. Дитя мое, Артур не любит тебя. И никогда не любил. Его влечение к тебе навеяно моими чарами. Артур всю жизнь любил только одну женщину — богиню судьбы Андрасту. Он не просто поклонялся ей! Артур готов был убить за нее любого... А я обернул его любовь в ненависть, потому что мне нужен Грааль.

Его рука скользнула по моим волосам, а на губах Мерлина появилась странная улыбка.

— Законы природы нерушимы, и лишь Грааль способен нарушить их... — задумчиво и как-то ласково произнес чародей. — Придет время и твои волосы станут седыми. Лицо покроется безобразными морщинами, глаза, в которых был блеск жизни, станут тусклыми и однажды закроются навсегда... От былой красоты, пленяющей сердца, останется лишь воспоминание... Отголосок в балладах и сказках... Дитя мое, ты же хочешь сохранить свою красоту навсегда?

— А кто ж не хочет? — насмешливо спросила я, чувствуя, как подо мной шевелятся невидимые ежики.

— Пусть молодость и красота — всего лишь иллюзия, услаждающая взоры и сердце, но почему бы не сделать ее вечной? Дитя мое, ты никогда не знала настоящего Артура, поэтому ты не можешь любить его. Чары, дитя мое, способны на многое! Я мастер иллюзий. Я создал нового, удобного мне короля, лишённого воли даже любить ту, которую любил всем сердцем, — улыбнулся Мерлин, пока я пыталась взять себя в руки. — Знания — это сила! И я готов учить тебя, моя девочка, читать и писать...

Меня еще букварем не соблазняли! «А!» — стонал букварь, показывая позу номер один. «Б!» — орал медведь из кустов девушке с низкой социальной ответственностью. «В!» — радовался счастливый мужик, чувствуя, что на улице — мороз, но хотя бы какая-то часть его тела в тепле. «Г!» — а это уже Мерлин.

— Для столь юной девы, умение читать и писать — это важный шаг в жизни! — пояснил Мерлин, а я уже представила его лицо, когда он узнает о том, что я не просто умею читать и писать, а, вероятнее всего, делаю это лучше, чем Мерлин.

— А я умею читать и писать. Мой отец Лодегранс настоял на том, чтобы будущая королева была не просто грамотной, но и шибко грамотной, — улыбнулась я, давая понять, что прошли те времена, когда меня можно было очаровать букварем. Было предчувствие, что в «прописи» скоро поменяется ударение, а вместе с ним и тема разговора.

— Значит, я научу тебя магии! — улыбнулся добрый волшебник Мерлин. И тут же в его голосе послышалась насмешка. — Тебя же не учили магии, дитя мое?

— Я знаю одно заклинание! Пошел ты в пень! — выдала я, с тревогой глядя на «доброе учителя». — И оно меня никогда не подводило!

— Воистину ты достойна стать спутницей великого чародея Мерлина! — рассмеялся он, а я понимала, что улыбка тоже очень похожа. А уж не родственники они по прямой восходящей линии? — О, нет, Гвиневра, ни один мужчина не достоин тебя, поэтому я предлагаю тебе остаться здесь...

— Здесь, это где? — мрачно поинтересовалась я, чувствуя себя привередливым покупателем недвижимости.

— О, моя дорогая! Это лес Броселианд! Он окружает озеро со всех сторон! Древний сказочный и опасный лес, который испокон веков пропитан магией, — усмехнулся Мерлин, погладив меня по щеке. Я принялась, чувствуя специфический старческий запах, который никак не клеился с образом прекрасного принца.

— Это иллюзия? — спросила я, глядя в его глаза и чувствуя, что лицо Мерлина поплыло, но потом снова вернулось на прежнее место.

— А ты на редкость наблюдательна, — произнес Мерлин, пытаясь удержать лицо. — Вся жизнь, дитя мое, это — иллюзия. И лишь тот, кто познал магию иллюзии умеет повелевать самой жизнью... Я могу сделать тебя еще краше, а могу отобрать красоту... И

мне нужен Грааль, который подарит мне настоящую молодость и бессмертие... Моя Гвинебра, я поделюсь с тобой силой Грааля...

Видимо, самая красивая часть моего тела — это уши. Они очень нравятся доброму волшебнику и некоторым прекрасным рыцарям.

— Это было бы замечательно, — улыбнулась я, понимая, что сражаться с Мерлином я не смогу. У меня нет волшебной силы, способной его победить. И даже волшебный стул — очень мощный артефакт, — не обеспечит мне медаль за первое место. «Мужик в туалет добегают редко! Видимо, зря я его табуреткой!», — мысленно всхлипнула я, держась из последних сил. Это был тот самый случай, когда легкая степень идиотизма обеспечивает средневековой красавице долгую и счастливую жизнь.

— Ну и славно, — заметил Мерлин с усмешкой, а я понимала, что носовые рецепторы не обманешь. Где-то на кладбище проходил круглый стол червяков, а на повестке дня был один единственный вопрос: «Где Мерлин?».

Чародей растворился в воздухе, а я осмотрела роскошные покои. Огромная кровать из хрусталя, хрустальный столик с обилием деликатесов, от которых желудок протяжно заныл, хрустальные вазы с цветами, хрустальное трюмо с кучей заколок и драгоценностей и даже хрустальный горшочек под кроватью — все это сверкало волшебством. Не знаю, как принц, но я бы с удовольствием примерила бы хрустальный горшочек на чью-то седую голову.

* * *

Я стоял на берегу и смотрел на хрустальные башни. Старый добрый Мерлин сделал то, чего не смог сделать даже молодой юнец. Улыбка скользила по моему лицу, когда мой взгляд упал на хрустальный мост, ведущий на берег.

Посох ударил об землю, а хрустальный мост разбился вдребезги, превратившись в уродливый причал, к которому не причалит ни один корабль. Теперь осталось укрыть замок от глаз людских...

Я снова ударил посохом об землю, а хрустальные башни, пронзенные солнечными лучами, таяли, как мираж. Улыбка рождалась на моем лице, а ветер, рожденный в древнем лесу, раздувал мою старую хламиду, как паруса.

— Вот и все, — заметил я, положив руку на могучий ствол дерева. — Если она сумеет выбраться при помощи магии, значит, мои догадки верны.

Поговаривают, что у Андрасты и Артура был ребенок... Не знаю, насколько это правда, но и в сказках есть истина. Артур тогда был совсем юным... Сколько ему было? Восемнадцать? Смертельно раненный король был спасен своей сестрой Морганой, которая явилась в разгар битвы и забрала его на Авалон, где он пробыл несколько месяцев. Но смертным нельзя находиться на Авалоне долго. Чем дольше они там, тем больше тоскуют по обычному миру... А потом Артур вернулся, а Андастре притаилась. Насколько мне известно, время на Авалоне течет иначе... Артур уверял, что пробыл там несколько дней, а здесь прошло несколько месяцев. Так что вряд ли дитя росло на Авалоне. Скорее всего его отдали в какую-то знатную семью... Почему бы Лодегрансу не принять дар от богини судьбы? Тем более, Андастра никогда не благоволила женщинам, не брали их под свое покровительство...

— Эх, что-то я замечтался, — усмехнулся я, слыша, как скрипят деревья. Древний лес не любит, когда нарушают его покой. — Когда Гвинебра мне надоест, я, так и быть, отдам ее Ланцелоту.

* * *

Я бросилась к огромной хрустальной двери, и, как ни странно она была открытой. Дверь вела в странный коридор, по которому я пошла резвым шагом. Стены были сделаны из хрусталя, поэтому казалось, что за ним что-то есть. Хрустальный коридор все не заканчивался, а я трогала рукой стены полупрозрачного лабиринта. Подобрал платье, я бросилась и к радости своей увидела красивую хрустальную дверь, дернула ее и ... очутилась в той же комнате, из которой вышла.

— Фу-у-ух! — выдохнула я, присев на кровать. В узком хрустальном оконце было слышно, как шумела где-то листва, и щебетали радостными переливами птицы. Бросившись к окну, я увидела туманное озеро и далекий берег, поросший зеленой травой. Огромные валуны вальяжно разлеглись вдоль берега, словно отдыхающие на пляже. Немного высунувшись и облокотившись грудью на полупрозрачный подоконник, я увидела хрустальные башни замка сказочной красоты, от которого в сторону леса вел обломок хрустального моста. На озере стоял туман, скользя белой таинственной дымкой по зеркальной глади.

— Плохо дело, — мрачно вздохнула я, беря со стола яблоко и бросая его в воду. Туман на секунду рассеялся, а яблоко схватила рука Вивьен. Через мгновение я увидела в комнате силуэт женщины в белом платье, сверкающем драгоценностями. Волосы ее поднимались вверх, словно живые, а голос зажурчал ручьем. Выглядела она бледной и не очень радостной.

— Ну здравству, Гвиневра, — прожурчала она, глядя на меня. Стоило ей подлететь поближе, как стало понятно, что то, что я изначально приняла за драгоценности, оказалось лишь брызгами воды. — Я — Вивьен, Владычица Озера... И ты находишься в моем замке...

А! Мерлин у нас замок в аренду взял? Осталось выяснить почасовую или посуточную?

— Я хотела с тобой поговорить, — улыбнулась она синюшными губами, пока ее белоснежные волосы парили над головой. — Из этого замка тебе не удастся сбежать. Но... Есть тот, кто может тебя спасти.

— Ты про своего сына? — усмехнулась я, глядя на брызги ожерелья, украсившие тонкую белую шею. — Ланцелот Озерный!

— Откуда ты знаешь? — глаза Вивьен округлились, а ко мне потянулись длинные белые пальцы.

— Просто он на каждом углу хвастается тем, что ты его мать, — недружелюбно заметила я, а потом мысленно одернула себя. Нужно быть повежливей. Гвиневра — это средневековая девушка без образования, работающая по единственной доступной специальности «хорошая жена». — Он говорил об этом... Но я не поверила! А теперь верю!

— Правда, он у меня замечательный? — с любовью спросила Вивьен, доставая маленький портретик Ланцелота и присаживаясь рядом со мной на кровать. Мне казалось, что она плывет в воздухе и говорит со мной, как сквозь толщу воды.

— О да, он доблестный рыцарь, — закивала я, предвкушая беседу про сопельки и покакульки. — Про его подвиги ходят легенды!

Куда ходят, я не уточняла. Если что, я — очень вежливая богиня.

— Он всегда был таким... Я воспитывала его, как настоящего рыцаря, — нежно улыбнулась Вивьен, лаская взглядом маленький портрет. — Понимаю, что ты о нем невысокого мнения, но тебе стоит внимательно присмотреться к нему...

И узнать, сколько раз его роняли головой на пол...

— Просто у вас не было возможности узнать друг друга получше, — улыбнулась Вивьен, пряча портрет и глядя на меня белесыми глазами. — О, если бы ты знала, какой он смелый и отважный! Помню, как в детстве у него были сопельки...

Началось! Через полчаса я знала, чем болел в детстве Ланцелот, сколько раз какал, какая у него была любимая игрушка, и куда он ее совал! Я понимаю, что добрая мама хочет меня заинтриговать, но я слушала ее вежливым доктором, не забывая кивать и поддакивать.

— В планы Мерлина не входит то, чтобы тебя отсюда спасли, но я знаю, кто это может сделать, — прожурчала она. Погодите! Средневековая женщина напрягает единственную извилину и... «Ла! Парарарам пам пам! Нце! Турурум тум тум! Лот!». — Я не пущу никого в этот замок, кроме него. И чтобы убедиться в том, что все будет так, как я хочу, мне придется тебя проклясть... Мерлин кое-что не учел. Это все-таки мой замок, так что здесь я могу делать то, что захочу.

Ребята! Двигайтесь за своим круглым столом! Я тоже скоро с фанатичным блеском буду искать Грааль, чтобы снять проклятие!

— Проклинаю тебя, чтобы тот, кто доставит тебя в Камелот, кто тебя приведет за собой, станет навеки твоей судьбой! — усмехнулась она, растворяясь в воздухе.

«Даже не думай прыгать из окна. Там острые камни!», — прожурчал голос Владычицы Озера, когда я попыталась снова высунуться и прикинуть высоту.

Глава четырнадцатая.

Хрустальная фуфелька

Я ворочалась несколько часов, чувствуя, что когда надо уснуть вовремя, сна нет ни в одном глазу! Соблазнительный запах мешал мне, а я молча боролась с искушением что-нибудь покусать. Я молча схватила блюда с едой и выбросила в окно, глядя, как все деликатесы падают в озеро вместе с посудой. Да, я еще та хозяйшечка. Заодно и посуду помыла.

Мысли о том, что есть вероятность того, что всю жизнь мне придется прожить с идиотом — Ланцелотом, меня огорчала до такой степени, что пришлось накрыть голову подушкой.

— Думай о чем-нибудь другом! — убеждала я себя. — Думай о ком-нибудь другом!

Перед моими глазами появилась очаровательная улыбка в обрамлении черных волос, белоснежная рубашка, которую так и хочет смять пальцами. Я мысленно улыбалась в ответ и тихо хихикала, вспоминая балладу. В моих мечтах я перебирала черные локоны, с наслаждением запускала в них пальцы, разбирая их на пряди, проводила пальцем по красиво очерченным губам и смотрела в чудовищные, ярко-синие глаза, от взгляда которых по телу бежали мурашки.

Я не заметила, как очутилась в храме, а на моем лице играла все та же загадочная улыбка какого-то блаженного восторга. Да, Вивьен, ты тоже кое-что не учла...

«Покажи мне Артура!!!», — требовала я у зеркала и замирая при виде очередного саммита круглого стола, посвященному моей пропаже.

— Я сражался! Сражался, как мог! — кричал Ланцелот, размахивая мечом. — Я вбежал в покои королевы, но их оказалось больше! Бой был неравным!

— Как они посмели! — бушевал Артур так, что стол ходил ходуном, а мечи, лежащие на нем подпрыгивали и звенели от каждого удара могучими кулаками. — Они отняли у меня самое важное!

— Мозги? — поинтересовался Мордред, глядя, как мечется раненным медведем Артур, пока рыцари пытаются его утихомирить.

— Не-е-ет! Мою жену! Мою Гвиневу! Мою королеву! — задыхаясь, ревел Артур, а в его глазах застыло такое горе, что даже мне стало его искренне жаль. «Это иллюзия!», — пронесся в голове голос Мерлина. Иллюзия, которая ранит больней клинка...

— Может, за нее потребуют выкуп? — спросил сэр Гавейн, а его дружно поддержали. Артур поднял полубезумный взгляд, в котором сверкнула надежда.

— Я бы потребовал, — принялся Мордред. — Дорогие рыцари, я отдам вам Гвиневу, только если вы выкупаетесь!

— Я отправляюсь на ее поиски! — внезапно закричал Артур, а рыцари пытались его удержать. — Я найду ее, где бы ее ни удерживали!

— Ваше Величество! Вы не должны рисковать! Я знаю, кто похитил Гвиневу, нашу дорогую королеву! Это сделала богиня судьбы! — послышался знакомый голос Мерлина, а я вспомнила прогорклый запах старикана и поморщилась. — Мне птичка на хвосте принесла, что это был ее приказ! Птичка села мне на плечо и все рассказала.

— Дятлы обычно не ошибаются, — спокойно и с издевкой заметил Мордред, глядя на то, как Ланцелот в очередной раз описывает свой поединок, размахивая мечом.

— Видимо, мы слишком близко подобрались к Граалю! — прищурился старикан.

Артур посмотрел на Мерлина, тяжело дыша, а я видела, как он выламывает крышку стола с криками: «Я растерзаю эту богиню своими руками!».

— Чему я тебя учил, друг мой? Ты ведь король, а не простой оруженосец сэра Кея! Пошли верных рыцарей во все концы! — предложил Мерлин, опираясь на свой посох и сторбившись так, словно тащит всех рыцарей на собственном горбу.

— Правильней говорить «на все концы» нашей необъятной родины, которую ленивая кошка перебегает за десять суток из одного конца в другой, а шустрый ежик справится за пару дней, — согласился Мордред, глядя на всеобщую панику философски.

— Я готов прямо сейчас отправиться на ее поиски! — пылко воскликнул Ланцелот, воинственно размахивая мечом. Артур сглотнул, пытаясь взять себя в руки, но «себя» пока не получилось, поэтому в его руках оказался меч. — Я клянусь, что не посмею вернуться до тех пор, пока не привезу королеву обратно в Камелот!

— Может, она поняла, что мы ее так сильно любим, что чуть не отравили, поэтому сбежала? — заметил Мордред, а Артур уже рубил стол мечом, вымещая на нем ярость.

— Да как ты смеешь! — воскликнул Артур, по его щеке текла слеза. Он остановился, опустил голову и простонал, поджав губы. Король опирался на стол, тяжело дыша, а потом поднял голову, глядя сумрачным взглядом на рыцарей и на Мерлина.

— Ты не совершил ни одного подвига! — Артур смотрел на Мордреда в упор, а тот насмешливо поднял брови. — Как ты смеешь говорить такие вещи!

— На счет подвигов согласен. Если бы я пил столько же, сколько и вы, то пару зеленых змиев уже было бы на моем счету. В прошлый раз, когда явился призрак печени сэра Гавейна в виде зеленого великана, я как назло был трезв. Зато я не забуду, как сэр Гавейн бежал по залу без штанов, зато в кирасе и орал: «За Камелот!!!». И самое приличное из того, чем размахивал герой, был меч, — ядовито улыбнулся Мордред, глядя на Артура. — Плох тот, кто не смог защитить, находясь рядом.

Король встал, сжал рукоять Эскалибура, а я дрогнула, глядя, как он замахнулся... В тот момент, когда Эскалибур вошел в стол по самой рукоять, я выдохнула.

— Тот из вас, кто вернет мне мою любимую жену леди Гвиневу, получит мою корону после моей смерти! — тяжело выдохнул Артур, обессиленно падая на стул и опуская голову. — Даю слово короля! Эта женщина стоит короны!

В этот момент меня все резко полюбили. Сэра Гавейн и его братья бросились к выходу, Сэр Персифаль и сэр Лоегрин орали слугам седлать их коней, но Ланцелот опередил всех, пытаясь протиснуться к выходу.

— Под каждым кустом смотрите, — слышался ядовитый голос Мордред, который с улыбкой смотрел на давку в дверях. — Она не могла далеко уйти. Я бы на твоём месте, дорогой папа, искал бы себе новую жену.

Он скинул ноги, встал, глядя с презрением на Артура. Король сжал кулаки и опустил голову, а грудь его вздрагивала от рыданий. Мерлин был тут как тут со своими добрыми советами. Пока что они сводились к тому, что богиня судьбы бдит, Грааль совсем близко и «как много девушек хороших, у некоторых будешь первым. Но нам досталась с кислой рожей и нежным именем Гвиневра».

— Прошу запомнить тот день, когда у нас Мерлином впервые сошлись мнения. Можете объявлять государственным праздником, — усмехнулся Мордред, выходя из зала.

Я стояла, словно пораженная громом в самое сердце. В вазе лежало два яблока по восстановлению женской чести после демонстрации рыцарского достоинства, я видела, как золотой узор расплывается от внезапно выступивших слез.

— Тише, — шептала я сама себе, зажимая рот рукой, чтобы приглушить рыдания и опускаясь в кресло. — Тише... Не плачь... Яблоко от яблони недалеко падает... Ничего-ничего... Сейчас мы попробуем воспользоваться зеркалом... Мы что-нибудь придумаем...

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, что слезы снова наворачиваются на глаза. Моя грудь тихо вздрагивала, а я отгоняла, размахивая здравым смыслом, образы прекрасной партии консерваторов в собственном соку. «Поищи новую жену!» — гудело в голове, а я мысленно выводила объявление: «Потеряли пятнадцать рыцарей и один волшебник. Нашедшему — терпения!».

Я подошла к зеркалу. Если какая-то часть меня спит в замке, а какая-то часть меня находится на Авалоне, то можно попробовать спасти себя саму! Нужна будет лодка, веревка... Сейчас хоть посмотрю, как ситуация со стороны выглядит!

«А что он еще мог сказать?», — прошептал здравый смысл. — «Или броситься, как Ланцелот с криками и мечом?». При мысли об этом я даже хихикнула. «Ааааа! За прекрасную часть прекрасной дамы!», — утирило воображение. Мозгами я понимаю, что это просто слова, но почему мне так плохо? Я вспомнила наше знакомство, которое выбило меня из душевного равновесия. Лизнул руку! Это как вообще возможно? Если бы не это состояние: «Ты что творишь?», я бы его уже убила на месте. А он смеялся и издевался. И так каждый раз! Когда мне хочется сказать что-то умное, а я мозгами понимаю, что средневековая женщина и чувство юмора вполне совместимы столько на костре, эта язвительная тварь, издав саркастического ада, уже мало того, что озвучил, так еще наслаждается реакцией!

И это почему-то так цепляло. Я ведь могу с точностью представить, как он улыбается, как смеется, закидывая голову и потрянув черными локонами. Я ненавижу его настолько, что готова целовать бесконечно.

Я сглотнула, чувствуя, как тихо смеюсь сквозь слезы. Так, с этим мы определились! Сердце гулко стучало, а я мысленно нежно прикоснулась к его губам, чувствуя его руку на своей талии. Мне кажется, что в этот момент перевернется весь мир...

«А если он тебя не любит?», — прошептал здравый смысл, заставив меня похолодеть.

— Вот на кой ты мне портишь настроение? — возмущенно прошептала я сама себе, глядя в зеркальную гладь.

Стоило мне шагнуть в сторону зеркального туннеля, как меня схватили и оттащили подальше от зеркала.

— Не смей, — слышался голос, а я повернула обиженное на весь мир лицо в сторону черной фигуры, придерживающую меня за талию. — Зеркало. Запрещаю ей выходить куда-либо.

— Да, хозяйин! — покорно ответило зеркало, пока я возмущалась и вырывалась. Меня развернули к себе лицом, а я нервно сглотнула, глядя в зияющую черноту капюшона. Мне на щеку легла рука, стирая слезные дорожки.

— Кто это сделал? — холодно спросил голос, вытирая мои слезы. Хороший вопрос! — Еще раз! Кто посмел это сделать?

Я молчала, чувствуя руку на талии, которая сжимает мою одежду.

— В последний раз спрашиваю. Кто у нас такой умный?, — послышался голос, от которого у меня по попе пробежали мурашки с горячим желанием эмигрировать.

— Я сумела запереть Ланцелота у себя в комнате, заманив его обманом, а потом... Потом какой-то странный пузырь, все поплыло, и здравствуй Мерлин сорок лет назад! — ответила я, глядя на свою отметку на чужом плаще. — Он арендовал замок из хрусталя у Вивьен. Так что придется поторопиться. Договора аренды я не видела, но Вивьен уже пытается меня выселить.

— А что от тебя хотел Мерлин? — спросили у меня вкрадчивым голосом, а рука прижала меня к себе, а я чувствовала, как его пальцы жадно впиваются в мою спину.

— Я вот так и не поняла. Он просил что-то дать! — ехидно заметила я. — При условии, что у меня ничего нет!

Как хорошо, что он в том возрасте, когда многофункциональный орган внезапно стал монофункциональным.

— Хрустальный замок, озеро... Что еще? — пытали меня, а я усиленно вспоминала заковыристое название леса.

— Лес... Вот только название не помню. Приятно познакомиться, мой топографический крестинизм! Вы ему уже нравитесь, — созналась я, чувствуя, как меня обняли двумя руками, терзая пальцами и тяжело дыша. — Что-то похожее на «бриллиант».

— Броселианд. Я понял, — услышала я тихий ответ, а меня резко подняли на руки, посадили на стол, прижимая к себе и иступленно глядя. И тут меня взяли за подбородок. — Ты почему плакала? Отвечай. Смотри на меня и отвечай.

Я вздохнула, чувствуя, как меня сжали с такой силой, что даже если бы я захотела вырваться, какая-то моя запчасть по-любому осталась бы на память в сильных заботливых руках.

— Что он сделал? — процедил голос, а мои неспортивные мурашки, которые только-только выдохнули после нервного забега, тут же резво побежали дальше, подгоняемые иступленной, одержимой нежностью. Рядом с этим человеком, мурашки претендовали на мировой рекорд.

— Ничего, — ответила я, опуская глаза. — Явилась Вивьен и сказала, что либо я там сижу до посинения и Мерлина, либо меня освобождает Ланцелот. Вот. Она пустит в замок только его. Вивьен наложила проклятие на меня, что тот, кто мне в Камелот приведет, станет моей судьбой. Собственно, это вся сводка новостей к этому часу.

Я внимательно прислушивалась и присматривалась, ожидая прогноз погоды. Мой похолодевший синоптик обещал осадки.

— Прокляла судьбой богиню судьбы? — я чувствовала, что кто-то тихо ржет. — Еще раз. Какая-то утопленница проклала судьбой богиню судьбы! Превосходно. Так чего же все-таки хотел от тебя Мерлин?

В этот момент по моему горлу, нежно поглаживая, поползла рука в перчатке. Мурашки взмолились, требуя перекура и возможности передохнуть, но от этого прикосновения по телу пробежала новая волна озноба.

— Наверное, тоже самое, чего хочу я, — прошептали мне, а я уперлась руками в чужие плечи, чувствуя, как меня осторожно отпускают, чтобы с усмешкой приблизить. Дыхание опаляло губы, а я застыла в какой-то странной нерешительности. — Ночью... Днем... Где бы ты ни была... Я найду тебя. Слышишь. Найду. Я — гнев Андастре, поэтому ты от меня никуда не спрячешься. Помни, от судьбы не уйдешь...

— И это ты говоришь богине судьбы, — с какой-то странной усмешкой заметила я,

чувствуя, как по моим щекам снова скользят пальцы, проверяя работу моих слезных желез. Сердце задышалось шепотом, а по телу бежал озноб.

— И кто же из нас большая судьба? — спросил шепот, пока я замирала от каждого прикосновения. — Нужно этот вопрос решить.

В этот момент рука взяла меня за горло, а большой палец провел по моим губам, а я почувствовала, как меня дразнят поцелуем, то приближаясь, то отдаляясь, а потом поцеловали так, что у меня перехватило дыхание. Внутренние органы сжались от жадного, настойчивого и восхитительно жестокого поцелуя. Я ловила дыхание, чувствуя, как его рука ласкает мою шею. Какой-то странный всплеск силы вырывался наружу, окутывая меня светлой сверкающей дымкой. Точно такой же, только темный, сверкающий мириадами звезд, вырывался из его груди. От каждого прикосновения шел сладкий и нервный озноб, а потоки смешивались, заставляя задышаться в странном, опьяняющем восторге сладкого единства.

— Я же говорил, что мы — две половинки одной силы. Причем, у меня — большая, — едва слышала его голос, тихо оседаю в чужих руках. Отлично! Половинка бывает у мозга, попы и таблетки. Хотя нет, еще у древней богини Андастры.

* * *

Я очнулась в своем хрустальном дворце, чувствуя себя пылью на хрустальной люстре. Поморщившись и потянувшись, я потрясла головой, чтобы отогнать от себя наваждение.

— Мама! Открой! — орал голос Ланцелота. Слышите стук? Это мое настроение упало на пол и пытается закатиться под кровать. — Мама! Это я!

Я осторожно высунулась в окно, глядя на пресветлого рыцаря с розовым экстазом, стоящего на воде возле массивных дверей замка, которые медленно раскрывались перед ним.

Можно я прикинусь дохленькой? «Гроб качается хрустальный на цепях между столбов...», — мрачно заметил внутренний голос, а я уже слышала бодрые шаги по коридору.

— Гвиневра! Любовь моя! Я спасу тебя! — кричал Ланцелот, а я с грустью посмотрела вниз. Там точно острые камни? Соблазнительный выбор между «личной» жизнью и «лишней» жизнью поставил меня в тупик.

Хрустальная дверь открылась, а я смотрела на запыхавшегося рыцаря, который тут же упал на колено. Намученная горьким опытом, я сделала предусмотрительный шаг назад.

— О, моя Гвиневра! Я сражался с тысячью врагов! — пафосно заметил Ланцелот, пока я осматривала комнату на предмет заботливой мамочки, которая помашет мне ручкой, подталкивая ногой к счастью. — Я прорывался сюда с боем!

— Хочешь совет, как победить дракона? Задолбай его, как меня, — согласилась я, а мне тут же в лицо ударила струя воды, заставив закашляться и убрать мокрые волосы. «Не порти моему сыну легенду!», — прожурчал голос. А воображение было не остановить. Бедный дракон с криками: «Да пошел ты! Ыыыы!», уползал в свою пещеру, пока закованный в латы экстраверт, рассказывал ему третий час, что он — зло, которое нужно победить.

— Моя королева! Если бы вы знали, сколько опасностей я преодолел, чтобы спасти вас! Сколько врагов победил, чтобы добраться сюда! — пылко продолжал Ланцелот, а я мрачно обтекала, сплевывая мокрые волосы.

— Продолжай, сынок, — ласково и умилительно прожурчал невидимый голос. — Продолжай! Ты у меня настоящий рыцарь...

Мне срочно нужен стул и веревка. Привязать Ланцелота к стулу и заткнуть ему рот стало навязчивой идеей.

— Один только ваш приказ, и я готов умереть у ваших ног, — пафосно заметил Ланцелот, отбрасывая прядь золотых локонов и глядя на меня таким взглядом, что я усомнилась в своих умственных способностях.

— А у тебя права на этот замок? Мама не хочет нам сразу дарственную на него оформить? Ты точно родной сын? Единственный, надеюсь? У мамы со здоровьем все в порядке? — поинтересовалась я, но тут же получила свежую порцию воды на голову. На полу вздрагивала обреченная рыбка. Где моя мочалка? У меня есть самый продвинутый средневековый душ!

— Сила моей любви не измеряется слова, но ее можно измерить подвигами! — наступал на меня Ланцелот, а я слышала журчащий голос: «Возьми ее, сынок! А потом сможешь шантажировать ее! Все так делают!». В голове промелькнула картинка. «Я взял вашу дочь! Слово рыцаря!» — гордо произнес герой. «Тут два варианта, либо в монастырь, либо, обними меня, сынок!», — кисло замечает отец, глядя на несчастную средневековую красавицу.

Я отчаянно пятилась, герой решительно наступал. Моя рука нашарила подоконник позади меня. Чмо было на расстоянии «чмока», а я внезапно отклонилась в сторону. Ланцелот Оконный потерял равновесие, получил пинком под зад, падая в озеро. Пока я выла, прыгая на одной ноге, герой погрузился на глубину, а потом вынырнул. Живой! Даже не тонет! Кто-то мне говорил, что камни острые? Ну-ну! Эх! Была — ни была!

— Сыночек! Ты простынешь! А! Он плавать не умеет! — зажурчал перепуганный голос. — погоди, я водичку согрею! Иначе сопельки будут...

— Спасибо! — злобно и вежливо поблагодарила я. Визжа и придерживая юбку, я упала в теплую воду, погружаясь в мутную глубину. Юбка от платья застопорилась, а ноги болели от удара... Оттолкнувшись от дна и отчаянно размахивая руками, я пыталась выплыть, видя, как у меня изо рта сквозь серую толщу воды вырывается вереница пузырьков воздуха. Я выплыла, сплевывая и пытаюсь надышаться, отчаянно уцепившись за Ланцелота, который, не смотря на доспехи, горизонтально держался на поверхности воды.

— Спокойней, буй! — остервенело, прокашлялась я, глядя на рукоять кинжала, спрятанного рядом с мечом. Мне удалось отстегнуть его меч, скинуть в воду. Сколькими руками я вытащила кинжал и приставила к горлу потерявшего сознание рыцаря, стараясь уцепиться за него свободной конечностью. Внезапно холодные руки Вивьен схватили меня за щиколотку и попытались утянуть под воду.

— Куда отплываешь! Был член стал челн! — прокашлялась я, сплевывая воду и приставляя кинжал к горлу очумевшему от моей прыти плавсредству, отбиваясь ногами изо всех сил от потенциальной свекрови. Рука дрожала, совесть храпела, а жизнь налаживалась. — Еще одна попытка меня утопить, и я пойму, что люблю Ланцелота так, что мы умрем вместе. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о кинжале и корсете!

Мои ноги отпустили, а я прижала кинжал к шее рыцаря, пытаюсь взобраться на него. Поза «наездница»! Исполняется впервые. Мне удалось закинуть ногу и подтянуться, упершись лезвием в горло моему обескураженному и безоружному «Титанику».

— Руки закинул за голову! Вот так! Да! Молодец! Как наверняка сказала Роуз в «Титанике», — снова прокашлялась я, остервенело пытаюсь сдуть мокрые волосы и глядя на позу отдыхающего. — Я на тебя обиделась, милый! Ты не имел права указывать мне на дверь... И ногой его, ногой...

— Ты... ты.... Что делаешь? — глаза Ланцелота расширились от ужаса. Я прокашлялась водой, а пронизывающий ветерок охлаждал мокрое платье, с которого ручьями стекала вода.

— В нашей сказке, — нехорошим голосом пояснила я, не забывая при этом слегка надавить на кинжал. — Я — Муму, а ты — Герасим. Если что, он был глухонемой. Так, я не поняла? А что это мы ногами не гребем? А?

Заботливая мама попыталась перевернуть Ланцелота, но я предупредила ее маневр, спихнув ногой ее тонкую бледную руку.

— Фу-у-ух! — кашлянула я, чувствуя, что после теплой водички зябкий ветерок заставляет губы дрожать от холода, а мокрая ткань платья противно липнет к телу.

Я опустила одну руку в воду, подгребая ею, как веслом и краем глаза поглядывая в сторону берега.

— Горлум, горлум, — задумчиво мурлыкнула я, чувствуя, что так меня еще не доводили!
— Да, моя прелес-с-сть!

Мы медленно гребли к берегу, пока Ланцелот смотрел с ужасом на мою руку с кинжалом.

— Йо-хо-хо и бутылка рома! — я выразительно посмотрела на него, видя, что он пытается мне что-то сказать. — Ничего! Немного приловчимся и будем судна грабить. Вытаскивать из-под пациентов и грабить. Ланцелот! Я тебя умоляю! Гребь нормально! Ногами, как лягушонка! Раз — два!

Ланцелот греб плохо, но я не сдавалась, глядя на берег, который приближался со скоростью один всплеск в секунду.

— Ты всегда сможешь отомстить мне, если будет желание и свободное время в потном рыцарском графике, — чихнула я, понимая, что рядом плывет перископ вражеской руки, мечтающий растереть меня в мелкое какаду.

— Отдать концы! — сардонически выдала я, чувствуя, как нас выносит на туманную мель.

Наша лодка любви ударилась головой о суровый быт, а я сползла на берег, бросаясь в сторону леса, чувствуя, как меня пытаются схватить за платье.

— Стоять! — орал Ланцелот, а я мчалась, петляя между деревьями и зажимая в мокрой руке кинжал. — Стоять! Я кому сказал!

Я бежала по колючим камням, преодолевая боль и мужественно терпя ветки, которые стегали меня по лицу. Огромные стволы деревьев подставляли мне подножки вылезшими замшелыми корнями, а я лишь изредка оборачивалась, прислушиваясь к погоне.

Лес становился все гуще и мрачнее. Загадочный туман клоками висел на ветвях, а чащобы перекликались странными звуками. «Иуть! Иуть! Уп! Уп!», — кричал какой-то угод, вызывая у меня мороз по коже.

Над головой реяла огромная черная птица, из тех, для которых заяц — это лишь легкая прелюдия к основному блюду.

— Иу! — пронзительно закричала птица, делая надо мной круг почета.

— Слышь, канюк! — разозлилась я, падая на мох и прислоняясь к дереву. — Мне еще не каюк!

— Иу! — закричала хищная птица, заслоняя яркое полуденное солнце. Я тяжело вздохнула, чувствуя, как волосы тающими сосульками капая на плечи, а потом вбила красивый кинжал в грудь мха.

— Прекрасная дама в беде! — злобненько заметила я, понимая, что очередь рыцарей пока ограничивается лишь Ланцелотом. Кусты недалеко затрещали, заставив меня застыть холодцом. — Прекрасная дама в беде не входит в мои планы!

Я схватила кинжал и припустила наутек, понимая, что Белоснежка из меня так себе, а доброе дикое зверье может заинтересоваться одинокой девушкой далеко не для того, чтобы спеть с нею веселую песенку.

Осматриваясь по сторонам и зябко ежась, я пробиралась лесной чащей, понимая, что

если выживу, то из Камелота выживу всех! Главное, что я — не одна. Со мной голод, усталость, нервы. Вместе мы справимся! Я снова уселась на мох, пытаюсь вздремнуть. Усталость валила с ног намного лучше красивого мужика, поэтому я начинала дремать.

Как только я очутилась в храме, меня тут же обняли.

— У меня есть две новости, — мрачно заметила я, хватая сразу два яблока девственности и сжирая их со скоростью голодной саранчи, надкусив поочередно. — Холосая и плохая... Я уже не в замке. И даже не у озера. Плохая — я в лесу.

— Где именно? — слышался тихий голос.

— Там много деревьев... Справа какой-то пенёк. Недалеко как бы дуб, а рядом как бы ясень. Тебе это что-то говорит? — заметила я, пытаюсь отдышаться после яблок. — А! Вспомнила! Я белку видела! Это очень важная информация для моего спасения?

— Очень полезная. Спасибо, — сардонически заметил рыцарь. — Постарайся найти поляну. Открытую местность. Не прячься под деревьями. Поняла меня? Потерпи немного. Слушай, меня тут смущает, сколько яблок девственности ты съела!

— А тебя что? — я бросила в вазу, как в мусорный бак огрызки. — У тебя есть еще какие-то планы на вечер, кроме как найти меня? Один меня уже спас. На Ланцелоте музыка играет, а я уже стою на берегу! Машу ногой, а сердце замирает! И Ланцелот вцепился мне в ногу!

Меня прижали к себе, а я чувствовала, как пытаются согреть трясущееся тело.

— Все хорошо. Я приду за тобой. Слышишь. Делай, как я скажу! Ах да, не вздумай ничего есть! Ни грибы, ни ягоды! Я тебя знаю! — предупредили меня, а я проснулась, глядя на уютную полянку грибов. Желудок был согласен на любые компромиссы.

— И вовсе не хотелось! — огрызнулась я милым шапочкам, прикрытым листьям. Встав, я поковыляла дальше, а через два часа изнурительной ходьбы вышла на маленькую полянку. Солнце ползло к закату, а я упала на мох, глядя на красивое небо и вдыхая пряный запах леса.

Мох был мокрый и холодный, а я лежала, лениво глядя на то, как надо мной плывут облака, вслушиваясь в убаюкивающий шелест древнего леса. Глаза закрылись, а на мгновение я сквозь веки увидела черное пятно, заслонившее солнце. Распахнув глаза, дернувшись, я попыталась отогнать огромную черную птицу, которая кружила у меня над головой.

— Я еще живая! — возмущалась я, глядя на то, как хищная птица села на ветку, сверкнула ... внезапно синими глазами и тот час же взмыла ввысь, а я смотрела на то, как она исчезает. — Ястреб с голубыми глазами...

В странных грезах я видела озера, подернутые поволокой тумана, огромные деревья, которые сложно обхватить даже пятером, серые замки с грубой гладкой камней. И тут я услышала стук копыт, а из чащи вылетела черная птица с пронзительным криком: «Иу!» сделала круг над моей головой. Черный конь ломал кусты, ржал и возмущался, а я привстала, сумрачно глядя на спасителя. Если это кто-то из рыцарей, то спасибо. У меня не так много здоровья, чтобы пережить еще одно героическое спасение!

Я схватилась за кинжал, выставив его вперед, а через мгновение мое сердце ухнуло вниз, а губы предательски дрогнули, когда на меня смотрели синие глаза, а на лице расплывалась нехорошая улыбка. «Посмотри внимательно! Это тот, кто не собирался тебя спасать! Да-да!», — ехидно заметил внутренний голос. Сердце ликовало, таяло и нежилось, глядя на ползущую вверх бровь и дьявольскую улыбку на лице.

— Я нашел одну красавицу, в очень мрачненьком лесу, — улыбка стала еще шире и обольстительней. — Она мокрая, продрогшая... Я домой ее несу...

Мне кажется, или что-то похожее я слышала про крысу?

— Я рад тебя видеть! — улыбка стала ослепительней и шире, а черная птица села на ветку, глядя на нас и резко поворачивая голову.

— Да, слепота — это та еще напасть. Рада, что прозрел, — язвительно ответила я, пока сердце неизвестно почему прыгало от счастья и посылало импульсы добра и любви всему суровому средневековому миру. Не смотря на то, что между нами было всего лишь метра три, я не спешила нарушать дистанцию с радостными визгами и воплями.

— Можно я немного побуду мерзавцем, и скажу, что у меня под плащом тепло, но снимать я его не собираюсь? — вкрадчиво произнес Мордред, глядя на меня загадочным и насмешливым взглядом.

— Грейся, — с улыбкой ответила я, пристально глядя на улыбающегося «спасателя».- Кто ж тебе мешает! Можешь почесать свое мужское тщеславие вон об то дерево!

— Я думал, что я тебе нравлюсь. И ты даже рада меня видеть, — снова с улыбкой заметил Мордред, а я не сводила с него глаз.

— Слушай! Где же ты мог ее потерять? Сходи в кусты и посмотри! Твоя совесть должна быть где-то рядом. Она у тебя маленькая и косолапая, так что уползти далеко не могла, — как можно невозмутимей ответила я, пытаюсь скрыть улыбку.

— А где же романтическое «спасибо, дорогой рыцарь»? — уже без улыбки заметил Мордред, направляясь ко мне. — Хорошо, поступим по-другому. Держите, моя королева.

Он щелкнул застежками и стянул плащ, протягивая его мне, встав на одно колено и склонив голову. Я протянула руку, глядя на черные локоны и любясь ими, а мои пальцы прикоснулись к черной ткани.

— Большое спаси... — начала я, потянув добычу на себя, но закончить не успела, чувствуя, как его рука хватает меня за руку и притягивают к себе, сжимая в руках и дыша так, словно конь просто бежал следом от самого Камелота. На мои плечи упал тяжелый плащ, я чувствовала, как по моей щеке скользят волосы.

— Почему улыбаешься? — шептали мне, сжимая лицо в моих руках и иступленно глядя. — Я спрашиваю, почему улыбаешься? Поверила?

Попробуй тут блаженно не улыбаться, когда впервые за долгое время тебе тепло, а нежные пальцы гладят по щекам. И мне, пожалуйста, пару поцелуев за вредность! Что-то внутри таяло, а я не верила, в то, что происходит... Я не верила ни в то, что это его руки гладят меня, его глаза смотрят на меня, затуманившись нежностью, не верила в то, что на моих плечах лежит его плащ, согревая меня после долгого озноба... Вот бывает такое, что ты так долго чего-то ждешь, а потом, когда оно случается, ты просто не веришь?

Ох! Сердце тревожно забилося, а моя рука погрузилась в его волосы, заставив меня простонать от наслаждения... Да! Как же я этого хотела... Я смотрела на свои пальцы и черный локоны, струящиеся сквозь них, и медленно умирала от восторга.

— Вот зачем ты так делаешь? — прошептали мне, обнимая меня за плечи. — Так нельзя делать...

Я с нежностью перебирала каждую прядь, раскладывала их и любовалась, чувствуя, как замирает мое сердце, когда мой тающий от восторга взгляд встречается с пронзительной синевой чужих глаз. С любовью я раскладывала волосы по его плечам, наслаждаясь тем, как они оттеняют бледность лица, а красиво очерченные губы приоткрываются, словно для поцелуя. Вот сейчас скажет какую-нибудь милую гадость. Послышался смешок, а меня отстранили, глядя с таким коварством, что внутри все стало негодовать. Пальцы и сердце требовали продолжение банкета, а совесть проснулась, глядя на мир сонными глазами: «Кто здесь?». «Никто, спи дальше!», — зашипела я на нее, а она снова свернулась и захрапела.

Хищная птица слетела с ветки и с клекотом взмыла над верхушками деревьев, делая большой круг над лесом, пока ее хозяин провожал ее взглядом. Он повернулся ко мне, а его зрачок моментально расширился, поглощая радужку, на его лице мелькнула тень улыбки.

— Да, да, идиот, Гвиневра именно в том медведе, просто он не осознается, — с усмешкой заметил Мордред, глядя странными глазами куда-то в пустоту. Внезапно его лицо

озарила хищная улыбка, а где-то над нами послышался крик птицы. — Попался!

Прямо мне в ноги шлепнулось что-то пушистое и дохленькое. На траве лежал серенький зайчик, вызывая у меня жалобное дрожание губ.

— Я имел в виду, разведем костер и приготовим, а не разведем сопли и похороним... — усмехнулся Мордред, а гордая птица присела на ветку. Я чувствовала безграничную жалость к снулому пушистику. — Судьба у него такая...

— Надо его похоронить, — заметила я, понимая, что совесть победила голод. Ну не могу... — Я не ем пушистиков... Я ем только коров, свиней...

Глаза птицы было сложно описать словами. Я мысленно представляла, как бедное пернатое выбиваясь из сил тащит мычащую буренку над лесом.

— Я так понимаю, что заяц у нас — священное животное, — с усмешкой заметил Мордред, после того, как я потребовала похоронить его. Через двадцать минут панихиды по зайцу с выкапыванием ему мечом могилы, на меня косо смотрела даже лошадь.

— Я его совсем не знала, — всхлипнула я, присыпая зайца землей.

— И узнавать поближе отказалась, — вставила одна красивая язва, пока я смотрела на ямку.

— Поэтому даже не знаю, что сказать, — мрачно отозвалась я, обиженно сопя в сторону охотника и засыпая тело зайца землей и поглядывая на грибы, спрятавшиеся под деревом.

— Что-то мне подсказывает, что ты был очень вкусным зайцем... И отлично жарился бы на огне до хрустящей корочки, — вставил язвительный голос за моей безутешной спиной.

— Не надо обижать братьев наших меньших и неразумных! — перебила я, чувствуя, как желудок начинает срочно требовать эксгумации зайца и хрустящей корочки.

— Ланцелоту было бы приятно это слышать, — согласился Мордред, уходя в лес. Конь остался? Значит, вернется. Я сидела рядом с холмиком и боролась с желанием стать Ларой Крофт расхитительницей заячьих гробниц, осквернительницей грибниц. Через минут десять я увидела знакомую фигуру, а потом обомлела, видя перепачканные в крови пальцы, прижатые к груди.

— Что случилось? — я бросилась к нему, перепугавшись ни на шутку. — Покажи... Не молчи... Тихо, тихо... Кто посмел? Как?

На меня смотрели страдальческим взглядом, а между пальцев стекала алая кровь.

— Покажи... — прошептала я, чувствуя, как дрожат губы. — Мой хороший... Я сейчас что-нибудь придумаю...

И тут я увидела, как страдальческое лицо озаряется дьявольской улыбкой, окровавленная рука раскрывается, а на ней...

— Вот ты... хм... Ланцелот! — выругалась я, видя ягоды на ладони, пустившие рубиновый сок по пальцам. — Ненавижу тебя! Убью! Сейчас зайцу будет не одиноко!

Пока я возмущалась, мне протянули полную горсть ягод. Желудок жалобно заурчал, а я поняла, что сначала поем, слегка наберусь сил, а потом придушу!

Ягоды были сладкими и сочными, а я с наслаждением брала их с протянутой руки, постанывая от удовольствия. Когда я доела последнюю, стало понятно, что душить мне как-то перехотелось. Мой желудок обиделся на меня, требуя сатисфакции с майонезиком за то, что его раздражили. Пока кто-то сливал на руки из бурдюка, я облизывала губы.

— Погоди, у тебя на губах осталось немного, — заметил сладкий голос, а палец лег на уголок моего рта. Нежная и сладкая линия медленно скользила по моим губам,

заставляя сердце замирать.

— Кто владеет королевой, владеет Камелотом? — усмехнулась я, чувствуя прикосновение его пальцев к моим губам.

— Прости, но я не вижу королеву, — взгляд Мордреда стал очень неприятным. — Я вижу женщину, на которую надели сбрую из драгоценностей, как на племенную кобылу и заперли в каменный мешок. Вижу гордую осанку и затравленный взгляд. Сколько дней ты уже не ела, королева? Почему служанки едят чаще, чем ты? Почему служанки меняют платья, чаще чем ты? Плохие вопросы, да? Так что я не вижу королевы. Я вижу лишь несчастную женщину, ставшую еще одной пешкой в игре Мерлина. Пока очарованные крысы бегут да дудочкой, она висит лакомым куском на удочке. Ты никогда не была королевой, что бы тебе ни говорили...

— А вот это уже обидно, — я смотрела ему в глаза, понимая, что правда, порой, обидней лжи и клеветы. — Я вообще-то слежу за фигурой!

— Поверь, за твоей фигурой есть кому следить! Ты думаешь, что чем тоньше ты станешь, тем больше шансов, что подслеповатый дедушка Мерлин пройдет мимо? — черная бровь вопросительно поднялась. — Или ты рассчитываешь, что к твоим мощам начнут прикладываться народной массой еще при жизни? Не глупи. Я прекрасно знаю, как обстоят дела на самом деле. И тоже слежу за твоей фигурой.

Я грустно посмотрела на свою фигуру, понимая, что за ней следит столько мужиков, а толку никакого!

— Не знаю, что со мной, но когда Артур целует тебя, я мысленно медленно и с наслаждением отвинчиваю ему голову. Почему ты? Я задаю себе этот вопрос и не могу на него ответить... Почему не какая-нибудь прекрасная и тупая девица, гордая тем, что у нее на голове среди каравая и бубликов торчит корона? Я проклинаю тот день, когда тебя привезли в Камелот! — на меня пристально смотрели синие глаза, а древний лес притих, прислушиваясь к нашему разговору. Мне показалось, что стих даже птицы умолкли, что было по меньшей мере странно.

Я молчала, не зная, что ответить. Бресилянды словно живой ждал от меня ответа, но мне нечем было разрушить тишину, прерываемую нежным шуршанием листьев.

— Каждый из нас может дать тебе примерно одной и тоже. Мы в равных условиях. Ланцелот, Артур, я и как ни странно, даже старичок Мерлин, — надменно заметил Мордерд, глядя на меня странным взглядом. — Но я дам тебе то, чего не даст тебе ни один из них. Это очень редкий подарок в наши времена. Как говорить, не хочешь, не живи, хочешь, умирай... Я дам тебе выбор. Но перед тем, как сделаешь выбор, я скажу тебе... Где-то в одном очень далеком по меркам нашей необъятной Британии замке, терпеливо сидит и ждет своего суженного на турнире контуженного некая красавица Элейн. Она и ее сын, Галахад каждый день смотрят на портрет папы и спрашивают друг друга: «А Ланцелот к нам вернется? Может, хоть вещички заберет!». Шучу, конечно. Леди Элейн каждый день выходит на башню, высматривая одинокого путника вдаль, а потом с разбитым сердцем спускается к сыну, который обнимает ее и говорит: «Папа обязательно придет!».

Повисла такая тишина, а до меня доходил смысл слов.

— Пока Ланцелот бежит за королевой, в надежде, что с нее упадет корона, а он ее случайно подберет, его семья пытается не забыть, как он выглядит. Но благодаря его подвигам и балладам, они знают, что глава семейства еще жив. Маленький Галахад мечтает побеждать драконов, как папа, но мама считает, что грибы и алкоголь — не самый лучший способ времяпровождения для девятилетнего мальчика.

— Так как он собирается жениться на королеве, если он уже женат? — выдохнула я, глядя ему в глаза.

— А ты подумай сама, куда сейчас направляется наш старый добрый Мерлин? — Мордред посмотрел на меня, а потом улыбнулся странной, недоброй улыбкой. — Наверное, даже богине судьбы не под силу изменить ее судьбу. С настоящим Артуром ты не знакома. Его мало кто знал. Но те, кто знали его, те до сих пор его любят и надеются,

что однажды Артур вернется, хоть он и никуда не уходил... Сейчас это безвольная марионетка в короне, который застрял в своем развитии где-то на уровне двенадцатилетнего растерянного оруженосца — мальчика на побегушках сэра Кея, который без Мерлина не то, чтобы в поход, в туалет сходить боится. И хорошо, если добрый Мерлин ушел не на пару месяцев...

— А как на счет тебя? — спросила я, глядя в глаза и чувствуя, как в груди бьется беспощадное сердце. Мои пальцы теребили цепочку с медальоном, а я видела, как по губам ползет улыбка.

— Мерлин однажды не уследил за Артуром, так на свет появился я. Но добрый дедушка Мерлин об этом не знал. Однако, предчувствия были. Артур пропал на долгих восемь лет из поля зрения Мерлина, а когда вернулся обратно, единственное, что смущало старикана, так это счастливое лицо Артура. И вот спустя время Артур заявляет о том, что у него есть наследник, ради которого он старается! «А как мы узнаем его?», — спросили рыцари, пока Мерлин подгребал челюстью мусор с пола. «Он рожден в мае!», — радостно заявил Артур. Сопоставив факты, Мерлин что-то заподозрил и решил не рисковать. Несколько заклинаний, наложенных на Артура, и всех детей, рожденных в мае, от грудничков до десятилеток собрали на песчаной отмели. Родителей обязали королевским указом привести детей добровольно, а тех, кто ослушался, убивали. Леди Моргана погибла, пытаясь меня защитить. И вот меня вместе с другими детьми везут на корабль. Судя по словам Мерлина — на экскурсию. Со связанными руками, чтобы ничего не трогали. Я помню суровое лицо Артура, который смотрел на то, как нас сажают на дырявое судно, которое относит волнами в открытое море.

У меня по телу пробежали мурашки, когда я представила картинку. Где-то большая мясорубка крутила колбасу «Добрый волшебник Мерлин» из одноименного продукта.

— Артур не проронил ни слова. Он стоял и мочал, как зачарованный, — усмехнулся Мордред. Голос был тихим, а взгляд красивых глаз смотрел лишь в видимую ему точку. — Корабль отчалил. Как он скрипел... Я помню этот звук... И тогда я скинул веревки с рук, пытаюсь развязать свои ноги. Я развязывал руки остальным детям, а они не понимали, что происходит. Некоторые сопротивлялись. Корабль, повинувшись невидимой силе, отплыл от берега. Помню, как пронзительно и тревожно кричали чайки...

Воцарилась тишина, а я смотрела, как зачарованная в синие глаза. Мне казалось, что в них плещется безбрежное море...

— Внезапно корабль загорелся. Помню, как падали обломки, помню крики, треск. Кто-то звал маму и плакал. Пылающий корабль шел ко дну, а я погружался в горькую соленую воду. Волны полоскали обломки... — голос становился все тише, а я чувствовала озноб. — Помню, как боролся за каждый вдох, как накрывало волной, а рука держалась за обгоревшую деревяшку. Был мальчик... Маленький... Он держался вместе со мной. Губы у него были синие, а в глазах такой испуг. Он постоянно твердил: «Мамочка... Спаси меня!». Потом нас накрыло волной, а когда я сумел открыть глаза, на том конце уже никого не было... Как же противно кричат чайки... Какая же горькая вода... Я цеплялся за деревяшку, боясь отпустить ее на мгновение, а потом кошмар закончился... Я очнулся на берегу... Во рту все горело от соли, а рядом со мной на камнях лежала та самая доска, в которую я намертво вцепился. А потом я увидел маму...

Я сделала шаг к нему и положила руку ему на щеку, поглаживая ее с такой нежностью, от которой у самой на глаза наворачивались слезы.

— Я ненавижу море... Ненавижу волны... Ненавижу чаек... И яблоки, — Мордред смотрел на меня странными глазами, а потом прижался губами к моей руке. — Но я не могу ненавидеть судьбу. Я так понимаю, что ты хочешь меня о чем-то спросить...

Я чувствовала, как он приблизился ко мне, а у меня по телу пробежала волна странной и сладкой дрожи, от которой я оцепенела. Дыхание становилось все ближе и ближе...

— Ты же умеешь хранить секреты? Точно умеешь? — прошептал тихий и сладкий голос, пока мне на талию ложилась рука. По моим губам скользнули пальцы, а я застыла, чувствуя, что сердце в груди забилося с такой скоростью, словно пыталась настучаться на тысячелетия вперед. — Эти губы способны хранить молчание?

Его палец вел по моим пересохшим от волнения губам, а рука жадно сжала мою талию.

— Нужно спросить у них напрямую... — слышался шепот, а я закрыла глаза, чувствуя, как меня заслоняют от поднявшегося неведомого откуда ветра. Еще половинка дыхания... Проклятая половинка дыхания разделяет нас... — Я постараюсь ответить тебе на твой вопрос. Только ответ тебе может не понравиться...

Я почувствовала нежно прикосновение губ, а через мгновение мне показалось, что мир рухнул в пропасть. Мои руки дрожали, вцепившись в его плечи, сердце заходило от смеси страха и блаженства, когда настойчивый, страстный поцелуй кружил мою голову. Мне казалось, что вокруг нас образовалась невидимая воронка, сметающая стыд, совесть, страх... Я хочу умереть у него на руках... Рука легла мне на шею, поглаживая ее пальцами, а я на мгновение застыла, чувствуя, как нежное прикосновение скользит, оставляя трепетную дорожку сладкого озноба...

Пока я млела, прижавшись к груди и с наслаждением вслушиваясь в гулкое биение чужого сердца. Мне казалось, что меня заслоняют от невидимой опасности. Так славно, так хорошо, так уютно...

— Так как на счет ответа на мой вопрос? — я чувствовала, как руки прижали меня к себе с такой силой, что у меня чуть не скрипнули ребра.

— Ты хоть понимаешь, чем это обернется? — спросила я, представляя реакцию Артура и Мерлина. — Они ополчатся против тебя... Они обрушат весь гнев на тебя...

— Я обычно не люблю повторять дважды, — улыбнулся Мордред, слегка отстраняя меня. — Но здесь явно придется повторить и еще раз все объяснить доступным языком...

Сердце на секунду замерло в тот момент, когда я прикрыла глаза, чувствуя нежное прикосновение самых желанных губ на свете. Как я мечтала об этом... Как я хотела этого... Бедная богиня судьбы, ей даже благодарить некого за такой подарок! По телу пробежал иступленный озноб, когда поцелуй стал страстным, нервным и очень глубоким. Задышавшись, я отвечала на него, чувствуя, как меня с силой прижимают к себе, склонившись надо мной. Ветерок всколыхнул волосы, а я сама прижимала любимого к себе изо всех сил... Стоило ему только на секунду оторваться, задышавшись, как сердце разбивалось вдребезги.

— Что такое? — прошептали мне, а у меня по щеке катилась слеза счастья. — Я же не прекрасный рыцарь?

— Зато ты отличная сволочь! — прошептала я, чувствуя, как снова покачиваюсь и оседаю в его руках.

Глава пятнадцатая.

Богиня на измене

Замок приближался, вырисовываясь туманными очертаниями на горизонте, пока волны, повинувшись невидимой силе, толкали лодочку к его вратам.

— Да, моя Вивьен, — усмехнулся я, глядя на высунувшуюся из воды руку. — Я вовсе не злюсь... Как можно злиться на тебя, любовь моя? Я всегда повторял тебе одну мудрость. Любой результат — это повод двигаться дальше. Так поступают все умные люди. Рассказывай, как все было.

Я пристально следил за каждым взволнованным жестом, видя круги отчаяния на воде.

— То есть, ты хочешь сказать, что она выбросила Ланцелота из окна? — у меня дернулся глаз, пока я представлял картину. — Не щади меня...

Рука заходила от негодования, пока островной замок нависал над морским побережьем.

— Продолжай..., — нервно сглотнул я, глядя в одну точку. — А потом нырнула за ним, приставила нож к горлу, залезла сверху и так плыла к берегу? И песни пела?

Рука сходила с ума, а я мысленно представлял эту картину, чувствуя прилив странной уверенности, что богиня судьбы намного ближе, чем мне кажется. Меня обдало брызгами, а я бросил гневный взгляд на руку, которая еще раз и в красках описывала историю.

— Что я собираюсь делать? Посадить твоего сына на престол, как мы и договаривались! — огрызнулся я, видя, как на берегу замаячила детская фигурка. Ветер трепал светлые волосы и рубашку мальчугана, который уже заметил меня.. — Что значит «не позволишь»? Не будь упрямой! Мальчик уже взрослый, тем более ты за ним присмотришь...

— Дедушка Мерлин!!! — радостно закричал издалека детский голос, а я увидел, как в мою сторону метнулась маленькая светловолосая фигурка. Я приветливо помахал рукой в ответ. — Мама! Мама! Дедушка Мерлин приплыл!

Мне навстречу подбирая роскошное платье бежала красавица Элейн. Золотые, вьющиеся волосы разметались по хрупким плечам, подол платья, украшенного драгоценностями, намокал от воды.

— Галахад! — слышал я счастливый и взволнованный голос, видя, как мать обнимает застывшего по колено в воде златокудрого сына. — Галахад! Он привез вести про папу!

Лодка врезалась мель, а я шагнул навстречу семье, улыбаясь и видя улыбки на их лицах.

— Леди Элейн! Как я рад вас видеть! Вы стали еще красивее с тех пор, когда мы виделись в последний раз! — я улыбался, отвесив нелепый поклон. — Воистину нет женщины, способной затмить вас красотой!

— О, Мерлин! — Элейн улыбнулась, глядя на меня с надеждой. — Я так рада, что вы здесь! Скажите, он жив? С ним все в порядке? От любимого давно нет вестей!

— Жив! В порядке! Подвиги, драконы, королевская служба... Все, как всегда! — ответил я, осматривая побережье и замок. Ладья качалась на волнах, а юный Галахад вытскивал ее на сушу. — О, мой дорогой Галахад! Ничего себе ты вырос! Скоро матушку догонишь!

На меня взглянули светлые глаза, оттеняемые загаром, а я потрепал рукой золотистые вихры.

— Почти рыцарь! Ничего! Папа оставит тебе пару драконов! Вот увидишь! — восхитился я, снова бросая взгляд на Леди Элейн, которая тут же принялась приглашать меня в замок.

— Дорогая моя, бесценная Элейн, — я посмотрел на нее с грустью, пока мы шли по мощенной камнем дороге, а своды замка возвышались над нами. — Ланцелот верно служит королю. Артур высоко ценит его, как рыцаря, что уж тут говорить...

— Когда он сможет вернуться? Ненадолго? Неужели Артур не отпустит его повидаться с нами? — прошептала Элейн, а ее горящие мольбой глаза сделали лицо еще прекрасней.

— Дитя мое, — нежно начал я, пряча глаза и вздыхая. — Тут дело не в Артуре...

— Мама! Мерлин! Смотрите, как я умею! Получай, злобный дракон! — послышался мальчишеский голосок, а к нам подбежал Галахад, размахивая деревянным мечом. С кустов летели листья, трескали ветки, а я любовался маленькой фигуркой, которая отчаянно дралась.

— Молодец, Галахад, — бледной улыбнулась Элейн, тревожно посмотрев на меня. — Я горжусь тобой!

— А папа? Про меня напишут балладу? — спросил запыхавшийся Галахад, сдувая волосы

с лица. Его рука сжимала игрушечный меч, а тельце под рубашкой тяжело дышало.

— И папа тобой гордиться. О, мальчик мой, про тебя напишут столько баллад, что твоему папе и не снилось, — тут же вставил я, видя, как бой с кустами продолжается. — Оттачивай свое мастерство, мой юный друг, но помни, ум острее меча и ранит куда больнее! А сейчас мне нужно поговорить с твоей матушкой, с твоего позволения...

— Что-то случилось? — робко спросила Элейн, прижимая тонкую и нежную руку к расшитому корсету. — Он ранен? Он в плену? Опять этот злобный Мордред попытался его убить?

— О, дорогая моя... Вот как бы тебе сказать? — я отвел глаза, а Элейн вцепилась в мою руку, умоляя говорить, как есть. — Артур недавно женился на Гвиневре и привез ее в Камелот... Ланцелот тут же присягнул на верность молодой королеве. Да, она действительно красавица, так что легенды не врут. А вчера... Вчера я застал молодую королеву и ее верного рыцаря в одной постели... Они поклялись друг другу в вечной любви...

— Нет! — воскликнула Элейн, бледнея. — Не может быть! Не могу в это поверить! Я так люблю его...

— Не хотел говорить тебе, милая, — я снова тяжело вздохнул, видя, как Элейн прижимает руку к губам, а по щекам текут слезы. — Прости, не стоило говорить тебе то, о чем судачит весь Камелот...

— О, нет, — едва слышно прошептала Элейн, давась рыданиями. — Вот почему он забыл о нас. Горе мне!

— Не плач, дитя мое, — я обнял ее, глядя, как Галахад сражается сразу в двумя кустами. — Я здесь, чтобы помочь тебе! Я говорил с Ланцелотом, убеждал его, просил одуматься, но он не желает меня слушать! Я умолял его вернуться к тебе, просил у Артура, чтобы он отпустил Ланцелота домой, но наш доблестный рыцарь не хочет расставаться с возлюбленной. Все в Камелоте знают, что у него есть жена и ребенок, поэтому осуждают его. Даже королева знает... И, дорогая моя, мне кажется, что она его приворожила. Иначе как объяснить тот факт, что он забыл о вас?

— Мерлин, — шептала Элейн, пока я обнимал ее. — Что же делать? Я согласна на все... О, воистину коварство Гвиневры не знает границ!

— Я смогу вернуть тебе былую любовь твоего мужа, — прошептал я, осматриваясь по сторонам и доставая из сумки маленький флакон. — Это любовное зелье. Я наложил на него мощнейшие любовные чары! Вот только ... оно причиняет страдания тем, кто его выпьет.

— О, Мерлин, — губы Элейн дрожали. — До меня долетали вести, что Ланцелот ухаживает за королевой, но я думала, что он пытается показать Артуру свою преданность. Недавно у нас был таинственный человек... Он предупредил меня о том, чтобы я не верила слухам.

— Мужчина? Женщина? — произнес я, встревожившись и пряча флакон в кулак. — Расскажи, дитя мое!

— К нам прибыл странный человек в плаще и капюшоне. Он прибыл не по воде, потому что не было ладьи или лодки. И даже не вплавь, поскольку одежда была сухой, — сбивчиво рассказывала Элейн, теребя расшитый пояс. — Он сказал мне, чтобы я была осторожна и не верила слухам. И ... он сказал, что ты опасен... Что тебе нельзя доверять! Мне показалось, что это — рыцарь.

— Он представился? — наседал на нее я, мысленно сопоставляя факты. — Когда это было?

— Это было вчера ночью... Он сказал, что его зовут сэр Дристан, — взволнованно продолжала Элейн, нервно сглатывая. — А потом сэр Дристан исчез...

— Сэр Дристан? — усмехнулся я, глядя в глаза красавице. — Это, дитя мое, был посланник Гвиневры. Он должен был убить тебя, но я своими чарами сумел защитить

тебя и Галахада! Как же неразумно принимать таинственных гостей, дитя мое! Вот, милая, держи... Чары скоро подействуют, и Ланцелот вернется к тебе и к сыну.

— Мама! Я стану твоим защитником! — кричал Галахад, яростно прорежая кусты. — Я буду всегда защищать тебя! Никто не посмеет причинить тебе зло! Со мной ты в безопасности!

Дрожащая рука приняла маленький флакон, а я видел, как Элейн раскрывает его и смотрит на меня, шепча одними губами: «Я так люблю его... Если бы он знал... Я не хочу, чтобы мой сын рос в позоре!». Я пристально следил за флаконом, который приближался к алым губам. Она колеблется, медлит... Что-то не так... Если она сейчас не выпьет, то придется предложить ей выбор, либо жизнь Галахада, либо ее. Понятное дело, она выберет жизнь сына.

— Неужели ты сомневаешься? — удивился я, слыша, как по саду бегают босые ноги и как трещат ветки, сдаваясь

— Вернись ко мне, любимый, — прошептала Элейн, приложив флакон к губам и осушив его. Ее взгляд остановился на Галахаде, который самозабвенно воевал с кустами. Внезапно она побледнела, а я подхватил ее.

— Слуги! — закричал я, вырывая у нее из рук флакон и пряча его в сумку. — Галахад! Зови слуг! Леди Элейн плохо!

Через минуту к нам бежали десятки ног, а я смотрел, как Галахад прижимается к ее руке и целует.

— Мамочка, тебе плохо? Мамочка, — шепчет он, потершись об ее безвольную руку. — Мамочка, что с тобой? Очнись... Я прошу тебя... Мамочка... Не покидай меня... Что случилось? Дедушка Мерлин, что с мамой? Исцелите ее?

— О, милый мой, — я положил руку на плечо мальчишки. — Раны сердца невозможно исцелить... Я не думал, что весть об измене убьет твою матушку... Мне очень жаль, Галахад... ...

— Нет! — мальчик упал на колени, поглаживая руку матери, пока вокруг бегали слуги, разнося весть, что Элейн мертва. — Мамочка... Не трогайте ее! Не позволю... Это же мамочка...

По его щекам текли слезы, а он утирал их, прижавшись к матери. Он гладил ее волосы и плакал, прикладывая ее руку к своей мокрой щеке...

— Я бы рад был исцелить, но подлая богиня судьбы не даст мне Грааль... Ах, если бы у меня был Грааль, — вздохнул я, удаляясь. — Воистину не в добрый час принес я весть об измене Ланцелота... Сердце бедняжки не выдержало... Горе мне старому... Не смог уберечь бедняжку от козней богини судьбы...

Позади меня слышались крики, Галахад рыдал, не давая слугам забрать у него мать, а те уговаривали отпустить ее тело...

— Клянусь! — кричал маленький рыцарь, пока слуги пытались его утешить. — Клянусь, что убью подлую богиню судьбы! За смерть мамы она заплатит мне сполна!

Моя лодка тронулась, а я покидал остров горестей и стенаний, глядя в закатное яркое небо.

— Вот теперь путь свободен, — вздохнул я, оставляя позади замок, сад и будущего рыцаря круглого стола.

* * *

Ночь опустилась на древний лес, вспыхнув огнями светлячков и первыми звездами. Где-то неподалеку устроили перекличку цикады, выпиливая на разные голоса незамысловатую мелодию. В лесной чаще переливался сладкоголосый соловей, а старые деревья ворчливо скрипели и перешептывались.

— Если бы ты знала, как я тебя ненавижу...- услышала я ядовитый голос.

— И поэтому обнимаешь, как в последний раз. Тебя даже вон та белка осуждает, — отозвалась я, чувствуя сквозь плащ тепло чужих рук и поцелуй-дыхание на виске. Рядом потрескивал костер, взлетая яркими искрами в ночное небо.

— Неужели? — прошептал Мордред, разворачивая меня к себе лицом и скользя поцелуями по шее. Его руки нежно прикасались к моей груди, заставляя сердце бешено колотиться. — Давай я тебя подразню... Я думаю сказать о том, что ты погибла. Я лично видел твои останки, ставшие кормушкой для дикого зверья...

— Тогда Артур спросит, почему ты их не привез, — прошептала я, чувствуя, что предложение очень заманчивое, а нежное прикосновение к моим губам, заставляет тающее сердце шептать сладкое «да».

— А я скажу, что у меня с собой не было мешка..., — усмехнулся Мордред, дразня меня поцелуем. — Прямо с порога скажу: «Артур, я нашел твою половинку», а голодное зверье отказалось отдавать обратно вторую половинку королевы...

— Думаешь, тебе поверят? — отозвалась я, чувствуя руку, лежащую на моем горле и палец, который ведет сладкую и нежную линию по моим губам. Сердце сжалось при мысли, что Мерлин — далеко не дурак и вероятней всего тут же прознает о моей новой прописке.

— Я вот иногда смотрю и думаю, кто этот первый идиот, который покусал других в Камелоте, обратив их в истинную веру в чудеса и Мерлина? Все пытаюсь вычислить, но вариантов так много, что я начинаю сомневаться, — послышался шепот. — На рассвете мы будем в Камелоте. Я даю тебе время, чтобы ты все обдумала. Как же мне иногда хочется положиться на судьбу...

Я тяжело вздохнула, понимая, что «положиться на судьбу» хочется даже старенькому дедушке Мерлину. В последнее время у нас половина Камелота — фаталисты. Видимо, раньше судьба имела всех, а теперь они хотят взять реванш.

— Нежно взять судьбу ... — продолжал развлекаться Мордред, приподнимая меня над землей. — В свои руки...

— А если судьба не хочет давать тебе... — начала я, подражая его интонации. — Второй шанс...

— Значит, придется брать от судьбы все,- передразнили меня, а я сидела у него на руке, а ветерок трепал плащ. Да, он почти такой же, как и Артур. Разве, что чуть ниже ростом. Даже в его походке, линии плеч то и дело проскальзывала знакомая медвежья грация.

И тут я почувствовала, как меня выбрасывает в моем храме перед светящимся зеркалом. За круглым столом сидел одинокий король Артур. Эскалибур лежал рядом, поблескивая отблесками расставленных по столу свечей. Сам стол напоминал огромный торт со свечками, а вокруг царила звенящая тишина. Король сидел на резном кресле, а его голова лежала на столе. От его дыхания плясал огонек свечи, которая совсем расплавилась и склонилась перед ним.

— Любимая, — шептал Артур во сне. — Как же я хочу снова увидеть тебя... Я так хочу обнять тебя, взять на руки, словно маленькую девочку... О, моя богиня, ты — самое дорогое, что у меня есть... Я никогда не надеялся на твою милость, ты отдала мне мою судьбу, сказав, что не властна над ней, ты подарила мне дитя, а я поклялся, что подарю ему все, чего он достоин...

Внезапно Артур вздрогнул, сгребая что-то невидимое руками.

— Ты так похож на маму... — по щеке спящего Артура потекла слеза, а он гладил рукой что-то невидимое. — Я так счастлив... Любимая, если бы ты знала, как я счастлив... Ты

сделала меня самым счастливым... Мой маленький и бесценный подарок судьбы... Я люблю вас... О, если бы вы знали, как я люблю вас... Я готов весь мир положить к вашим ногам... Вы — все, что у меня есть... Я построю огромный город — замок и назову его Камелотом. Это будет твой замок, сынок... Я мечтаю о том, чтобы однажды ты стал королем, чтобы я своей рукой короновал тебя... Когда придет время, я отдам тебе свой меч... Эскалибур...

Я видела, как Артур роняет слезу, а от его дыхания снова качается пламя свечей.

— Артур-Артур, — послышался насмешливый старческий голос, а над спящим Артуром склонился Мерлин, водя рукой над его головой. — Сколько сил я вложил, сколько времени на тебя потратил, а ты что-то не спешишь оправдывать мои ожидания... А время идет, мой мальчик, а Грааля все нет... Богиня судьбы все еще жива... Грааль все еще у нее... А старый Мерлин чувствует себя развалиной... Артур, ты понимаешь, что играешь с огнем? И огонь жизни очень легко...

Внезапный порыв ветра покачул пламя свечей, а на сморщенном лице старого чародея расцвела улыбка. На столе погасли все свечи, кроме одной, а сморщенная рука потянулась к ее пламени.

— Прости, Артур, — прошептал Мерлин, а его рука застыла над пламенем. Седые брови поднялись, а глаза безотрывно смотрели на спящего короля. — Пойми, друг мой, ты больше не нужен... Ты не оправдал моих надежд, мой дорогой ученик... Не оправдал тех сил, которые вложил в тебя старый Мерлин. Гвиневра сбежала от Ланцелота, и я не знаю, где она сейчас... Вероятней всего — мертва. Бросилиандский лес не щадит никого... А раз нет королевы, нет и награды за ее спасение. Британия погрузиться в темные времена междоусобицы. И поверь, мой друг, фокусом с мечом уже никого не впечатлишь...

Артур спал, а над ним возвышалась тень чародея, отплясывая на каменной стене при свете дрожащего пламени.

— Если королева не вернется к утру, то... — губы Мерлина поджались, а он тяжело вздохнул. Старческая рука легла на голову Артура, поглаживая его спутанные волосы. — Прости, мой дорогой ученик, но старый учитель устал ждать... Найдется тот, кто сможет сделать то, чего не смог сделать ты...

Внезапно Артур поднял голову, а на его лице отразилось удивление. Он странным взглядом смотрел на свои руки, на свечи и на меч. На его шее, на толстой грубой цепочке болтался увесистый медальон в виде медвежьей головы. Внезапно Артур схватился за его рукоять, сжимая ее что есть силы, а потом застыл рассеянным взглядом, уставившись в пламя свечи. Ее отблеск плясал в медовых глазах, а взгляд короля прояснялся.

— Мерлин? Прости, я уснул... — услышала я сонный голос Артура. Рука Мерлина застыла, а сквозь его пальцы сочилась мутноватая молочная дымка. — Мерлин! Есть ли вести о моей Гвиневре? Ее уже нашли? Скажи...

— Дорогой мой Артур, — голос Мерлина стал печальным, а Артур посмотрел на него встревоженными глазами. — Пока нет никаких вестей... Я и сам не знаю, где она...

— Посмотри, — прошептал Артур, глядя на чародея с мольбой. — Мерлин, я прошу тебя... Поищи ее магией...

— О, я пытался, но тщетно, — старик улыбнулся, а одинокая свеча снова разгорелась. — Подождем до утра... Надежда есть всегда, мой друг... Так что не отчаивайся... Я знаю, как горячо ты любишь ее, поэтому делаю все возможное, чтобы спасти ее...

Пламя свечи дрожало, а картинка растворялась. Я стояла и смотрела, как гаснет в зеркале последний отблеск и бледное лицо несчастного короля.

Меня держали на руках, баюкая, как ребенка и прижимая к себе. Я чувствовала, как мне подули на лицо, а я вдохнула ночную прохладу, которую принесли с собой поднявшиеся ветра.

Ночь незаметно прокралась закатом и опустилась на древний лес, вспыхнув огнями

светлячков и первыми звездами. Где-то неподалеку устроили переключку цикады, выпиливая на разные голоса незамысловатую мелодию. В лесной чаще переливался сладкоголосый соловей, а старые деревья ворчливо скрипели и перешептывались.

— Если бы ты знала, как я тебя ненавижу...- услышала я ядовитый голос.

— И поэтому обнимаешь, как в последний раз. Тебя даже вон та белка осуждает, — устало отозвалась я, чувствуя сквозь плащ тепло чужих рук и поцелуй-дыхание на виске. Рядом потрескивал костер, взлетая яркими искрами в ночное небо.

— Неужели? — прошептал Мордред, разворачивая меня к себе лицом и скользя поцелуями по шее. Его руки нежно прикоснулись к моей груди, заставляя сердце бешено колотиться. — Давай я тебя подражаю... Думаю сказать в Камелоте о том, что ты погибла. Сделать грустенькое лицо, пустить скупую слезу. Заявить, что лично видел твои останки, ставшие кормушкой для дикого зверья...

— Тогда Артур спросит, почему ты их не привез, — прошептала я, чувствуя, что предложение очень заманчивое, а нежное прикосновение к моим губам, заставляет тающее сердце шептать сладкое «да».

— А я скажу, что у меня с собой не было мешка..., — усмехнулся Мордред, пока я тихо млела на его руках. — Прямо с порога скажу: «Артур, я нашел твою половинку», а голодное зверье отказалось отдавать обратно вторую половинку королевы...А ведь как романтично представить, что я — бедный, но очень доблестный на всю голову рыцарь, который бросился спасти прекрасную даму в надежде на то, что мне что-то обломиться...

— Но таинственное что-то обломилось у тебя, — задушевно продолжала я, видя улыбку и наслаждаясь каждым мгновением свалившегося мне на голову счастья взаимности. — Я видела в зеркале, что Мерлин собирается убить Артура, если к утру меня не будет в Камелоте, — прошептала я, опуская глаза. — Мне нужно вернуться в Камелот. Тем более, что я как бы уже замужем...

— О нас не сложат легенды, но легендрано наложить могут, — внезапно лицо Мордреда омрачилось. Он задумчиво посмотрел в сторону леса и сузил глаза.

Меня подняли на руки, усаживая на коня. Конь послушно стоял, а я почувствовала, как меня обняли, прижимая к себе.

— На рассвете мы будем в Камелоте, — услышала я шепот, чувствуя, как конь дернулся и полетел с немыслимой скоростью. Через полчаса мне показалось, судя по деревянным указателям на пустынных развилках, что Камелот, предчувствуя наше появление, переезжал раза три, не меньше.

В тот момент, когда мы перешагнули порог замка, мне на голову накинули капюшон от плаща. Сначала я не поняла, но Мордред приложил палец к губам. В дружном кругу единомышленников царил уныние. За круглым столом пустовало только два места, а перед собравшимися стоял Гавейн. В темноте зала нас не было видно, зато нам было все прекрасно слышно.

— Ты можешь триумфально появиться сейчас, — услышала я ядовитый шепот. — А можешь послушать! Поймай там!

Я видела, как Мордред подошел к столу, вальяжно уселся на стул и закинул по привычке ноги.

— Продолжайте, сэр Гавейн! Погодите, я сейчас сделаю грустное лицо, а потом продолжите. Такое подойдет? — произнес насмешливый голос.

— Зеленый великан похитил Гвиневру, — горестно сообщил Гавейн, а все скорбно посмотрели на него. — И моя весть воистину ужасна. Он изнасиловал королеву и съел... Я вызвал его на поединок... Я пытался спасти ее...

— Да, зеленый великан, он такой... — серьезно сообщил Мордред. — Простите, сэр Гавейн, а что конкретно вы пытались спасти? Ее честь или часть?

— Я сражался с ним почти всю ночь! — гневно произнес Гавейн, а по его щеке покатились слезы. Артур смотрел с ужасом, а остальные рыцари притихли. — И победил его!

— погоди, зеленый великан умер у нас в прошлый раз. Причем, окончательно! — заметил Мордред.

— Так это был его брат!!! — отозвался Гавейн, положив руку на меч. — Он сказал, что похитил королеву, чтобы отомстить за своего брата!

— Поредела безутешная семья зеленого великана. Только — только оправились они от горя, а тут на тебе! — грустно согласился Мордред, а Артур был бледным, как мел.

— Так что королеву я нашел, но спасти не смог, — опустил покаянную голову Гавейн, а по его щеке потекла скупая слеза. — Простите, ваше величество... Ах, если бы судьба была благосклонной, то я бы успел на пару минут раньше... И тогда вы бы могли обнять свою любимую, но... увы... Братья подтвердят...

— Расстраивает меня зеленый великан с парочкой минут на изнасилование и съедение, — согласился Мордерд, а Артур сжал кулаки и обессиленно зарычал. — Отмучался бедный...

— Я скакал темным лесом, — гордо произнес Лоегрин. Лебедь встал с места и скорбно обвел взглядом всех присутствующих. — И вот в бушующей реке показался кончик...

— Кончик чего? — оживился Мордред, а Артур бросил на него гневный взгляд. — Не надо на меня так смотреть. Среди круглых я — квадратный... Продолжайте, сэр Лоегрин... Я заинтригован кончиком. Видимо, и у вашей истории кончик плохой...

— Кончик платья королевы... Она тонула, а я бросился спасать ее... Ее рука выскользнула из моей руки, а течение разметало нас... Когда я очнулся, ее уже не было... Бушующая пучина поглотила ее, но перед смертью она просила передать вам, о мой король, что она вас безумно любит... — тихо произнес Лоегрин, скорбно опустив голову. — Так что теперь вы знаете, что случилось с Гвиневрой...

— Она утонула, мы это уже поняли, — закивал Мордред, пока остальные размазывали меня по скалам, швыряли из башни темного замка и всячески пытались номинировать меня на премию Дарвина всеми доступными фантазией способами.

— А ты? — внезапно произнес Артур, глядя на Мордреда. Тот развел руками и улыбнулся.

— У меня тоже есть очень плохая новость, — заметил он, кивая мне. — Она здесь...

Что тут началось! Артур бросился ко мне, сгребая меня в охапку и пытаясь поцеловать, но я мужественно пыталась взять супружеский кредит.

В зал расстроенной улиткой вполз Ланцелот, позвякивая доспехами и шелестя плащом, который подметал мусор на полу. Мой надувной и надутый матрас для плавания по местным водоемам героически сдулся, обещая припомнить мне все при первом же удобном случае. Бросив меч на стол, тяжело опустившись в свое кресло, Ланцелот кисло смотрел то на рыцарей, то на меня.

— Она вернулась! Жива! Здорова! — ревел от радости Артур, прижимая меня к себе с такой силой, что я прилично прохрустелась. — Послушайте все! Я, король Артур, обещал отдать трон тому, кто спасет мою жену! Мое слово — закон! Так что я заявляю перед всеми присутствующими, что после моей смерти трон перейдет....

Внезапно рядом с Артуром появился Мерлин, а король осекся, глядя на скорбное лицо чародея. Старик смотрел на нас так, словно наше семейное суденышко имело четыре трубы, а где-то в воде затаился подлый айсберг.

— Прости, мой дорогой друг, — произнес старый чародей, глядя на меня долгим взглядом. — С грустной вестью я пришел к тебе... Я виноват! Не уследил... Прости меня, Артур... Мне так больно говорить об этом, но... Королева изменила тебе с одним из рыцарей... Как ты мог, Ланцелот! Я же привел тебя сюда, поручился за тебя перед

Артуром! Ты давал клятву, что будешь служить верой и правдой! От глаза старого чародея не укрылось то, что вы делали в лесу! О, горе Камелоту!

Ланцелот посмотрел на Артура таким взглядом, что все виноватые собаки побежали записываться на курсы «Грустные глазки», чтобы хоть как-то приблизиться к своему белокурому идеалу.

— Мой король, — Ланцелот с грохотом упал на колени перед Артуром и протянул ему свой меч. — Прости меня, о мой король... Я присягнул тебе на верность, но не смог сберечь клятву... Она соблазняла меня, уговаривала...

— Поймала и затащила в кусты. «Нет!», — орал Ланцелот, но королева была неумолима! Словно хищница она бросилась на безмозглую жертву... «Раздевайся!», — произнесла королева, доставая нож и снимая платье, а когда герой попытался уползти, схватила его за ногу и затащила в кусты, — язвительно заметил Мордред, глядя на то, как покаянный Ланцелот стоит на коленях перед нами. Я бросила взгляд на Мерлина, который с улыбкой смотрел на всю эту картину.

— Мой король, — продолжал Ланцелот, поднимая глаза, пока Артур застыл статуей. Судя по выражению лица, вероятнее всего — надгробием. — Я недостойн быть рыцарем круглого стола... Я нарушил клятву, ибо страсть к моей королеве оказалась сильнее, чем к моему королю...

— Если Ланцелот предложит прикрыть с тыла, я, пожалуй, откажусь от этого заманчивого предложения, — вставил Мордред, а я вздрогнула, видя, как Артур меняется в лице. Протянутый Ланцелотом меч сверкнул при свете свечей, а меня медленно отстранили от себя.

— Простите меня, о мой король, — горестно заметил Ланцелот, предусмотрительно отползая на коленях подальше. Я видела взгляд Артура, адресованный мне, и сильно позавидовала тараканам, умеющим вовремя прятаться под плинтус и на всякий случай решила не отставать от Ланцелота.

— Он лжет, — твердо ответила я, глядя Артуру в глаза, а по залу покатился рокот возмущения. «Измена!», — послышался голос одного из рыцарей, а улыбка Мерлина стала еще шире. «Да как она посмела!», — Лоегрин встал с места, хватаясь за меч.

— О, прости меня, Артур... Даю слово рыцаря, что никакого похищения не было... Пока вас не было, королева убеждала меня сбежать вместе с ней, — каялся Ланцелот, а взглядом Артура можно было останавливать не только коней на скаку, но и пожар в горящих избах. — Она подговаривала меня, убеждала, что жить без меня не может... Простите, я должен был сказать вам об этом раньше. Глядя на ее красоту, которая очаровала меня, я не смог устоять... И вот мы должны были встретиться в назначенном месте...

Голос Ланцелота осекся, а рыцари взяли на руки стол и молча потя стали отодвигать его подальше от будущего эпицентра скандала.

— Он лжет, — произнесла я, глядя на сверкающие доспехи и золотые кудри, разметавшиеся по ним. — Да на него я бы в голодный год за мешок хлеба не позарилась бы... Даже с доставкой на дом!

— Молчать! — рявкнул Артур, а Мерлин подошел к нам, глядя на склоненную голову Ланцелота. Посох стукнул по каменному полу, а рыцарь поднял голову.

— Как ты посмел, Ланцелот, — покачал головой старый прохиндей, — Я же привел тебя в Камелот... Я поручился за тебя... Сказал, что ты — достойнейший из достойных!

— Простите, Мерлин... Даже король не имеет права приказывать моему сердцу. Я поддался сиюминутной слабости, влюбился до безумия! — Ланцелот простонал, а Артур схватился за Эскалибур, заставив меня отойти еще немного. — Я готов понести наказание за свое преступление...

— Это правда? — процедил Артур, а Мерлин опустил голову и трижды ударил посохом по полу. Прямо перед нами в воздухе зависла картинка, от которой я слегка обалдела. Вот мы с Ланцелотом играем в жеребца и лихую наездницу, вот... ой, мамочки!

— И скакали они три дня и три ночи, — гаденько заметил Мордред. Не смотря на улыбку на лице, в его глазах был синий лед.

Это как же меня так угораздило вверх ногами-то... И главное, посмотрите, как меня держат за ноги для пущего удобства.

— Ланцелот давно не видел женщины, поэтому не помнит, где у нее верх, а где низ, — рассмеялся Мордред, скрестив руки на груди.

Ой! А это что за... Мама дорогая! Вы что? Да посмотрите на мою неспортивную фигуру! Да за такую позу сразу дают мастера спорта по художественной гимнастике! Вы где-нибудь у меня видели значок? Нет!

— О! Зевающее бревно и резвый дятел! Я так еще не пробовал! — оживился Мордред, нарушая гробовую тишину.

Какой кошмар! А как это я так умудряюсь одновременно? Я посмотрела на свое декольте, чувствуя, что до такого я бы никогда не додумалась! Ох, ё! Это мне что? Ради этой позы ногу оторвали?

— Я твой лес дубы шатал, — снова усмехнулся Мордред, а у меня по спине побежали мурашки.

Два тела страстно лобызались, демонстрируя такие пируэты, что листики на дереве должны были покраснеть и опасть в осадок, словно в преддверии осени. Даже вековое дерево шаталось от столь страстного процесса, сопровождаемого звуковым сопровождением кошечки, рожающей семнадцатого котенка.

— Теперь я понимаю, почему королева — лучшая из женщин. По сравнению с влюбленной парой чувствую, что единственная женская грудь, которую я видел — грудь кормилицы. На счет уха я бы поспорил, — ядовито заметил Мордред, пока рука Артура лежала на сверкающей рукояти Эскалибура. — Да, старость — не радость. Не хочу дожить до такого возраста, как у старого доброго Мерлина, когда маразм заменяет оргазм.

Полчаса гробовой тишины, прерываемой моими писклявыми вскриками: «Да, милый, да! Еще, любимый!», заставили всех присутствующих, включая меня, почувствовать себя новичками в столь незамысловатом процессе. О круглый стол что-то звякнуло, а мне показалось, что это — не меч, а чья-то отпавшая челюсть...

Картинка растворилась в воздухе, а на меня в упор смотрел Артур.

— Вы обо мне слишком хорошего мнения, — выдала я, глядя на него. — То, что вы видели — всего лишь иллюзия. Я могу поклясться, что ничего подобного не было. Я даже физически это повторить не смогу!

— Лжешь! Я верю Мерлину, как самому себе! Он бы не стал мне лгать! — процедил Артур, а рыцари переглянулись. — Ланцелот дал слово рыцаря! Слово рыцаря не дается просто так!

Я умоляюще посмотрела на Мордреда, но тот отвернулся, тряхнув черными локонами.

— Как ты посмела! — прорычал Артур, хватая меня за плечи и труся, как тот дуб, который мы только что видели. — Гвинева! Ты опозорила меня перед всеми! Я любил тебя! Неужели тебе было мало моей любви? Неужели тебе было мало короны? За что? Отвечай мне! Что ты в нем нашла? Как ты вообще посмела мне изменить? Ты — королева! Ты пример для всех женщин Камелота!

— Не удивляйся потом, папа, что у нас рождаемость падает, — заметил Мордред, но Артур сделал вид, что пропустил мимо ушей.

— Я поклялся найти Грааль, чтобы однажды у нас был ребенок! Я бросил все силы на то, чтобы найти его и сделать тебя счастливой! Ради чего? Ради того, что ты подло обманула меня! — голос Артура становился все громче и громче, а круглый стол относили подальше на руках бесшумные, как мыши рыцари. — Ради кого я все это делал! Ты ... Ты мое проклятье! Я верил, что ты любишь меня и готова терпеть все тяготы и лишения

ради любви!

Руки Артура сжали мои плечи с такой силой, что я вскрикнула от боли.

— Артур, — Мерлин подошел поближе и положил руку на плечо короля. — Королева — просто женщина, которая не устояла перед искушением... Молодой, красивый, романтичный рыцарь, разбивший сотни сердец, прославившийся своими подвигами! Да ни одна женщина не смогла бы пройти мимо него...

— Нужно сказать всем! — произнес Лоегрин, а я мельком взглянула на него, чувствуя, как меня приперли к стене. — Нужно рассказать всему Камелоту, чтобы королева почувствовала себя опозоренной!

— Я предлагаю посадить ее на лошадь и голый провести по улицам Камелота! — воскликнул Персифаль. — И пусть единственным ее одеянием будут ее роскошные золотые волосы!

Я посмотрела на стрижку до плеч и попыталась понять, успею ли я обрасти волосами со всех сторон до того момента, когда мне устроят долгожданную экскурсию!

— Я предлагаю запереть ее в бочку и бросить в море! — предложил сэр Агравейн, встревая со своими советами по улучшению качества супружеской жизни.

— Пусть это останется в стенах Камелота, — произнес Мерлин, а я чувствовала, как меня прижали к стене и схватили за горло так, что мои носки едва ли касались пола. — Не стоит выносить это за пределы круглого стола!

— Странно, есть вопрос, а мы еще не заседали, — заметил Мордред, а я чувствовала, как рука Артура отпускает меня. Несколько глубоких вдохов показали мне райским блаженством. — Предлагаю проголосовать.

— Стража!!! — закричал Мерлин, указывая на меня. — Королева изменила королю. Держите ее, пока мы решаем ее судьбу и судьбу ее любовника Ланцелота!

Грубые лапы схватили меня, а Артур обессиленно упал в кресло, закрыв лицо руками.

— Друзья мои, — задумчиво начал Мерлин, поглаживая Артура по голове. — Мы создали Камелот для того, чтобы слово рыцаря что-то значило! И теперь, наша любимая королева, изменила королю! Мы должны решить ее судьбу и судьбу Ланцелота...

— Он для меня был, как сын, — заревел Артур, с силой ударяя по крышке стола кулаком. — Ланцелот заслуживал короны больше, чем все другие! Он был моей рукой, моим мечом, моим верным рыцарем...

— Вина Ланцелота не так уж и велика! — произнес Мерлин. — Трудно не поддаться искушению при виде столь прекрасного создания! Кто из вас не поддавался сиюминутной слабости?

— Я предлагаю вздернуть Ланцелота на центральной площади как за то самое место, которым он изменял королю, — заметил Мордред, глядя на внезапно побледневшего героя. — Или торжественно под барабанную дробь отрубить ему тот орган, который не просто думает, но и действует!

Артур смотрел мертвым взглядом на пустое кресло Ланцелота.

— О, не горячись! — спешно заметил Мерлин. — Ты еще слишком юн и пылок. Я предлагаю изгнать Ланцелота навсегда! Он верой и правдой служил тебе, Артур, он совершил столько подвигов, люди любят его и смерть Ланцелота не в бою, может больно ударить по Камелоту, да так, что стены пошатнутся. Нет большего позора для рыцаря круглого стола, чем быть изгнанным. И сам Ланцелот, скорее бы, предпочел бы смерть пожизненному позору...

Время шло, а Артур думал, глядя в одну точку. Мерлин терпеливо ждал решения.

— Ланцелот, — изрек Артур, а в его глазах была пустота. — Я доверял тебе, как самому себе... Я верил тебе... Ты не оправдал моего доверия... Ты предал меня, поэтому отныне

ты — больше не рыцарь круглого стола. Я изгоняю тебя из Камелота навсегда. Оставь свой меч. Твое место займет достойный рыцарь.

— У нас родственники кончились. Это я просто так напомнил, — заметил Мордред, скользя взглядом по мне. Пока я стояла, пытаюсь сохранить самообладание, Артур бросил на меня взгляд и стиснул зубы.

— На счет королевы... Ее предательство страшнее, — выдохнул Артур, отводя взгляд. — Я не знаю, друзья мои, что делать. Ее измена, как нож в сердце... И мне кажется, что эта рана не исцелится никогда... Даже мысль об измене королю заслуживает наказания... Но я не знаю какого... В этом есть и моя вина... Я не могу дать ей то, что сделает ее счастливой, пока не найду Грааль...

— Да, — согласился сэр Кей, авторитетно кивая, пока рыцари стали перешептываться. — Пока не найдет Грааль.

— Казнить ее! Немедленно! — закричал Лоегрин, вскочив с места. — Отрубить ей голову! Казнить во имя справедливости! Чтобы другим женщинам неповадно было!

— Женщина не имеет права изменять мужчине! Что будет если каждая последует ее примеру! — наперебой кричали мужские самолюбия. — Если можно королеве, если мы простим ее, то вера в Камелот пошатнется!

— Если она уже изменила, то где гарантия того, что ребенок, которого она родит, будет от Артура! — изрек Гавейн, а братья поддакнули. — Король — бастард на престоле Камелота — это несмываемый позор! Пусть она смоем свой позор!

Дайте мне тряпочку и моющее средство, я все сделаю... Я стиснула зубы, понимая, что против слова рыцаря не значит ровным счетом ничего.

— Это ложь. Я не изменяла Артуру, — твердо ответила я, глядя на Артура, который сомневался.

— Я все равно стою на своем! — возразил Гавейн, бросив надменный взгляд на каждого из рыцарей. —

— Не каждый мужчина способен стоять на своем, — насмешливо заметил Мордред. — Мне кажется это немного больно. А у вас, сэр Гавейн, размеры не позволяют.

— Прекрати! — заорал Артур, пока рыцари волновались. Внезапно по столу послышался удар кулака, мечи подпрыгнули, а король встал. — Я хочу дать ей шанс... Если среди присутствующих есть тот, кто готов защитить честь королевы в поединке с Ланцелотом, пусть он сделает это по древним законам. Если этот рыцарь победит и убьет противника, то по древним законам королева будет оправдана.

Повисла тишина, а мое сердце вздрогнуло от надежды. Я безотрывно смотрела на Мордреда, который зевнул и тряхнул головой.

— Ну же! Неужели никто не хочет защитить честь королевы? — голос Артура дрогнул. Он вынул Эскалибур и вскинул голову. — Я готов защитить честь жены и свою честь...

Ланцелот упал на колени, бросил меч к ногам Артура и опустил голову.

— Я не смею поднять меч против вас, мой король, — выдохнул он. — Если хотите — можете убить меня, но это не будет поединком чести. Я готов сразиться с любым из вас, кроме тебя, Артур. Поднять меч против короля — поднять меч против Камелота.

Все молчали, а Артур застыл с мечом в руках. Мерлин подошел к нему и горестно вздохнул. Эскалибур с характерным щелчком был убран в ножны.

— Горе мне, горе, — прошептал Артур, падая на кресло и закрывая лицо руками. — Мерлин, скажи мне, за что? За что судьба ко мне так несправедлива? За что она лишила меня не только чести, но и любви?

Никто не вышел на поединок, а я смотрела умоляющим взглядом на широкие плечи Мордреда, чувствуя, как по щекам текут слезы. Почему он не встал на мою защиту?

Почему он не обнажил меч? Сердце разрывалось от невидимой, но такой жгучей боли.

— Видимо, Ланцелот был прав, раз никто не решился сразиться за честь королевы, — изрек Мерлин, пока рыцари хранили молчание. Послышался тяжкий вздох, а старческая рука легла на плечо Артуру.

— Давайте отправим ее в изгнание, — прошептал Артур, с мольбой глядя на Мерлина, а тот покачал головой. — Я понимаю, что в этом действительно есть моя вина... И никогда не устану себе напоминать об этом... Я не знаю, как поступить...

— А что тут знать, папа, — Мордред откинулся на спинку стула и посмотрел на меня снисходительным взглядом. — Измена королю — это измена государству.

Я опешила, чувствуя, как по спине потек холодный и липкий пот. Он с ума сошел? Что он говорит? Мои колени задрожали, а рыцари уставились на меня.

Мордред встал, обводя взглядом всех присутствующих и мельком взглянув на Мерлина, который отошел в тень. Я видела, как черный плащ стелился по полу, когда Мордред обходил стол с надменной усмешкой.

— Государство — это король. Не бывает государства без короля. Изменила королю — изменила Камелоту. Или королева у нас особенная? Ей можно все, потому что она — королева? Что можно королеве не позволено простым жителям, — усмехнулся Мордред, поравнявшись с Артуром. — И как после этого верить в справедливость? Справедливость должна начинаться отсюда! С короля и королевы! С Камелота! Я предлагаю сжечь Гвиневеру на костре. Завтра на главной площади... Но перед этим ты должен отречься от нее, как от жены! Пусть всем последующим королевам будет неповадно.

Все молчали, переглядываясь, а Гавейн закивал. Мерлин похлопал в ладоши.

— Браво, Мордред! Не ожидал от тебя столь мудрых речей! — заметил чародей, улыбаясь Артуру. Рыцари убрали мечи со стола, а я чувствовала, как сердце внутри разрывается на части. Неужели меня сожгут? Руки тряслись, а ноги подкашивались. — Но решать тебе, Артур. Неужели из-за поступка одной женщины, пусть даже горячо любимой, мы потеряем все, что строили столько лет?

— Я за! — произнес Гавейн, со звоном положив меч на свою часть стола. — Измена королю — измена государству. Мечи ложились на стол, а я трясла головой, в надежде, что это — всего лишь страшный сон.

— Единогласно, Артур, — изрек Мерлин, когда последний меч лег острием в центр. — Вспомни, чему я тебя учил, друг мой. Король не должен потерять авторитет среди народа и среди своих рыцарей. Не Гвиневера, а именно они обнажат мечи, чтобы защитить Камелот...

— За что... — глухо прошептал Артур, а по его щеке со шрамом потекла слеза. Он тяжело выдохнул, обведя взглядом всех присутствующих. — Завтра. В полдень приговор будет приведен в исполнение. Мужчина простил, а король никогда не прощает.

Глава шестнадцатая.

Зажигательная богиня

— Бросить ее в темницу! — приказал Мерлин, глядя на меня с таким сожалением, что я почти поверила. Я уже предвкушала уютное местечко, где судя по запаху, что-то сдохло в старых носках, воскресло, съело сыр дор блю с плесенью и снова сдохло. Стража схватила меня под руки, но Артур остановил их жестом.

— Не стоит в тюрьму. Пусть дожидается утра в своих покоях, — тихо произнес Артур, а у меня при виде его взгляда разрывалось сердце. — Она пока еще королева, так что

заслуживает провести последнюю ночь с королевской роскошью.

Он смотрел на то, как меня уводили, а я лишь украдкой обернулась, бросив взгляд на сторбленные плечи и поникшую голову. Огромный медведь сидел за столом, а потом зарычал, словно раненый зверь. Дверь в мою комнату отворилась, а меня втолкнули внутрь. За моей спиной раздался грохот, а я бросилась к окну, чувствуя, как порыв ветра ударяет мне в лицо. Высунувшись по пояс, я поняла, что прыжок приравнивается к полету. Досадно!

— Куда? — послышался голос снизу, а я увидела целый взвод вооружённых стражников, стоящих под моими окнами. Я молча выплеснула им на головы содержимое ночного горшка. Мне даже немного полегчало. Я бросилась к двери, пытаюсь открыть ее, но дверь была заперта с той стороны. В бессильной злобе я ударила кулаками по дубовой створке, а потом яростно пнула ее ногой.

— У нас есть зеркало, — усмехнулась я, чувствуя, как ситуация натягивает мои нервы во всех смыслах этого слова. Я забралась на кровать, прикрыла глаза и... услышала шаги по коридору. «Пропустите!», — послышался голос Мерлина, а дверь открылась, впуская старикашку внутрь.

— О, моя королева! Как жаль, что все так получилось, — покачал головой чародей, глядя на меня колючим взглядом. — Вы же не могли подумать, что старенький Мерлин забудет о том досадном недоразумении. Но...

Сухой узловатый палец взметнулся вверх, а глаза нехорошо сверкнули.

— Нужно отдать вам должное... Другая бы на вашем месте бы рыдала и умоляла, но нет... Вы держались до конца, — с улыбкой заметил Мерлин, присаживаясь на кровать. — Понимаю, что смерть в таком юном возрасте пугает, но ведь ее можно избежать? Вы об этом не думали? А это больно... Огонь пожирает платье, обугливает ноги, а потом ты уже не будешь чувствовать боли... Всего лишь пару часов мучений и ветер развеет твой пепел... Но в моих силах спасти тебя, дитя мое...

Он потянулся ко мне, схватил за платье, а я дернулась, чувствуя, как рвется платье и с цепочки слетает медальон, звеня и подпрыгивая на каменном полу.

Мерлин склонился над ним, а я мельком увидела, что Артуру осталось жить всего лишь несколько часов. Я бросилась к медальону, а меня отмело заклинанием, бросив об стену. Я снова метнулась, а моя рука прошла сквозь чародея.

— Я здесь, дитя мое, — рассмеялся Мерлин, стоя в противоположном углу комнаты. — Знакомая вещичка... Ну-ка...

Он поднес его к губам и что-то прошептал. В этот момент медальон раскрылся и перед нами появился другой Мерлин. Полупрозрачный, оглядывающийся по сторонам и нервно теребивший бороду.

— Слушай меня внимательно, — шепотом произнес он, сидя в позе гордого орлана в каких-то кустах. — Если ты это слышишь, то я прислал тебе подарок! Та, у которой ты снял медальон, и есть новая богиня судьбы... Прости, мой друг, но у меня мало времени... Не буду рассказывать всего, но чудовище с Эскалибуром уже идет за мной и за Вивьен. Я изменил судьбы, повернул время вспять, чтобы спасти тебе жизнь. Слухи не лгут. Андастра лишилась своей силы потому, что родила ребенка от Артура. Она разделилась на милость Андастры и гнев Андастры. Гнев Андастры видит больше, чем обычный человек... Это чудовище, способное различить любые чары, и его не обманешь простой иллюзией. Не позволяй ему заполучить Эскалибур! Любой ценой! У меня было мало времени, но я постарался сделать так, чтобы Артур убил чудовище на реке Камлан во время битвы. И передай Ланселоту, что он идиот! Этот медальон — укажет тебе дорогу на Авалон. Только учти, пока жив гнев Андастры, Авалон под его защитой.

Кусты зашуршали, а Мерлин из будущего побледнел и рассыпался искрами.

— Значит, вот оно что, — усмехнулся Мерлин, глядя на меня жадными глазами. — Откуда у тебя этот медальон?

— Я нашла его в лесу, — спокойно произнесла я, в упор глядя на Мерлина, который

улыбался странной улыбкой. — Рядом со старым трухлявым пеньком.

— Посмотрим, — улыбнулся Мерлин, глядя на меня снисходительно и поигрывая медальоном в руках. — Я так понимаю, что это способ переместиться в храм богини судьбы.

Рука Мерлина засветилась, но медальон ударил его разрядом так, что борода встала дыбом.

— Хм... Не пускает... Ну ничего, — заметил старый чародей, улыбаясь мне доброй улыбкой Деда Мороза. — Мы с ним еще поколдуем... Завтра мы все узнаем, а пока, дитя мое, подумай о том, что не стоило ругаться со старым Мерлином. Не стоило отклонять его предложение... Ну что поделать... Теперь уже поздно...

Мерлин растворился в воздухе, а я легла на кровать, в надежде проснуться в храме, но вместо этого я проваливалась в обычный сон. Неужели меня завтра сожгут? Лихорадочная мысль металась от ярких всполохов огня до «нужно что-то делать!». Почему? Он же мог спасти меня и убить Ланцелота? Сердце ревело навзрыд, но я держалась, чувствуя, как дрожат мои губы. «А вдруг он что-то придумал?», — робко спросило сердце, вспоминая, куда положила маленькую надежду.

— Я не знаю, — прошептала я, вспоминая лед синих глаз и слова — приговор, которые сорвались с его губ. Я снова попыталась уснуть, уткнувшись лицом в подушку, но мысль о том, что где-то про мою душу уже заготавливают дрова, заставила меня открыть глаза и вздрогнуть. В коридоре послышались осторожные шаги, а сердце дрогнуло, прижимая к себе ту самую маленькую надежду и глядя ее, как испуганного котенка. Странно, но я не могу поверить в то, что мне жить осталось всего несколько часов. Я не чувствовала опасности, лишь смутную тревогу и ощущение, что все это происходит с кем-то другим, но не со мной.

Дверь проскрипела, в темной комнате показался высокий силуэт. Он молча сел на кровать и обнял меня.

— Зачем ты так, Гвиневра? — услышала я убитый голос Артура. Глубину моего разочарования вполне можно сравнить с путешествием к центру земли. — Я же просил тебя подождать... Совсем немного...

Его рука легла мне на щеку, а он прижал меня к себе, баюкая, как маленького ребенка.

— Понимаешь, я король... Я не могу поступить иначе, — прошептал он, глядя меня по голове. — Как бы я не хотел спасти тебя, как бы я не пытался, я — король и за мной стоят мои подданные. Камелот — превыше всего. Я рос в темные времена, во время бесконечной смуты и беззакония. И в тот момент, когда я вынул меч из камня, я поклялся всем, что дам этой стране закон и порядок, оплотом которого станет Камелот — город моей мечты. Я столько раз видел во сне этот город, столько раз видел круглый стол, за которым все равны, неважно, король ты или безземельный рыцарь... И теперь понимаю, что справедливость, за которую сражался всю жизнь, обернулась против меня самого...

В его голосе чувствовалась такая горечь, а руки перебирали мои волосы.

— Нет пытки страшнее, чем держать тебя в объятиях и бояться лишний раз поцеловать... Нет более ужасного наказания, чем видеть тебя и желать больше жизни... — шептал Артур, пока я вздрагивала от каждого его прикосновения. — Я люблю тебя... Больше жизни люблю...

Я чувствовала его горячее дыхание в своих волосах и руки, которые прижимают меня к себе, нежно гладя. Грудь короля вздрогнула, а руки прижали меня к себе так крепко, что я едва сдержала слезы.

— Ты была моей мечтой... Призрачной и прекрасной, — прошептал Артур, сглатывая, а мне на щеку скатилась его слеза. Прикосновение сухих, дрожащих губ вызвало в моем сердце горячее желание попытаться вылечить старческий геморрой проворачиванием Эскалибура. — Мне жизни было для тебя не жалко... Я бы мог подарить тебе ту любовь,

о которой можно только мечтать... Я видел тебя, ведущей за руку нашего ребенка с сердцем будущего короля. Сколько лет я мечтал о семье, ради которой я сражался, не жалея себя.

Мое сердце сжалось от жалости, но я молчала, стиснув зубы. Артур держал меня за руку, поднеся ее к своим губам. Я чувствовала дыхание на ладони и нежный поцелуй.

— Люблю тебя, — шептал Артур, целуя меня в висок и сжав мою руку так крепко, что пальцы чуть не склеились. — Что бы ты ни сделала, я все равно люблю тебя... Не плачь, прошу тебя... Каждая твоя слеза выжигает мою душу...

И тут я почувствовала, как поднял меня и поставил на пол. Артур опустился на колени, прижавшись ко мне лохматой головой и обхватив руками.

— Прости меня, — шептал он, подняв на меня глаза, с которых скатилась слеза. — Прости меня за то, что я — король... Прости за то, что не смог дать тебе то, чего ты заслуживаешь...

— Ты ведь еще можешь меня спасти, — прошептала я, глядя на вздрагивающие плечи, чувствуя, как в темноте мне кажется, что передо мной стоит любимый. Я едва ли не прикоснулась к волосам, но вовремя отдернула руку.

— Нет, не могу, — прошептал Артур, стиснув зубы и простонав, словно от мучительной боли. — Поэтому и прошу простить меня... Я — король. Не забывай об этом... Мне никто не дает забыть о том, что я — король.

По его щеке скатилась еще одна слеза, а я старалась отвести взгляд.

— Скажи, ты хоть мгновение любила меня? Хочу знать, любила ли ты меня? — прошептал Артур, прижавшись головой к моему животу, а я чуть не потеряла равновесие.

В тишине темных покоев, я слышала тяжелое дыхание, а меня снова обняли так, что я покачнулась. Спутанные волосы липли к его лицу, а в глазах стояли слезы.

— Нет, Артур. Я никогда не любила тебя, — произнесла я, стиснув зубы и нервно сглотнув. — Никогда.

— Почему? — выдохнул Артур, а я, словно видела себя со стороны. Он что-то говорил, а я всматривалась в его лицо, выискивая любимые черты. Сердце радовалось, как ребенок, когда находило их.

— Потому что твоя любовь ко мне — всего лишь наваждение, которое наслал Мерлин, — равнодушно заметила я, отгоняя призрак чужих глаз и задумчиво глядя в темноту. Комок слез поджимал мое горло, а я молчала, вспоминая поцелуй в лесу. — Береги себя, Артур. Береги. Есть те, кто любят тебя.

Я смотрела на него с жалостью, не замечая, что по моим щекам текут слезы. За что же так его? Он ведь не заслужил быть марионеткой в чужих руках... Не будь этого заклинания, я смогла бы полюбить его... Наверное, смогла бы...

— Не плачь, — прошептал Артур, вставая с колен и целуя мои мокрые от слез щеки. — Не плачь, моя девочка... Не надо... С тобой умрет мое сердце... Я ничего не могу изменить...

Грубая рука вытирала мои слезы, а меня гладили по голове.

— Не надо, — сглотнул Артур, прижимая меня к себе. — Я обещаю, что ты не почувствуешь боли... Вот, возьми этот яд... Выпей его и ничего не почувствуешь... Не бойся... Он подействует мгновенно... Только выпей его, прошу тебя... Я не хочу, чтобы ты страдала...

В мою руку вложили маленький флакон, загнув мои пальцы.

— Я больше... я больше ничего не могу для тебя сделать... — глухо отозвался Артур, а потом отстранил меня и поцеловал в лоб. — Прощай, любимая... Я прощаю тебя за твою

измену... Прощаю... И ты меня прости...

Я грела в руке флакон, а дверь закрылась, оставив меня в одиночестве. У меня едва хватило сил добраться до кровати и рухнуть в мягкие подушки. Еще долго я лежала, сжимая флакон, и смотрела в темноту, а время беспощадно отмеряло последние часы моей жизни. Рассвет алым заревом сквозь оконце затопил всю комнату, а ко мне пришло долгожданное забытие.

— Вставайте, королева, — слышалось лязганье доспехов, а я сонно смотрела на целый эскорт. На кровати лежало льняное платье, в которое мне приказали переодеться. Солнечные лучи освещали столб пыли, стоящий в комнате.

— Уже полдень! — напомнили мне, резко дернув за плечо. Флакон вылетел из рук, упал на пол и разбился, а меня грубо вывели из комнаты. Слуги стояли вдоль стены, провожая меня странными взглядами в последний путь. Какой-то мальчуган в грубой одежде с длинными рукавами высунулся, присвистнул и снова исчез. Я шла, расправив плечи и подняв голову. Каждый шаг давался мне с трудом. Впереди меня шли трое с гербами Камелота на сверкающих доспехах, а позади еще трое.

— Не оглядывайся! — буркнул крайний, подталкивая меня в тот момент, когда я замедляла шаг. А вот теперь страх стал накатывать волнами. Отлично!

Артур стоял, словно каменная статуя, а рядом суетился Мерлин.

— Ничего, Артур, мы тебе найдем новую королеву! — вещал Мерлин, похлопывая Артура по плечу.

— Ага, — мрачно заметила я, глядя на эту картинку. — Лучше прежней. Можете искать прямо сейчас...

— Вставайте, королева, — слышалось лязганье доспехов, а я сонно смотрела на целый эскорт. На кровати лежало льняное платье, в которое мне приказали переодеться. Солнечные лучи освещали столб пыли, стоящий в комнате.

— Уже полдень! — напомнили мне, резко дернув за плечо. Флакон вылетел из рук, упал на пол и разбился, а меня грубо вывели из комнаты. Слуги стояли вдоль стены, провожая меня странными взглядами в последний путь. Какой-то мальчуган в грубой одежде с длинными рукавами высунулся, присвистнул и снова исчез. Я шла, расправив плечи и подняв голову. Каждый шаг давался мне с трудом. Впереди меня шли трое с гербами Камелота на сверкающих доспехах, а позади еще трое.

— Не оглядывайся! — буркнул крайний, подталкивая меня в тот момент, когда я замедляла шаг. А вот теперь страх стал накатывать волнами. Отлично!

Артур стоял, словно каменная статуя, а рядом суетился Мерлин.

— Ничего, Артур, мы тебе найдем новую королеву! — вещал Мерлин, похлопывая Артура по плечу.

— Ага, — мрачно заметила я, глядя на эту картинку. — Лучше прежней. Можете искать прямо сейчас...

Лицо Артура даже не дрогнуло, а меня уже вытащили во внутренний двор, где собралось столько народа, что мне показалось, замок треснет. Люди сидели даже на зубцах стен, вежливо тыкая в меня пальцами и смакуя подробности моей личной жизни с видом гурманов. Прямо посреди двора стоял столб, вокруг которого был собран хворост. Стража взяла меня в кольцо, а откуда-то сзади слышался голосок: «Эта королева? Ее сожгут? Ула!!! Будет босой кастел!!!». Толпа смотрела на меня с явным интересом. Прошу считать измену королевы городским праздником!

Неподалеку малец жевал краюху хлеба, глядя на меня во все глаза, пока его мать вела разъяснительную работу среди белокурых дочерей о том, что измена — это плохо. Рядом с ними стоял смуглый и черноволосый глава семейства в испачканной рубахе, а я мысленно прикинула, что раньше, видимо, мадам так не считала.

Солнце стояло в зените, а я лихорадочно соображала, как выкрутиться из столь

щекотливой пятки ситуации. Грянули трубы, едва не сдув меня и стражу с места, а на балконе появился король Артур.

— Жители Камелота! Мы собрались здесь... — его голос осекся, а я не выдержала.

— Чтобы обсудить нашу личную жизнь! — закончила я мысль, а стражникам пришлось прикрикнуть на рокочущую толпу, чтобы снова воцарилась тишина. — Просто мы привыкли ее обсуждать сидя кругом у костра. Так сказать, Камелот — 2.

— Королева изменила мне с рыцарем Ланцелотом! — произнес Артур замогильным голосом. — Камелот — это оплот справедливости, поэтому измена королю приравнивается к измене государству!

Толпа заорала, а я так и не поняла, радуются они или возмущаются. Голоса сливались, а Артур поднял руку, давая знак всем умолкнуть. На его голове была золотая корона, которая переливалась крупными драгоценными камнями, а позади серой мышкой стоял Мерлин, кивая каждому слову.

— Сэр Ланцелот был позорно изгнан из Камелота! — изрек Артур, нахмутив брови. — А королева приговорена к сожжению на костре за государственную измену!

Я почувствовала себя шпионом, который сливал тайны государственной важности соседям за банку варенья и пакет печенья, перерисовывала дислокацию наших героических войск общей численностью в три копы и два коня. А что вы хотели? Их сложно найти, поскольку они хорошо прячутся.

— Я, король Артур Пендрагон, отрекаюсь от тебя. Отныне ты больше не моя жена. Привести приговор в исполнение, — глухо произнес Артур, а доспехи на нем сверкнули солнечным бликом. Синий плащ трепал ветер, а я принялась, понимая, что пахнет жареным. Мимо рядов зрителей шел торговец жареным мясом на палочке, предлагая купить всем желающим приятное дополнение к основному процессу.

— Если тебе есть, что сказать, то говори, — изрек Артур, опустив голову.

— А что тут сказать? — усмехнулась я, пытаюсь сохранить самообладание. — Соль, специи по вкусу...

Меня резко дернули, затащили на деревянные подмости, туго привязывая руки к столбу, а народ застыл в предвкушении шашлыков. Неподалеку кто-то что-то смачно ел, предвкушая шашлык из маринованной королевы. Артур стоял на балконе, а мне казалось, что под его пальцами крошится камень.

— Расступитесь! — послышался грубый, хриплый голос, а я увидела факельное шествие, раздвигающее зевак. Факелы приближались к хворосту, а я боязливо поджала босые ноги, предвкушая начало конца. Огонь с радостным треском поскакал по веткам, а я поняла, что хиханьки уже закончились, а хаханьки еще не начались. Я чувствовала, как ножкам потеплело, а снизу повалил серый дым. Внезапно небо потемнело, а я люди стали кричать, тыкая пальцами в небо и задирая головы. Сквозь дым я видела, как на солнце наползает черная тень.

— Это знак! — кричал кто-то противным и пронзительным голосом. — Королева невиновна!

Этот крик подхватили все, а я чувствовала, как от дыма становится трудно дышать. Я пыталась дернуться, распутать веревки, но все было тщетно. Они лишь глубже врезались в мои кисти, а я дергалась, пытаюсь освободиться.

Внезапно толпа закричала еще сильнее, а я сквозь дым слезящимися глазами увидела белые доспехи и белый плащ. Белый конь ржал, а толпа шарахалась в сторону. Становилось темнее, словно внезапно наступил вечер.

— Ланцелот!!! — радостно заорала толпа, давая дорогу всаднику в шлеме. Конь взял разбег и понесся на меня. Я зажмурилась, вжимая голову в плечи и чувствуя, как огонь пляшет по подолу платья и жарит ноги. — Ланцелот!!! Ура!!!

Меня резко дернуло, а веревка спала с рук. В тот момент, когда конь приземлился, я

ударилась об кольчугу головой, а отовсюду к нам сбежалась стража, размахивая мечами. Конь мчался, а меня прижимали к себе.

— Ланцелот!!! — скандировала толпа, пытаясь задержать стражу.

— Гвиневра!!! — я слышала крик Артура, который явно расстроился от того, что шашлыки не удались. — Вернуть ее! Немедленно!

Ага, вернись, я все прошу! Спасибо, не надо! Меня заслонили от летящей стрелы, отбив ее щитом. Перед все еще слезящимися от дыма глазами мелькали обрывками лица, отовсюду слышались крики, а конь нервно заржал и встал на дыбы в тот момент. "Опустить ворота!", — слышалось сквозь рев толпы. Конь мчался со скоростью несколько не успевших убежать человек в секунду, меня резко пригнули, прижав к себе, а я краем глаза увидела, как с грохотом опускается тяжелая решетка.

— Поднять ворота! В погоню! — хрипло приказывал кто-то, а меня прижимали к себе, заслоняя от летящих стрел. Почему Ланцелот? Вот почему Ланцелот?

— Я так люблю вас, о моя королева! — пафосно произнес Ланцелот, когда мы скакали по пыльной дороге, оставляя позади Камелот и целый отряд стражи. Стража Камелота настолько сурова, что решила догнать коня пешком. Не смотря на явный отрыв в нашу пользу, попыток никто не оставлял, проявляя выносливость, исполнительность и редкое слабоумие. — Отныне вы принадлежите только мне!

— А что? До этого я была общественным достоянием? — огрызнулась я, понимая, что нужно хотя бы поблагодарить спасителя, но на сердце было как-то нерадостно. Мелькали редкие деревья, постепенно становилось светлее, а черный диск, прикрывший солнце лениво отползал в сторону, освещая нам путь.

— Мою любовь к вам не измерить словами, — снова продолжал Ланцелот, а я мрачно закатила глаза.

— Слушай, — горестно заметила я, понимая, что мы оторвались от погони, причем по полной. — Верни меня обратно, а? Будь другом... Веребочку можешь завязать на бантик...

Любовная горячка переросла в словесную диарею, а мы мчались так, что в ушах свистел ветер. Я едва разбирала слова, уносимые ветром.

— Все, спасибо тебе, — кричала я, брыкаясь на руках. Меня прижали к себе еще крепче, впечатав щекой в сверкающие доспехи. — Это моя остановка! Высади меня! Эй! Слышишь?

Меня не слышали, а я на всякий случай постучала пальцами по шлему, в надежде, что мне откроют. Внезапно конь встал, как вкопанный на опушке леса, а я покачулась, чувствуя, как меня бережно снимают с коня и ставят на траву.

— Тьфу! — послышался голос неподалеку, пока я разглядывала свои слегка обожженные ноги, понимая, что далеко не убегу, но попытаюсь. И тут я услышала жалобное мычание откуда-то из леса. Шлем покатился по траве, а я пыталась понять, кто там мычит среди деревьев.

— Да что б тебя! — послышался голос позади меня, а я увидела, как дерево огибает веревка, а неподалеку мирно пасется черный конь. Я резко обернулась, глядя на белоснежные доспехи и россыпь черных кудрей по плечам. На меня с улыбкой смотрели синие глаза.

— Поздравляю, с разводом. Счастья в личной жизни не желаю, поскольку я тебе его обеспечу, — на бледном лице с легким румянцем расплзалась мерзкая, отвратительная и самая красивая улыбка на свете.

— Ах, ты, — возмутилась я, бросаясь на Мордреда, который со смехом смотрел на меня. Я еще не поняла, чего хочу больше — обнять или задушить, но по пути к чужой шее определяюсь.

Меня поймали на руки, а потом поцеловали в губы, закружив в воздухе.

— Ай! Не виси на мне! Мне доспехи тесноваты, — простонал Мордред, сдирая с себя наплечники и кирасу. — Ой-е-е-ей! Аааааа!!! Какое счастье! Мама дорогая... Неужели? Я не верю!

— Му-у-у! — послышалось по ту сторону дерева, а я заглянула туда, видя сидящего на земле Ланцелота, привязанного к дереву. Изо рта торчал кусок грязной тряпки.

— О, моя спина! — простонал Мордред, ведя плечом и страдальчески морщась. На траву упала кираса. — Ай-я-яй! Гвин, можешь даже не смотреть в сторону нашего доблестного рыцаря. Мне его доспехи маловаты. Ладно, наплечники и кираса, там можно еще отрегулировать ремнями, а вот ниже...

Я внимательно посмотрела на слетевшие поножи и рвущегося от негодования Ланцелота. Глаза у него были на выкате, как у маленькой злобной собачки. Они внушали ужас и страх даже белке, которая ловким огоньком пробежала вниз по дереву.

— Так, — Мордред подошел к Ланцелоту и потрепал его по щеке. — Плюнь! Дай сюда мой носочек, что в углу вчера стоял. Зубы разожми, а то, как родной держишь! Плюнь, я кому сказал!

— Му-у-у! — промычал Ланцелот, яростно дергаясь в нашу сторону и пытаясь нам что-то сказать.

— Ты не «му», ты «бе-е-е», — выдохнул Мордред, поигрывая плащом перед глазами разозленного Ланцелота. — Ну что ж, запиши подвиг по спасению королевы на свой счет.

— Так, добрым рыцарем я уже побыл. Надоело, не интересно. Теперь темный рыцарь похищает королеву и увозит в свой замок.

Мордред поправил свой черный наплечник и пристегнул плащ, пока Ланцелот с выпученными глазами яростно протестовал и порывался освободиться.

— Грабим богатых, чтобы спасти бедных. Не переживай, я его уже ограбил, — заметил Мордред, привлекая меня к себе и поглаживая по спине. Он склонился, дразня меня поцелуем.

— Ты хочешь сказать, что у сказки хороший конец? — я наслаждалась каждым отрывистым прикосновением губ.

— Да, неплохой, — рассмеялся Мордред, двусмысленно прижав меня к себе. — Скоро увидишь...

Меня снова посадили на коня, прижали к себе, и рванули в чащу. Ветки хлестали доспехи и рвали плащ, но конь несся по вedomой только ему дороге.

— На Авалон нельзя. Там уже стоит огромный отряд, посланный Артуром. Значит, Чэриот, — услышала я в тот момент, когда меня заслонили рукой от тонкой ветки.

— Стоять! — послышался голос впереди, а конь встал на дыбы. На поляне мелькнули синие плащи Камелота. Позади нас из ниоткуда появился еще один отряд во главе с Артуром.

— Вот до чего магия дошла! — процедил Мордред, обнажая меч. Артур тронулся с места, громя доспехами и обнажая Эскалибур. Его огромный конь свирепо заржал. — Сначала дошло до Артура, а он дошел до нас. Отлично.

— Как ты могла! Ты и есть богиня судьбы! — процедил Артур, глядя на нас с ненавистью. — Ты лгала мне! Ты пробралась в Камелот, чтобы убить меня!

— Фу, какой кошмар, — заметил Мордред, а нас взяли в кольцо. — Как ты могла! Фу такой быть!

— Дай сюда Грааль! — зарычал Артур, восседая на коне и протягивая руку. — И я сохраню тебе жизнь!

— Она уже не твоя жена, папа, — насмешливо произнес Мордред, крепче прижимая меня к себе. — Чтобы вспоминать волшебное слово «дай».

— Как ты смеешь! — рявкнул Артур, а Мордред тут же продолжил так, что получилось почти хором: «Ты — позор круглого стола! В тебе нет ни капли чести и достоинства!».

— И так далее, и тому подобное, — с усмешкой заметил Мордред, но тут же его голос стал серьезным. — Дорогу, Артур. Я не хочу убивать тебя.

— Что значит «не хочу убивать»? — рассвирепел Артур, бросаясь с мечом на нас. — Я сам прикончу этих двоих. Я еще помню, что такое благородство!

— А потом скажут, что двое на одного — это нечестно! — согласился Мордред, краем глаза обводя мечников. Артур ударил, что есть силы, два меча лязгнули друг об друга и заскрежетали. Эскалибур засветился, а меч Мордреда сломался пополам. Я так и не поняла, что произошло, о Артур заорал, а неподалеку раздался клекот хищной птицы. Черная крылатая тень бросилась Артуру в лицо, а обломок меча полетел в одного из отряда, вбиваясь ему в грудь. Воин захрипел и упал на колени, а конь перелетел через падающего стражника, грузно приземляясь и тут же бросаясь в чащу. Я чувствовала, как меня прижимают к себе, а по моей шее течет что-то теплое. Опыт подсказывал, что лучшим способом ориентирования в лесу являются резвый бег от крика: «Держите их!». Я попыталась обернуться, но мне не позволили. Я успела провести рукой по волосам, а при виде крови на пальцах вздрогнула.

— Не оборачивайся, — слышался глухой голос с придыханием. — Смотри вперед. Жить буду.

Скорость стала такой, что я вжала голову в плечи, чувствуя тяжелое дыхание. Пейжал мелькали с такой скоростью, что я едва успевала рассмотреть, как вдруг на горизонте показался замок из черного камня, окруженный такой стеной, что были видны лишь башни.

— Свои, — закричал Мордред, а я увидела, как на зубцах крепости стоит целый гарнизон, прицеливаясь в нас из лука. Луки опустились, а ворота стали со скрежетом открываться.

Стоило нам въехать во двор, как кто-то схватил поводья хрипящего коня, а меня сняли и поставили на каменные плиты. Черные плащи окружали нас, а меня вели в замок, не давая обернуться.

— Добро пожаловать, — слышался за спиной уставший голос, пока я порывалась посмотреть. — Моя королева.

Коридоры были не такими уж и мрачными, как показалось на первый взгляд. Все внутренние помещения были отделаны гладким, черным и прохладным мрамором.

— Римский стиль, — заметила служанка, опустив глаза. — Это — замок леди Морганы. Леди Моргана любила римский стиль и носила тогу...

— Отведи меня к хозяину, — взмолилась я, чувствуя, как сердце разрывается от мысли, что его ранили. — Я прошу тебя...

— А вот здесь — ваши покои, — вздохнула служанка, подзывая стражу. — Хозяин распорядился подготовить ее для вас. Меня осторожно ввели в огромную мраморную комнату.

— Мы защитим вас, — произнес седой мужик с драконом на гербе. — Рана хозяина не смертельна. Он распорядился, чтобы вы ее пока не видели... Не переживайте, богиня. Мы сможем вас защитить во имя Андрасты.

Я недоверчиво вошла в комнату, ступая грязными ногами по грязному полу, который приятно холодило и успокаивало слегка обожженные ступни. Прямо по среди комнаты была роскошная купальня, наполненная водой, а на полукруглом деревянном кресле лежала складками алая ткань.

— Все хорошо, богиня, — утешила меня служанка, а я смотрела на белоснежную статую

женщины, сидящую напротив мраморного медведя. На руках у нее было что-то похожее на корзинку, из которой виднелись фрукты и цветы. — В этом замке вы в безопасности.

Я бросилась к двери, требуя пустить меня.

— Богиня! — закричали мне, а я уже мчалась по мраморному полу пытаюсь сориентироваться, куда бежать. Мне навстречу попала служанка, несущая окровавленные тряпки в глиняной миске. Роскошная дверь дальней комнаты была приоткрыта, а я влетела туда, замерев на пороге. В полумраке на роскошной кровати лежал Мордред. А лицо его было прикрыто окровавленной тряпкой. Я присела на кровать, чувствуя, как поверх моей руки ложится его теплая рука.

— И смерти нет прекрасней, чем заслонить собой любимую, — послышался голос, а я почувствовала, как меня привлекают к себе. Я вздрогнула, чувствуя, как сердце бьется с бешеной скоростью, а в душе назревала паника. — Шучу. Рана не смертельна.

Я смотрела на алый росчерк, пропитавший тряпку, и боялась ее приподнять. Кровь все еще текла, а я осторожно убрала тряпку, видя тонкий росчерк идущий через лоб, основание носа и щеку и выдыхая с облегчением. Служанка молча поставила миску с водой, а я посмотрела на выступившую кровь, черные ресницы, прикрывшие глаза, на мокрые черные волосы, разлетающиеся по подушке.

— Красавцем уже не буду, надо думать, — его губы шелохнулись, а уголок рта дрогнул в усмешке. Я поменяла тряпку, склоняясь к приоткрытым губам, раздвигая их нежным, чувственным поцелуем. Сердце гулко стучало в груди, а я пальцами, едва касаясь, гладила уцелевшую щеку. Кровь останавливалась, а я снова и снова целовала приоткрытые губы, чувствуя, как по моей спине нежно ведет рука.

— Он был привязан к тебе. Теперь привязан к дереву, — усмехнулся Мордред, пока я склонилась над ним, с нежностью целуя в уцелевшую щеку, а меня взяли за талию и привлекли к себе, сладко отвечая на поцелуй. — Надо было отвязать Ланцелота... А то представь себе голодных волков, с интересом пришедших послушать, кто там мычит с портянкой в рту.

Я устало вздохнула, забывая про боль ожогов и бережно стирая кровь с его шеи. Белоснежная рубашка с завязками на груди пропиталась кровью и прилипла к широкой груди. В глазах стояли слезы, а я осторожно стала проверять, единственное ли это ранение. Я ощупывала его грудь, руки, глядя на кровавые пятна и впиваясь пальцами в грубоватую ткань. Огромная лапища знакомым до боли жестом пригребла меня к себе поближе и положила сверху, приоткрывая губы для поцелуя

— Там, как видишь, я тоже не ранен, — усмехнулся Мордред, прижимая мои бедра к себе.

— Мог бы и шлем надеть, — всхлипнула я, чувствуя, как лихорадочно забилось в груди чужое сердце.

— Ты когда-нибудь пыталась надеть котелок и ударить по нему железякой? Когда я впервые получил по шлему, я еще дня три чувствовал себя мальчиком — колокольчиком, — возмутился Мордред. — У нас сэр Кей любит шлемы. Посмотри на него и поймешь, что это очень вредная привычка...

Я вздохнула, чувствуя знакомый медвежье-сгребательный жест, столь полюбившийся мне еще со времен Камелота. Видимо, это у них семейное. Меня привлекли к себе, чтобы поцеловать, а потом крикнули служанку.

— Отведите ее в покои. Предупреждаю сразу, если ей что-то не понравится, я церемониться не буду. Одна петля виселицы недавно опустела. Это я вам тонко намекаю, — выдохнул Мордред. — Гвиневра имеет право отдавать вам приказы, и любого, кто посмеет ослушаться или перечить, будут иметь большие неприятности.

Я чувствовала, как меня прижали к себе, страстно отвечая на мой поцелуй, а мне так не хотелось уходить. Я млела от поцелуя, упивалась им, чувствуя, как он смеется.

— Я не Артур, — с придыханием прошептал Мордред, прижимая мои бедра к своим. — Все! Не мешай мне умирать...

— А я думала, что ты меня соблазнять будешь, — насмешливо заметила я, расправляя локоны и потершись носом об его подбородок.

— Я же сказал, что я — не Артур. Ты сама ко мне придешь, — прошептал Мордред. — Прибежишь в мои покои... Спорим?

— Ах так? — возмутилась я, вставая не смотря на то, что меня удерживали. — Размечтался.

Меня вывели из его покоев, а потом снова провели коридорами в комнату с купальней, где вдоль стен стояли служанки. Одна держала наготове тунику с золотыми застежками, вторая золотой гребень, третья простыню, а четвертая стала помогать снимать с меня платье.

Я окунулась в теплую воду, чувствуя, как печет ноги. Меня поливали водой, натирали волосы медом с травами, пока одна из служанок вежливо интересовалась, не желаю ли я поесть.

— Ой, — выдохнула служанка, когда гребень, скользивший в моих волосах наткнула на узелок и дернула. — Простите... Я случайно... Прошу вас, простите...

— Да ладно, — усмехнулась я, чувствуя, как бережно прочесывают каждую мокрую прядь, а голову нежно царапают золотые зубчики. Простыня, в которую меня завернули после купания, была сколота золотой брошью, а в мои ножки втирали какую-то мазь. Впервые за всю божественную практику я чувствую себя настоящей богиней.

— Вам не больно? — спросила темноволосая служанка с узкими, лисьими глазами, а я чувствовала, как мята приятно холодит покрасневшие ступни. — Если больно, то я буду осторожней.

Видимо, петелька во дворе мотивировала куда лучше долгой разъяснительной беседы о добре и зле, о лютой ненависти, и слепой любви.

Я не заметила, как стала клевать носом, чувствуя, как на меня мутным комом обрушивается усталость. Чьи-то руки осторожно взяли меня, бесшумно понесли и положили на мягкую перину. Я попыталась открыть глаза, но было так лень, что я просто повернулась на другой бок, обняла подушку, пахнущую незнакомым запахом, зарылась в нее лицом и уснула.

Проснулась я от того, что во сне кто-то отчетливо произнес пугающее слово Камлан, заставив меня открыть глаза и вздрогнуть. Противный осадок сна все еще растекался в душе, отравляя мысли ядовитым пессимизмом.

— Проснулись? — спросила служанка тихой мышкой заглядывая в комнату. — Хозяин передал, что ужин готов, но ужинать вы будете без него.

— Так! — вскочила я, ставя ноги на нагретый мраморный пол и пытаюсь отдышаться после сна, отогнав остатки кошмара. — Я не поняла! А он сам где?

— Он в своих покоях. Но сказал, что ужинать будете без него, — едва слышно заметила служанка. Я поправила съехавшую и перекрутившуюся после сна тунику, поправила волосы и потребовала отвести меня к двери. Экскурсия по замку была недолгой, а я стояла, изучая взглядом черную дверь. Вежливость просила постучать полусогнутым пальчиком, а но я оценила размеры дверей и решила не церемониться.

— Уходи, — послышался голос, а в комнате что-то разбилось. — Красавцем я уже не буду... Шрамы от Эскалибура не заживают никогда

— Открывай, — мрачно потребовала я, налегая на дверь. Послышался хруст осколков, а дверь открылась. На полу блестели остатки зеркала, а в золотой раме застряло несколько осколков.

Мордред сразу же отвернулся, а я осторожно прошла за ним, стараясь не крошить осколки.

— Вот зря ты переживаешь. Шрамы укрощают мужчин! — авторитетно заметила я,

лаская взглядом спину, линию плеч и черные кудри, спадающие на тонкую белую рубашку. Свечи плясали в дорогих подсвечниках, томно плача каплями воска. Моя рука легла ему на плечо, а сквозь мутную пелену нежности, застилающей глаза, я видела красивый прогиб талии. Затаив дыхание я ласкала взглядом его руки, а потом отошла и села в полукруглое кресло с подушкой, чувствуя, что разрезы туники меня смущают. Я прикрыла колени, пока никто не видел и продолжила лекцию по поводу мужской красоты.

— Мужчина, который чуть красивее сэра Кея — уже способен заинтересовать девушку. И вообще, понятие мужской красоты — относительное, — со знанием дела заметила я, глядя на протянутый кубок с вином. Я опасливо посмотрела на то, как плещется темно-рубиновый сок в золотом обрамлении, а потом отважилась сделать глоток.

— Ты посмотри на Артура! По его шрамам вообще историю Британии можно писать! — возразила я тишине, делая еще глоток. Нет, не распробовала. А вот теперь распробовала и даже облизала губы. — Нет, я понимаю, что кто-то магнетики из завоеванных крепостей коллекционирует, а настоящий мужчины шрамы.

Я увидела, как плечи вздрогнули от смеха, улыбнулась, сделала глоток и продолжила.

— Я бы рад взглянуть на тебя одним, последним оставшимся глазком, — вздохнул Мордред, не поворачиваясь ко мне, а я подавилась вином, чувствуя, как оно течет мне на грудь.

— Кхе! — кашляла я, вытирая губы и чувствуя тревогу.

— Или хотя бы пощупать... слышался мрачный голос, а я пыталась припомнить, что видела под повязкой. Я все еще кашляла, расплескивая бокал себе на грудь. Да что ж такое!

Внезапно он повернулся, а я приготовилась к худшему. Свечи освещали лицо, а я не видела принципиальной разницы от слова «совсем», кроме тонкой нитки шрама, изящным штрихом перечеркнувшей лицо. Сердце мучительно забилося, а я не сводила взгляда с этого росчерка и понимала, что не шрамы украшают мужчину, а обстоятельства их получения. Полет мордой вниз с велосипеда после писклявого крика: «Мама! Смотри, как я умею!» в дремучем детстве не сравнится со шрамом, полученным в поединке. По телу пробежала волна нервной дрожи, а я пыталась вытереть туникой вино.

— Я помогу тебе, — слышала я голос, а он опустился на ковер возле моего кресла, положив огромную руку на мокрое от пролитого вина колено. Из разреза показалось мое белое, поцарапанное колено, к которому прикоснулись теплые губы, страстной дорожкой слизывая вино. Я чувствовала, как по моей ноге скользит рука, заставляя меня вздрогнуть и покачнуться от сладкой нежности, свернувшей теплым комочком в моем животе. Мои пальцы перебирали его роскошные волосы, впиваясь в них, а сердце заняло в тот момент, когда у меня на груди щелкнули массивные золотые застёжки, обнажая мою грудь.

Дверь приоткрылась, а я распахнула глаза, глядя на служанку с тазиком и повязками, которая постучалась, а потом застыла, смущённо опустив глаза.

— Вон отсюда! — в голосе Мордреда слышались такие нотки, от которых плинтус прячется за тараканов. Дверь прикрылась, а на меня снизу вверх смотрели синие насмешливые глаза. Сквозь мои пальцы сочился черный локон, а в его сквозь его пальцы — черный шелк туники. Я осторожно провела пальцем по шраму, удивляясь, как быстро рана успела затянуться. Я прикоснулась к красивым и нежным приоткрытым губам, чувствуя кончиками пальцев поцелуй. Мое дыхание сбилось в тот момент, когда рука легла мне на шею, а глубокий поцелуй заставил задрожать на его руках от жадного озноба, а рука спустилась на грудь, ложась поверх

Моя рука скользнула под его рубашку, пока я вздрагивала от поцелуя шеи и растворялась в ласках.

— Пока ты думаешь, — меня поцеловали в висок, а грубый рывок заставил ткань туники затрещать по швам. На меня смотрели красивые грустные глаза. — Она тебе не идет.

Выглядит ужасно.

Сердце екнуло в тот момент, когда по моей обнаженной шее скользило его дыхание, а я упивалась, обнимая его и чувствуя, как меня поднимают на руках. Белая рубашка валялась на полу рядом с остатками туники, а я задышалась на его руках. Мои пальцы с наслаждением ласкали его грудь, впивались в плечи, а меня усадили на мраморный стол, положив руку на мою шею. Я чувствовала, как меня положили на мрамор, похожий на жертвенный алтарь, а по моему вздрагивающему животу скользят длинные черные волосы, поглаживая его красивыми локонами. Я почувствовала, как глубокий и страстный поцелуй заставил инстинктивно свести колени.

— Я хочу, чтобы ты задышалась, — слышался шепот в тот момент, когда я вздрогнула, ловя губами воздух и задыхаясь от сладкой агонии каждого прикосновения. Меня перенесли на кровать, посадили на колени, целуя так жадно и страстно, что каждый поцелуй вызывал в душе всепоглощающий экстаз. Я чувствовала руку, которая заставляет меня сводить колени и ловить задыхающимися, пересохшими губами чужие губы.

— Не надо... — прошептала я, чувствуя, как после острого экстаза наступает томное блаженство. — Зачем ты так делаешь?

— Мне безумно нравится, когда женщина умирает у меня на руках... — услышала я шепот, а наши губы едва соприкасались. Я стиснула зубы, вцепившись в его плечи и чувствуя, как нежная ладонь успокаивает мой вздрагивающий живот. — Нет ничего прекрасней богини, которая лежит у меня на руках, обнаженная и сладкая...

Я умоляющее заглянула в синие глаза, понимая, что предпосылки инквизиции уже заложены, а Мордред с улыбкой склонился для поцелуя, заставившего меня простонать и вздрогнуть. Меня приподняли, медленно опуская на руках на свои колени.

— Я осторожно, — шептали мне, целуя в висок, пока мои руки лежали у него на плечах. — Я хочу, чтобы ты принадлежала только мне... Только мне... И я тебя никому не отдам... Никому... Пусть только посмеют...

Странное чувство, когда боль смешивается с наслаждением, заставила меня вздрогнуть и крепче обнять руками его шею.

Я чувствовала, как руки скользят по моей спине, жадно ведя пальцами сладкие линии.

— Нежность оставим на потом, — усмехнулись мне, отбрасывая мои волосы за спину и целуя в плечо. Руки, которые держат меч, которые способны убить любого вызывали дрожь. Сладкий вздох любимых губ так и хотелось поймать поцелуем. Задыхаясь от сладкой, мучительной агонии, чувствуя себя маленькой девочкой, которую с легкостью держат на руках, заставлял умирать от одной только мысли о поцелуе.

— Не могу остановиться, — услышала я сквозь сладкое полужабвение шепот. Меня снова поцеловали. — Не могу...

Я целовала полуоткрытые губы, ловя в порыве страсти каждый его стон и лаская взглядом каждую черточку лица. Когда я успела так влюбиться? Черные локоны красивым каскадом ложились на его плечи, а я вздрагивала от каждого толчка и ловила взгляд затуманенных страстью синих глаз в обрамлении черных ресниц и судорожно прижималась всем телом. Я застыла, чувствуя, как тело оцепенело в тот момент, когда мир растворился перед глазами в сладком экстазе.

— Куда пошла... — задохнулись мне на ухо, а я чувствовала, как меня жадно обнимают и целуют. — Я не разрешал уползать, моя дорогая богиня...

Через три часа я решила прикинуться слепо-глухонемой. А через полчаса еще и дохлой. Я лежала на груди, чувствуя, как мой висок согревает сбивчивое дыхание, а руки нежно гладят по спине и окрестностям.

— Все, все, — успокаивали меня поцелуем в висок, нежно глядя и прижимая к себе. — Я больше не буду тебя мучить...

Он зарылся лицом в мои волосы, а я чувствовала, как бьется в груди его сердце. Я

лежала, лаская взглядом локоны на подушке, бледное лицо, чуть приоткрытые губы, чувствуя, как руки нежно успокаивают меня. Сердце изнывало, глядя на красивый изгиб бровей, на полуулыбку и закрытые глаза с длинными ресницами. Меня уложили поверх себя, обняли и уснули. Я боялась даже шевельнуться, слыша, как сердце в его груди успокаивается, а дыхание становится ровнее.

— Спокойной ночи, — прошептала я, играя с локоном и устало потершись щекой о широкую грудь.

Утро встретило меня на краю кровати в позе самурая, летящего с мечом на полчище врагов, и поднятыми бровями. На меня смотрели с явным интересом, а я натягивала простыню на грудь, сильно косясь в сторону улыбки, расползающейся по чужим губам. Мне кажется, даже дьявол не умеет так улыбаться.

— Я теперь понимаю, почему Артур спал отдельно, — слышался голос, а у меня медленно с улыбкой отбирали простыню. — Главное, что ничто не предвещает беды. Подкралась, нежно обняла, я уже умилился, но тут же получил коленом в спину...

Я не сдавалась и тянула одеяло на себя, глядя на всю скорбь Пендрагонов в красивых, глубоких глазах.

— А потом ты твердо решила вытолкнуть меня с кровати, — сладко продолжал Мордерд, а я видела, как одеяло, прикрывающее грудь медленно сдает позиции, обнажая новые горизонты, которые ласкали тягучим и сладким взглядом чуть прищуренных глаз.

— Но твои попытки успехом не увенчались, — мне на колени легла голова, рассыпавшись черными волосами, а я запустила пальцы в волосы, глядя в синие озера глаз.

— Я попытался тебя поймать и обезвредить, — сладко продолжал Мордерд, а я с нежностью провела пальцами по его тонкому шраму, вызывающему у меня смесь трепета и безграничной нежности. — Завернул в одеяло и попытался поцеловать, но ты решила не сдаваться. Через час ты уже вылезла из одеяла, а я понял, что еще немного и род Пендрагонов оборвется на мне...

Мою ладонь поцеловали, скользнув рукой по обнаженной груди.

— И именно поэтому, — голос становился все тише, а взгляд все загадочней и слаще. Мордред резко сел на кровати, а медвежье-сгребательный жест, присущий, видимо, всем Пендрагонам, заставил меня сладко улыбнуться. — И вот поэтому тебя бы следовало немного наказать...

Я попыталась вывернуться, но меня поцеловали, прижимая к себе.

— Только нежно, — прошептали мне в волосы, а по моему телу пробежала сладкая волна от страстного и глубокого поцелуя. Смятое одеяло валялось на мраморном полу, а сердце умоляло нежно выдохнуть: "Люблю", в надежде вдохнуть это слово, слетевшее с любимых губ.

Мои пальцы перебирали черные локоны, пока я задумчиво смотрела в сторону узкого окна, сидя на кровати и чувствуя, как меня переполняет нежность. Мне на колени опустилась голова, а мои пальцы вплелись в черные локоны. Я нежно перебирала длинные волосы, видя, как вздымается грудь любимого.

— У меня к тебе будет маленькая просьба, — услышала я шепот, который вывел меня из состояния задумчивости. — Она может показаться странной...

Я мысленно перебирала список того, чего мы еще не пробовали, а воображение посматривало на нас косо и с прищуром, предлагая такие варианты, от которых стыдно становилось даже при одном упоминании.

— Как думаешь, что это? — я слышала отчетливую улыбку в голосе, а воображение уже несло по просторам таких фантазий, что я едва поспевала краснеть за ним. Добравшись до неизведанных высот извращений, я застыла с прищуром глядя в туманную даль отношений, которые потребовали столь решительных действий.

— Я в тупике, — с нервной усмешкой заметила я, проводя рукой по чужим волосам.

— Вот там и сиди, — рассмеялся Мордред и замолчал.

Повисла интригующая тишина, а воображение посмотрело на меня с подозрением и тревогой.

— Можешь, спеть колыбельную? — прошептал Мордред, положив руку мне на колено. — Просто колыбельную.

— А что? — осторожно начала я, глядя на красивый профиль. — Мать никогда не пела ее?

— Моя мать — богиня судьбы. Богини не умеют любить, — в голосе почувствовался металл, от которого по спине туда и обратно неприятный холодок. Мое сердце дрогнуло, а я нежно прижала его к себе, поглаживая рукой по шраму.

— Сделай это, — послышался едва различимый шепот, пока я с нежностью обнимала его голову. — Я выполню любое твоё желание. Все, что захочешь.

Я сидела на кровати, обернутая простыней и даже не знала, что ответить на такое предложение.

— Мать всегда говорила, что любовь богини отличается от любви обычной женщины, — слышала я шепот, от которого рвалось сердце. — Что она просто другая... Не такая, как у всех... Мать растила чудовище, которое будет её верным псом, которое будет защищать её и Артура, и считала, что лишняя ласка и любовь способны навредить. Я просто хочу поверить, что богини тоже умеют любить...

Я судорожно гладила его лицо, чувствуя, как сердце переполняется нежностью и вредностью. Значит, он уверен, что я не люблю его?

— Хорошо, — усмехнулась я. Видимо, плохая из меня богиня, раз я умею любить. — Спи моя гадость усни...

На губах Мордреда появилась улыбка, а я спрятала улыбку в его волосах.

— В замке погасли огни, — продолжала я, а где-то в колыбельную просились общие знакомые, при виде которых искренне хочется перейти на другую сторону не только дороги, но и силы и сделать вид, что видишь в первый раз.

— Где-то бушует Артур, — продолжала я, понимая, что чем тише поешь, тем больше шансов попасть в ноты. — Персик глядит сквозь прищур...

Я видела улыбку, улыбаясь в ответ.

— Молча поддакнул сэр Кей, — пропела я, вспоминая суровое и угрюмое лицо, которое можно показывать тараканам в качестве акта устрашения. — Скорбно вздохнул сэр Гавейн. К двЕри летит Лоегрин, орет, что сразится один. Все остальные молчат, тихо зубами скрипят. А под кустом Ланцелот, чувствует, что идиот. Мерлин все топчет круги. Просит Артуру мозги... Глазки скорее сомкни. Спи моя гадость, усни...

Я нежно поцеловала макушку своей очаровательной гадости, требуя завернуть мне её в одеяло.

— Пойдем, — рассмеялся Мордред, одеваясь, пока я лениво заворачивала простыню вокруг груди. — Я хочу тебе кое-что показать, богиня...

Я спустила босые ноги на пол, чувствуя, как мрамор слегка холодит их.

— Пойдём, вселенское зло локального масштаба, — усмехнулась я, придерживая простыню и зевая. — Чудовище, тиран и так далее...

— Босиком не ходи по полу, — усмехнулся Мордред, глядя на мои ноги. Меня взяли на руки и открыли проход в стене. Первое, что я увидела, был витраж, состоящий из трех частей. На каждом из них была изображена женщина. На одном она стояла в белоснежном целомудренном платье, а люди тянули к ней руки. На втором она была в доспехах с мечом, а на третьем — была тщательно выложена ведьма с заклинанием в

руке.

— Три части Андастры, — услышала я голос, поочередно глядя на каждую картинку. — Милосердие Андастры, Гнев Андастры и Колдовство Андастры.

— Погоди —ка, — прошептала я, снова глядя на каждую часть витража. — Нас что? Трое?

— Ты — милосердие Андастры, я — гнев Андастры, — задушевно начал Мордред, а я смотрела на заклинание в руке богини. — Мерлин, ты и я — вместе дружная семья.

— То есть, — я подняла брови, пытаюсь переварить полученную информацию, но пока что у меня было явное несварение, влекущее за собой словесную диарею из вопросов. — Нас трое?

— Рано удивляешься, — послышался голос, пока я мысленно складывала пасьянс. — Мерлин ее ученик. Когда в мать переставали верить, или ей так казалось, она брала себе ученика, отдавала ему часть силы, пускала по миру показывать чудеса, силу и могущество богини. Он выполнял ее волю, показывал всему миру, насколько могущественна богиня и как усердно стоит в нее верить. А взамен она обещала ученику бессмертие, при условии, что он не поддастся искушению использовать магию ради собственной выгоды. Так, простой оруженосец Артур по кличке Клоп, мальчик для вымещения плохого настроения, бастард Утера Пендрагона стал королем.

Я еще отходила от мысли о том, что у нас тут любовь на троих.

— Готовь скупую слезу. Это — самая милая история, которую ты когда — либо слышала, — с усмешкой заметил Мордерд. — Мерлин не стал дожидаться милости от судьбы, понимая, что она ему не светит, как и всем его предшественникам, поэтому бросил вызов своей бывшей наставнице. Мерлин всегда был тщеславен, мечтал о власти и могуществе, поэтому не захотел быть орудием в руках богини. Трон Камелота — это слишком мелко для него. Трон Камелота — это всего лишь плата владычице озера Вивьен за ее помощь. Ланцелот, должен занять престол. Слеза еще не капает от умиления? У меня обычно она начинает капать чуть попозже...

Я задумчиво смотрела на стену, украшенную мозаикой. Мерлин, бывший ученик, бывший слуга, решил потягаться с самой богиней?

— Умерят любые амбиции древние королевские традиции, — заметил Мордред, видя мое замешательство. — Ланцелот — сын Мерлина. Бедному Мерлину пришлось разыграть неземную любовь, чтобы Вивьен согласилась ему помочь. Одному против богини выходить было как-то страшновато, даже взяв в заложники бедолагу Артура. Хитрый чародей долго искал способ, как обезопасить себя в этой игре или хотя бы уравнять шансы, а тут такая удача в виде наивного Артура, которого можно использовать, как живой щит. В этот момент мама поняла, что ученик вот-вот превзойдет своего учителя, поставит на колени и прикончит, поэтому затащила при помощи Морганы Артура на Авалон, выходила его после смертельной раны. Результатом игры в доктора оказался я. Но смертным на Авалоне нельзя долго находиться, иначе они никогда не смогут вернуться к людям. А если и вернуться, то умрут от тоски по цветущим яблоням. Так что Артур отчалил, ему помахали ручками, а Мерлин был уже тут как тут.

Мордред умолк, а я начинала понимать, каким образом Мерлин сумел пробраться на Авалон, как ему подчинилось зеркало, вспоминая, как ловко он пользовался им при нашей первой встрече.

— Мать понимала, что ребенок не способен вырасти на Авалоне, потому, что время на острове остановилось навсегда. Поэтому отдала меня на воспитание своей любимой жрице, Леди Моргане. А бывший ученик и бывшая наставница тем временем благополучно кошмарили друг друга. Моргану убили, меня отправили отдохнуть, а заодно и подохнуть на море, мать нашла меня на берегу и снова пристроила в заботливые руки, увлеченно играя с Мерлином в уже полюбившуюся игру «Грааль в обмен на Артура», — равнодушно заметил Мордред. — Так что у каждого был свой козырь в рукаве. У мамы — я, а у Мерлина — Артур. Где меня только не воспитывали и не обучали, зато когда пришло время, меня вернули сюда, и приставили телохранителем к Артуру. «Береги папу!», — и меня чмокнули в щеку и исчезли в тумане.

Глава семнадцатая.

Богиня на нервах

Меня усадили в кресло, я увидела шахматы, стоящие на столе. Только... Неужели? Я присмотрелась к белым и увидела маленькую фигурку Артура, выполненную с такой точностью, что видны были даже складки плаща. Рядом с ним стоял Мерлин в масштабе пять к одному. И судя по выражению лица, вредность в нем сохранилась в той же пропорции. Этот чародей категорически вреден для здоровья. Мне общение с ним запретил районный терапевт и выдал справку. Рядом с Мерлиным гарцевал на коне Ланцелот, а рядом с Ланцелотом — скромно потупилась Гвиневра. На соседней клетке с Артуром стоял сэр Гавейн, а по обе стороны, там, где должны были стоять башни, Лоегрин и Персифаль. Остальные рыцари разместились в ряд пешками. Зато на черной стороне стоял черный рыцарь в доспехах, шлем которых был украшен крыльями дракона. Рядом с ним стояла женщина в черном платье.

— Странно, а почему белая королева — это Мерлин? — с удивлением спросила я, глядя на дружный ряд фигур. Фигуры начали двигаться сами по себе, а бедная Гвиневра уже не знала, куда деться от Ланцелота.

— У этих шахмат совсем другие правила, — заметил Мордред, беря фигурку девушки в руку и ставя ее на темную сторону доски. Платье ее стало черным, а черный рыцарь обнял ее. На голове у фигурки появилась крошечная корона. В целом она очень воспрянула духом, вызывая у меня понимающую улыбку.

Фигуры двигались, сражались, Мерлин бегал кругами вокруг общей кучи, Артур постоянно рвался в бой, сверкая маленьким Эскалибуром, размером со швейную иглолку. Особенно усердствовал Ланцелот. Я отчетливо видела, как Мерлин пинает героя в сторону королевы. Внезапно фигуры замерли. Ланцелот занес меч над Артуром, тот покачнулся, а с его головы слетела корона, а потом игрушечный меч пронзил насквозь короля. Я не верила своим глазам, но через мгновение игра началась снова. Разбитые фигурки собирались по кускам, снова становились на свои места...

— Не догадалась? — послышался голос, пока я увлеченно следила за своими передвижениями. Черный рыцарь, защищающий белую пешку в красивом платье от своих же, белых, произвел на меня впечатление. — Мать не смогла смириться с его смертью, поэтому стоит ему умереть, как игра начинается снова

— И сколько раз уже умирал Артур? — тихо спросила я, с прищуром глядя на то, как Ланцелот скачет конем по доске, пытаюсь доскакать до уже черной королевы, но пока еще промахивается.

— Очень много раз. Один раз после смерти Мерлина, которого я выловил из озера, Артур споткнулся и упал, умудрившись сломать себе шею. Помню, даже, как Артур на радостях подавился вином и скончался в муках аккуратно в тот момент, когда Мерлин не успел убежать на стареньких ногах, — мрачно заметил Мордред, поднимая глаза на ветраж. — И длится до тех пор, пока не умрет Артур. Вот поэтому я торчу рядом с ним, в надежде однажды сильно прополоть рассадник идиотизма. Смею предположить, что Мерлин воспользовался временным отсутствием богини и совершил некую молниеносную экспедицию...

Повисла пауза, а на губах Мордреда, пока я переводила взгляд на пешки. Ланцелот скакал, скакал, но все как-то безрезультатно, поэтому я тяжело вздохнула, глядя, как он валится с доски.

— Еще бы, в прошлый раз я нашел его, затаившегося под кустом. Бедолага едва вспомнил заклинание переноса, когда увидел в моих руках легендарный меч, — с явным удовольствием заметил Мордред, мечтательно глядя на фигурку Мерлина, которая терлась рядом с Артуром. — Еду такой, слышу шорох... Раздвигаю кусты, а там на меня

два глаза смотрят... Думал, белочка орешки обратно выдает, но нет, это всего лишь старый, добрый Мерлин... Я, наверное, должен тебя ненавидеть за то, что теперь Мерлин знает про то, что игра заиклена, про то, кто такой Черный Рыцарь с «Привет, белочка!». Но я не могу...

Настроение сразу упало, когда стало понятно, что Мерлин не знал о хитростях богини. А теперь знает...

— Но есть и хорошая новость, — заметил Мордред, следя за фигурками на доске. — Это — последняя игра. Мерлину удалось снять заклинание цикла и поменять судьбы так, как ему это было бы более выгодно.

Я снова посмотрела на витраж, чувствуя комплекс неполноценности.

— Нет, ну обидно! Пока кто-то мечом машет, заклинания швыряет, я тут Белоснежкой белочек, зайчиков и прочую живность собираю, несу радость людям, боюсь расплескать, — надулась я, глядя на изображение своей части силы.

— Вот к тебе и тянутся разные животные, — с усмешкой заметил Мордред, поправляя прядь моих волос. — Не любишь долгих отношений? Поэтому выбирай Артура или Ланцелота.

— Это еще почему? — заметила я, присматриваясь к витражу и видя в руках «Белоснежки» символическую чашу, которая меня заинтересовала.

В ответ Мордред улыбнулся, а я прищурилась в сторону черного витража с мечом, от которого расплзались темные флюиды. Черный король и белый король сошлись в смертельной схватке на доске, а Мордред заслонил от меня исход поединка.

— Я не поняла! — возмутилась я, пытаюсь заглянуть и лишь мельком видя Мерлина, который корчился в муках с торчащим из груди Эскалибуром. — Мордред!

— Я не поняла! — возмутилась я, пытаюсь заглянуть и лишь мельком видя Мерлина, который радостно потирает ручки. Один удар ноги, нехорошая улыбка, адресованная мне и шахматный стол перевернулся. На полу лежали осколки, а мимо меня все еще по инерции буквой «Г» скакал Ланцелот.

— Пойдем, — как-то подозрительно и ласково заметил Мордред, обнимая меня и увлекая за собой. — Все будет хорошо...

Меня нежно поцеловали в висок, а мои ручки были пойманы в свою руку. Я честно сопротивлялась, чувствуя, как на сердце лег туман странной тоски. Меня баловали нарядами, носили по замку на руках, обнимали и целовали, а я чувствовала, что что-то не так.

— Камлан! — задохнулась я, просыпаясь среди ночи в холодном поту и чувствуя, как меня ловят и обнимают, утешая и успокаивая. Сердце еще заходило от ужаса, а я тряслась, как чихуахуа в стужу.

— Камлан! — прошептала я, заглядывая в синие глаза. Мордред рассмеялся, а меня привлекли к себе. Его волосы тоже разметались по плечам, а я прильнула к плечу, нежно потершись об него носом. — Вы убьете друг друга на Камлане! Ты и Артур! Будет битва... Ты меня слышишь?

— Битва добра со мной? — меня стали укладывать себе на руку, а я чувствовала дыхание в моих волосах. — Размечтались...

Я провалилась во все еще непривычный для меня сон, чувствуя, как мои волосы перебирают пальцами, а я успокаивалась, понимая с каждым днем любимый становится все нежнее и нежнее. Я снова вздрогнула, чувствуя, как набатом проносится это страшное слово, а сердце в груди екнуло.

Проснулась я от того, что слышу, как кто-то скребется в дверь.

— Несите пилу. Сейчас руку отрежу, чтобы ее не будить, — слышался смешок. — Мне плевать, что там происходит. Я и так все прекрасно знаю. Приказы отданы, так что

успокоились.

Я заворочалась, все еще досматривая странный сон, в котором рыцари на велосипедах, сражаются на турнире. «Крути педали и ты в финале!», — подбадривали незнакомые голоса, а я с интересом наблюдала за тем, как яростно крутятся педали навстречу друг другу.

— Да? — спросила я, чувствуя, как меня глядя по плечу, что-то нашептывая на ухо.

— Вот и замечательно, — прошептали мне, а я услышала смешок. — Значит, свадьба будет завтра...

— Что?!! — переспросила я, видимо, у всего замка, подпрыгивая на кровати от неожиданности.

— Ты только что согласилась стать моей женой, — выдохнули мне в ухо, а я пыталась вспомнить, когда это я умудрилась ответить согласием? Нет, конечно, предложение заманчивое, но я еще не поняла, куда меня так заманивают. — Артур прилюдно отказался от тебя, так что я имею полное право жениться на тебе. А теперь...

Я почувствовала, как меня, слегка обалдевшую от такого поворота событий, сгребли в охапку.

— Спокойной ночи, — меня лизнули по щеке, заставив яростно засопеть.

— Так нечестно, — процедила я и попыталась уползти в знак обиды. Но рекорд уползающего от медвежьей хватки котенка — половина кровати, так и не был побит.

— В мире столько несправедливости, — усмехнулся Мордред, пока я яростно ворочалась у него на руках. — Смотришь, и сердце радуется...

Смутное чувство тревоги нарастало, а я почти, уснула, чтобы проснуться от того, что кто-то перебирает мои волосы.

— Спи, — сменила гнев на милость я, вспоминая, что из нас двоих, добро как бы больше по моей части. Я лежала в темноте, борясь с чувством тревоги. Он не спал, глядя на меня, а странное предчувствие нарастало с каждой секундой. Рука медленно скользнула по моей груди и легла мне на живот, поглаживая его, словно защищая. Простыня на моем животе собралась гармошкой.

— Я что-то не знаю? — осторожно поинтересовалась я, положив руку поверх его руки. — Мне кто-то что-то недоговаривает?

— Есть немного, — меня поцеловали в висок, но руку с живота не убрали, все так же поглаживая его. Утром меня деликатно разбудили, а на меня смотрело роскошное платье и целый штат служанок. Меня мыли, умачивали волосы, раскладывали их на пряди, разбирая гребнем, но стоило мне поднять глаза, как служанки тут же отводили их.

— Что происходит? — не выдержала я, плеснув рукой по воде. — Что вообще происходит?

И тут меня бросились заверять, что все в порядке, что все замечательно, а я бегала глазами по лицам, пытаюсь понять, что мне дружно недоговаривают.

— Так, хватит, надоело! — возмутилась я, понимая, что игра в загадки при должном применении сил заканчивается подсказкой и отгадкой. В свадебном платье, которое даже не успели застегнуть до конца, я воинственно шла к двери, приподнимая юбки.

— Дорогу! — рывкнула я, глядя на черную стражу, которая смотрела на меня сквозь прорези шлема. — Дорогу катку, который сейчас прокатится по чужой самооценке. Я распахнула дверь, на которую мне украдкой указали слуги, видя черные одеяния и корону, украсившую чело Мордреда.

— Как тебе не стыдно, видеть жениха до свадьбы? — усмехнулся он, положив мне руки на плечи и поглаживая их с непередаваемой нежностью. — Ворвалась, смутила меня... А вдруг я тут без короны?

— Объясни, что происходит? — выдохнула я, чувствуя теплые руки на моих плечах.

— Все в порядке, — усмехнулся Мордред, осторожно заправляя локон моих волос мне за спину. — Принесите накидку. Королева замерзла!

Слуги вбежали, неся меховую накидку, которой прикрыли мои плечи, застегнув драгоценный камень замка. Меня поймали за подбородок и заставили взглянуть в синие глаза.

— Хорошо, скажу, как есть, — усмехнулся Мордред. — Артур, Мерлин и вся остальные круглые идиоты... Я сказал это вслух? Ну да. После того, как мы их торжественно послали, решили дружно пойти по адресу. Они уже несколько раз присылали гонцов, чтобы уточнить дорогу, поэтому почему-то решили, что Чэриот — это то самое место... И вот сейчас возле речки, торжественно кормят комаров в ожидании приказов Артура. Но Мерлин куда-то делся, поэтому отдавать приказы Артур стесняется.

— Ты хочешь сказать, что Артур с войском движется сюда? — выдохнула я, а меня прижали к себе.

— Вот зачем ты говоришь это слово «войско»? Ты Британь на карте видела? Десять человек в трех сосенках — уже эпохальная битва. Тем более, что обмундированы они по последнему слову, которое слышали. Что-то мне подсказывает, что это было: «Денег нет, казна пуста!». Идешь среди рядов людей Ланцелота и видишь... У одного шлем, у другого кольчуга, у третьего поножи.... Перед тем, как умирать — передай другому. Если видишь полный набор, знай, у этого ветерана битв было много мертвых товарищей. Они на нас войной одно время пытались сходить, в надежде обзавестись кольчугами!

— Я видела войско Артура, — произнесла я, вспоминая осаду Камелиарда.

— Ну да, — усмехнулся Мордред. — Войско Артура — триста человек. Против тысячи моих людей и тысячи Ланцелота. А перед битвой все надевают синие плащи, в знак того, что мы служим Камелоту. Мои так и говорят, раз на тебе черный плащ — грабь, насилуй и мародерствуй. А когда синий — бери попользоваться, умоляй высокопарно о любви и собирай скромные сувениры на память.

— То есть, ты считаешь, что угрозы нет, — прищурилась я, глядя в коварные глаза и понемногу успокаиваясь.

— Поверь, тебе ничего не угрожает. Отряды остальных рыцарей не насчитывают даже пятидесяти человек. Мне кажется, что это они орут из кустов проклятия, стеснясь показываться на глаза врагу. Фактически это — ополчение. Реальной силы не представляющее.

— А почему тогда слуги прячут глаза? — с подозрением спросила я, чувствуя, как меховая накидка согревает мои плечи.

— Может, они боятся смотреть на настоящую богиню? — с улыбкой заметил Мордред, погладив меня по плечам.

Меня вывели за руку в украшенный зал, а подданные застыли, рассматривая меня и перешептываясь.

— Они думают, что я все еще жена Артура, — прошептала я, чувствуя на себе странные взгляды.

— Те, кто так думают, скоро будут учиться думать другим местом, поскольку думать отсутствующим по причине моего гнева органом, будет весьма проблематично. Артур отказался от тебя, как от супруги. Так что я имею законные права сделать тебя своей женой, — послышался голос Мордреда. Если я говорила шепотом, то он не удосужился убавить громкость, заставив людей переглянуться и тут же рассыпаться в пожеланиях.

Мы стояли перед пустым алтарем, на котором покоилась небольшая черная корона, сверкая гранями драгоценностей.

— Согласна ли ты, Гвиневера, дочь Лодегранса, короля Камелиарда, стать моей законной супругой? — усмехнулся Мордред, протягивая мне руку ладонью вверх, а я

смотрела на нее, а потом переводила взгляд на улыбку. Красивый перстень сверкнул на его руке, а я со вздохом положила руку поверх его руки, чувствуя, как ее крепко сжали и стали поглаживать пальцем. Видимо, кто-то надеялся, что я сейчас вырвусь и убегу.

Я видела, как мою руку подняли, поднесли к губам, как при той самой первой встрече. Я уже забежала глазами, предвкушая эпический поцелуй. Я не ошиблась. В тот момент, когда губы припали к моей руке, я почувствовала, как по коже скользнул язык.

— Ты стал предсказуемым, — прошептала я, чувствуя усмешку на целующих мою руку губах.

— Старую, — послышалось в ответ. На моих губах появилась непроизвольная улыбка, а взглядом я ласкала красивый профиль. Никогда бы не поверила... Если бы мне сказали при первой нашей встрече, что все повернется именно так, я бы не поверила... Сердце забило в тот момент, когда мою руку отпустили и в гробовой тишине на мою голову легла черная корона. Откуда-то сверху на нас просыпался дождь из розовых лепестков, вызывая у гостей изумление и крики: «Смотрите! Это чудо!».

Я прижималась к любимому, чувствуя, как нас засыпает лепестками, а откуда-то послышалась заунывная и торжественная музыка. Как тогда, на турнире, в то момент, когда он выиграл поцелуй... Лепестки разлетались по залу, гости ловили их, удивляясь и снова задирая головы.

Внезапно дверь открылась, все дружно обернулись. На пороге стоял гонец в капюшоне.

— Послание от его Величества, короля Артура Пендрагона, — хрипло произнес гонец, делая несколько шагов в нашу сторону и косясь на стражу, которая предусмотрительно взяла его в кольцо. — Его величество Артур Пендрагон, объявляет вас обоих предателями!

— Отлично, — усмехнулся Мордред, обнимая меня. — Теперь предатель должен поцеловать предательницу!

Я почувствовала, как он склоняется для поцелуя, пока слегка обалдевший гонец стоит и смотрит на нас странным взглядом. Рука Мордреда лежала на моей шее, а я жадно ловила его губы, чувствуя, как с меня медленно съезжает корона. Ее со смехом придержали.

— Вы хоть знаете, кто я? — резковато заметил гонец, бесцеремонно ввалившись на нашу церемонию.

— Судя по круглым глазам, ты один из тех, кто служит Круглому Столу! — произнес Мордред, слегка отводя меня за спину. Стража стояла, выставив вперед мечи. — Тех, кто служит круглому столу всегда можно опознать по тому, что они круглые идиоты.

— Именем короля Артура, из рода Пендрагон, — пафосно продолжил гонец. — Он объявляет вас обоих предателями! Он предлагает вам сдаться!

— На кой он нам сдался? — уточнил Мордред, подняв бровь. — Хотя нет, мы можем поселить его в комнате для гостей.

— Король просил передать, что он гневается на вас и требует выдать ему Гвиневу! — продолжал гонец, а я понимала, что в гонцы берут людей с крепкими нервами. — Которую ты укрываешь в своем замке!

— И не просто укрываю, а одеялом, — усмехнулся Мордред, согревая мои руки в своих руках.

Придворные молчали, встав вдоль стен, а гонец набрался храбрости, продолжив свое послание.

— Его величество, король Артур, — произнес гонец чуть хриловатым голосом, пока Мордред кивал, подняв брови в ожидании продолжения. — Требуется подчинения!

— А мы как-то против доминирования, — усмехнулся Мордред, пока гонец продолжал свое послание. Оказывается, что нас уже трижды проклинали, объявили угрозой всей

Британии, потребовали Грааль и в целом очень за нас рады. Артур великодушно предлагал нам добровольно с песнями и плясками сдаться и умереть в торжественной дружеской обстановке Камелота.

— Я — посланник мира! Король милосерден! — завершил посланник мира, который не предусматривал наше дальнейшее пребывание в нем. — Артур не хочет больше проливать кровь!

— Я забыл предупредить. Там возле реки очень злые комары, — согласился Мордред, глядя со снисходительной улыбкой на посланника мира.

Гонец закончил свою гневную речь, сердито сопя, а я видела улыбку на любимом лице.

— Передай Артуру, что мы очень расстроены. Пусть хоть наше плохое настроение утешит его и Мерлина, — произнес Мордред, подставляя ладошку и собирая щепотками слезки и складывая их в ладошку.

Стража стояла наготове, выпроваживая гонца, а я почувствовала, как меня подводят к гостям.

— Это — королева Чэриота. Это — мой Грааль, — усмехнулся Мордред, положив руку мне на живот. — Ребенок, который у нее родится, унаследует замки и земли, которые принадлежат мне... Я требую, чтобы вы поклялись в верности моей жене.

* * *

Да, стране опять нужны герои, но вместо них есть Ланцелот. Значит, войско стоит на реке Камлан. Часть воинов кормит на реке комаров, другая часть охраняет Авалон, а то вдруг он переедет. У меня есть время до утра, чтобы принять решение.

На меня смотрели любимые глаза, а я провел рукой по ее волосам, улыбнувшись. Моя королева прижалась ко мне, а я рассеянно гладил ее волосы, глядя, как сверкает на ее челе корона. Моя корона.

— Что-то случилось? — слышался ее голос, а я повернулся к ней, любясь каждой черточкой лица. Поначалу она показалась мне самой обычной, а слухи преувеличены, как, впрочем, и всегда. Сколько раз уже такое было, что о красоте дамы слагают легенды, а при виде нее даже у самого стойкого рыцаря сразу находятся безотлагательные подвиги в и без того плотном графике. Сначала я даже не придал особого значения королеве, которую привели, как собачку со словами: «Теперь она будет жить у нас!». Я был уверен, что ей кинут тряпочку в уголочке и поставят мисочку. А потом поймал себя на мысли, что смотрю на нее, как замороженный. И вроде же в ней не было ничего такого, она даже не в моем вкусе, а я смотрю на нее и понимаю, что я ей безумно не нравлюсь. Я знаю каждое ее движение, каждый жест, каждый взгляд. Ее тень, едва сдерживающая улыбку при виде вопиющего акта идиотизма, заставляла меня непроизвольно улыбаться ей в ответ.

Я провел рукой по ее щеке, наслаждаясь тем, как она льнет к моим пальцам, пока внутри меня рождалась непередаваемая нежность. Ну что ты? И ведь чувствуешь, да? Если бы Мерлин не отобрал у тебя медальон, я бы сделал это сам.

— Все в порядке, — отвечаю я, глядя на нее с улыбкой, обнимая и прижимая ее к себе.

То, что это — не Гвиневра я понял сразу, поскольку более прелестного и тупого создания, как леди Гвиневра из Камелиарда, я не встречал. «О, мой Ланцелот! Вы совершили этот подвиг в мою честь! Ах, я так польщена! Вы знаете, я так рада, что вы выбрали меня дамой своего сердца!». Тьфу! Как вспомню, так вздрогну. «Как вы смее похищать меня, мерзкий трус! Мой Ланцелот спасет меня!», — звучал голос Гвиневры, а я помню, как суровый кляп обеспечил мне три дня тишины. «А я знаю, что вы делали с Ланцелотом!», — я одаривал ее гаденькой улыбкой. «Твоим словам не поверят, потому что ты подлый трус!», — слышалось в ответ. — «Ах, мой Ланцелот... Вы ему даже в

подметки не годитесь! И ваши мерзкие речи оскорбляют меня!». «Дура, он тебя не любит!», — честно пытался я. «Если бы не любил, то не стал бы посвящать мне балладу!», — добивала меня своей логикой прекрасная королева Гвиневра, глядя на меня с презрением. «Ты хоть понимаешь, к чему это приведет?» — пытался зайти я с флангов. На меня смотрели чистые и наивные глаза, моргая так, что теперь я знаю, откуда в Камелоте столько сквозняков.

Сколько уже раз я пытался спасти этого идиота, но последние четыре раза меня добила. Стоило Мерлину умереть, а мне выдохнуть с облегчением, как кто-то споткнулся об пол и упал на Эскалибур, случайно подавился окороком, выпал из окна, слетел с коня.

— Мама, скажи, что ты меня нагуляла, — умолял я мать, глядя на то, как Артура хоронят со всеми почестями, рассказывая, как он погиб в неравной схватке с тупостью и идиотизмом. Пока тупость нападала, идиотизм зашел с фланга, поражая не только обладателя, но и присутствующих.

— О чем ты думаешь? — встревоженно заметила моя королева, пока я обнимал ее, поражаясь тому, какая она маленькая и хрупкая.

— О том, что мы — Ланцелот, чтобы всем нравится, — отвечаю я, чувствуя, как она ворочается в моих объятиях. Можно было бы сыграть партию по другому, можно было бы обыграть Мерлина в два счета, но тогда пришлось бы пожертвовать королевой. Хитрый старикан добрался до зеркала и изменил ход истории, сняв материны чары в тот момент, когда она прислала замену себе.

Завтра с утра я выступаю с отрядом в сторону Камлана. Оставшуюся часть войска я брошу на защиту замка. Попробую уничтожить чародея еще там. Если не получится, то потреплю их, как следует. И тогда, чтобы идти на замок, Артуру придется отзывать людей, сторожащих Авалон. И в этот момент, когда отряды покинут Авалон, ее вывезут туда.

— Послушай, бессовестный, — внезапно вознегодовала она, глядя на меня так сурово, что я снова улыбнулся. — Или ты мне сейчас расскажешь все, или...

Она мне угрожает... Какая прелесть... Ее глаза сверкали от гнева, поэтому я прижал ее к себе покрепче, слушая все возмущения.

— Вот она, жизнь семейная, — рассмеялся я, чувствуя, как она затихла и вздохнула. «Задущу во сне подушкой», — пообещали мне, снова вызывая у меня улыбку. Я смотрел на золотистый завиток на ее шее, пытаюсь запомнить каждое мгновение рядом с ней, каждую черточку ее лица, каждый взгляд, каждую улыбку. Я хочу запомнить все, что завтра помнить, за чье будущее я сражаюсь. Хитрый Мерлин просчитал все, кроме одного. Он не учел, что я влюблюсь, как мальчишка.

Я нес ее в комнату, осторожно укладывая на кровать и любясь ее волосами, вдыхая их запах, целуя ее дрожащие и сладкие губы и гладя пальцами тонкую красивую шею, припадая к ней поцелуями. Накидка валялась на полу, а я наслаждался каждым прикосновением, вздрагивающей грудью, по которой скользили мои пальцы.

Я хочу запомнить ее не плачущей от горя, хочу запомнить ее нежной, сладкой, восхитительной женщиной, при виде которой мне хотелось сломать руку Артуру, которой он притягивал ее к себе. Я хочу запомнить ее моей королевой, моей наградой, сказкой на несколько дней, счастьем под покрывалом, нежностью, которой у меня отродясь не было.

Я целовал ее прикрытые веки, чувствуя, как вздрагивают ее ресницы. Я буду помнить твои глаза... Мои губы прикасались к бархатной щеке, скользили по тонкой шее, которая сводит меня с ума. Я буду помнить каждый стон, каждый вздох, каждый взгляд сквозь полуприкрытые веки, буду помнить, как она умирала у меня на руках, выгибаясь от прикосновения моих рук.

Всего лишь несколько часов осталось до того момента, когда я в последний раз поцелую ее губы. Я не увижу, как появится на свет наш сын, не подержу его у руках, не поцелую покрытый испариной измученный лоб любимой. Я не буду держать на коленях ее, прижимая к себе и успокаивая в тот момент, когда ей будет страшно и больно, а на свет

будет появляться наш ребенок. Я не буду, прижимаясь губами к ее вспотевшему виску, шептать, как сильно я люблю ее, утешать ее, успокаивать и держать ее руку в своей руке, пока вокруг будут бегать повитухи. Я не позволю никому быть рядом с ней в тот момент, когда ей больно и страшно...

Моя рука лежала на все еще вздрагивающем животике, согревая его и нежно проводя по нему пальцами. Все, что у меня есть, я оставляю вам...

Я склонился над ее животом, покрывая его поцелуями. Я сделал все, что мог, чтобы вы были живы, чтобы вы были счастливы. Перед глазами стояла картинка, а мой взгляд отчетливо различал, как маленький мальчик бежит к матери, а она ловит его и берет на руки.

— Что такое? — едва слышным шепотом прошептала любимая, положив руки мне на голову и вплетая их в мои волосы. — Почему ты так тяжело вздохнул?

Я поднял глаза, глядя на встревоженное лицо и чувствуя, как ее пальцы играют с моими волосами. Я дорого бы отдал, чтобы остаться с вами... Но я видел хитросплетение судеб в зеркале, поэтому у меня есть несколько часов до рассвета, чтобы побыть с вами,. Последние несколько часов моей жизни я хочу обнимать тебя, целовать, прижимать к себе. Я хочу, чтобы ты уснула на моих руках, уткнулась мне в грудь, чтобы не кричала во сне, не сражалась с невидимыми врагами и не плакала, как ребенок, до тех пор, пока я не возьму тебя на руки, не прижму к себе и не буду успокаивать, слыша, как ты плачешь во сне: «Камлан!».

Кто—нибудь, дайте ей силы пережить это...

И вот она снова лежит на моей руке, спит, а по ее щекам стекают слезы.

— Не уходи, прошу тебя, — шепчет она сквозь сон. — Я не хочу, чтобы ты уходил... Я тебя никогда не увижу... Умоляю, останься...

Ее тонкая рука прижимается к животу, а держу их в руках и не хочу отпускать. У меня будет только один шанс уничтожить Мерлина до тех пор, пока он не добрался до вас. А для этого придется забрать у Артура Эскалибур. Даже если для этого я перешагну через его труп. Перед глазами стояла мать,

— Я вернусь, — прошептал я, прижимаясь губами к ее виску. — Обещаю... Просто ты меня не увидишь... Не знаю как, но я постараюсь вернуться...

Моя богиня заворочалась, а я прижал ее к себе, дыша ее запахом и закрывая глаза. Как я хочу, чтобы это мгновение продолжалось вечно.

— Почему ты не откатила время назад и не вышвырнула Мерлина! — я помню, как ударил по столу, за которым сидела мать, поигрывая красивым яблоком.

— Даже силы богини ограничены, — задумчиво заметила она, с улыбкой любясь на красивый красный бочок яблока. Я помню, как она подняла на меня синие глаза и тряхнула волосами. Где-то на Авалоне орала Гвиневра: «О, любимый! Я все еще жду тебя! Ланцелот, любовь моя!». Я скоро по ней часы сверять буду.

— Зачем ты притащила ее на Авалон? — спросил я, понимая, что страсти по Ланцелоту утихают лишь тогда, когда рот Гвиневры занят едой.

— Он бросил ее неподалеку от озера, а сам ускакал, — задумчиво заметила мать, вздыхая. Зеркало показало Артура, а глаза матери затуманились нежностью. Артур с такими криками, что на них выбежали бы даже тараканы с оскалом тигра, рвался в гущу сражения. — Мы ее еле от медведя отбили... Нужно будет позволить им увидеться с Ланцелотом... Любовь Гвиневры — это не чары Мерлина. Мерлин так не умеет...

— О, Ланцелот! — снова послышался голос Гвиневры, а я медленно наворачивал ногтями стружку со стола. — Я так люблю тебя... Я бы жизнь за тебя отдала...

— Это называется любовью, — заметила мать, восседая в темном одеянии и задумчиво глядя в окно. — Истинной любовью... Это — не чары, не волшебство, не заклинание, которое можно снять. Однажды и ты полюбишь...

— Спасибо, не надо. Плохо, когда твоя мать богиня судьбы, — заметил я, глядя, как мама смотрит на два яблока, лежащих на столе. — Пока нормальные дети получают в подарок игрушечные мечи и новые рубашки, я получал «оп-оп! Еще бы немного и труп!» и «Ай-я-я-яй! Еще бы чуть-чуть и покойник!».

— Почему тебе не нравятся мои подарки? — улыbnулась мать, а я ответил ей нехорошей улыбкой. — А как же тот замечательный дракон?

— Так это ты мне его подарила? Ничего себе! Спустя столько лет узнаю, что это был подарок мне. Почему-то тогда мне казалось, что у дракона тоже был юбилей, а искать подарок было неохота, поэтому, как от сердца сына оторвала! — согласился я, вспоминая поединок.

— Ну что ты, милый. Трудности воспитывают характер и закаляют мужчину, — заметила мать, любуясь своими яблоками. Ткань ее черной одежды стекала на пол, а ее тонкая рука нежно погладила бочок яблока.

— Я заметил! У нас Артур настолько закаленный трудностями, что может спокойно жить в вечной мерзлоте семейных отношений, — согласился я, глядя на черные локоны матери, которая безотрывно смотрела на свои яблоки. — Ты хоть таблички сделай. «Мерлин» и «Артур». Могут рожицы вырезать....

— Ничего ты не понимаешь, — улыbnулась мать, поднимая на меня синие глаза и тяжело вздыхая. — Ты ничего не понимаешь в любви... Вот одно яблоко. Оно красивое и сильное с виду, но стоит его укусить, как ты понимаешь, что там гниль....

— Ага, и половинка червяка, — продолжал я, расхаживая по комнате, пока где-то влюбленным петухом орала в туман Гвиневра, намереваясь вплавь отправиться к любимому.

— Это — Мерлин. Мой лучший ученик, мой лучший жрец... Сколько их было? Сотни, — задумчиво и тихим голосом произнесла мать, усмеаясь и поглаживая яблочко по румяному бочку. — И каждый из них однажды, получив силу вершить судьбы во имя мое, воспользовался ею ради собственной выгоды... И за это его ждал мой гнев. А Мерлин нарушил обет, нарушил клятву, опьяненный жаждой власти... Но он особенный. Таких, как он у меня никогда не было... А вот и Артур...

— Здравствуй папа, — мрачно поздоровался я, глядя на дикое яблочко, по виду к съедобным не причисляемое. — Как у тебя дела, папа? Все в порядке? Просто мама мне тут мозг в мелкую кашу стирает своими страданиями по мужикам.

— Не вредничай, Мор. Артур прекрасен в своей прямолинейности. Он бесхитростный и отважный. Артур — сорняк, который вырос в благородное растение. В нем нет гнили, нет черноты... От него не стоит ждать подвоха или предательства, — задумчиво произнесла мать, разговаривая сама с собой и глядя два яблока.

— А ты, мама — жадная гусеница, которая укусила себя за попу, — сардонически продолжил я, глядя на два яблока в ее руках.

— Защищай Артура, — внезапно произнесла мать, поднимая на меня глаза. — Без тебя он погибнет. А за это я дам тебе вечную любовь.

— Мама, ты решила мне поугрожать? У меня до сих пор свежо в памяти и в штанах, когда в тринадцать лет на меня оскалилась драконья пасть, — возмутился я, бросив взгляд на яблоки и жадную гусеницу, которая их сторожит. — Засунь свою любовь себе обратно. Она мне не нужна.

— Когда ты полюбишь, тогда ты поймешь меня. Я не хочу смерти Мерлина, не хочу смерти Артура. Они мне дороги, но предательства я не прощаю, — с усмешкой заметила мать, глядя в зеркало. — Я пытаюсь дать каждому из них шанс... Так как на счет моего подарка?

— Положу его в долгий ящик, чтобы вспомнить на старости лет, — резко заметил я, глядя на улыбку матери. — У меня есть специальная коробочка «Выбросить жалко», вот туда его и положи. Там еще есть местечко между короной Камелота и совестью, которую ты подарила мне в прошлый раз.

Глядя на тебя я начинаю понимать, что богини не умеют любить.

— Любовь богини отличается от любви смертной, — со вздохом произнесла мать, вставая с места и пытаясь меня обнять, но я отмахнулся. — Мне уже тысячи тысяч лет...

— Спасибо, я уже видел любовь богини, — заметил я, глядя с презрением на яблоки и закатывая глаза в тот момент, когда мать попыталась меня обнять. — Спасибо мама за то, что сплавила меня Моргане, которой нужен был якобы сын от ненавистного мужа, чтобы удержать замок и владения в своих руках. Спасибо за то, что меня тошнит от моря и яблок. Меня тошнит от Камелота, Артура, Мерлина и...

— Ланцело-о-от! — послышалось за окном в клубящемся тумане. — Любовь моя, ты где?

— Спасибо, напомнила, — усмехнулся я, отворачиваясь.

Я проснулся от того, что в глаза ударил яркий малиновый луч рассвета, скользнув по щеке любимой. Она спала, положив голову мне на руку, а на свету блестела слеза. Осторожно, чтобы не разбудить ее, я вытащил руку, подложив вместо нее мягкую подушку. На мгновение я застыл над спящей, чувствуя, как сквозь горечь расставания прорывается нежность.

— Я люблю вас, — прошептал я, склоняясь над ней и глядя по волосам. — Я сделаю, все что смогу, чтобы вернуться... Я сделаю все, что смогу...

— Ваши доспехи готовы, — едва слышно произнес слуга, осторожно приоткрыв дверь, пока я любовался спящей богиней. — Мама, зачем ты подарила мне ее? Чтобы мне было больнее? Прощай, любимая...

— Нет! — внезапно задохнулась она, открывая глаза и хватая меня за руку.

* * *

«Прощай, любимая!», — смысл слов доходил до меня сквозь плотную вату утренней дремы.

— Нет!!! — закричала я, хриплым голосом, вцепившись в него изо всех сил. — Прошу тебя, не надо... Мордред! Не вздумай! Не вздумай...

Он смотрел на меня и улыбался, вытирая ладонью мои слезы. В солнечном луче его темные волосы сверкали красивыми бликами.

— Я кому сказала, — комок рыданий подступил к горлу, а я чувствовала, как сердце вылетает из груди. — Я буду держать тебя... Чтобы ты не ушел. Мне плевать на все... Не отпущу! Никогда и не за что!

Я вцепилась в его сорочку, судорожно сжав кулаки. Не отпущу. Пусть делает, что хочет, но я его не отпущу! Пусть осада замка, пусть все, что угодно...

— Все будет хорошо, — я чувствовала, как меня глядят и прижимают к себе. — Я вернусь... Я сделаю все, чтобы вернуться...

— Нет! — заорала я, судорожно обнимая и чувствуя, что ноги меня не держат. — Не вздумай! Я приказываю, не выпускать его из замка!

— Все будет хорошо, — слышала я шепот, пока моя грудь вздрагивала от рыданий. — Все будет хорошо. Ты мой любимый Грааль, дарующий бессмертие...

— Прекрати! — вознегодовала я, тяжело дыша. — Слышишь, ты никуда не поедешь! Ты останешься в замке!

— Так нужно, — улыбнулся Мордред, а у меня сердце чуть не оборвалось. — По-другому не получится. Но я постараюсь вернуться... Не надо плакать...

— За что? — по моим щекам градом катились слезы, а я чувствовала, как мои руки слабеют. Я пыталась что-то сказать, но получалось лишь какая-то сумбурная несуразица, прерываемая рыданиями.

— Все будет хорошо, — меня поцеловали в макушку, пытаюсь осторожно отцепить мои руки, но я сжала их изо всех сил, не желая отпускать. — Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы еще раз увидеть тебя... Обещаю... Я обещаю тебе...

— Камлан, — вырвалось у меня, а я чувствовала, как меня куда-то несут. В комнате на столе лежал полный комплект черных доспехов, напоминающих чешую дракона, шлем, украшенный драконьими крыльями с хищными прорезями для глаз и меч, рукоять которого напоминала летящего дракона. Черный металл сверкнул в дымке слез, а я чувствовала, как меня медленно отцепляют. Руки обессилели, но я цеплялась, глядя, как слуги застегивают нагрудник и, склонившись, цепляют красивые поножи.

— Нет, прошу вас, — умоляла я, пытаюсь содрать нагрудник и чувствуя, как мои руки ловят и разворачивают их к себе, целуя ладони. — Не надо меня защищать! Я сама смогу себя защитить!

— Ты слишком красивая, что войско Артура при виде тебя повернуло вспять, — рассмеялся Мордред, но глаза у него были мертвыми. Как же они меня пугают эти мертвые глаза. — Левый наплечник пережали!

Я почувствовала, как меня схватили, пытаюсь удержать на ногах, шепча слова утешения.

— Сойдет! — произнес Мордред, а улыбка сползла с его лица. Меч очутился в его руках, а он сделал резкий замах, отводя руку за спину. — Теперь правая!

Меч легко перелетел из одной металлической перчатки в другую, а резкий замах над головами слуг, которые возились с поножами, заставил их вжать головы в плечи.

Я бесшумно оседала на пол, глядя на то, как черные волосы ложатся поверх брони, как сверкнули наплечники, а плащ сел на две застёжки, спадая по широким плечам.

— Не уходи... — бессильно прошептала я, опуская голову и отмахиваясь от слов утешения. — Умоляю... Я готова на все, только, чтобы ты остался... Что мне нужно сделать...

Я жадно ловила воздух, понимая, что сердце разрывается на части, а шепот слуг, которые меня держали, лишь сотрясали воздух.

— Что мне нужно сделать? — в моем сердце мелькнул свет надежды, застывая полные слез глаза. Рядом кто-то тихо плакал, шепча: «Не надо, госпожа... Не надо, дорогая богиня... Подумайте о ребенке....».

Мордред держал шлем в руке, а я застыла, ловя глазами каждый его жест.

— Улыбнись, — послышался голос, а его металлическая перчатка провела по моим волосам. — Я не хочу помнить тебя в слезах... Ты не одна... Скоро ты будешь не одна... Чтобы не случилось, я всегда буду с тобой... Все, не плачь...

Слеза скатилась по моей разгоряченной щеке прохладной каплей, а я не могла найти слова, чтобы сказать их...

— Я люблю тебя, — прошептала я, опуская голову и чувствуя, как меня держат на руках. — Люблю... Я тебе не говорила, но я люблю... Богини тоже умеют любить... Сильно-сильно... Или я никакая не богиня... Ты меня совсем не любишь, бессовестный... Иначе бы... Иначе бы...

Он склонился надо мной, а я почувствовала прикосновение теплых губ к своим губам и стала жадно ловить его дыхание.

— Если бы не любил бы, то никогда бы так не поступил. Судьба не оставила мне выбора, — я чувствовала, как губы отдаляются и пыталась их поймать снова. Он прижался губами к моему лбу, придерживая меня одной рукой, пока я не чувствовала ног.

— Почему... Почему ты меня не слушаешь? — всхлипнула я, кусая губы. — Мы могли бы просто сбежать... Жить в лесу... Есть зайцев... Я согласна есть зайцев... Даже пушистых зайчиков...

Я чувствовала улыбку на его губах и сама улыбнулась, всхлипывая.

— Да, зайчиков, — надеждой произнесла я, заглядывая в синеву глаз. — Только не уходи...

— Я постараюсь вернуться, мой маленький Грааль, — я почувствовала поцелуй в щеку. — Береги себя и его. Он будет похож на меня... С тобой останется Моргана.

Я чувствовала, как меня держат за плечи, а черный плащ стелился по комнате, пока слуги учтиво открывали дверь.

— Нет-нет-нет!!! — задохнулась я, пока служанка протягивала мне кубок с водой. Я дернулась, а вода пролилась на пол.

— Госпожа, — прошептала девушка, а по ее щекам тоже текли слезы, которые она украдкой смахивала, сжимая в руке опустевший кубок. — Прошу вас... Успокойтесь... Вам нельзя волноваться...

Я дернулась вперед, чувствуя, как яростно сопротивляюсь, бросилась из комнаты, пытаюсь догнать и вцепиться намертво, чтобы не отпускать уже никогда.

— Пойдите! Осторожней! — кричали мне вслед, а я мчалась по коридору. А вдруг я его больше никогда не увижу? Вдруг это был последний наш поцелуй? Вдруг он больше не вернется?

Прямо на выходе я вцепилась в него, падая на колени.

— Я же сказал! — холодно произнес Мордред, глядя на меня. — Держать ее в комнате. Неужели сложно выполнить простейший приказ!

Я схватилась за плащ, чувствуя, как меня обнимают и прижимают к себе, дыша в макушку. Сердце не хотело отпускать, умоляло что-то придумать, умоляло броситься в ноги.

— Умеют... Умеют... Богини тоже умеют любить, — твердила я, чувствуя, как дрожат мои губы. И тут я увидела, как откуда-то сверху падают лепестки. В дивном розовом свете на землю летят сотни лепестков, ложась на черные волосы и прячась в складках плаща. Лепестки заматали черный мрамор, кружились вихрем вокруг нас, а я с удивлением смотрела на них, чувствуя, как разжимаются его руки. Тысячи и тысячи лепестков метелью застилали глаза, липли к мокрым щекам, а меня закружило в них, словно в вихре.

Моя рука все еще сжимала его руку, а я чувствовала сталь перчатки.

— Нет, — запричитала я, понимая, что мою руку отпускают, а лепестки и яркий розовый свет ослепляют меня, вращаясь с бешеной скоростью. Я судорожно глотала воздух, а потом цветочная буря утихла. Одинокие лепестки падали вниз на розовый ковер, а я слышала, как где-то со скрипом открываются ворота замка.

Глава восемнадцатая.

Безумцам нет пути назад

— Элейн!!! Моя Элейн мертва! — послышался крик Ланцелота, а он смотрел на меня с мольбой. — Мерлин... Мерлин... Она мертва... Элейн... Мерлин...

— Да, друг мой, — вздохнул я, вглядываясь в белый туман. Над головой каркали вороны,

хрипло и надрывно, а рыцари стояли вокруг, сочувствуя горю. — Она мертва. Смерть забрала ее. Мне очень жаль.

— Но ведь... Мне сказали, что ты был там... Она была жива? — прошептал Ланцелот, глядя в белую мглу, повисшую клоками над рекой. — Отвечай, Мерлин!

— Да, я видел ее в последний раз. Посланник богини судьбы опередил меня, — равнодушным голосом отозвался я, вслушиваясь в голоса ворон и лязг мечей Лоегрин и Персифаля. «Атакуй с фланга! Бей в незащищенное место!», — послышался рык Персифаля. — И она пала замертво прямо посреди разговора. Яд, мой друг... Богиня судьбы погубила ее...

— Но это же несправедливо! Как она посмела! — завыл Ланцелот, падая на колени и выпуская меч из рук. Меч упал на траву, Ланцелот задрал голову, а из его приоткрытых губ вырвалось облако пара. Намокшие от сырости волосы облепили золотым шлемом голову, а он смотрел куда-то в серое небо. Да, рано в этом году стала портиться погода. Мало светлых дней досталось этому лету...

— Почему все так, Мерлин! — скривился Ланцелот, пока я равнодушно смотрел на туманную реку и небольшую заводь. Зима будет долгой.... Вон сколько рябины на ветках. Да и птицы тревожатся.

Я оперся на посох, бросая взгляд на убитого горем Ланцелота, по щеке которого катилась слеза.

— А что ты хотел, мой юный друг, — произнес я, глядя на сверкающий белый доспех, покрытый каплями сырости и вдыхая запах прелой коры. — Ты захотел корону Камелота. Ты захотел править им после Артура. Унаследовать земли и трон. Знаешь...

Я выдохнул, глядя, как намокли перья на моем посохе, как старинный бресилянский дуб, подаривший свое сердце для моей магии, почернел от сырости.

— Судьба должна любить достойных. Тех, кто готов бросить ей вызов, тех, кому не страшно уже ничего. Отчаянных безумцев, но не глупцов, — усмехнулся я, глядя на золотые локоны поникшего Ланцелота. — Шаги судьбы не слышны, ее поступь слишком легка, чтобы пропустить знаки, которые она дает. Ты выбрал себе достойную награду, но не учел лишь того, что чем выше награда, тем страшнее цена. Почему все об этом забывают?

— Проклятая тварь! — сдавленно рыдал Ланцелот, сгребая руками рано опавшие листья. — Ненавижу! Я убью ее! Прикончу!

— Да, да, мой друг. Убей и прикончи, — вздохнул я, глядя на опущенную голову и слушая глухие всхлипы вместе с рычанием. — Именно так определяется истинная цель. Ты сам говорил однажды, что мечтаешь стать королем Британии, что готов пожертвовать всем, ради своей цели. И где же теперь твоя решимость, мой юный друг? Где она? Неужели ты не готов был заплатить за свою мечту?

— Я вобью в нее меч по самую рукоять! — яростно прошептал Ланцелот. — Ничто меня не остановит! Мерзкая тварь будет корчиться в моих ногах за то, что отняла у меня Элейн.

Я смотрел на него, а потом перевел взгляд на ворон. У каждого чуда есть своя цена. Утер Пендрагон возжелал Ингрейну. Я предупредил его о том, что придется заплатить за подарок судьбы, но кто же будет слушать старого Мерлина? Воистину говорят, что мудрость рождается с человеком.

— Мерлин! — послышался позади голос Артура, пока понурый Ланцелот отходил к рыцарям, выражающим свои соболезнования.

Артур стоял рядом со мной, сжимая в руках Эскалибур, а где-то в тумане мелькали силуэты воинов. Я смотрел на светящееся лезвие, чувствуя, как начинаю улыбаться сам себе. Ничего, у старого Мерлина есть еще чары в запасе.

— Я поклялся никогда не прощать предателей Камелота, всегда идти напролом, бросать вызов судьбе! — хриловато произнес Артур, оглядываясь по сторонам.

Я тяжело вздохнул, вспоминая забитого кухонного мальчика с заплывшим синяком вместо левого глаза, который бежал за мной, уверяя, что больше всего на свете, он мечтает стать оруженосцем рыцаря, что это огромная честь служить достойному и храброму воину. «Сэр Мерлин!», — скакал за мной тонконогий кузнецик, потирая свежие побои. Да, у сэра Кея тяжелая рука. — «Я стану оруженосцем?». «Сынок, ты — королевский бастард! У тебя большое будущее!», — усмехнулся я, глядя на расквашенный нос, который утирали рукавом грязной рубахи. «Ура! Я смогу стать оруженосцем! Я буду подавать меч сэру рыцарю, а он будет им поражать врагов, а потом возвращать его мне!», — возликовал малец, спрыгивая с камня. «Артур, ты станешь королем. Королем всей Британии!», — терпеливо ответил я, глядя на то, как до парнишки доходит, что «оруженосец» и «корононосец» — это как бы ни одно и то же. «Но, сэр Мерлин, я не справлюсь! Быть королем сложно! Проще быть оруженосцем! Ты отвечаешь только за меч и доспехи, а тут придется отвечать за целую страну!», — впервые за три дня я услышал от него хоть что-то вразумительное. «Я научу тебя править королевством!», — вздохнул я, глядя как будущий король морщит веснушчатый нос. «Только вы помогайте мне, сэр Мерлин! Без вас я не справлюсь! Я буду делать все, что вы мне скажете, обещаю! А красивая женщина, которая приходила ко мне сказала, что поможет мне во всем!», — заметил малец, скрывая коросту ссадины на руке. «Итак, урок первый. Чтобы тебе не говорили, думай сам и решай сам. Так поступает истинный король!», — произнес я, а на моих глазах маленький кузнецик вытягивался. Тонкие ручки превращались в огромные ручища, а узенькие плечики в косую сажень. Волосы удлинялись, а на лице появлялась светлая борода. Старая рубаха со сквозными дырами превратилась в сверкающий доспех с гербом Камелота. Сколько времени прошло с тех пор, сколько воды утекло.

— Мы его быстро разобьем! Пусть хоть со всем войском явится! — произнес Артур, а я все еще думал о том маленьком мальчике, который допытывался у меня, что значит «бастард». — Он слишком труслив!

— Помнится, ты тоже самое говорил про волка, на которого вы охотились с сэром Кеем и сэром Эктором, — отозвался я, опираясь на посох и думая о чем-то своем. В туманной дымке виднелись кони, слышались разговоры, которые тут же съедал туман. — Раненый, истерзанный собаками сэра Эктора, он убегал в лес, а потом останавливался, словно дразня вас. А когда, казалось бы, все было закончено, а волк, хрипя от смертельной раны, лежал на земле, сэр Эктор спешил, чтобы добить его. И в этот момент волк последним рывком вцепился ему в глотку.

— Славный был рыцарь! — усмехнулся Артур, снова оглядываясь. — Если бы не он, то я бы не выжил! Он был мне как отец... Здесь волков не водится. Зато в Броселианде их пруд пруди. Жаль, конечно, сэра Эктора.

— Да, жаль, — согласился я, глядя, как ему не терпится вступить в битву. — Так вот, я обещал тебе однажды рассказать, что произошло на самом деле. Кажется, теперь самое время. Волк уводил вас в чащу, чтобы спасти свою волчицу и волчат. Он сбивал вас со следа из последних сил, чтобы защитить тех, кто бы дорог, понимая, что жить ему осталось всего ничего.

— Волки они, хитрые! — согласился Артур, пока я вслушивался в карканье ворон. — Опять с воронами разговариваешь, старый друг? И что они говорят?

Говорят, они, что чары подчинения действуют на тех, у кого слабая воля. Я с усмешкой посмотрел на Артура, а потом снова задумался. Что я только не делал, чтобы доказать тебе, что Артур не достоин тебя. Что только не делал Артур, пытаясь доказать тебе, что он достоин твоей любви, сколько битв выиграл, сколько земель объединил... Сколько раз мы сражались за право быть с тобой, сколько испытаний ты нам посылала? Сколько раз мы умирали, чтобы игра начиналась сначала?

В моей руке был сжат медальон, который я снял с новой богини судьбы. Да, кто бы мог подумать, что однажды ты просто сбежишь, не попрощавшись, отдашь третью часть силы какой-то девушке и будешь трусливо прятаться? Ты ведь все видишь. Видишь, но молчишь. Я искал в твоём храме Грааль, но не нашел. Это означает лишь то, что ты забрала его с собой. Умно, тут ничего не скажешь... А поскольку Грааль у тебя, то ты можешь наблюдать за нами. Ты прекрасно видишь нас. И даже умеешь читать мои мысли. Ничего, скоро ты вынуждена будешь явиться. Не зря старый Мерлин был твоим учеником!

— Волк сейчас придет сюда, — вздохнул я, вглядываясь в туман и видя, как вороны взлетают с веток и растревоженным карканьем кружат над лесом. Ага, гонец вернулся, значит, он уже скачет.

— А почему мы послали гонца? — спросил Гавейн, подходя к нам и вглядываясь в туман.
— Мы могли бы сразу напасть на Чэриот!

— Для эффекта внезапности, — терпеливо пояснил я, понимая, что в таком деле туман — наш лучший союзник. — Чтобы никто ни о чем не догадался. Друг мой, это — стратегия! В бой пойдем трезвые и небритые, чтобы вызвать смятение и панику.

— А!!! — глубокомысленно заметил Гавейн, покивав и согласившись с гениальностью моего плана нападения. Остальные рыцари восторжеслись, а я подозрительно вглядывался во мглу, слыша растревоженных птиц.

Сколько же раз повторялась игра? А ведь старый Мерлин чувствовал, что что-то не так. Не может быть, чтобы в какой-то момент ты знаешь, что произойдет? Или уверен, что когда-то раньше все было иначе. Как будто одна реальность накладывается на другую. Или у старика-чародея открылся дар предвидения на старости лет?

Артур положил руку на рукоять меча, а я смотрел на него и улыбался.

— Рано, Артур, — я попросил его опустить меч, глазами показывая на рыцарей. — Обожди.

Перед глазами снова стоял двенадцатилетний светловолосый парнишка, сжимая в двух тощих ручонках огромный меч. Тьма рассеивалась, а люди смотрели на него и откровенно смеялись, не веря тоненьким ручонкам, которые изо всех сил сжимают меч. «Да он меч в руках не удержит! Что говорить о короне!», — улюлюкала толпа, разглядывая маленького оруженосца. Его воробьиный голосок срывался на ветру: «Я пережил нищету, пинки и побои! Я знаю, что такое несправедливость! Я своими глазами видел, как сильный унижает слабого! Я видел беззаконие, которое творится в наших землях! Я, новый король Британии, сын Утера Пендрагона, построю город Камелот! Оплот справедливости и мира, оплот правосудия и защиты. И буду сражаться до тех пор, пока на наших землях не воцарится мир и порядок!».

Это был конец темных времен. Не будет больше гнета римской империи, сильный не будет убивать слабого, оставшиеся в лесах legionеры некогда могущественной державы не будут разорять деревни, соседские народы больше не будут совершать набеги на наши земли, феодалы перестанут творить беззаконие. Теперь у Британии есть король. Теперь он сможет объединить всех под своими знаменами!

«Я клянусь вам, что буду защищать справедливость до конца!», — пискнул малыш, едва ли не выронив клинок.

Маленький огонек надежды вспыхнул в сердцах, а люди один за другим стали опускаться на колени. Им очень хотелось верить словам маленького мальчика, который утирал кровавую соплю из расквашенного носа. Еще бы! Турнир в самом разгаре, а клоп-оруженосец умудрился потерять меч своего рыцаря после того, как его с утра мутузили из-за плохого настроения сэра Кея.

— Я клянусь, что буду защищать справедливость до конца, — прорычал Артур, а я улыбнулся. Маленький оруженосец из воспоминаний растаял, а передо мной стоял настоящий король. Из туманной мглы появился черный всадник. Конь поднялся на дыбы, едва ли не опрокинув седока, но тут же встал, как вкопанный, позволяя седоку спешиться.

Я осмотрелся по сторонам, ударил посохом, а вокруг нас появился полог, скрывающий нас троих от взглядов смертных и богов. Кое-чему я все-таки научился!

— Ну что ж, дорогие мои друзья, — с усмешкой произнес Мордред, снисходительно глядя на Артура. — Кто автор гениальной идеи поставить войска вокруг Авалона? Признавайтесь? Где этот гигант мысли? Чтобы я из окна смотрел и думал, что вы часто меняетесь? Ну что? Орден «Мама никак не может определиться» в сборе? Почетного члена вижу и почтенного члена тоже. Кажется, все на месте.

— Молодой человек, — заметил я, глядя на оскал драконьей пасти, украшавший его черный шлем, который он снял с головы и взял под руку. — Уважайте старость...

— Куда ж тебя, старенького, на любовь потянуло? — усмехнулся Мордред, глядя на меня снисходительно. — Седина в висок, бес в ребро, в голову моча, вызывай врача?

— О, мой юный друг! Чем старше мужчина, тем больше он становится сторонником длительных ухаживаний, — отозвался я, глядя на Мордреда, который улыбнулся. Да, как же он похож на мать. Те же волосы, те же глаза.

— Сначала ищешь женщину, за которой ухаживаешь, а потом довольствуешься той, кто ухаживает за тобой? — заметил он, осматривая поле. Артур усмехнулся, отворачиваясь.

— Так, а у кого тут интеллект проснулся раньше времени? — заметил Мордред, а его люди стояли вдоль кромки поляны. — Рано, папа, рано. Потом хоть ученую степень получай. Мерлин, я, конечно, верю в то, что она нас не видит и не слышит, но мало ли. Я не знаю силу Грааля. Мне его даже в руки не давали, так что тут нужно быть осторожней. Давай, накладывай иллюзию на все поле!

Я поднял руку, глядя, как прямо перед нами вырастают воины, которые сражаются друг с другом. В воздухе свистели стрелы, слышался лязг мечей и крики раненых. Кровь заливала поле, над которым кружились голодные вороны. Мордред задумчиво смотрел на картину.

— Так, я что-то не понял. Вон те двое! Что они делают в кустах? Они точно сражаются? Почему один наклонился в позу почтения вашему величеству, а второй пристроился сзади? — Мордред осматривал каждую деталь, а я усмехался, следя за ним. Да, в свое время я недооценил мальчика. Я думал, что Грааль у него и у его богини, но Грааля у них нет.

— Ты ей ничего не говорил? — негромко спросил Артур, наклоняясь к Мордреду.

— А тебя не смущает, дорогой папа, что мать видит мир ее глазами? И слышит ее ушами? Нет? — заметил ядовито принц, пока в тумане сражались воины, похожие на настоящих. — Так, дорогие мои, давайте, вспоминаем, что кому обещала одна очень жадная гусеница, запутавшаяся в своих яблоках. Она всем обещала дать. Мне возможность жить так, как я хочу. Тебе, дорогой Мерлин, Грааль и любовь, тебе Артур — сына и любовь. Итак, у моей любимой богини Грааля нет. У меня Грааля нет. У тебя, Мерлин, Грааля нет. Это означает, что жадная гусеница унесла его с собой. И в любой момент нас ждет что? Правильно! Призовая игра! Будем в сто восьмой раз доказывать жадной гусенице, что мы достойны, что мы — молодцы, что мы тут всячески стараемся ей угодить.

Я прислонился к дереву, понимая, что мальчишка обвел меня вокруг пальца. Меня, старика Мерлина. Он загнал меня на Авалон, чтобы я увидел все своими глазами, прекрасно зная, что на слово я не поверю. И там я увидел петлю времени, которую сумел снять. Вот только не учел, что Грааля там не окажется.

— Так, живые по кромочке леса, — командовал Мордред, размахивая мечом и облизывая пересохшие губы. — Натуральней. А не так, как ...

— А на каком основании мы должны подчиняться его приказам? — заорал Лоегрин, бросаясь с мечом на Мордреда.

— Потому что это мой приказ, — сурово произнес Артур, глядя на расстановку сил на поле. — Встали и сражаемся! Выберите себе кого-то из отряда Мордреда! Живо!

Лоегрин и другие рыцари смотрели на нас странными глазами.

— Это что еще за чары? — спросил Гавейн, осматриваясь по сторонам. — Артур! Что происходит?

— Пока что невыполнение приказа, — произнес Артур, положив руку на Эскалибур. Рыцари растерянно осматривались по сторонам, а потом друг на друга.

— Мы думали, что будем сражаться с Мордредом и его войском! — вознегодовал

Персифаль, снимая шлем.

— Девочки, давайте быстрее, а то всех мальчиков разберут! — Мордред схватил сэра Кея за плащ и толкнул под ноги одному из своих воинов. — Так, у нас тут двоих не хватает! Лоегрин сражается с Персифалем! Мало ли, что они не поделили? Может, Персик стал слаб глазами, а может, пытается объяснить сыну — идиоту, что враги в темных доспехах! Быстренько, быстренько, я кому сказал! Сражаемся натурально!

Битва кипела, а я стоял и украдкой с улыбкой смотрел на сына Артура. Магическая завеса скрывала все наши приготовления.

— Гордись, Артур, — усмехнулся я, глядя на черный силуэт, который осматривает иллюзию со всех сторон. — Твой сын сумел обыграть даже меня, старого Мерлина. Надеюсь, что богиня купится на этот трюк. Очень на это надеюсь. Пока Грааль в ее руках, мы не можем быть уверены в том, что игра не начнется снова. Как только богиня увидит, что мы все умираем, она придет. Если не ради меня, то ради тебя, Артур. Если не ради нас, то ради сына.

— Я так рад, что больше не приходится изображать идиота под действием заклинания, — усмехнулся Артур, тяжело вздыхая.

— На тебя бы оно все равно не подействовало, друг мой, — отозвался я, глядя на него с улыбкой и понимая, что сейчас игра в руках Мордреда. — Только те, кто лишен своей воли, кто слаб духом способен поддаться таким чарам. Но быть идиотом иногда выгодно. Король-идиот — видит больше, чем умный и хитрый король. Я когда-то учил тебя этому. Посмотрим, мой друг. Ничего не хочу загадывать заранее.

— Я просто хотел забрать у нее своего сына, — произнес Артур, глядя на свои руки. — Моего мальчика, ради которого я объединил земли, отстроил Камелот. Я предложил ей тогда, чтобы она снизошла ко мне вместе с ребенком, чтобы правила, как моя королева. Я бы дал ей все, что она пожелает. Но она отказалась. А я так мечтал видеть маленького мальчика, который бегают по замку, и красавицу, с улыбкой следящую за ним. Я бы сгребал их в свои руки и понимал, что у меня есть то, чего не было никогда. У меня есть семья. Настоящая. Я мечтал держать на руках своего сына, мечтал, чтобы он вырос хорошим человеком.

— Конечно, папа. Был бы я хорошим человеком, утонул бы вместе с кораблем, — усмехнулся Мордред, а в его глазах была странная издевка и ненависть. — Видимо, именно на это вы и рассчитывали.

— Мы просто хотели забрать тебя у матери. Артур помнил, что ты родился в Бельтайн, поэтому мы придумали для богини судьбы пророчество. Сложно было вычислить твой возраст, ведь на Авалоне время течет иначе. Но до нас дошли слухи, что тебя отдали на воспитание во внешний мир. И тогда мы действительно собрали всех детей, которые родились на Бельтайн, посадили их на корабль, ожидая, что богиня судьбы вмешается, но она не вмешалась. Корабль отчалил от берега, а я держал его магией. Как только он начал тонуть, а дети один за другим погружаться в пучину, по велению магии, они снова оказывались в своих семьях, словно ни в чем, ни бывало. Малыши ничего не помнили, так же как и их родители. А потом тебя каким-то чудом вынесло на берег. Артур бросился к тебе, но тебя уже схватила мать. «Я не отдам тебе своего сына! Ты еще не заслужил права быть с ним!», — произнесла она, растворяясь в воздухе. Бедная Моргана пыталась помешать нам, забрать тебя, а богиня подстроила все так, чтобы она случайно погибла. Точно так же, как и Леди Ингрейна, на которую она наслала безумие.

Я тяжело вздохнул, вспоминая, как рыдал Артур, стоя на коленях на песке, где только что волна вынесла его сына.

— Судьба часто обманывает людей. И мы не исключение, мой друг, — ответил я, глядя в синие, холодные глаза наследного принца.

* * *

Допустим, это все правда. Мерлин и Артур смотрели на меня, а я отвернулся.

— Я уже взрослый мальчик, и сам завязываю на узелок тех, кто мне не нравится, папа, — насмешливо ответил я, глядя на то, как Артур тяжело вздыхает. — Так что обойдемся без родственных соплей.

Туман крался с реки, а я осмотрелся по сторонам, глядя, как призрачная стрела пролетела сквозь меня, а призрачный воин упал на колени, пронзенный в горло. Не нравится мне этот туман...

На секунду я застыл, вглядываясь в туман, а потом опустил глаза, проводя перчаткой по своей груди. Я отчетливо видел, как умираю, видел, как по груди течет кровь... А еще я видел лицо моей богини и лицо моей матери, склонившимися надо мной.

Я мельком бросил взгляд на Мерлина, который стоял под деревом, опираясь на посох. Артур молча стоял рядом, не сводя с меня глаз. «Не трогай его!», — махнул рукой Мерлин. — «Его обида все еще сильна!».

Странно, но я не могу просчитать, откуда исходит угроза, но отчетливо вижу свою смерть. Туман застилал поле призрачной битвы, а я отошел к дереву, глядя, как Мерлин выставляет вперед руку, окутывая нас заклинанием и обнажая поле битвы. Яростные крики, звон оружия, стоны и свист стрел звучали достаточно натуралистично.

— Она придет, — негромко заметил я, глядя как на самом видном месте поля появились три фигуры. Мерлин, который разил заклинаниями направо и налево, Артур и я, сошедшиеся в смертельном поединке. Изорванные, измочаленные плащи трепетали в тумане, сталь лязгала о сталь, а на моем лице был смачный росчерк крови. Кровь сочилась из плеча Артура, а на его щеке появился еще один кровавый шрам. Поединок продолжался, страсти накалялись, Артур оттеснял меня, а я сопротивлялся. Матери не было.

— Между прочим, — заметил я, глядя в упор на Артура, который с надеждой посмотрел на меня. — Шрамы от Эскалибура не заживают. Спасибо, что выслушал меня тогда, дорогой папа. Приятно, что теперь я смотрю в зеркало и вижу подарок от любимого отца. Поверь мне, первые раз десять я вел себя, как примерный мальчик, совершал подвиги даже в честь курицы, пробегающей по двору Камелота. Но потом мне слегка надоело. И уже на одиннадцатом витке игры, я решил, что злом быть намного приятней и интересней.

Я подозрительно смотрел на битву, понимая, что кого-то не хватает. Туман стелился по реке, наплывая в тихую заводь, а я вглядывался в него. Мы замерли, глядя, как я пробиваю насквозь мечом Артура, а он обрушивает меня на землю и вбивает в меня меч.

В гробовой тишине, мы просто стояли и ждали. Я видел, как хватаю Эскалибур и бросаю его в Мерлина, прибив его к дереву. Чародей с ужасом смотрит на рукоять меча и...

— Она не пришла, — заметил Мерлин, а позади меня послышался вздох Артура. — Странно, да? Мы тут умерли все, а она не пришла.

Истекающие кровью я и Артур расползались подальше, зажимая смертельные раны. Где-то на дереве Мерлин стонал, как при родах.

Да...

— Ну что ж, — усмехнулся я, глядя на свои предсмертные крики: «Мама! Мамочка!». — Делаем выводы и расходимся по домам. Будем надеяться, что на этом все и закончится. Пусть она подавится этим Граалем.

— Да, кто бы мог подумать, — усмехнулся Мерлин, пока я согревал себя мыслью, что скоро увижу мою маленькую богиню. Скоро обниму ее, прижму к себе и больше не отпущу. Я чувствовал себя влюбленным Ланцелотом, готовым скакать на край света, лишь бы просто прижать ее к себе и прошептать ей: «Я жив, все порядке...». Кстати, о Ланцелоте...

— Так, а где Ланцелот? — я посмотрел на Артура и Мерлина, а потом медленно перевел взгляд на озеро. — Где Ланцелот?

* * *

Я сидела на ковре из лепестков роз, а потом вскочила на ноги, умоляя дать мне коня... Слуги опустили головы, а я бегала глазами, обещая им такие повороты судьбы, от которых у мужской половины замка волосы встали дыбом.

— И вместо красавицы, — с угрозой в голосе произнесла я, глядя на молодого слугу. — Ты встретишь красавца... А ты вообще замуж не выйдешь! Быстро, коня! Я — богиня судьбы! Приказываю!

Слуги молчали, пока стража закрывала дверь на дубовый засов. Я пыталась открыть его, суля такие приключения, от которых дыбом встала даже борода сурового вояки в доспехах.

— Госпожа, — прошептала девушка — служанка, которой я пообещала двадцать восемь детей, если она сейчас же не поможет мне. — Пройдите в покои... Вам не стоит сидеть на холодном полу...

— Оставь меня, — рявкнула я, добавив еще двадцать детей к общей численности. Девушка побледнела, но стойчески отказывалась выполнять приказ.

— Хозяин приказал не выпускать вас! — сурово произнес стражник, а я задыхалась от ужаса, пытаюсь осознать свою боль. — Мы выполняем последний приказ хозяина!

Мне помогли встать и в гробовой тишине повели в комнату. Я обессиленно упала на кровать, терзая руками подушку. Внезапно прямо в комнате послышался женский голос.

— Я здесь, моя богиня. Теперь я служу вам. Ваша верховная жрица — Моргана Ле Фей...

Я обернулась и увидела ту самую темноволосую женщину в капюшоне, которая стояла посреди комнаты, объятая белесым туманом. Я сглотнула, видя, как она делает шаг в мою сторону и снимает капюшон. На меня смотрели любимые, синие глаза, от которых я закусила палец, чтобы не разрыдаться.

— Я прошу вас, выслушайте меня, — произнесла Моргана, пряча лицо под капюшоном, пока я пыталась взять себя в руки. — Когда мне было двенадцать лет, Утер Пендрагон обманом овладел моей матерью, а потом женился на ней. Мы, старшие дочери, были поспешно выданы замуж за вассалов, чтобы не путались под ногами. Моим мужем стал Лот, старый, мерзкий, отвратительный ублюдок, которого я возненавидела сразу же, как только увидела...

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — прошептала я, бросая взгляд на окно. Если удастся выбраться, то...

Внезапно Моргана появилась возле окна, заслонив собою свет, а я посмотрела на нее с ненавистью.

— Я рассказываю тебе это не просто так, — заметила она, чуть склонив голову. — Мне было двенадцать, а ему около сорока. Помню, как в первую брачную ночь, пряталась среди мешков на кухне, умоляя богиню судьбы спасти меня от участи быть женой... Я так ей благодарна. О, если бы вы знали. Я поклялась, что отныне моя жизнь принадлежит ей, и богиня имеет право распоряжаться ею, как ей угодно. И я приняла на воспитание Мордреда, выдав его за сына Лота. Благодаря этому я сумела удержать владения. Я верой и правдой служила богине судьбы, и сейчас я, как верховная жрица, говорю вам то, что должна сказать. Ваша судьба в ваших руках.

— То есть, я могу его спасти? — едва слышно прошептала я, чувствуя, как слезы просохли.

— Если успеешь, — прошептала Моргана. — Если успеешь, богиня. Ему действительно угрожает опасность. Он видел в зеркале свою смерть.

Я слушала ее, чувствуя, как в ушах пошел такой звон, от которого захотелось зажать их. Звон становился нестерпимым, а я пыталась закрыть уши, падая на колени и закрывая глаза. Звон перерастал в женский голос, а я панически дышала, разбирая лишь отдельные слова, похожие на мое имя. Внезапно звон оборвался, а перед глазами была темнота. Вокруг царила такая тишина, что мне показалось, я оглохла сразу на оба уха.

— Слушай меня внимательно, никудышная преемница. Правильно я сделала, что не оставила тебе Грааль, — произнес отчетливый женский голос, а я выдохнула от напряжения, чувствуя, как он давит на меня. — Слушай внимательно. Мне плевать, что они там затеяли, я не такая дура, чтобы повестись на этот трюк. Скажи Моргане, чтобы она предупредила. Войско идет по воде! Две тысячи против полутора сотен.

Голос оборвался, а я пыталась прийти в себя, видя смутные очертания комнаты, яркими гранями режущие глаза и расплывающиеся от внезапной слабости.

Покачиваясь, я трясла головой, чувствуя, как не слышу собственного голоса.

— Моргана, — мой голос был хриплым и казался мне тихим. — Быстро на Камлан. Войско идет по воде. Две тысячи против полутора сотен. Быстро, я кому сказала!

Я видела бледное лицо Морганы, которая посмотрела на меня синими глазами.

— Быстро! — прокричала я, пытаюсь ухватить призрак. Сквозь руки прошел черный дым, а я увидела огромную черную птицу с синими глазами. Ту самую, которую видела однажды в Броселианде. Я распахнула окно, чувствуя, как холодный воздух ударил порывом ветра в лицо, а Моргана с клекотом взметнулась в небо.

— Две тысячи против полутора сотен, — шептала я, глядя на целое войско, которое стоит под замком в полной боевой готовности. Черные доспехи сверкали, а я смотрела сверху вниз на маленький гарнизон.

Ветер трепал волосы, а я чувствовала, как носом пошла кровь. Я вытерла ее, размазывая по тунике.

— Никудышная, говоришь? — выдохнула я, ужасаясь своим мыслям. — Ладно. Посмотрим.

Я летела вниз, мысленно представляя, как птица летит сквозь туман. Прямо возле входа в замок я столкнулась со стражей.

— Выпустить меня немедленно! — рявкнула я, понимая, что огромный дубовый засов меня не пугает. — Я кому сказала! Где командующий! Кого оставили за главного!

— Миледи, — подлетели служанки, пытаюсь меня успокоить. — Успокойтесь... В замке вы в полной безопасности!

— Пустите меня! — я раздавала удары направо и налево, понимая, что гуманизм — это мое второе имя. — Быстро! Найдите мне его!

Ко мне притащили какого-то мужика в доспехах, которому я едва ли доставала до груди.

— Миледи, послушайте! — хрипло произнес он, но я решила, что сегодня говорить буду я, а слушать он. — Миледи, успокойтесь!

— Слушай меня внимательно, — рявкнула я нагруднику с драконом. — Я приказываю, на правах хозяйки замка, собрать все войско, которое осталось оборонять замок.

— Вы не имеете права нам приказывать! — твердо ответил главнокомандующий. — Вы — женщина. Приказы женщины распространяются только на слуг.

— Я твоя королева! — заорала я, швыряя ему в лицо корону. — Я имею право приказывать тебе!

— Никак нет, — ответил военачальник, пока я мысленно подбирала слова и аргументы, в

тот момент, пока все с пола подбирали челюсти. — Королева не имеет права командовать войсками!

Кто-то из слуг попытался поднять мою корону с пола и надеть мне ее на голову, но я запустила в него королевскими почестями.

— Если ты не подчиняешься женщине, если ты не подчиняешься приказам королевы, тогда ты подчинишься воле богини судьбы! И поверь, я прокляну тебя до восьмого колена! — прошипела я, глядя на черный нагрудник. — И так будет с каждым. Если сейчас же вы не откроете дверь и не соберете отряд, то потом не жалуйтесь на судьбу! И пусть ваши дети не жалуются. И когда через пару сотен поколений вашему прапрапра... и так далее вместо айфона пришлют кирпич, поверьте, это моих рук дело! Так что живо!

В зале воцарилась тишина. Я тяжело дышала, поднимая голову.

— Нам отдан приказ защищать вас! — произнес командующий, а я осмотрелась по сторонам.

— Иди сюда, — подтащила я служанку, которая тут же съежилась. — Быстро найди мне способ выйти из замка.

— Но, миледи, — проблеяла она, затравленно оглядываясь. — Хозяин запретил вам покидать замок.

Я бросилась по коридору, приставая ко всем слугам, но они прятали глаза и умоляли меня прекратить. И тут внезапно я наткнулась на бабку, которая убирала золу. Я уже хотела пробежать мимо.

— Постой-ка, — проскрипела бабка, глядя на меня с прищуром. — Слыхала, что тебе нужно. Так и быть. Выведу. И коня найду. Только ты, богиня, поможешь мне. Замуж я хочу.

— Хорошо, — согласилась я, нервно осматриваясь по сторонам. — Замуж? Не вопрос.

— И не просто замуж, а за сэра Гавейна! — выдала бабка, вытирая руки о платье, а меня прибило к полу такими новостями.

— Хорошо, будет тебе Гавейн! Только шустрее! — взмолилась я, глядя на то, как бабка медленно разгибается. В такой «гавейн» я еще никогда в жизни не вляпывалась. — Бабушка, я тебя умоляю.

— Пойдем, пойдем, богиня, — кряхтела бабка, идя такими шажочками, что я уже все изнервничалась. — Сейчас!

Она подошла к не приметной стене и открыла дверь, о которой я бы ни в жизнь не догадалась.

— А ты как думала, не все слуги по коридорам шастают! — пояснила мне бабка, пока я умоляла ее ускориться. Секунды сливались в вечность, а я чувствовала, как дрожат мои руки.

— Вот, — произнесла бабка, чем-то скрипнув, а мы очутились во внутреннем дворе замка, а старушенция спрятала ключ. — Кони там. Помни про Гавейна! Ворота я тебе открою. Но помни про уговор!

Я подобрала подол туники и бросилась к стойлу, где стояли три лошади. Одна из них была оседлана, а два мужика снимали с нее сбрую.

— Стоять! — заорала я, подлетая по грязи и пытаясь открыть стойло. — Подсадите меня! Живо!

Растерявшиеся мужики переглянулись, а я уже пыталась самостоятельно взгромоздиться на изумленную лошадь. Наконец-то один из них догадался меня подсадить, а я закинула ногу пытаясь удержаться в седле. Я вцепилась в поводья, умоляя лошадку быть умницей и не показывать миру, как богиня делает сальто в грязь.

— Но! — заорала я, глядя, как лошадь двигается вперед, а мужики пытаются отойти в стороны.

Я чувствовала, как лошадка медленно пошла по грязи, поэтому ударила ее ногами. Не помогло!

— Так, будь хорошей девочкой! — я попыталась быстро наладить контакт, чувствуя, как съезжаю на бок. — Гони!

Я слегка ударила ее по крупу, чувствуя, как она приподнимается, а меня качает назад так, что я едва удержалась руками за вожжи, а зубами за воздух.

— Ипона мать! — выругалась я, чувствуя, как лошадь пошла. — Давай, лошадушка, живее!

Лошадь ускорила, а я стиснула зубы, понимая, что все в жизни бывает впервые.

— Открыть ворота! — закричала я, умоляя лошадку не тормозить. — Я приказываю!

Ворота медленно открывались, а я боялась даже чихнуть в их сторону. Лошадь пошла уверенней, а я вцепилась в нее. Бабка, конечно, дает!

— Я здесь! Кто тут поклялся охранять меня? — заорала я, глядя, как на меня высовывается охрана. — Давайте, охраняйте!

Я попыталась припустить в галоп, вспотевшими руками сжимая поводья.

— Молодец, девочка, — попыталась я похвалить лошадку. — Только ты главное — не прыгай. Договорились? Если что объедем осторожненько! Давай, милая! Тык-дык!

Я слышала, как по замку пронесся крик, а за мной послышался отдаленный шум копыт. Осторожно обернувшись, я увидела, как за мной мчится кавалькада из всадников. Ничего себе сколько их. Они еще выезжали из замка, пока я пыталась прибавить ходу.

Ветер хлестал в лицо, рвал волосы, а я искренне надеялась, что еду в правильном направлении.

* * *

* * *

— А потом ко мне подошел Артур, рассказывая о том, что видит то, чего не было. Вот тогда я, старый Мерлин, крепко призадумался. Я догадывался о петле времени, но доказать ничего не мог. Я всячески пытался разорвать ее. Я посылал Артура на самые сложные задания, устраивал внезапные засады, в надежде, что явится или сама богиня или ее воплощение. А потом появилась Гвиневра. Я сразу заподозрил, что она — воплощение богини! Если она воплощение, то Грааль должен был быть у нее, но... — разглагольствовал старик, пока Артур задумчиво смотрел на то, как мы умираем на поле боя. Неужели он надеется, что она придет? — Но Грааля у нее не оказалось.

— Это просто потому, что кто-то слишком умно думал. Да, папа? — бросил я, сжимая рукоять меча, а потом снова отпуская, глядя на Артура опустившего глаза. — Это был тот самый случай, когда я буду искренне рад узнать, что ей плевать на нас.

— Тогда, когда ты загнал меня на Авалон, я обыскал все, но не было даже следов Грааля. Пришлось похозяйничать в храме. А когда Вивьен схватила новое воплощение Андастры, та не понимала, что мы от нее хотим. И поверила в то, что мне удалось повернуть время вспять. Добрый Мерлин уже слишком стар, чтобы играть с судьбой, — прокашлялся чародей, опираясь на посох и поглаживая бороду.

— На тебе еще пахать можно, — усмехнулся я, глядя на сгорбившегося старикана, пока на поле боя слышались ужасающие стоны.

Туман становился гуще, а я смотрел на поле брани, где рыцари круглого стола столпились вокруг умирающего двойника Артура. Молочная дымка тумана обволакивала отсыревшие стволы, а я смотрел на Мерлина и Артура.

— Где этот сын маминой подруги? — смутное чувство тревоги снова кольнуло меня, а я смотрел на покрытую густой завесой реку. — Артур! Где твой верный рыцарь? Где воплощение героизма и идиотизма?

— Видимо, сбежал, — усмехнулся Артур, снова глядя на меня так, словно я вот-вот запрошусь к нему на ручки, обниму за шею и назову папой.

— Хм... Когда я плохо кушал яблоки, мама всегда говорила, что сын ее подруги уже сожрал полдерева вместе с листьями, — усмехнулся я, вспоминая многострадальную тарелку. — Когда я только учился держать в руках меч, мама говорила, что сын ее подруги уже умеет им бриться. Когда я впервые сел на коня, сын ее подруги, по словам мамы, уже третью кобылу загнал. А потом я узнал, что это — Ланцелот, и воспитательный процесс зашел в тупик.

— Он сбежал, — мрачно повторил Артур, тяжело вздыхая, пока Мерлин что-то сковыривал с посоха, думая о чем-то своем.

— Как подлый и мерзкий трус, который не достоин быть рыцарем круглого стола! — пафосно заметил я, с укором глядя на Артура. — И пусть первый бросит в меня Камелот тот, кто мастерски косил под околдованного злым чародеем идиота.

— Мудрость короля иногда заключается в том, — глубокомысленно заметил Мерлин, ударяя посохом несколько раз по земле. — Чтобы выглядеть глупее подданных.

— А мудрость чародея заключается в том, чтобы по ноющим суставам четко угадать погоду! — усмехнулся я, чувствуя, как мокрые от тумана волосы липнут к лицу, а туман становится почти осязаемым. Главное, что моя маленькая богиня в безопасности. Это — самое главное. Мне так спокойней. Я старался думать о том, как она повиснет у меня на шее, как возьму ее на руки, покрывая поцелуями мокрое от слез лицо.

Туман напелзал, становясь настолько густым, что я потерял из виду часть картины. Река и тихая заводь притягивали взгляд, а моя рука снова легла на рукоять меча. Пар вырвался вместе с тяжелым вздохом.

— Тихо, — негромко произнес я, чувствуя, что не удастся проникнуть взглядом сквозь покровы тумана. Внезапно, сквозь туман мне на руку спикировала птица, клекоча и ударяя крыльями. Я подбросил ее в туман, выхватывая меч. — Они идут по воде! Ланцелот ведет войско!

Птица взметнулась вверх, а потом снова сделала круг надо мной, пока Артур отдал приказ рыцарям бросить все и собираться в отряд.

— Скажи ей, чтобы она не покидала замок! Что бы ни случилось! Пусть сидит там! Скажи, что туман опасен! Пусть не подходит к воде! — крикнул я, выдыхая облако пара и глядя на черные крылья Морганы. — Поставьте охрану вокруг нее! Оцепите комнату! Сохраните ей жизнь любой ценой. Если Ланцелот разобьет нас — вывози ее на Авалон. Ты меня поняла? Будь с ней рядом. Всегда.

Моргана исчезла в тумане, а у меня дрогнуло сердце, вспоминая прощание и хрупкие плечи, которые вздымаются от рыданий. «Не плачь...», — едва слышно шептал я. — «Только не плачь.... Я прошу тебя... Кто —нибудь, дайте ей силы пережить все это!».

— Все сюда! — командовал Артур, размахивая мечом. — Отступаем! Ланцелот нас предал! Он ведет сюда войско!

— Странно, что не я, — не выдержал я, всматриваясь в туман. — Даже удивительно...

— Гавейн! Живо собирай всех! Отступаем в Камелот! — хрипло кричал Артур, а мне на руку снова села Моргана, заходясь испуганным клекотом.

— Пробуй! — заорал я, подбрасывая птицу и глядя на мокрого Артура, вокруг которого столпились рыцари. — Пробуй! Пробивайся! Мне плевать как, но пробивайся! Я тебя на том свете достану, если с ней что-то случится!

— Там завеса из тумана! — закричал кто-то, а я слышал ржанием коней и доблестную панику в наших стройных рядах. — Стена из тумана! Мы отрезаны! Нам некуда отступать!

— А потом расскажут легенды о том, как злой племянник и, вероятно, сын, убил своего доброго дядюшку и возможного отца, за что тут же схлопотал мечом по кумполу, и битва плавно перетекла в загробный мир! — заметил я, пока Мерлин орал что-то заковыристое, стоя перед туманной стеной.

— Сэр Мерлин! — подъехал мокрый Лоегрин, лихим движением вытирая воду, капающую с носа. — Вы пытаетесь прервать злое колдунство?

— Нет, он пока просто ругается, — заметил я, ядовито глядя на забежавшего старикана, который нехорошо зыркнул на меня. — Сюда, живо! Держать строй!

Передо мной стоял мой отряд, а смотрел на воду, стекающую по черным доспехам и плащам. Воины тяжело дышали, обнажив мечи.

— Ну что? Размялись? Отлично. Сейчас будет бой! Если удастся прорвать завесу, то отступать будем с боем, так что готовьтесь, — скомандовал я. Она в безопасности. С ней все будет в порядке. Если мы погибнем, то наш сын сможет претендовать на престол. Он единственный, кому подчиниться Эскалибур.

— Мерлин! Быстро создавай иллюзию войска! Выстраивай его по периметру! — я сплюнул волосы с лица. Где-то над головой слышался яростный клекот Морганы, за моей спиной появлялись стройные ряды призрачных воинов, а из тумана на реке показался белый конь со всадником в сверкающих доспехах. Конь скакал по воде, а потом остановился, вставая на дыбы. Позади него вырисовывались очертания воинов.

Вода расступилась, поднимаясь волнами, а перед нами предстала Вивьен в белоснежном платье. Словно сотканная из тумана, она парила рядом с Ланцелотом.

— Я уже заказала балладу о том, — прожурчала она, глядя на нас. — Как доблестный Артур и подлый предатель Мордред схлестнулись в смертельном поединке. Сын смертельно ранил отца, а отец смертельно ранил сына. Все рыцари Круглого стола пали при Камлане, но мужественный Ланцелот Озерный, узнав о том, что Артур в беде, собрал войско и поспешил на помощь своему королю....

Мы молчали, глядя на то, как из тумана прибывают враги.

— Перед смертью Артур передал ему корону и Камелот, а Ланцелот двинулся на Чэриот, чтобы отомстить подлому Мордреду за смерть Артура и разгромить его замок. Красавица Гвиневера, влюбленная в мужественного Ланцелота, согласилась стать его женой, но вскоре после свадьбы умерла, а безутешный Ланцелот всю жизнь потом проклинал себя за то, что не успел спасти любимую. А что касается тебя, Мерлин... После смерти Артура ты нашел приют в уютном хрустальном гроте, откуда больше никогда не смог выбраться. Мне кажется, что это — самая красивая баллада, которую только можно сочинить, — прожурчала Вивьен, глядя на нас с улыбкой.

— Рыба гниет с головы, — заметил я, глядя на молчаливого Артура, который сжимал в руках Эскалибур. — Сейчас одна треска получит в печень.

— Вивьен! — Мерлин сделал шаг вперед, опираясь на свой посох, а я внимательно следил за Ланцелотом, который прятался за маминым аквариумом. — Дорогая моя, Вивьен! Я так понимаю, ты ожидала, что здесь будут маленькие отряды, но ты посмотри! Здесь стоит целое войско. И еще одно на подходе. Подумай сама, дорогая моя, твой Ланцелот может погибнуть. И, поверь, никакая магия не сможет его воскресить.

— Это и твой сын тоже, Мерлин, — высокомерно заметила Вивьен, а лицо старика вытянулось. Он даже нервно закашлялся. — Помнишь, двадцать пять лет назад ты купался в озере?

Я смотрел на Мерлина, понимая, что у старикана сейчас борода дыбом встанет.

— Я бы хотел узнать, как вы там плавали? Кролем? Брасом? Раком? — не выдержал я, глядя, как Мерлин бросает на нас с Артуром странные взгляды. Артур тоже заинтересованно смотрел на Мерлина.

— Я купаться в озере больше не буду никогда! — заметил Артур, осматриваясь по сторонам. — Теперь я понимаю, почему сэр Эктор учил меня, что любая грязь на теле — лечебная.

— Эм... — застыл Мерлин, подняв кустистые брови на Ланцелота. — Я не помню, чтобы что-то было... Да, я сторонник гигиены, поэтому купаюсь часто, но... эм...

— Дорогой Мерлин видимо плавал баттерфляем, — я с улыбкой смотрел на Вивьен, которая висела белым призраком в воздухе. — Потому что у Ланцелота мозгов, как у бабочки. Мерлин, собирай свои молоки в кулак.

— Я — богиня вод, и для того, чтобы обзавестись сыном, не обязательно делать так, как делают люди, — прожурчала Вивьен, улыбаясь ошарашенному новостями Мерлину. — Достаточно просто искупаться в реке и понравиться мне.

— Понятно, кто последний плыл, тот и папа. Вот так всегда. Сначала гребешь, потом отгребашь! — заметил я, слыша яростный клекот Морганы. Давай же, пробивай!

— Ты убил Элейн! — закричал Ланцелот, обнажая меч. — Вы все виноваты в том, что Элейн мертва! Моя жена мертва! Я пришел отомстить за Элейн! За мою королеву!

— Да, — вздохнул Мерлин, глядя на Ланцелота и покачав головой. — Это — не мой сын, явно. Друг мой, так и быть расскажу тебе. Твоя мать Вивьен очень хочет, чтобы ты стал королем и женился на Гвиневре. Но ты уже женат, поэтому жениться на Гвиневре ты бы не смог. И что тут прикажешь делать твоей заботливой матушке? Она пришла к старому Мерлину и сказала, что Элейн должна умереть. Бедняжка случайно утонет, пока маленький безутешный Галахад будет бегать по берегу. Поэтому старый, но добрый Мерлин, решил взять судьбу Элейн и Галахада в свои руки. Мастерская иллюзия, драматичная смерть, безутешный сирота и слуги, которые растрезвонили всем о кончине госпожи. Повелась ты, Вивьен, на дешевый трюк. Зато Элейн с Галахадом в безопасности.

Ланцелот поднял голову, а слезы, застывшие на его щеке просохли. Он посмотрел на мать, сглотнул и...

— Так тебя обвели вокруг пальца, мама? Элейн жива? Ты должна была убить ее сама, а не поручать Мерлину! — заорал он, брызгая слюной. — Как я теперь смогу жениться на Гвиневре!

— Никак, — усмехнулся я, мысленно снимая с моей жены роскошную тунику и покрывая поцелуями ее плечи. — Сын маминой подруги тебя уже опередил.

— Не переживай, сынок! — спешно ответила Вивьен, журча вокруг него. — Мама об этом позаботится! Главное, не переживай... Мы найдем ее, и все будет хорошо! Я лично убью ее! Но перед этим, нужно расчистить путь к трону!

Внезапная волна поднялась с реки, а я Мерлин попятился, пытаясь растянуть щит.

— Не забывай! — послышался голос на гребне волны. — Я — богиня, а вы всего лишь воплощения! Вам некуда бежать! Барьер не выпустит никого!

— Эскалибур сюда, — прошипел я Артуру, видя краем глаза, как он убирает руку. Молниеносное движение, и меч вонзился в грудь Вивьен, которая рассказывала нам о том, как славно будет жить Британия под правлением ее сына. В этот момент Вивьен рассыпается каплями, а меч снова оказывается в руке Артура.

— Глупец, который сражается с туманом? Это что-то новенькое, — рассмеялась звонким переливом Вивьен. — Ланцелот! В бой!

Я чувствовал, как в крови разливается такой азарт, что первый удар в светлых доспехах

оказался для него смертельным. Мой меч пробил его горло насквозь, а едва ли успел обернуться, чтобы отразить еще один удар. Внезапно двоих отмело от меня мощной вспышкой, но третий был на подходе, пытаюсь пробить мне грудь мечом. Сквозь яростный крик, лязганье мечей, я услышал торжествующий клекот Морганы.

— Прорвалась, — выдохнул я, валя на землю еще одного воина, чтобы тут же опустить сверху меч. Стрела клюнула меня в бок, но прошла по касательной а я отбивал удар следующего, яростно вбивая меч прямо в его забрало. Главное... Главное, что она в безопасности... Главное, чтобы они не прорвались... Как же я хочу вернуться... Хотя еще один раз... Увидеть ее...

Я ударил мечом наотмашь, слыша рычание Артура. Огромный медведь обрушивался на целый отряд, окруживший его со все сторон, разрывая их в клочья. Через мгновение Артур снова бросился вперед, разрубая Эскалибуром следующего врага.

Я задыхался, не видя просвета. Чья-то голова вместе со шлемом слетела и покатилась вниз, радостно подпрыгивая, а меня теснили к деревьям. Просто увидеть ее... Большого не прошу... Выживу... Буду ползти... Лишь бы увидеть...

Кровь текла по моим рукам, а я сплевывал волосы, отражая еще один удар. По моей руке текла кровь, но раз поднимается, значит, не смертельно. Подо мной росла гора трупов, а я отходил, чувствуя, как наступаю на чью-то руку.

— Персифаль!!! Папа!!! — разнесся эхом крик, утонувший в яростном натиске, который едва удавалось сдерживать. На мгновение я увидел чьи-то перепуганные глаза в забрале, а рука уже вырвала меч из горла. Главное, не думать, сколько их. Не думать о численном перевесе. По виску текла или вода, или кровь, я так и не понял, а перед глазами была миниатюрная красавица с золотыми волосами в нежной тунике...

— Хэ... — усмехнулся я, снося еще одну голову и чувствуя, как видение затуманивает глаза. Она улыбалась, капризничала, вредничала, а я яростно рубил руку с мечом, слыша крик боли. Мой маленький Грааль... Если я вернусь, я буду носить тебя на руках... Как я хочу, чтобы ты меня обняла...

* * *

* * *

Я скакала, слыша, как мне позади что-то орут. «Быстрее, лошадка! Будь хорошей девочкой!», — шептала я, шмыгая носом. За мной следовало целое войско, а лошадка несла меня в какой-то лес. Ноги немели от напряжения, неудобное седло болтало меня то вправо, то влево, а перед глазами мелькали деревья.

— Миледи! Вернитесь в замок! — кричали мне вслед, а я пыталась удержаться в седле, чувствуя, как моя лошадка набирает скорость. Руки намертво вцепились в поводья, а я напряглась всем телом, боясь внезапно сделать сальто.

Внезапно на меня бросилась черная птица. Она присела плечо, уставшая, измотанная и израненная, больно впиваясь когтями и заставляя меня морщиться. Она что-то клекотала, а я не понимала, что она хочет мне сказать.

— Моя твоя не понимать! — скривилась я, а Моргана взлетела, делая круг надо мной. — Веди меня на Камлан! Мне плевать, что он сказал. Веди меня на Камлан! Пусть потом хоть год со мной не разговаривает!

Моргана сделала круг и полетела в сторону, а я попыталась направить лошадь за ней. С горем пополам у меня получилось, а я погладила лошадку, рассказывая ей, какая она замечательная девочка.

Мы скакали, а погоня за мной не отставала, видимо, в надежде, что я одумаюсь или лошадь сдохнет раньше времени. Пейзажи мелькали, а я уже не запоминала дорогу, но каждый раз сердце екало от надежды, что вот-вот... Еще немного.

— Миледи! Вернитесь! — кричали мне, но продолжали ехать за мной. Моргана летела в сером небе, а я старалась повернуть коня туда, куда она указывала.

— Только бы успеть, — шептала я, задыхаясь от ветра, бьющего в лицо. — Только бы успеть... Я уже не знаю, кому молиться!

Внезапно я увидела небольшой туман, который стелился по горьким травам, расползаясь белой мглой. Лошадка пронеслась мимо, а я видела, что солнце меркнет, а туман сгущается.

— Остановитесь! — кричали мне вслед, а позади меня слышался такой топот, от которого хотелось припустить еще быстрее. Туман клоками висел на ветвях деревьев, а в ушах свистел ветер. Я едва ли не слетела с лошади, судорожно вжимаясь в нее, когда та перескочила через ручеек. Сердце лихорадочно колотилось, а где-то в высоте раздавался крик израненной птицы.

Туман превращался в молочную дымку, а я боялась потерять птицу из виду, как вдруг передо мной раскинулась огромная белая стена, сотканная из тумана. Лошадь остановилась, а я слышала, как за мной летит погоня.

Моргана ударилась оземь, принимая человеческий облик.

— Это и есть Камлан, — прохрипела она, а я смотрела на ее изнеможенное лицо. — Завеса, которая поставила Вивьен. Я сумела сквозь нее пробиться, но это отняло у меня слишком много сил.

Я лихо сползла с коня, чувствуя, что «раскоряка» — это мое второе имя на ближайшие сутки, а потом прикоснулась к ледяной мокрой стене. Он там... Любимый там...

— Я смогу ее открыть, — прохрипела Моргана, глядя на меня страшными глазами. Она стояла перед стеной, раскинув руки, а я нервно обернулась. «Быстрее, быстрее!», — шептало сердце, которое заходило в груди. Я не могла спокойно стоять на одном месте, чувствуя, как задрожало в груди сердце. Его нервная дрожь передавалась руке и ногам, заставляя тяжело дышать.

Позади слышится конский топот погони. Всадники приближались, а я, затаив дыхание, следила за тем, как откуда-то рождается ветер.

— Именем Богини Судьбы! Именем Великой Андастры! — кричала Моргана, а ветер сдул капюшон с ее плаща. — Именем богини, заклинаю вас, ветра! Развейте туман судьбы, покажите будущее!

Страшный ветер пронесся между деревьями, ломая ветки и скрипя стволами, а я впервые слышала, как мной заклинают стены. Голос Морганы сливался с воем ветра, а туманная стена под натиском бури стала поддаваться. Руки чародейки дрожали, а волосы поднялись вверх. Меня едва не сдуло, но я успела схватиться за ближайшее дерево, обняв его как родное.

Туман поддавался, ветер гнал его прочь, прогоняя жуткими завываниями. В груди оборвалось, заставив ноги трусливо подкоситься, когда сквозь туман появились очертания страшной битвы.

Стена, сотканная из тумана, разлеталась клочьями, а Моргана обессиленно упала на траву. Я подбежала к ней, видя, как развеивается непроглядная мгла, отделяющая меня от любимого. До меня доносились крики и лязг оружия. Сердце вздрогнуло, когда я услышала чей-то предсмертный, пронзительный до боли крик.

— Только бы не он, — лихорадочно прошептала я, глядя на сражение и не зная, что делать.

— В бой! — закричали подоспевшие рыцари из числа моих «охранников», бросаясь в гущу сражения, а Моргана призраком таяла у меня на руках.

— Богиня, я потратила все силы, что у меня были. Даруй мне свободу и покой, — прошептала она, пока я смотрела на полупрозрачный силуэт, который испарялся, становясь едва различимым. — Я искупила свою вину за то, что не уберегла ребенка, и он попал в руки Артура и Мерлина.... Скажите, что я искупила вину... Не возвращайте меня снова... Не продлевайте мои муки...

— Да, Моргана, — прошептала я, глядя в ее синие глаза, а силуэт почти растаял. Сквозь него я видела свои колени. — Спасибо тебе. Если бы знала, как я тебе благодарна.

— Я больше не Верховная Жрица богини судьбы Андастры, — прошептала она с улыбкой, а вместо нее взмыла черная призрачная птица, растворяясь в туманных небесах.

Битва приближалась к нам ужасающим грохотом, яростными криками и лязганьем, кто-то кричал: «Завеса сорвана!», а черное войско Чэриота оттесняло белое войско Ланцелота в сторону реки. Мое сердце умирало, как только я видела мертвые тела, распростертые на земле. Белый... Белый.... Черный... Нет, не он... Это не он... Еще черный... Не он... .

— Только бы не он! — шептала я, понимая, что не могу смотреть на мертвых, и при этом боюсь отвести глаза. Они жадно выискивали знакомое лицо, знакомый доспех, а меня мутило от вида ужаса, который творит с людьми война. — Умоляю, только бы не он! Нет, нет, нет... Не он...

Я хотела крикнуть, но крик, словно застрял у меня в горле, когда я видела сражающихся воинов. Один из черных пал пронзенный мечом прямо на моих глазах, а я зажала рот рукой, чувствуя, как она дрожит.

Я видела израненного Артура, который стоял, тяжело дыша, прислонившись к дереву. Вокруг него валялась целая грудa мертвых тел, а сэр Гавейн и кто-то из рыцарей в порванных синих плащах яростно рубили врагов, прикрывая собой короля. По лицу Артура текла кровь, а он прижал руку к животу и опустил голову. Недалеко от него стоял Мерлин, пытаясь исцелить рану.

— Агравейн! — кричал Гавейн, обрушивая удар на противника, пока к нему уже пробивался еще один рыцарь круглого стола со вмятиной на шлеме, от которой у меня по телу пробежала дрожь.

Мерлин стоял перед Артуром, положив руку с сиянием на его рану, а король безвольно опустил голову.

Железное месиво напоминало консервы в одном пакете, а белое войско уже отступало в реку. Но внезапно ситуация переменилась. Сдаваясь под натиском, черные рыцари отступали, а я металась в тумане, пытаясь рассмотреть любимого. И тут я увидела гору групп, от которого по телу пробежала волна отвратительных, липких мурашек, а в тумане сверкнули золотые локоны Ланцелота.

Он яростно сражался ни на жизнь, а насмерть с черным окровавленным воином в порванном плаще, который выглядел ужасно. Я застыла на месте, а потом в какой-то момент сердце дрогнуло и оборвалось. Сквозь текущую кровь по доспехам, разодранный плащ, сквозь маску из грязи и крови, я увидела знакомые черты.

Я застыла на месте, видя поединок ни на жизнь, а на смерть. Ланцелот оттеснял Мордред к дереву, пытаясь выбить меч у него из рук.

— Мордред, — задыхнулась я, видя, с каким азартом и ненавистью Ланцелот наносит удар за ударом. Мое сердце замирало при каждом ударе, а я судорожно боялась, что любимый не отразит его, пропустит. Но сталь снова звенела о сталь, а я умирала с каждым замахом, чтобы на секунду воскреснуть и снова умереть.

Я растерялась, не зная, что делать. Лезть под руку было страшнее всего. Где-то слышались крики: «За короля!», а все вокруг стало каким-то ватным. На секунду я бросилась к ним, не чувствуя ног, а через мгновение увидела, как под грудой мертвых тел что-то сверкнуло. В луже крови отчетливо виднелась рукоять Эскалибура, сверкающая драгоценным камнем.

«Можно убить только Эскалибуром!», — пронеслось в голове, а я, задыхаясь, схватила

рукоять, потянув ее на себя. Моя дрожащая рука сжимала светящийся клинок, а странная невидимая волна прошла меня насквозь, отдаваясь каким-то теплым чувством в животе. Эскалибур! Задыхаясь, на ватных ногах, я бросилась к ним, чувствуя, что меч почти невесом.

— У нее Эскалибур!!! — закричал кто-то, среди мешанины ужасающих звуков. — Смотрите!

— Мордред, — закричала я, бросая меч, и видя, как любимый свободной рукой умудряется перехватить его на лету, бросив на меня лишь мимолетный взгляд. Я так и не успела увидеть, что произошло, но через мгновение окровавленный Мордред, тяжело дыша, держал перед собой Ланцелота. К горлу пресветлого рыцаря был прижат меч.

— Нет! — послышался страшный женский крик, пока Ланцелот с ужасом косился на сверкающее лезвие. — Сынок!

— Вивьен, — голос любимого был хриплым. Волосы облепили лицо, на щеке была грязь вперемешку с кровью, а порыв ветра поднял вверх изодранный плащ. — Либо ты сейчас же убираешь своих воинов, либо Ланцелот торжественно умирает, как доблестный рыцарь от меча своей матери. Романтично, не так ли...

— Не смей! — послышался журчащий голос Вивьен, а я увидела в тумане ее силуэт. — Не смей убивать моего сына!

Ланцелот попытался дернуться, но лезвие впилося ему в шею, пуская небольшую струйку крови. Пресветлый рыцарь решил, что попытки сопротивления вполне достаточно для героической баллады, поэтому притих и побледнел.

— Впервые я задумался об этом, когда мама привела его в пример, — послышался хриплый смех, а я с ужасом смотрела на кровь, которая стекала по его лицу. — Отводи свое войско, Вивьен. Живо.

Богиня стояла перед сыном, а тот смотрел перепуганными глазами на мать.

— Второй раз я повторять не буду, — послышался охрипший голос, а Вивьен протянула руку к Ланцелоту.

— Ты не убьешь его, — прожурчала Владычица Озера, паря в тумане, словно привидение. — Знаешь, что будет, если ты убьешь его?

— Знаю, — прокашлялся Мордред, тяжело дыша паром. — Купаться больше не пойду. Отводи войско, Вивьен! Или красавцем он больше не будет. Раны, нанесенные Эскалибуром, почти не заживают, а если заживают, то оставляют шрамы.

— Ты не посмеешь! — прошипела Вивьен, протягивая бледную руку в сторону Ланцелота. Ее платье и волосы растекались по воздуху, словно в невесомости. — Это будет последнее, что ты сделал!

— Я предупредил. Достаточно, — произнес Мордред, сплевывая окровавленные волосы с лица. — Останови битву.

— Я тебя услышала, сын богини судьбы, — прожурчала Вивьен, поднимая бледную руку, а светлые рыцари стали отступать в сторону реки. — Но, поверь, такого я не прощаю.

Битва остановилась и наступила тишина, прерываемая всхлипами раненных и гроыханием доспехов. Кто-то из воинов тащил раненного, кто-то ковылял, тяжело опираясь на меч, один из рыцарей упал на колени перед грудой тел, снимая шлем.

— Отступаем! Все! Гавейн! Это и тебя касается! — прозвучал сорванный голос Мордреда, а он потянул за собой Ланцелота. — Все отходим! Я пойду последним! Мерлин!

— Рана серьезная, — послышался голос старого чародея, а я пыталась понять, что вообще происходит. — Но держится. Ничего, он сильный. Справится. Да, Артур.

— Мой король! — бросился кто-то из рыцарей круглого стола к тому дереву, под которым

сидел Артур. — Артур ранен!

«Отец!», — кричал Лоегрин, таща за собой хрипящего Персифаля, потерявшего шлем. Сэр Кей мрачно ковылял опираясь на меч, Гавейн с омерзением выдернул меч из трупа, а потом, пошатываясь, двинулся в сторону Артура.

— Помаша маме ручкой, Ланцелот, — выдохнул любимый, едва держась на ногах, а Вивьен привидением парила в тумане, безотрывно глядя на сына.

— Ты зря решил навлечь гнев богини вод! Пусть моя жизнь и Эскалибур связаны, и меч сам выбирает кому служить, но ... — ее голос стал бурлить, а вода в реке поднялась стеной. — Пусть держит рукоять рука, но острие найдет врага! Богиня Рек, Богиня Вод за это жизнь свою дает!

В одно мгновение лезвие Эскалибура засветилось, ослепляя всех ярчайшим светом всех. Я покачнулась, отшатнувшись от вспышки, а через мгновение наступила темнота, а меня крепко обнимали руки. Сердце вздрогнуло, а я подняла глаза, видя знакомое лицо, перепачканное грязью и кровью.

Мое сердце вздрогнуло от радости, а по моим щекам потекли слезы, когда я протянула дрожащую руку к лицу Мордред.

— Жив, — прошептала я, проводя по его лицу и мокрым от крови волосам. — Жив... Все хорошо...

Сквозь слезы радости, я видела, как он смотрит на меня яркими синими глазами, а по его губам скользит улыбка. Меня держали в руках, а я чувствовала, как его руки начинают медленно разжиматься. Сердце вздрогнуло, а я услышала тяжелое дыхание. Любимый покачулся, а я судорожно попыталась его удержать.

Глава девятнадцатая.

Жизнь отымела смысл

— Все... хорошо, — выдохнули мне в ухо, а я понимала, что он медленно оседает вниз. — Отпусти...

Я держала любимого изо всех сил, не сводя глаз с его лица. В уголке рта показалась кровь, алой струйкой стекая на подбородок. Мордред медленно опускался на колени, а я всеми силами пыталась удержать его, но не могла. Что произошло? Как? Когда? Откуда кровь?

— Все будет... хорошо, — любимый попытался улыбнуться, а я задыхалась, глядя на уродливый сверкающий осколок торчащий из его груди. Я застыла на месте, боясь даже смотреть на пробитый доспех, откуда бурыми наплывами сочилась кровь.

— Держу, держу, — лихорадочно шептала я, оседая вместе с ним на траву и положив его голову себе на колени. Зажав рот рукой, я смотрела на осколок, чувствуя, как меня начинает трясти. А внезапный приступ паники накрывал меня удушающей волной. — Нет... Нет...

— Тише, — услышала я шепот, а мне на щеку легла окровавленная рука. — Тише... Не надо плакать...

Мои губы дрожали, а я протянула руку к осколку, боясь прикоснуться к нему. Перед глазами все плыло, а я не верила своим глазам

— Не трогай. Пробил насквозь, — услышала я шепот, а его грязная рука соскользнула с моей щеки и сжала мою протянутую руку. Я цеплялась за нее, как могла, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Кто-нибудь... Прошу вас... Помогите... Я гладила пальцами его

большую руку, прижимая ее к груди.

Сквозь мутную пелену я видела, как Мерлин стоит, опираясь на дерево, заслонив собой Артура от летящего осколка. По его мантия пропиталась кровью, даже кончик седой бороды покраснел, а старик смотрел на короля, который еще не понял, что произошло.

— Все хорошо, Артур, — негромко произнес чародей, а посох выскользнул у него из рук дрожащих рук. — Все-таки успел... Не такой уж я и старый...

Все казалось призрачным, похожим на сон. Белый туман рассеивался, обнажая серое, невзрачное и пасмурное небо. Я тяжело дышала, умоляя, чтобы это был сон. Просто сон.

— Мерлин! — прохрипел Артур, а тот медленно опустился рядом, откинув седую голову и облокотившись на дерево. Его борода покраснела, а он улыбнулся Артуру, положив сухощавую руку поверх окровавленной руки Артура. Это сон. Мерлин не мог спасти Артура ценой своей жизни! Не мог! Это просто сон.... И тут мою руку сжали, а перед глазами все поплыло. Казалось все звуки стихли, а под доспехам Мордред забарабанил противный дождик, смывая кровавые разводы. Капли дождя попадали ему на лицо, стирая грязь и кровь и обнажая смертельную бледность. Губы любимого казались безжизненными, бескровными и лишь тонкая струйка крови, убегавшая из уголка рта, придавала чудовищные краски этой картине. Его скользкие от крови пальцы держали меня, а Мордред укрыв второй рукой осколок, на который я смотрела, словно сквозь размытую пелену.

— Не смотри. Мне уже не больно, — слышался шепот, когда сверху на осколок легла перчатка. Я прижимала его руку к своим губам, целуя ее и чувствуя, как по щекам текут безудержные слезы. — Сними с меня плащ и накинь... Промокнешь...

Мои губы дрогнули, а чувство реальности возвращалось вместе с ледяными каплями, летевшими откуда-то из серости небес.

— Все будет хорошо, — шепотом твердила я, иступленно целуя окровавленную и грязную руку любимого, не зная, чем ему помочь. — Все будет хо...

Рыдания душили меня изнутри, а закрыла глаза, умоляя спасти его. Кто-нибудь! Прошу вас! Не верю... Я не верю, что он умрет... Я не верю... Я отказываюсь верить... Синие глаза смотрели на меня с нежностью, а мои губы дрожали.

— Хо... ро... шо... — судорожно икала я, нежно глядя лицо Мордреда и пытаюсь стереть кровь. — Пожалуйста...

Я до боли прижала его руку к своей щеке и очнулась от своего крика, срывавшего горло, жадно ловя воздух.

— Моя маленькая богиня, — слышала я задыхающийся шепот, от которого сердце замирало. Я ловила каждое слово, каждый вздох и боялась, что он умолкнет навсегда. Синие глаза смотрели на меня, а я склонилась к приоткрытым губам и целовала, прижимаясь щекой к мокрой щеке, прикрывая любимого собой от дождя. Мои слезы капали на его лицо, размывая грязь и кровь, а я бережно держала его голову, чувствуя, как дрожат мои руки.

— Люблю... Люблю... — шептала я, умоляя его побыть со мной еще хоть мгновение. Еще мгновение. — Не уходи...

Я улыбалась сквозь слезы, кусала дрожащие губы, закрывала глаза, оберегая любимого и пытаюсь согреть холодеющую руку дыханием. Вода стекала по моим волосам, а я не замечала холода. Зубы стучали, а я тихо простонала, пытаюсь заглушить рождающийся крик отчаяния.

— Я рад, что увидел тебя... — слышался угасающий голос, а я снова разучилась дышать, проводя рукой по мокрым, спутанным, черным волосам. Ярость, рожденная бессилием, ненависть, рожденная болью, страх, рожденный потерей, накатывали волнами, а я только начала осознавать, что больше никогда не увижу его. Никогда... Это последние мгновения его жизни.

— Я с тобой, — шептала я, беззвучно рыдая у него на груди и скользя пальцами по

мокрому нагруднику доспехов. Золотые застёжки плаща сверкали драгоценностями, а рука, которую я сжимала, была ледяной и мокрой.

— Все будет хорошо, — донесся до меня голос Мордред, а я сжала его руку, глядя на него с такой нежностью, с какой не смотрела никогда. — Ты не одна... Теперь вас двое... Он всегда будет с тобой...

Рука слабо выскользнула из моей руки и легла мне на живот. Я поймала ее, снова пытаюсь согреть, а на губах любимого дрогнула тень улыбки.

— Я вижу, как вы гуляете вместе Как ты держишь его за руку ... Как садишь на колени ... играешь с ним...

Зачем? Зачем ты мне это говоришь! Не надо, умоляю... Я проклинала барабнящий дождь за то, что едва могла различать слова.

— Не говори так, — выдохнула я, но тут же замотала головой, снова прижимая его руку к своим губам и тяжело дыша. — Ты сам будешь держать его на руках... Ты нам будешь очень-очень нужен...

Внезапно меня больно схватили за волосы и резко дернули, а чувствовала, как его рука бессильно падает вниз. Из последних сил Мордред пытался сжать рукоять меча, а меня отшвырнуло на траву. Надо мной стоял Ланцелот, глядя на меня в упор странным взглядом. По его волосам текла вода. Золотые локоны, красивые, ясные глаза, светлые доспехи делали его похожим на рыцаря из старой сказки. Меня схватили за лицо, поднимая одной рукой, пока я пыталась вырваться, чувствуя, как слепая ярость душит меня.

— Они все сдохнут здесь, а ты поедешь со мной в Камелот. И попробуй кому-то рассказать про то, что видела! Поняла меня? — выдохнул Ланцелот. — Будешь рассказывать то, что я тебе скажу! И попробуй только заикнуться о том, что видела! Слышишь?

Металлическая перчатка больно впивалась в кожу, а я кряхтела, пытаюсь разжать его руку, а потом вцепилась ему в лицо, в волосы, пытаюсь выцарапать глаза. «Тварь!», — шипела я, извиваясь и чувствуя, как меня волокут. Сердце разрывалось при мысли, что там на траве осталась вся моя жизнь. Внезапно послышался рев, а Ланцелот швырнул меня на траву, выхватывая меч. Огромный, раненный медведь стоял на задних лапах позади Ланцелота, опускаясь на него всем весом и выбивая меч из рук рыцаря-мечты всех девушек от шести до шестидесяти. Медведь страшно ревел, а я отползала подальше, видя, как зверь отмахивает лапой доблестного рыцаря, а тот теряет сознание, шмякнувшись об ствол дерева.

Медведь, тяжело дыша, возвышался надо мной, но тут его глаза закатились, и зверь рухнул на траву, оборачиваясь королем Артуром. Из последних сил он подполз к Мордреду, глядя кровь, которая все еще стекала вниз, размываемая последними каплями дождя. В сердце промелькнула слабая надежда на то, что он сможет спасти... Вдруг он знает способ... Мало ли... Несколько ударов сердца, ослепленного надеждой, но, король положил перчатку на грудь сыну и склонил голову.

— Не подходи к нему! — опомнилась я, вспоминая, что еще недавно они были врагами, но Артур поднял на меня глаза, а потом молча опустил голову.

— Прости меня, сын, — послышался глухой голос Артура, а я впервые слышала, чтобы он назвал Мордред сына. Металлическая перчатка лежала на груди Мордред, а тот через силу открыл глаза, глядя мутным взглядом на отца.

— Прости меня, — срывающимся шепотом прохрипел Артур, склонившись над ним, пока я ревниво оберегала любимого, прижимая его голову к себе. — Прости меня, сын. Прости за то, что называл тебя трусом... Прости за то, что мне приходилось это делать, чтобы твоя мать прекратила свою безумную игру...

Артур тяжело дышал, а потом закашлялся кровью.

— Однажды твоя мать, когда я впервые держал тебя на руках, сказала мне: «Ты должен быть достойным нас!». И я готов был сносить любые удары судьбы, рисковать жизнью,

создавать то, что никому еще не удавалось создать до меня... Я делал это и верил, что однажды буду держать тебя на руках. Но судьба обманула меня... И когда ты впервые переступил порог Камелота, я узнал тебя... Но был уверен, что ты на стороне матери... Не смотря на это, я дал тебе место за Круглым Столом... Лишь бы видеть тебя... Мне казалось, что я сходил с ума... Я мог предугадать слова, мог предугадать какие-то действия, словно это уже было когда-то... Тогда мне начиналось казаться, что безумие Утера, проклятие Пендрагонов, настигло меня... Вечное чувство, словно это уже было когда-то, но не так преследовало меня, а я даже боялся сказать об этом Мерлину. Как будто десятки снов об одном и том же накладываются друг на друга... Вот... Вот на что это похоже...

Голос Артура на мгновение умолк, а он тяжело выдохнул.

— «Доверься мне, друг мой!», — произнес Мерлин. — «Что бы я ни сказал, что бы ни сделал, просто доверься! Она выбирает. И однажды эта реальность станет еще одним сном». В каждом сне я вел себя достойно, чтобы завоевать ее любовь, а потом... Потом понял, что больше не могу так жить... С каждым днем мне все сложнее отличать реальность от снов...

Я видела, как он склонился, а волосы прикрыли лицо. Внезапно он заревел медведем, бессильно ударяя кулаком по земле.

— Позаботься о ней, — прошептал Мордред, не открывая глаза. По его щеке скатилась капля дождя, похожая на слезу, а я сжала его руку, чувствуя, как она ослабела. — Прикажи увести ее отсюда.

— Нет! Я буду с тобой, — выдохнула я, всхлиывая и понимая, что у меня уже нет слез. — Я буду с тобой до конца... Никуда не уйду...

Я уронила голову любимому на грудь, чувствуя, как слабая рука водит по моим волосам, а я вздрагиваю, понимая, что бессильна что-то сделать.

— У тебя волосы мокрые, — услышала я тихий голос, а его рука застыла. — Ты ничего не смогла бы сделать. Даже яблоки с Авалона бессильны против ран, нанесенных Эскалибуром... Уходи, не мерзни... Я просто очень устал...

Я закрыла глаза, чувствуя, как страшный крик отчаяния рвется наружу, а я не могу крикнуть.

— Спокойной ночи, любимый... — прошептала я, а пелена слез застелила глаза. Он еще дышал, а я, склоняясь к его губам, сквозь слезы вспоминала то маленькое счастье, которое скоро станет воспоминанием.

— Не уберегла... Не спасла... Какая же я богиня? — глотала слезы я, понимая, что — конец. Все кончилось, а я не знаю, как жить дальше.

— Богиня часто находила себе любимчика, — послышался слабый голос Мерлина, а я обернулась, чувствуя, как слезы льются, не просыхая. — Считаю, каждое столетие появлялся новый герой... Но когда он становился старым и немощным, она забывала о нем, бросив, как сломанную игрушку... Богиня бессмертна, Грааль дарует ей вечную жизнь и молодость, которой она никогда не делилась со смертными. Не плачь, богиня, если тебе удастся заполучить Грааль, то в следующем столетии ты найдешь себе другого...

— Как ты смеешь! — прошипела я, с ненавистью глядя на старика, который усмехнулся. — Если надо, я умру вместе с ним. Мне плевать! Я никакая не богиня! И даже не Гвиневера! Я не знаю, кто я... Но знаю, что не хочу жить без него... Просто не хочу... Я не хочу вечно страдать, вспоминать, думать о том, что не уберегла...

— Эх, Артур... Видимо, это нам не повезло с богиней судьбы.... Ну что ж... У меня осталось еще одно волшебство, которое я берег для себя... — усмехнулся чародей, а я на секунду разучилась дышать. Артур улыбнулся и кивнул

— Наше время уже прошло, — послышался голос Мерлина, а я обернулась, глядя сквозь слезы на старого чародея, который сидел под огромным деревом и смотрел на нас с улыбкой. Старик через силу поднял окровавленную руку, а она засветилась серебристым

светом. Я лихорадочно задышала, видя, как черный доспех любимого засветился, а проклятый осколок медленно выходил из раны любимого. Затаив дыхание и зажав рот рукой, чтобы лишний раз не вздохнуть и не спугнуть волшебство, я смотрела на сморщенную и руку Мерлина и улыбку на лице старика. Рана на груди Мордредра затягивалась, а я чувствовала, как дрожит сердце, не веря глазам. Мерлин исцелил? Не верю... Не верю... Это сон.... Чудеса... Волшебство...

Страшная рана затягивалась, а я склонилась над любимым, боясь прикоснуться к нему. Я бросила недоверчивый взгляд на старого чародея, рука которого обессиленно упала и погасла.

Мне все равно, кто на чьей стороне, мне плевать, кто кого ненавидел, я задышалась не зная, смеяться или плакать. А вдруг ничего не получилось? Вдруг это обман? Иллюзия? Осторожно, словно боясь спугнуть наваждение, я прикоснулась рукой к щеке Мордредра, а его веки дрогнули.

Чувство безмерной благодарности переполняло меня, когда я почувствовала, как любимый шевельнул рукой. Я бросилась на него, целовала губы, гладила лицо, чувствуя, как Мордред медленно приходит в себя. Рука, которую я сжимала, сжала мою руку. Сердце разорвалось от радости, когда глаза открылись, а в них отразилась синева прояснившегося неба. Я обнимала так, как не обнимала никогда, захлебываясь от счастья и чувствуя, как слезы текут не переставая.

В этот момент мне казалось, что сквозь туманы пробивается солнце, что счастье есть, что больше никогда ничего не попрошу ни у кого, что я готова все простить старому чародею...

— Какое счастье, — шептала я, глядя на небо. — Какое счастье...

Меня обнимали, а я рыдала, как маленькая девочка, понимая, что не могу остановиться. Я готова была упасть на колени перед старым чародеем.

— Не ожидал, старик, — услышала я любимый голос, который, казалось бы, не услышу никогда. И это было не воспоминание.

Я все еще не верю... Не верю... Но так счастлива! Я видела Артура, который улыбался, зажимая свою рану, а потом бросила взгляд на Мерлина, который покачал головой.

— Увы, это последнее чародейство. Время магии закончилось вместе с жизнью старого Мерлина, — произнес чародей, задумчиво глядя на нас. — Время Артура тоже подходит к концу. И вряд ли когда-нибудь родиться тот, кто сможет затмить его славу...

И тут в тишине, которая зависла после слов старика, послышался недовольный женский голос: «У меня из-за вас чуть котлеты не пригорели!». Легкая поступь заставила меня обернуться, а я увидела темноволосую женщину, в почему-то знакомом халате и в знакомых тапках. Где-то я их уже видела... Не помню, где... Женщина трясла рукой, а мне показалось, что у нее половина ногтей алая. Она подула на руку, разглядывая ногти, а потом обвела взглядом всех присутствующих.

— Честно, не ожидала, — высокомерно произнесла женщина, глядя на нас, а потом переводя взгляд на Артура и Мерлина. — И кого вы хотели обмануть тем спектаклем? Меня? Древнюю богиню Андастру? Ладно, ты, Мерлин. Я и так читала твои мысли при помощи Грааля. Поверь, тебе почти удалось меня обвести вокруг пальца. Почти. Самую малость. Я даже занервничала. Может, эту никчемную ты и смог обмануть, но не меня...

— А вот и мамочка пожаловала, — послышался недовольный голос Мордредра, а меня прижали к себе. Мы сидели на траве, а на мои плечи лег тяжелый плащ. — Жадная гусеница, запутавшаяся в своих яблоках. Пока из нас тут делали котлеты, у нее котлетки пригорали. Беда-беда...

— С тобой, предатель, я потом поговорю. Как ты посмел предать родную мать? Ту, что тебя вырастила и выкормила? — с усмешкой произнесла богиня, переводя взгляд на умирающего Артура, а потом на Мерлина. — Вот от тебя, Мор, я меньше всего ожидала предательства! И ты так хотел завоевать любовь матери?

— Нет, я хотел завоевать замок, обнести его частоколом, выкопать ров и жить отдельно, — послышался насмешливый голос Мордред. — Последнее время я мечтал построить свой храм с девушками с низкой сопротивляемостью к подвигам и турнирами. Яблоко от яблони падает недалеко, но больно.

— Значит так, да? — произнесла богиня, глядя на нас с явным недовольством.

— Даже если она захочет переиграть партию снова, в очередной раз повернув время вспять, я найду тебя, — услышала я шепот, а меня поцеловали в кончик носа.

— Я давала вам тысячу шансов доказать, что вы достойны. И каждый раз вы меня разочаровывали, — богиня смотрела на нас, как на идиотов, а я чувствовала, что со свекровью мы не поладим. — Артур! Я прекрасно видела, что ты способен на большее, чем косить под идиота. Так что, увы. Поверь, симпатии были на твоей стороне, но ты сам виноват, поэтому не стоит роптать на судьбу... А я ведь любила тебя...

Артур попытался встать, но тут же упал на колени, а мы с Мордредом подхватили его. Он лежал у нас на руках и провожал взглядом богиню, которая легкой походкой направлялась к Мерлину.

— Когда есть два кандидата, и каждый хорош по-своему, женщине трудно сделать выбор, но... Последний твой поступок меня впечатлил. Никогда бы не подумала, что ты пожертвуешь последним волшебством ради моего сына, который, впрочем, его не заслужил, — богиня снова бросила взгляд на нас.

Артур закашлялся, пытаясь что-то сказать. Вот это воля. Он должен был умереть еще задолго до ее прихода, но держался.

— Прости меня, Гвиневера... За все... Прости... — закашлялся Артур, глядя на меня. — Когда... ты появилась... И я впервые увидел тебя... Я, словно, ожил... Тебя не было в моих снах... Я... Я прежде всего король... А уж потом мужчина... Прости за то, что ты стала женой короля, для которого государство — превыше всего... Счастье, любовь и корону невозможно совместить...

— А я бы попробовал, — усмехнулся Мордред. Артур улыбнулся, положив руку поверх его руки.

— Пробуй. Я отдаю тебе Камелот, — выдохнул Артур, тяжело дыша. Я смотрела на него, понимая, что ему осталась еще пара хриплых вдохов.

— Почему ты не дашь Грааль Артуру? Ты не видишь, что он умирает? — не выдержала я, а богиня обернулась, глядя на меня снисходительно. — Неужели тебе так сложно?

— Он его не заслужил, — подняла брови богиня, обернувшись на мой голос. — Я не раздаю Грааль кому попало... Плохая из тебя богиня судьбы. Дела запущены, а ты тут личную жизнь устраиваешь...

— Кто бы говорил, — огрызнулась я, чувствуя, что знакомство со свекровью у меня не задалось.

— Молчать! Еще одно слово, и я решу, что ты совсем не достойна моего сына. И поверь, я буду поворачивать время вспять до тех пор, пока тебе не удастся мне доказать, что ты его действительно достойна! — богиня посмотрела на меня нехорошим взглядом. — Помни, я временно дала тебе свою силу. Как только ты умрешь, твоя сила вернется ко мне обратно.

— А ты, вижу, неплохо устроилась, — вмешался Мордред, прижимая меня к себе. — Мы тут все друженько, не покладая нервной системы работаем на благо богини судьбы... Добро пожаловать, в наши скромные ряды!

Гнев богини нарастал с каждой секундой, но тут послышался стон и кашель. Она обернулась, глядя на умирающего Мерлина.

— Любимая, — прошептал он, протягивая к ней руку. — Я никогда не предавал тебя... Все, что я делал, я делал для тебя. Я любил тебя, ревновал к Артуру, иногда ненавидел его, понимая, что мне придется заботиться о нем, учить его быть королем.

— Это было твоим испытанием, — усмехнулась богиня, склонившись над ним. — И ты меня предал. Ты возжелал Грааль, а это — предательство, мой дорогой ученик.

— Я мечтал о бессмертии для того, чтобы вечно быть с тобой... — слабо улыбнулся Мерлин, глядя ее щеку окровавленной рукой. — Я не хотел терять тебя... А годы шли... Я стал дряхлым стариком, которого ты быстро позабыла... Но я не мог тебя забыть... Неужели желание вечно быть с тобой любой ценой и есть предательство? Но теперь все кончено, моя дорогая. Моя любовь умирает вместе со мной...

Она вздохнула, глядя на Мерлина с улыбкой. В руках богини появился невзрачный кубок, а Мерлин положил руку поверх ее руки.

— Только из моих рук, Мерлин, — улыбнулась она, а Мерлин сделал глоток. Затаив дыхание, я смотрела на то, как его седые волосы превращались в золотые локоны, морщины на лице разглаживались, длинная борода уменьшалась, а костлявая старческая рука превращалась в молодую крепкую ладонь, которая тут же схватила богиню за руку и вырвала у нее из рук чашу.

— Как ты посмел! — закричала она, глядя на молодого Мерлина, а тот рассмеялся. — Ты снова предал меня!

— А вот и нет, — ответил Мерлин, глядя на Артура и направляясь к нам. — Я не предавал тебя, богиня. Я всего лишь выполняю твою волю. Ты сама сказала мне заботиться об Артуре.

— Мерлин, — испуганно прошептала богиня, протягивая руку, но Мерлин улыбнулся. Грааль прикоснулся к губам Артура, а тот глубоко вздохнул. Ссадины и раны, полученные в битве, исцелялись, а чародей смотрел на богиню и продолжал улыбаться.

— Было время, когда я любил тебя, ревновал и готов был идти за тобой хоть на край света. Я готов был поклоняться тебе, творить чудеса, заставляя людей снова поверить в тебя. Но это время прошло, — усмехнулся Мерлин, глядя, как Артур отстраняет кубок и встает на ноги, недоверчиво глядя на Мерлина, который ему подмигнул. — Помнишь, чему я тебя учил, Артур? Никогда не полагайся на судьбу. Твоя судьба в твоих руках. Пойдем. Ты заслужил счастье и покой... Она ничего не сможет сделать. Теперь она — простая смертная, не способная ни на что, кроме как злиться на нас. Она никак не может понять одного. Мы просто устали от этой игры, в которой еще ни разу не было победителей.

— Но я же дала тебе Грааль! — закричала богиня, но тут же бросилась к Артуру. — Артур! Я всегда любила тебя! Я выбираю тебя! Мерлин предал меня! Мордред! Сынок! Он отобрал Грааль!

— Извини, мама, у меня руки заняты, — ядовито заметил Мордред, обнимая меня и прижимая к себе. — Ничем не могу помочь.

Богиня негодовала, обещала устроить нам столько испытаний, что пережить их сможет только обладатель минимум девяти жизней. А Мерлин смотрел на нее снисходительно.

— Ах да, я забыл! — внезапно произнес чародей, обращаясь на бывшую богиню, которая затравленно смотрела по сторонам, понимая, что проиграла. — У тебя там котлетки пригорают! Прощай!

Мерлин взмахнул рукой, и богиня исчезла. Я смотрела на Артура, который провожал ее взглядом.

— Да, когда-то я тоже любил ее. И готов был отдать за нее жизнь..., — вздохнул Артур, с грустью глядя на то, место, на котором она только что стояла. — Я прожил десятки жизней и пережил десяток смертей и устал кому-то что-то доказывать...

Мерлин посмотрел куда-то вверх, провел рукой, а я увидела в странном облаке красивую молодую женщину в роскошном платье и светловолосого мальчика. Малыш показывал матери, как он умеет сражаться с кустами деревянным мечом. «Галахад! Ты — настоящий рыцарь!», — улыбнулась красавица, обнимая ребенка, который подбежал к ней, рассказывая о том, что только что победил злого дракона. «Еще бы! Я поклялся защищать маму! Ее же никто не защитит, кроме меня!», — звонко произнес малыш,

снова порываясь в бой.

Пока я с улыбкой смотрела на нежную улыбку матери, слышался голос Мерлина.

— Они тоже заслужили счастье. Кто знает, может быть, вы сможете разделить его? — негромко произнес Мерлин, обращаясь к застывшему на месте Артуру. «Мама, мы кого-то ждем?», — встревоженно спрашивал ребенок, глядя на задумчивую мать. «Да, мы кого-то ждем, но я знаю кого...», — отозвалась красавица, погладив сына по голове и растерянно глядя вдаль.

— Я стер им память о предательстве и предателе, променявшего их на престол, — усмехнулся Мерлин, пока Артур с улыбкой смотрел на мальчугана и его мать. «Осторожней, Галахад!», — воскликнула красавица, когда малыш потерял равновесие и чуть не завалился в кусты.

— Но они же ждут не меня... — с горечью произнес Артур, глядя на счастливую семью.

— Мне кажется, что они ждут того, кто обменяет престол на простое человеческое счастье, — вздохнул чародей, а потом обернулся к нам и протянул мне чашу. — Вот, богиня, это твой Грааль. А мы поспешим к будущему рыцарю, который будет хранить его, как зеницу ока. Однажды мы обязательно вернемся, когда страна будет в опасности. Наше время прошло. Я слишком стар.

— Мерлин, — слышался насмешливый голос любимого. — Я тебя все равно недолюбиваю, так что иди-ка ты в...

Я видела улыбку на лице Мордреда. Мерлин усмехнулся, глядя на нас.

— ... в легенду.

Эпилог

Я переключал свои рукописи по стопкам, как вдруг слышался детский голосок. Дверь открылась, а я обернулся с улыбкой. И кто бы это мог быть?

— Мерлин! Мерлин! Я закончил! — с этим криком маленький Галахад влетел в мою скромную комнату. На стол легли рисунки, а мальчишка смотрел на меня и ждал, когда я возьму их в руки. — Для твоей легенды про короля Артура!

— Ну что ж, сейчас посмотрим, в какую из них подойдет! — усмехнулся я, беря первый листочек. На нем был нарисована девушка с тремя ногами.

— Это ты — Мерлин! — гордо произнес Галахад, пока я рассматривал его со всех сторон. Нет, конечно, будь у меня три ... ноги, то, возможно бы, судьба сложилась бы иначе. — Я даже посох твой нарисовал! Вот он!

Да, посох у меня отличный! Я с улыбкой посмотрел на юного художника, который переминался с ноги на ногу.

— Мы его, пожалуй, положим в легенду о том, как Артур еще не стал королем, — согласился я, беря в руки первую стопку. Я вспомнил все, что было, и у меня получилось несколько легенд. И вот теперь я смотрю на них и понимаю, что каждая из них по своему хороша.

— А это что? — спросил я, приглядываясь ко второму рисунку. На нем была нарисована девушка, а рядом... Я присмотрелся и увидел ... чей-то простите... «гавейн», прорисованный явно взрослой рукой. Над «гавейном» кружились мухи, а я вопросительно посмотрел на Галахада.

— Это Ланцелот и Гвиневра! — радостно сообщил мне мой юный ученик, пряча улыбку.

— И кто же тебе помогал? — прищурился я, поглядывая на тщательно прорисованных мух. — Неужели Артур?

— Нет! Папа еще не видел! — замялся Галахад, а я усмехнулся, а потом вздохнул. — Мне помогал старший брат Мордред! Он приходил сегодня к папе! Пока они разговаривали о Камелоте, я спросил у них, как выглядел этот Ланцелот. Он сел и нарисовал вот это, а потом сказал, что он — художник, и он так видит. Но Гвиневу я рисовал сам! Она сидела и позировала мне! Так в какую легенду мы положим этот рисунок? В ту легенду про любовь Ланцелота и Гвиневы?

Я смотрел на рисунок, понимая, что не знаю, осуждать его или Вивьен.

— Его мать, Вивьен, мечтала, что ее сын станет королем и воспитывала его, как будущего короля, — заметил я, глядя на Галахада, который был так похож на него внешне и даже не догадывался, чей он сын на самом деле.

— Ты ведь сам меня учил! Или ты сам управляешь своей судьбой, или кто-то управляет за тебя! Но помни, ответственность несешь ты сам! — выпалил Галахад, а я потрепал его по голове. — А, правда, что он исчез?

— Да, тогда Ланцелот исчез. Через несколько месяцев его видели в лесу Броселианд. Оборванный, грязный, он ходил и бормотал о том, что он — истинный король Британии! Он кричал путникам, чтоб они поклонились ему, как королю. Сэр Гавейн изловил его по приказу короля Мордреда и поселил в своем замке. Ланцелот притих, но каждое утро, с первыми лучами солнца, он встает и идет к озеру, чтобы уйти на закате. «Дай же мне Эскалибур, чтобы я доказал всем, что я — истинный король!», — кричит он и ждет, что ему ответят.

— Да, — вздохнул Галахад. — Грустная история... Прямо как история, где папа пытался своими руками сделать шкаф, но получился круглый стол...

И тут послышался возмущенный голос Артура: «Да никогда! Камелот — столица Британии! Не позволю!». «Лондиниум никогда не будет столицей!», — ревел он. «Во-первых, не Лондиниум, а Лондон. Правда его так назовут через несколько веков. Во вторых не Британии, а Великобритании!», — слышался голос Мордреда. «Нет!!!», — бушевал Артур. «Я тут, между прочим, восстанавливаю историческую справедливость. Даю, так сказать, предпосылки! Вот зачем ты споришь с человеком, у которого есть высшее образование?», — послышался голос Мордреда. «Ты не посмеешь!», — кричал Артур, а в комнате что-то грюкнуло. «Ты свой шкаф не сломай, который... сейчас круглый стол! Я вот смотрю у тебя все круглое! Даже умывальник! Видимо, для того, чтобы бактерии тоже чувствовали себя равноправными!», — слышался язвительный голос Мордреда. «Только через мой труп!» — в голосе Артура прозвучала сталь. «Так это будет через много веков!», — слышался голос Мордреда и яростное сопение Артура. «Погоди-ка! А что ты там про диплом говорил?», — услышал я голос Гвиневы. «Как бы ничего!», — заметил Мордред. «Тише, не нужно ссориться!», — прозвучал голос Элейн. «Я обещал, что вернусь тогда, когда буду нужен своей стране! Когда снова воцарится несправедливость!», — гордо заметил Артур. «Мы потренируемся его удерживать во время крестовых походов!», — заметил Мордред.

Я прислушался, слыша, как сопит Артур. В свое время я не стал расстраивать Артура, рассказывая ему про корги и Тауэр.

— У нас сэр Гавейн женился, — слышался голос Мордреда, а я слышал смех Гвиневы. — Точнее, мы его женили. На вполне крепкой и бодрой старушке...

Артур поперхнулся, а я вспомнил, как однажды красавица — служанка улыбнулась Артуру, а одна очень ревнивая богиня, наказала ее, обратив в старуху. «И будешь ты старухой до тех пор, пока тот, кому ты улыбалась, не женится на тебе и не поцелует тебя!».

— Сэр Гавейн решил в очередной раз взять матч реванш с зеленым великаном, но битва закончилась полным разгромом печени. Великан все не появлялся, поэтому сэр Гавейн решил найти его самостоятельно и уничтожить ничего не подозревающего врага. Оседлав коня, доблестный рыцарь ускакал по старой памяти, но она решила ему изменить, поэтому наш доблестный герой оказался в дремучем лесу.

— Мы, конечно, очень ценим его подвиги, — слышался смеющийся голос Гвинеvры. — Поэтому пришлось познакомиться его с одной старушкой, которая согласилась вывести его из леса и запоя. «Пообещай, что женишься на мне, если я помогу тебе выбраться!», — репетировали мы вместе с будущей женой сэра Гавейна.

— Мы ожидали всего, мы даже готовили ее морально к возможному отказу, но вот крики на весь Броселианд: «Постой, красавица!» с последующей погоней за бабушкой, нас слегка удивили, — продолжил Мордред. — Как там было? «О, прекрасная дева! Я отвезу вас в им! В Камелот!» — орал Гавейн, загоня нашу старушку по лесу. Она как-то не ожидала такой реакции, поэтому скромно пряталась от рыскающего по кустам Гавейна, который едва стоял на ногах. Но, старость — не радость, поэтому вскоре старушку привезли в Камелот. Точнее, ее почти довели, но в какой-то момент хмель начал выветриваться, и бедный Гавейн собирался повернуть обратно, но не тут — то было. Мы уже были тут как тут, намекая, что раз спас, то придется жениться. Пришлось даже угрожать ему, пользуясь служебным положением. «А как же правая рука короля?», — спросил Гавейн.

— «Правая рука короля не заменит жену!», — выдал Мордред, и на этой фразе я уже тихо рыдала. Гавейн привел старушку в Камелот. «Моя будущая жена!», — кисло заметил Гавейн, и, судя по взгляду, решил завязать все. И с алкоголем и на узелок, — смеялась Гвинеvра. — Да — да! Так оно и было! Любимый, не надо на меня так смотреть!

— Ладно... Пока бедолага откладывал кирпичи на свадьбу, мы решили, что фундамент будущих отношений уже отложен, и откладывать столь торжественную церемонию бессмысленно, поэтому провели ее незамедлительно, — продолжал Мордред, а я слышал, как Артур и Элейн смеются. — Жених и невеста должны скрепить узы брака поцелуем, но пока самые слабонервные рыцари отворачивались, Гавейн понял в какой «гавейн» вляпался. Битый час мы уговаривали его поцеловать невесту, и, в конце концов, он согласился.

— А на ее месте стоит красавица! Гавейн долго протирает глаза, пока остальные громко завидовали, — закончила Гвинеvра, а я посмотрел на еще одну легенду про рыцарей круглого стола и отложил ее в стопку других легенд.

— А Лоегрин вернулся к Эльзе? — спросил Галахад. — Как папа к нам?

— Да, друг мой, вернулся, — ответил я, глядя на своего будущего ученика.

— А зачем ты все это записываешь? — не унимался Галахад, листая мои легенды. — Неужели кому-то это будет интересно?

— Ну как же! Это же история! Через много веков про это будут писать книги, снимать фильмы. Однажды ты сам это увидишь, — задумчиво произнес я, слыша, как Гвинеvра баюкает маленького наследника.

— Зачем тебе столько легенд, Мерлин? — спросил любопытный Галахад, глядя на мои стопки бумаг, которые я бережно разложил по порядку. — Они ведь все разные! В этой Ланцелот спасает Гвинеvру и отвозит ее на Авалон, а Мордред оказывается злым предателем. В этой Гвинеvра выходит замуж за Мордреда, а предателем оказывается Ланцелот. В этой легенде Артур и Мордред сражаются друг против друга, а здесь плечом к плечу... Люди ведь запутаются... Ну мне так кажется...

Я посмотрел на все, что удалось вспомнить и записать, а потом задумчиво перевел взгляд на маленького Галахада, который нетерпеливо ждал ответа. Да, из него получится хороший ученик. Когда мальчишка подрастет и станет хранителем Грааля, про него тоже напишут легенды, сложат песни. Я вздохнул и покачал головой:

— Пусть каждый выбирает свою легенду, так же, как выбирает свою судьбу. Старый Мерлин просто рассказал все, как было на самом деле.

КОНЕЦ

